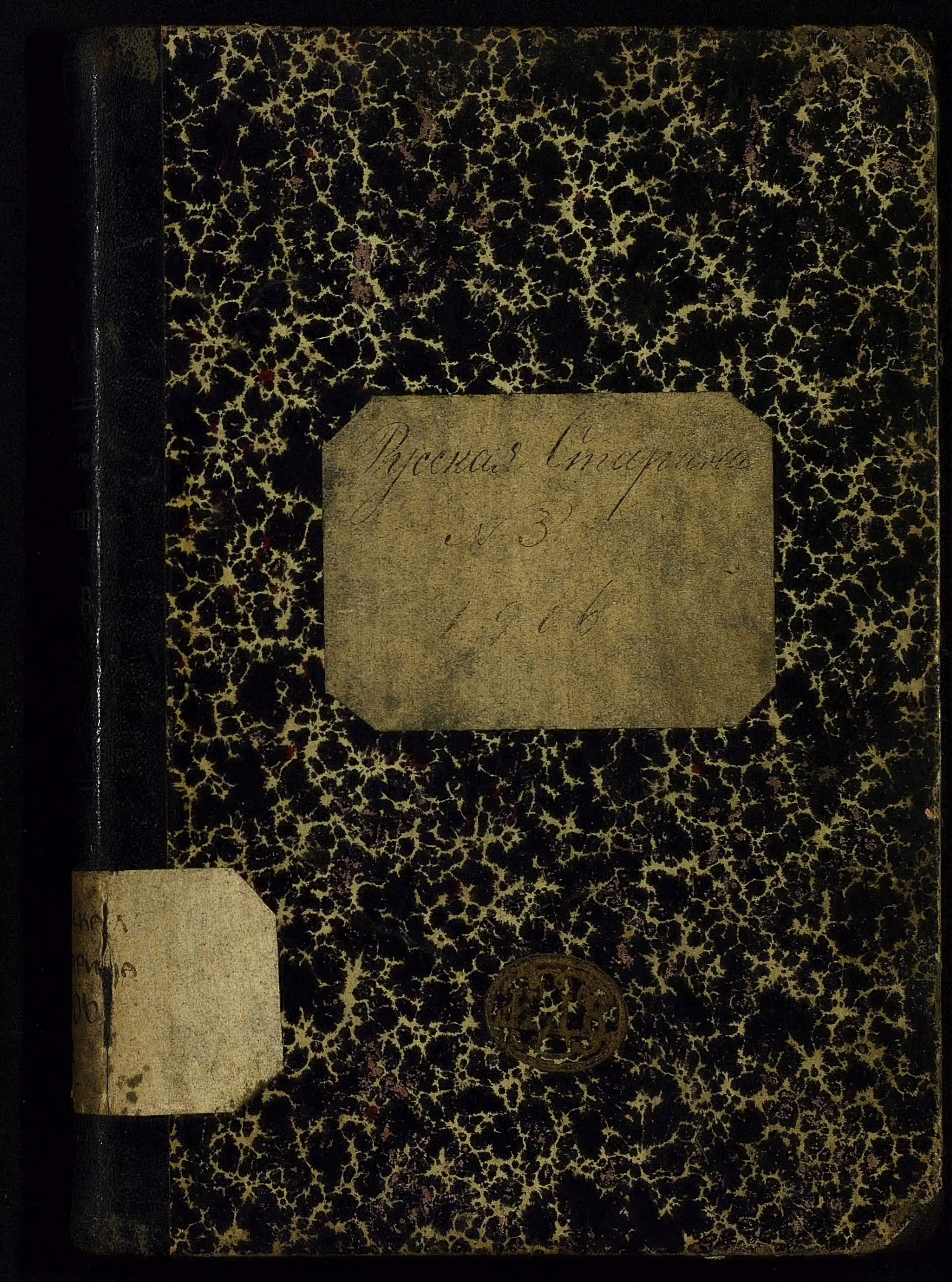
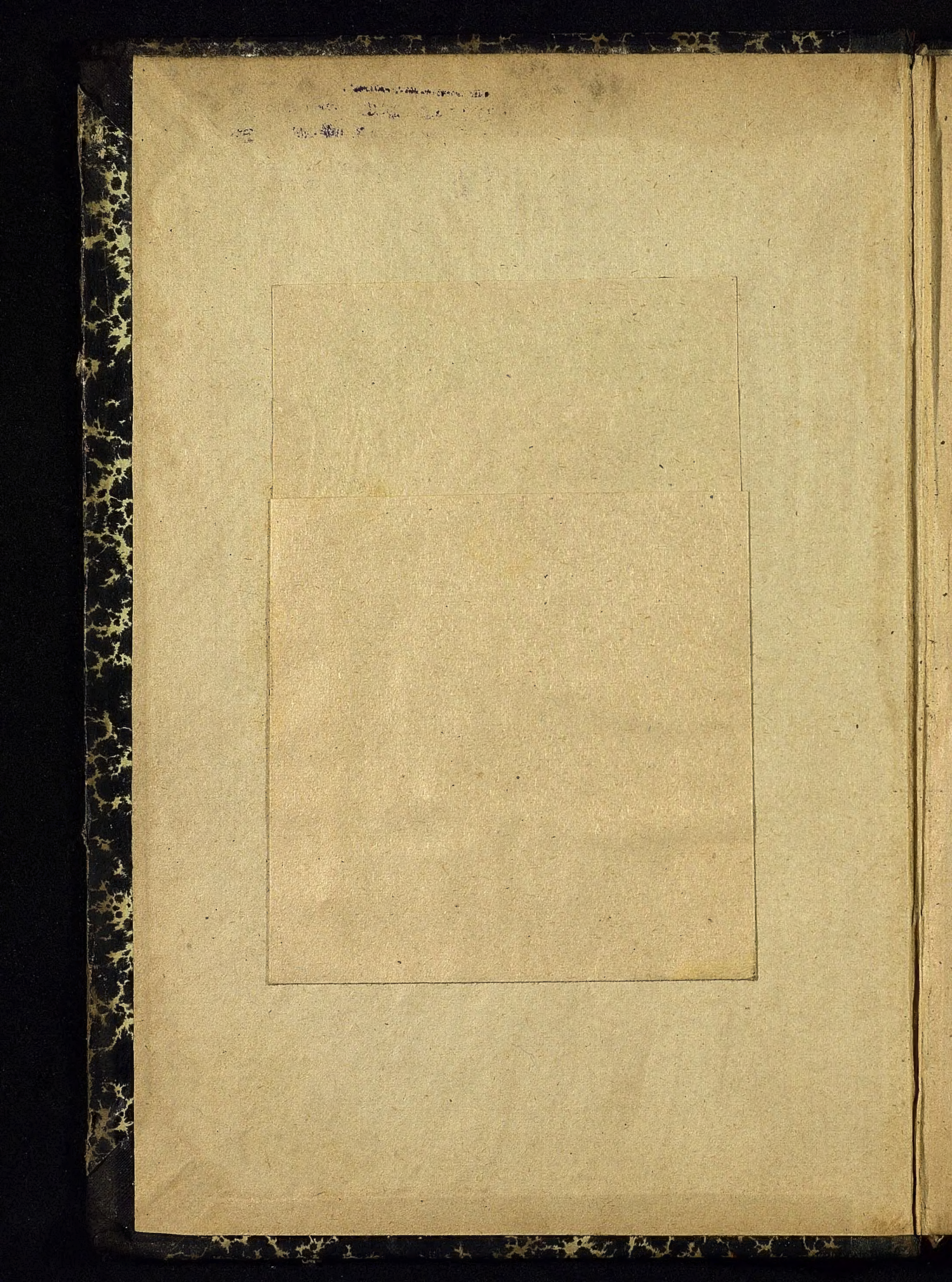
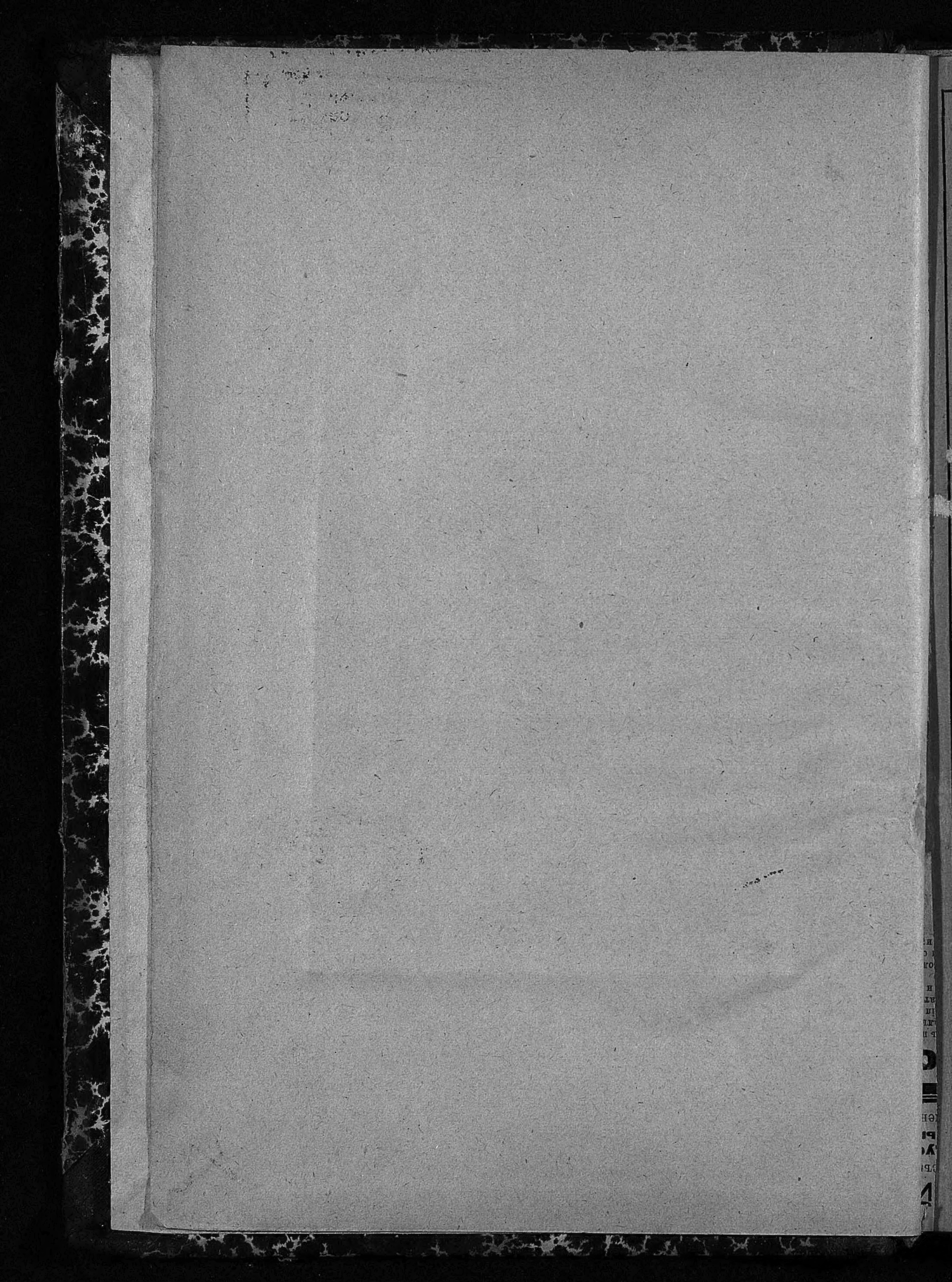

Русская Старина
№ 3
1906

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXVII-й. МАРТЪ. 1906 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1906 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко), Фонтанка, 117.
1906.

III-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го марта 1906 года.

Библіографическій листокъ.

Лихунчжанъ или политическая исторія Китая за послѣднія 40 лѣтъ. Сочин. Лянцичао. Перевели съ китайскаго А. Н. Вознесенскій и Чжанчинтунъ. Съ предисловіемъ Чжанчинтуна. Изд. В. Березовскаго. Спб. 1905 г. Цѣна 2 р.

Авторъ разсматриваемаго нами сочиненія, Лянцичао,—одинъ изъ реформаторовъ Китая, стоящихъ во главѣ прогрессивнаго движенія. Какъ извѣстно, въ 1898 г. въ Пекинѣ произошли важныя политическія перемѣны, и Лянцичао искалъ убѣжища въ Японіи, гдѣ онъ находится и до сихъ поръ. Его перу принадлежатъ труды: „Душа Китая", „Свобода", „Журналъ нововведеній" и др. Въ сочиненіи о Лихунчжанѣ не только подробно и съ большою живостью изложены событія въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ, но дается также краткій обзоръ постепенныхъ перемѣнъ государственной жизни Китая. Это сочиненіе произвело большое впечатлѣніе среди восточно-азіатской прессы и представляетъ интересъ и для русской публики, даже не занимающейся спеціально вопросами Дальняго Востока.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что личность Лихунчжана займетъ видное мѣсто въ китайской исторіи на долгія времена точно такъ же, какъ безспорно и то, что въ всемірной исторіи XIX вѣка онъ займетъ не послѣднее мѣсто. Широкая популярность Лихунчжана,—этого Бисмарка Дальняго Востока, какъ его называли въ Россіи,—и симпатіи къ нему русскаго общества понятны: онъ, видѣвшій залогъ прогресса въ международномъ общеніи, подписалъ въ 1896 г. Манчжурскую конвенцію. Это обстоятельство могло дать основаніе Россіи отнестись теплѣе, чѣмъ къ кому-либо другому, къ памяти Лихунчжана. Въ то время, какъ въ Россіи питали къ нему симпатіи,—въ Китаѣ большинство чувствовало иное.

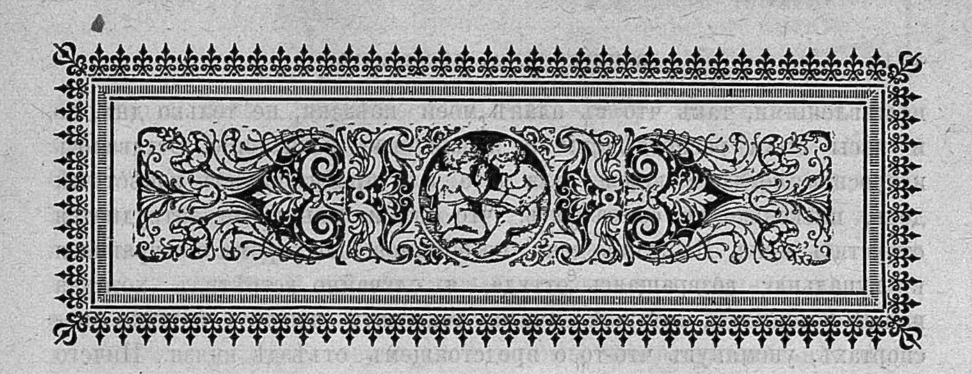
Лихунчжана можно упрекать за промахи скорѣе во внутренней политикѣ, нежели во внѣшней. Вотъ полное прозорливости письмо его къ Ито въ Симоносеки по вопросу о территоріальныхъ уступкахъ: „Вся территорія государства есть наслѣдственное, неотчуждаемое владѣніе, завѣщанное предками, а Мукденъ, кромѣ того, есть тотъ пунктъ, изъ котораго дано счастіе нашимъ священнымъ основателямъ династіи... Захватомъ территоріи къ югу отъ Мукдена Японія нанесла бы ужасный ударъ національному самолюбію народа, въ сердцѣ котораго съ этихъ поръ запала бы навсегда мысль объ отомщеніи. Значеніе Японіи поднялось; большее или меньшее количество присоединенной территоріи не будетъ имѣть вліянія на дальнѣйшее увеличеніе значенія Японіи, но оно явится тѣмъ основнымъ условіемъ, которое опредѣлитъ весь дальнѣйшій ходъ взаимныхъ отношеній двухъ націй".

Кромѣ своего общеизвѣстнаго имени Лихунчжанъ носилъ еще имя Цзянфу и Шаоцюнь. Онъ родился въ провинціи Анхуй, въ области Люйчжоу и уѣздѣ Хэфэй, въ 1823 г. Молодые годы Лихунчжанъ провелъ въ обученіи у обыкновеннаго учителя, затѣмъ готовился къ государственнымъ экзаменамъ, которые и выдержалъ, получивъ сразу ученыя степени магистра и доктора. Въ это время ему было 25 лѣтъ. Съ молодостью его совпало то время, когда въ Европѣ давно прошли раскаты грома революціи, сошелъ со сцены Наполеонъ. Державы не вели больше войнъ, занятыя мирнымъ развитіемъ своихъ естественныхъ силъ, чтобы перенести ихъ на Востокъ.

Въ теченіе своей жизни Лихунчжанъ занималъ слѣдующіе посты: старшаго государственнаго секретаря, главноначальствующаго Бэйяномъ, члена коммиссіи по иностраннымъ дѣламъ, главнаго торговаго коммиссара, губернатора провинціи Цзянсу, генералъ-губернатора Хугуана, Лянгуана, Лянцзана и Чжили. Этотъ перечень свидѣтельствуетъ, что онъ занималъ исключительное положеніе.

Мѣропріятія Лихунчжана могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: относящіяся къ военному дѣлу,—какъ заказы военныхъ судовъ и орудій, самостоятельная постройка судовъ и издѣліе военныхъ принадлежностей, постройка крѣпостей, сооруженіе доковъ и т. п.; вторая группа—мѣропріятія, относящіяся къ торговымъ сношеніямъ, какъ: желѣзныя дороги, морскія акціонерныя компаніи, компаніи прядильныхъ фабрикъ, телеграфъ, оборудованіе каменноугольныхъ копей, золотыхъ пріисковъ и др. Среди этихъ мѣропріятій—такія, какъ открытіе школъ и посылка молодыхъ людей за границу для полученія образованія, преслѣдовали главнымъ образомъ чисто военныя цѣли. На развитіе сухопутныхъ и морскихъ силъ Лихунчжанъ тратилъ всѣ свои силы въ теченіе всей жизни. Благодаря своимъ военнымъ успѣхамъ (усмиреніе тайпинговъ и няньфэевъ), онъ достигъ высокаго положенія; этими успѣхами онъ былъ обязанъ тому, что преобразовалъ свою армію по образцу иностранныхъ, проведя нѣсколько времени среди европейскихъ войскъ и имѣя случай убѣдиться въ превосходствѣ ихъ боевыхъ средствъ. Онъ ясно видѣлъ при этомъ, что китайскихъ силъ вполнѣ достаточно для подавленія внутреннихъ волненій и вовсе недостаточно для защиты извнѣ, и военному дѣлу отдавалъ всѣ свои силы, считая его вопросомъ первостепенной важности.

Что касается причины неудачъ Лихунчжана, то она кроется, во-первыхъ,—въ тѣхъ нападкахъ по его адресу, которыя мѣшали ему, и, во-вто-

Записки В. А. Инсарскаго.

VIII [1]).

Мое возвращеніе въ Петербургъ.—Неожиданное отправленіе меня курьеромъ къ государю.—Внезапная рѣшимость князя ѣхать въ Петербургъ.—Поѣздка въ Красное Село, гдѣ находился государь.—Свиданіе мое съ Милютинымъ, графомъ Ламбертомъ и графомъ Адлербергомъ.—Пріѣздъ князя.—Рѣшеніе Мингрельскаго дѣла.—Политическая бесѣда князя съ государемъ.—Стѣснительное положеніе Милютина.—Вліяніе князя на польскія дѣла и особенно на образованіе Варшавскаго управленія.—Графъ Ламбертъ—намѣстникъ, Герштенцвейгъ—генералъ-губурнаторъ.—Переселеніе наше въ Царское Село.—Мое личное положеніе-—Всеобщій разъѣздъ: государя въ Россію, князя за границу и графа Ламберта въ Варшаву.—Прощаніе съ княземъ.—Его задумчивое состояніе.

Дѣловыя мои обязанности въ Дрезденѣ кончились. Всѣ дѣла, какія накопились у князя, пущены въ ходъ, такъ что въ теченіе нѣсколькихъ дней я оставался уже рѣшительно безъ дѣла и главнымъ моимъ занятіемъ было читать разныя запрещенныя русскія книги, изданныя заграницей, которыми самъ князь меня снабдилъ въ величайшемъ изобиліи.

Частію по собственнымъ соображеніямъ, а частію по совѣту моихъ друзей я предположилъ воспользоваться этимъ свободнымъ временемъ и слетать на нѣсколько дней „въ мѣстечко Парижъ", чтобы имѣть какое-нибудь понятіе объ этомъ новомъ Вавилонѣ. Друзья мои, столь опытные вообще въ заграничныхъ путешествіяхъ и столь знакомые съ этимъ „мѣстечкомъ", снабдили меня всевозможными совѣтами и

[1]) См. „Русскую Старину" февраль 1906 г.

наставленіями, такъ что въ планѣ моей поѣздки, не только дни, но и часы были распредѣлены и имѣли свое назначеніе. Оставалось испросить согласіе князя, для чего я и предназначилъ извѣстный день, нисколько не сомнѣваясь, что онъ и минуты не затруднится отпустить меня. Въ этотъ день, по обыкновенію, утромъ я отправился въ купальню; возвращаясь оттуда, я случайно встрѣтилъ хозяина нашей гостиницы, который началъ толковать что-то о нашихъ паспортахъ, упомянувъ что-то о предстоящемъ отъѣздѣ князя. Ничего не понявъ изъ запутанныхъ объясненій нѣмца, я переодѣлся и отправился къ князю, предполагая изложить ему мою просьбу относительно поѣздки въ веселое „мѣстечко". При самомъ появленіи моемъ князь вскричалъ:

— А! любезнѣйшій Василій Антоновичъ! Чувствуете ли вы, что сегодня же отправляетесь въ Петербургъ курьеромъ къ государю?

Я ушамъ своимъ не вѣрилъ, до такой степени это извѣстіе было непредвидѣнно и неожиданно. Я молчалъ. Князь продолжалъ:

— Возьмите это письмо, вложите въ пакетъ, запечатайте и помогите мнѣ сдѣлать надпись.

Когда письмо государю было запечатано и надписано, князь, вручивъ его мнѣ, сказалъ:

— Отправьтесь сегодня же.

Затѣмъ князь сталъ давать мнѣ наставленія, какъ устроить для него при его поѣздкѣ въ Петербургъ, которая должна послѣдовать вслѣдъ за мною, остановки въ Динабургѣ и Ковно, какъ распорядиться относительно почетныхъ карауловъ, что передать тамъ мѣстнымъ начальникамъ и т. п.

Это былъ уже часъ второй, а поѣздъ отходилъ, если не ошибаюсь, часа въ три. Слушая пространныя наставленія князя, я думалъ про себя: „когда же вы отпустите меня, ваше сіятельство? Когда же я успѣю уложиться, разсчитаться съ гостиницей и поспѣть къ отходу поѣзда"? Но князь, какъ я и выше замѣчалъ, не только не обращалъ никогда вниманія на эти мелочныя подробности, но едва-ли не намѣренно любилъ ставить человѣка въ самое затруднительное положеніе. Такъ точно было и здѣсь. Кончивъ наставленія относительно сношеній моихъ съ ковенскими и динабургскими властями, князь сказалъ:

— Да вотъ еще! Все забываю вамъ отдать!

Съ этими словами онъ взялъ какую-то бумагу со стола и, вручая ее мнѣ, продолжалъ:

— Надобно немедленно отвѣчать. Пожалуйста, напишите отвѣтъ и пришлите мнѣ. Ну, прощайте. Дайте я васъ обниму.

Понятно, съ какимъ сумбуромъ въ головѣ я вышелъ отъ князя.

До отхода поѣзда оставалось не болѣе часу. Возвратясь въ свою комнату, я неистово закричалъ: „укладываться! Сейчасъ ѣдемъ! Счетъ"! Камердинеръ мой бросился, какъ угорѣлый. На помощь ему явился камердинеръ Харитонова, и дѣло у нихъ закипѣло. Но я рѣшительно не зналъ, что дѣлать съ бумагою, которою наградилъ меня князь. Бросить ее и не исполнить его приказаніе рѣшительно было невозможно. Тоже невозможно было въ короткое время, остающееся до отъѣзда, составить черновую и потомъ, что отвратительнѣе всего, самому же переписать. Я присѣлъ было къ письменному столу, но, подавляемый боязнью опоздать на желѣзную дорогу, рѣшительно не могъ собрать мыслей. Въ этомъ стѣсненномъ положеніи, я потребовалъ къ себѣ П—о, началъ обнимать его, увѣрять въ вѣчной моей дружбѣ и умолять выручить меня изъ бѣды. Я передалъ ему на словахъ, что, по моему мнѣнію, слѣдовало написать, и просилъ составленный, въ этомъ видѣ, проектъ представить князю. Коварный грекъ, на мое счастіе, согласился, не столько, конечно, вслѣдствіе моихъ просьбъ, сколько въ виду довольно цѣннаго счастія, хоть на минуту сдѣлаться докладчикомъ князю. Частью уложивъ и частью уничтоживъ весь хламъ, которымъ заваленъ былъ мой рабочій столъ, я вздохнулъ свободно и потребовалъ шампанскаго. Обмѣнявшись тостами и взаимными пожеланіями съ моими пріятелями, я, въ сопровожденіи ихъ, отправился на станцію желѣзной дороги и между вторымъ и третьимъ звонками успѣлъ вскочить въ вагонъ.

Чѣмъ же объясняется и поспѣшность моего внезапнаго отправленія въ Петербургъ, и столь же внезапная рѣшимость самого князя ѣхать туда? Изъ совокупности различныхъ свѣдѣній, сюда относящихся, оказывается слѣдующее. Извѣстія, привезенныя мною, объ отношеніяхъ князя къ Петербургу, повидимому, глубоко затронули его и сдѣлались главнымъ предметомъ переварки „въ его кухнѣ". Весьма вѣроятно, что и другія извѣстія отъ братьевъ князя сходствовали съ моими и говорили, что отношенія его къ Петербургу сильно поколебались. Вотъ слова, по удостовѣренію Зиновьева, сказанныя ему самимъ княземъ:

— „Надо ѣхать въ Петербургъ и поближе посмотрѣть на работу моихъ друзей: если они окончательно уже подкопались подъ меня, то нечего дѣлать; а если еще не совсѣмъ, то, быть можетъ, удастся разрушить и завалить ихъ подкопы".

Слова эти показывали, что у князя былъ уже готовый, выработанный планъ разрушенія этихъ пріятельскихъ подкоповъ. Отрывочныя фразы, которыя онъ иногда произносилъ предо мною, а главное послѣдующія обстоятельства объяснили, что планъ этотъ основанъ былъ на политическихъ обстоятельствахъ этого времени. Польша на-

чинала уже глухо волноваться и отголоски предстоящей бури князю, за границей, конечно, были слышнѣе, чѣмъ кому-либо внутри Россіи. Часто, касаясь современнаго политическаго положенія нашихъ дѣлъ и, разумѣется, болѣе или менѣе критикуя ихъ, князь говорилъ:

— Я удивилъ бы ихъ, если бы мнѣ дали распорядиться!

Кого князь хотѣлъ удивить, чѣмъ предполагалъ распорядиться, я плохо понималъ, не имѣя ни достаточныхъ силъ, ни особенной охоты забираться въ политическую высоту, но видѣлъ, что слова князя относятся даже не къ Кавказу, собственно, но вообще къ государству. Несчастное увлеченіе!

Припоминаю вновь слова одного изъ Кочубеевъ, что князь никогда не думаетъ о настоящемъ, а всегда о будущемъ. Слова эти можно перевести и такимъ образомъ: „Князь никогда не доволенъ настоящимъ, а всегда требуетъ чего-нибудь отъ будущаго“! Такъ точно было и здѣсь. Мало было ему Кавказа, мало славы покорителя Шамиля, мало самаго высшаго положенія въ военномъ мірѣ! Захотѣлось сдѣлаться политическимъ дѣятелемъ и едва-ли не это желаніе было главной причиной упадка его!

Какъ бы то ни было, князь рѣшился видѣться съ государемъ и писалъ о томъ его величеству. Государь въ то время собирался ѣхать куда-то въ Россію, первоначально, а потомъ, въ Крымъ и на Кавказъ и поэтому отвѣчалъ князю, что всего лучше устроить ихъ свиданіе въ Крыму. Но князь не раздѣлялъ этого мнѣнія и даже объяснялъ намъ причины, по которымъ онъ находилъ это предположеніе для себя невыгоднымъ. Главнѣйшею изъ нихъ было то, что князь тамъ, въ Крыму, не могъ быть помѣщенъ въ одномъ зданіи съ государемъ, а гдѣ-то отдѣльно и въ значительномъ отдаленіи. Князь даже подробно описывалъ, какъ и гдѣ стоитъ дворецъ государя, и то помѣщеніе, которое, по его предположеніямъ, ему отведутъ. „Можетъ случиться, что пріѣдешь къ государю“, говорилъ князь, „а онъ занятъ, надо дожидаться вмѣстѣ съ другими, а то и просто возвратиться домой ни съ чѣмъ; вообще непріятно“! Такимъ образомъ, вѣроятно, сильно увѣренный въ добротѣ и расположеніи къ нему государя, князь рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ и застать тамъ государя, до его отъѣзда. Именно съ этимъ-то письмомъ онъ и погналъ меня такъ неожиданно въ Петербургъ.

Въ жаркій іюльскій день, вечеромъ, я прикатилъ въ нашу сѣверную Пальмиру. Еще на дорогѣ я узналъ, что государь, военный министръ и вся военная знать въ Красномъ Селѣ, на маневрахъ, куда и мнѣ, разумѣется, слѣдовало тотчасъ отправиться. Пока я переѣзжалъ со станціи желѣзной дороги въ свою обычную гостиницу „Парижъ“, пока мѣнялъ свой гардеробъ и, вообще, приводилъ свою фигуру въ

надлежащій порядокъ, наступилъ, рѣшительно, вечеръ, когда по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, поѣзда желѣзной дороги въ Красное Село уже прекратились. Оставаться до другаго дня я положительно не смѣлъ, и потому, подрядивъ на какихъ-то исключительныхъ условіяхъ, двухмѣстную карету, я помчался въ ней въ Красное Село. Чрезъ часъ я былъ уже тамъ, и можно безъ преувеличенія сказать, что никогда наемная карета такъ быстро не летѣла, никогда наемный кучеръ не былъ такъ щедро награжденъ, какъ въ настоящемъ случаѣ. Тѣмъ не менѣе, когда я прибылъ въ Красное Село, была уже ночь. Отыскавъ домъ, гдѣ помѣщался Милютинъ, и войдя въ его комнаты, я узналъ, что онъ у государя. Въ ожиданіи его возвращенія мнѣ подали великолѣпный ужинъ, которымъ я и не оставилъ воспользоваться. Въ это же время различные офицеры, находившіеся въ его комнатахъ, передали мнѣ различныя петербургскія новости и въ числѣ ихъ ту, что графъ Карлъ Ламбертъ назначается варшавскимъ генералъ-губернаторомъ.

Скоро возвратился и Милютинъ, такой же милый, добрый и привѣтливый, какъ и всегда. Я передалъ ему письмо князя государю и различныя, наиболѣе интересныя, подробности о его положеніи. Выслушавъ все это на скорую руку, Милютинъ торопливо сказалъ:

— Надо опять идти къ государю. Пойдемте вмѣстѣ. Быть можетъ, государь пожелаетъ васъ видѣть.

Ночь была очень темная, а освѣщеніе улицы, сколько могу припомнить, весьма плоховатое. Ощупью мы побрели ко дворцу, который издали горѣлъ огнями. Подойдя ко дворцу, Милютинъ распорядился, чтобы доложили государю о нашемъ прибытіи. Оказалось, что государь со всѣмъ семействомъ изволитъ ужинать, вслѣдствіе чего мы должны были ожидать нѣсколько минутъ. Потомъ скоро потребованъ былъ Милютинъ къ государю и оставался у него весьма короткое время. Возвратившись отъ государя, Милютинъ сказалъ:

— Его величество ложится спать и теперь уже не можетъ принять васъ.

Мы побрели тѣмъ же порядкомъ въ обратный путь. На этихъ переходахъ Милютинъ, въ общемъ разговорѣ, замѣтилъ, что пріѣздъ князя не совсѣмъ во́-время. Когда мы возвратились въ комнаты Милютина, какъ будто изъ земли выросъ графъ Карлъ Ламбертъ и, послѣ нѣкоторыхъ разговоровъ о князѣ, пустился, несмотря на такое позднее время, въ объясненіе съ Милютинымъ по какимъ-то дѣламъ, вѣроятно относящимся къ его предстоящему назначенію, а я пошелъ отыскивать стараго друга князя, графа Александра Адлерберга. Поиски мои не были продолжительны, потому что онъ помѣщался въ томъ же домѣ, въ другомъ только отдѣленіи. Графъ уже былъ въ

постели, но все-таки меня принялъ. Съ участіемъ разспросивъ о положеніи князя, графъ сказалъ, что относительно предстоящаго пріѣзда его сюда они уже ведутъ между собою жаркіе телеграфные переговоры. Распростившись съ нимъ, я съ тѣмъ пріятнымъ чувствомъ, которое всегда оставляетъ въ насъ сваленное съ плечъ дѣло, ввалился въ свою карету и заснулъ такъ крѣпко, что проснулся по пріѣздѣ, уже на разсвѣтѣ, въ Петербургъ. Безошибочно можно было заключить, что сколько быстрымъ образомъ совершился нашъ путь въ Красное, столько же соннымъ образомъ исполненъ былъ обратный путь. Ясно было, что все спало: и сѣдокъ, и кучеръ, и даже лошади, предоставленныя сами себѣ...

Само собою разумѣется, что весь Петербургъ, въ особенности военный и административный, узналъ о предстоящемъ пріѣздѣ князя. Братья князя тоже всполошились. Я, кажется, говорилъ уже, что въ семьѣ князя Анатолія Ивановича, котораго я тоже посѣтилъ въ Красномъ на другой или на третій день, происходило со мной продолжительное совѣщаніе о томъ: хорошо ли будетъ и не разсердится ли князь, если на Царскосельской станціи встрѣтятъ его, вмѣстѣ съ другими, жена князя Анатолія и его сыновья? Это тревожное совѣщаніе показываетъ лучше всего, какъ относился князь Александръ Ивановичъ, въ то время, къ семейной жизни вообще и къ родственнымъ нѣжностямъ въ особенности. Я говорилъ также, что, когда самъ государь велѣлъ князьямъ Владиміру и Анатолію ѣхать навстрѣчу князю Александру Ивановичу, то графъ Карлъ Ламбертъ, хорошо знавшій и характеръ князя и отношенія его къ братьямъ, сказалъ имъ слѣдующую многознаменательную фразу: „ну, поздравляемъ васъ! Не желалъ бы быть на вашемъ мѣстѣ!“

Въ назначенный день и часъ я отправился, облеченный въ парадную форму, на Гатчинскую станцію встрѣчать князя. Туда же явился, и тоже въ парадной формѣ, князь Владиміръ. Потомъ невидимо и неслышимо оказалось тамъ нѣсколько тѣхъ лукавыхъ царедворцевъ, которые плывутъ по вѣтру и, смотря по теченію волнъ житейскихъ, сегодня ваши друзья, а завтра ваши враги. Изъ этой коллекціи я особенно помню стараго, хотя франтоватаго, графа Ферзена. Онъ, одинъ изъ первыхъ, заключилъ въ дружескія объятія князя и тотчасъ усѣлся рядомъ съ нимъ, чтобъ продолжать дальнѣйшій путь въ пріятельской бесѣдѣ. И замѣчательная вещь! Князь тоже встрѣтилъ этого господина привѣтливо въ высшей степени, тогда какъ всѣ мы знали, что мнѣніе князя о немъ было отвратительно тоже въ высшей степени. Я, разумѣется, держался на заднемъ планѣ и смиренно присоединился къ поѣзду. На Царскосельской станціи князя ожидала несравненно значительнѣйшая группа, во главѣ которой стоялъ воен-

ный министръ Милютинъ, въ полной парадной формѣ. Здѣсь были: жена князя Владиміра, жена князя Анатолія съ дѣтьми, семейство графовъ Орловыхъ-Давыдовыхъ и пр., и пр. Здѣсь же была толпа придворныхъ служителей и лакеевъ съ экипажами, которые должны были перевезти князя, его свиту и его поклажу въ Петергофъ. Князя вынули изъ вагона и помѣстили предъ вокзаломъ въ покойное кресло, въ которомъ онъ и принималъ всѣхъ, жаждущихъ счастья ему представиться. День былъ великолѣпный, и все это представляло довольно торжественный видъ. Князь былъ очень веселъ и говорливъ. Онъ какъ будто сразу, по придворному, такъ сказать, запаху видѣлъ, что подкопы его благопріятелей, которые онъ пріѣхалъ разрушать, не суть важны. Я, впрочемъ, не дождался окончанія его бесѣдъ съ представлявшимися и отъѣзда его съ этого пункта въ Петергофъ и съ тѣмъ же поѣздомъ, который привезъ князя, поѣхалъ въ Петербургъ, чтобы забрать свои пожитки и въ тотъ же день успѣть тоже переселиться окончательно въ Петергофъ. Планъ этотъ, разумѣется, не встрѣтилъ никакихъ затрудненій и, дѣйствительно, хотя поздно вечеромъ, но въ тотъ же день я водворился въ Петергофѣ.

Князю отведенъ былъ тотъ изъ готическихъ домиковъ, который занималъ вел. кн. Александръ Николаевичъ, когда былъ наслѣдникомъ. Князь любилъ часто указывать на это обстоятельство. Я не знаю ни устройства, ни расположенія другихъ готическихъ домиковъ, весьма сходныхъ по внѣшнему виду; но домъ, отведенный князю, поистинѣ, представлялъ прелесть прелестей!.. Нижній этажъ, роскошно отдѣланный, съ прелестнымъ садикомъ предъ балкономъ, занималъ самъ князь. Верхній этажъ, раздѣленный во всю ширину коридоромъ, отданъ былъ въ наше распоряженіе. Каждая половина, въ свою очередь, была раздѣлена на нѣсколько отдѣленій, и каждое отдѣленіе, заключая въ себѣ пріемную, спальню, кабинетъ или уборную, какъ хотите, было устроено и отдѣлано такъ мило, такъ уютно, что каждый готовъ бы былъ провести тамъ цѣлую жизнь. Одно отдѣленіе занималъ я, другое—неизмѣнный мой пріятель Харитоновъ, третье—Зиновьевъ, четвертое Орловы-Давыдовы и т. д. Вмѣстѣ съ роскошнымъ помѣщеніемъ явилась столь же роскошная обстановка нашего житья-бытья и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Толпы придворныхъ лакеевъ смотрѣли намъ въ глаза и ожидали нашихъ приказаній. Завтраки, обѣды, ужины говорили истинно о царской роскоши. Въ распоряженіи каждаго изъ насъ находился отдѣльный прекрасный экипажъ. Величіе и могущество князя Александра Ивановича отражалось на насъ самымъ осязательнымъ образомъ, и, конечно, каждый изъ насъ, если только не захочетъ ломаться и важничать, долженъ признать самыми великолѣпными днями своей жизни именно тѣ дни,

когда мы, такъ сказать, на хвостѣ князя забирались въ царскіе дворцы!

Величіе и могущество! Если мы, въ своемъ ничтожествѣ, могли считать внѣшнюю нашу обстановку признакомъ силы и могущества князя, то для него собственно эти признаки или вовсе не имѣли цѣны, или имѣли цѣну самую ничтожную. Для него были нужны другіе признаки, болѣе существенные, болѣе рельефные. Признаки этого рода не замедлили явиться. Вслѣдъ за пріѣздомъ князя пріѣхалъ въ Петергофъ и государь съ семействомъ и поселился въ Александріи. Ускорилъ ли его величество окончаніемъ Красносельскихъ маневровъ собственно по случаю пріѣзда князя, или сами они прекратились по плану, для нихъ составленному, я не знаю, помню только, что едва-ли не на другой же день государь лично посѣтилъ князя. Первая бесѣда ихъ была довольно продолжительна. Очевидно, что тутъ же была рѣчь и о Мингрельскомъ дѣлѣ, потому что какъ только государь уѣхалъ, князь призвалъ меня, отдалъ мнѣ заготовленную нами въ Дрезденѣ бумагу и сказалъ:

„Я говорилъ государю объ этомъ дѣлѣ; онъ приказалъ прислать ему нашу бумагу. Запечатайте и отправьте теперь же“.

Князь былъ веселъ и, видимо, доволенъ первымъ своимъ свиданіемъ съ государемъ. Я взялъ Мингрельскую бумагу, запечаталъ въ пакетъ, собственноручно сдѣлалъ надпись и отправилъ его величеству, въ собственныя руки.

Чтобъ не возвращаться болѣе къ этому скучному дѣлу, я здѣсь же прибавлю, что бумага эта скоро возвратилась къ князю съ резолюціею государя: „исполнить“. Какъ она исполнена, я уже не знаю, потому что мнѣ уже не суждено было болѣе погружаться въ водоворотъ кавказскихъ дѣлъ. Но изъ совокупности послѣдующихъ обстоятельствъ видно было, что не одно Мингрельское дѣло было предметомъ этой первой бесѣды князя съ государемъ.

Начать съ того, что самъ князь, вслѣдъ за этой бесѣдой, весело и самодовольно говорилъ:

„Я могу тотчасъ уѣхать отсюда; я все сдѣлалъ и все сказалъ государю, что было нужно; мнѣ собственно здѣсь нечего болѣе дѣлать“.

Для меня эти загадочныя дѣла были непонятны, и въ простотѣ душевной я не могъ относить ихъ ни къ чему другому, какъ къ успѣшному окончанію Мингрельскаго дѣла. Не такъ было въ дѣйствительности. Скоро послѣ этого свиданія Зиновьевъ, катаясь со мною по Петергофскимъ аллеямъ, по поводу таинственныхъ словъ князя, сказалъ мнѣ:

„Князь дѣйствительно доволенъ, что успѣлъ высказать государю

все, что хотѣлъ. Онъ сказалъ государю: „я не буду говорить вашему величеству о моей личной преданности къ вамъ и о вашей дружбѣ ко мнѣ, начавшейся съ раннихъ нашихъ лѣтъ. Я буду говорить вамъ, какъ вѣрный слуга своего царя, на порогѣ своей смерти; буду говорить какъ умирающій“... Потомъ князь изложилъ государю свои мысли о настоящемъ положеніи государства, о политическихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ оно находится, и о мѣрахъ, которыя надо принять... Въ числѣ этихъ мѣръ князь ставилъ, прежде всего, необходимость перемѣнить министра иностранныхъ дѣлъ и замѣнить бездарнаго князя Горчакова другимъ, болѣе даровитымъ и болѣе способнымъ понимать современное положеніе обстоятельствъ. Государь замѣтилъ будто бы, что онъ, напротивъ, доволенъ княземъ Горчаковымъ и, кажется, всѣ имъ довольны, что ему было бы пріятно, если бы они, т. е. князь Горчаковъ и князь Барятинскій обмѣнялись мыслями и сошлись, и что для этого государь пришлетъ князя Горчакова къ князю.

Въ чемъ именно заключались политическіе планы князя, я рѣшительно не зналъ; а Зиновьевъ, если и зналъ, то не хотѣлъ или не умѣлъ передать; но мы всѣ знали и видѣли, что князь Горчаковъ, безъ сомнѣнья, вытребованный государемъ изъ С.-Петербурга, или дачныхъ мѣстъ, гдѣ онъ проводилъ то лѣто, поздней ночью пріѣхалъ къ князю, долго оставался у него и потомъ чуть ли не каждый день посѣщалъ его. Мы всѣ подсмѣивались надъ его оригинальнымъ утреннимъ костюмомъ, въ которомъ онъ часто являлся къ князю и которомъ нерѣдко заставалъ его самъ государь. Это были какіе-то триковые или шерстяные, безконечные, нераздѣльные штаны, которые составляли въ одно время собственно штаны, чулки и чуть ли не рубашку и дополнялись снизу башмаками, а сверху столь же оригинальнымъ пиджакомъ. Какіе вопросы были предметомъ ихъ частыхъ и продолжительныхъ свиданій—разумѣется, осталось, по крайней мѣрѣ, для меня, покрытымъ мракомъ неизвѣстности; но замѣчательно то, что эти два царедворца, эти два искуснѣйшіе дипломата, готовые внутренно проглотить другъ друга, къ чему, какъ выше замѣчено, со стороны князя и сдѣлана была рѣшительная попытка, во внѣшнихъ своихъ сношеніяхъ имѣли видъ самыхъ закадычныхъ друзей.

Къ этому именно періоду относится оригинальный и комическій разсказъ князя, который, кажется, я уже выше привелъ. Князь Горчаковъ говоритъ ему однажды: „однако, ты хорошо сохранился и еще довольно красивъ“. На это князь отвѣчалъ: „ты это говоришь для того, чтобы и я тебя похвалилъ. Извини, не могу“. Князь Горчаковъ возразилъ: „для меня въ твоихъ похвалахъ нѣтъ никакой надобности, я знаю, что нравлюсь женщинамъ!“ „Ну, и поздравляю тебя!“

сказалъ князь, „а на мои глаза, такъ ты просто уродъ“! Можно ли представить намъ, простымъ смертнымъ, чтобы этотъ, замѣчательный по дружеской краткости, разговоръ принадлежалъ двумъ заклятымъ врагамъ?

Пока продолжалась между ними эта утонченная борьба, государь осыпалъ князя величайшими знаками своего вниманія и своей дружбы. Почти дня не проходило, чтобы онъ, по пути въ Александрію, или изъ Александріи, не заѣхалъ къ князю, такъ что въ извѣстные часы мы привыкли встрѣчать и провожать государя, какъ къ чему-то обычному. На переходахъ къ князю и отъ князя, добрый и привѣтливый государь останавливался предъ нашей толпой и удостоивалъ насъ милостивыми словами. Доброта и привѣтливость государя просто невѣроятна. Приведу слѣдующій случай изъ нашей Петергофской жизни. Былъ какой-то церковный парадъ. Войска, или кадеты расположены были въ верхнемъ саду, вокругъ одного изъ прудовъ, съ одной стороны котораго устроена была палатка для духовенства и для помѣщенія царской фамиліи. День былъ прекрасный. Народу было бездна. Изъ простаго любопытства и я отправился туда и вмѣшался въ народныя толпы, расположенныя на одной изъ аллей, позади войскъ. Государя еще не было и все находилось въ ожиданіи. Наконецъ, государь явился, раздалась музыка, и онъ, сопровождаемый громаднѣйшею толпою генералитета, пошелъ по рядамъ войскъ. Одѣтый въ штатское платье, затертый народомъ—могъ ли я ожидать, что государь, окруженный истинно царскимъ величіемъ, отличитъ меня въ толпѣ и остановитъ на мнѣ свое вниманіе, особенно въ такую минуту, когда его ожидаютъ митрополитъ и знатнѣйшіе сановники царства. Но смуглая ли моя фигура была тому причиною, я ужъ не знаю, только, проходя мимо тѣхъ народныхъ массъ, гдѣ я былъ зарытъ, государь замѣтилъ меня и со всѣмъ генералитетомъ, его сопровождавшимъ, повернулъ въ сторону и прямо подошелъ ко мнѣ. Сказавъ нѣсколько милостивыхъ словъ, государь спросилъ, видѣлъ ли я сегодня фельдмаршала и въ какомъ онъ положеніи? Я отвѣчалъ, какъ умѣлъ. Такое вниманіе къ фельдмаршалу, или, лучше сказать, такое публичное и торжественное посредничество мое между государемъ и княземъ просто ошеломило меня. Народъ, какъ я замѣтилъ, съ недоумѣніемъ и нѣкоторымъ почтеніемъ смотрѣлъ на меня, безъ сомнѣнія, предполагая во мнѣ, по меньшей мѣрѣ, только-что прибывшаго посланника бразильскаго императора. Но это не было единственнымъ случаемъ. И въ Петергофѣ, и потомъ въ Царскомъ Селѣ, куда государь, а за нимъ нашъ намѣстникъ, а за намѣстникомъ всѣ мы переѣхали, я имѣлъ много случаевъ испытать на себѣ ангельскую привѣтливость нашего добраго государя. Въ

своемъ мѣстѣ разскажу, что и послѣ того, какъ я, вслѣдъ за княземъ, прервалъ окончательно мои обязательныя отношенія къ Кавказу, государь не лишалъ меня счастія видѣть знаки той же привѣтливости.

Ясно, что, если государь удостоивалъ такого вниманія приближенныхъ къ князю, то на самого князя разсыпалось это вниманіе въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Самымъ рѣдкимъ и почетнѣйшимъ проявленіемъ вниманія было то, что государь на другой же или на третій день, привезъ къ князю императрицу, которая и потомъ посѣщала его нѣсколько разъ. Самъ князь любилъ внушать намъ, какихъ необъятнѣйшихъ размѣровъ эта высокая честь, и объяснялъ, что императрица никогда и ни у кого не бываетъ и т. п. Едва-ли нужно говорить, что, когда государь и императрица были такъ внимательны къ князю, то и весь придворный и высшій свѣтъ постоянно лѣзъ къ нему съ своими ложными изъявленіями пріязни и уваженія. Старый другъ князя графъ Александръ Адлербергъ, жившій въ сосѣднемъ готическомъ домикѣ, по нѣскольку разъ въ день бывалъ у князя. Нѣтъ сомнѣнія, что дружба съ такимъ человѣкомъ, независимо отъ пріятности, была полезна князю въ высшей степени. Было замѣтно, что въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ собственно придворной сферы графъ Адлербергъ былъ сильнѣе и опытнѣе князя. Такъ, напр., у князя было какое-то женское одѣяніе въ родѣ плаща или бурнуса, изготовленное воспитанницами Закавказскаго женскаго института; князь хотѣлъ поднести его, какъ подарокъ, императрицѣ.

Казалось бы, вещь простая, но не такова она была въ глазахъ князя, да и самъ Адлербергъ тоже не находилъ ее простою. Они долго совѣщались и условливались о томъ, какимъ образомъ графъ Адлербергъ долженъ предварительно, издалека и стороною, освѣдомиться и вывѣдать, какъ будетъ принято это приношеніе. Принято оно прекрасно, и я потомъ всегда видѣлъ императрицу постоянно въ этомъ кавказскомъ плащѣ, въ которомъ, впрочемъ, не было ничего особеннаго, кромѣ только того, что онъ былъ кавказскій. Но дѣло не въ этомъ плащѣ. Я привожу этотъ случай затѣмъ собственно, чтобъ показать, что графъ Адлербергъ былъ необходимъ князю уже по части однѣхъ придворныхъ тонкостей; но если принять во вниманіе, что Адлербергъ былъ неразлучнымъ домашнимъ другомъ государя, то будетъ понятно, какъ онъ былъ полезенъ князю и по части тонкостей всякаго другаго рода.

Милютинъ былъ истиннымъ мученикомъ, съ одной стороны, прямыхъ своихъ обязанностей, а съ другой—эгоизма и деспотизма князя. Обязанный ему своимъ высокимъ положеніемъ и еще не освободившійся, такъ сказать, отъ прежняго обаянія и вліянія на него князя,

подъ которыми онъ находился на Кавказѣ, онъ попалъ къ нему въ этотъ періодъ просто въ кабалу. Князь зналъ, что Милютинъ ѣздилъ каждое утро съ докладами къ государю, но это знаніе служило ему, кажется, для того единственно, чтобы поручить этому милому и кроткому человѣку являться предъ этими докладами къ нему и выслушивать его порученія и наставленія. О томъ, что у Милютина, кромѣ этихъ докладовъ, были другія обширнѣйшія занятія и обязанности по званію военнаго министра, князь уже положительно знать не хотѣлъ и держалъ его у себя, можно сказать, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти. До какой степени князь мало церемонился въ этомъ отношеніи, достаточно привести, что задержанный княземъ предъ докладомъ государю, Милютинъ часто опаздывалъ къ часу, опредѣленному для этого доклада, и, вырываясь изъ кабинета князя, весь разстроенный, бросался стремглавъ въ коляску и летѣлъ въ Александрію. Онъ часто жаловался намъ на такое стѣснительное положеніе, и мы предложили ему, съ своей стороны, помощь слѣдующаго рода: по мѣрѣ приближенія часа, опредѣленнаго для доклада государю, мы посылали въ кабинетъ князя дежурнаго адъютанта напомнить Милютину объ этомъ, не столько для Милютина, который хорошо зналъ приближеніе этого часа, сколько для того, чтобъ этими напоминаніями понудить князя освободить своего плѣнника. Но и эта помощь не всегда была дѣйствительна, и случалось, что во время этихъ безуспѣшныхъ демонстрацій врывался къ намъ, какъ бѣшеный, прискакавшій изъ Александріи, фельдъегерь и громко говорилъ: „государь ожидаетъ военнаго министра". Проводивъ Милютина, мы пускались въ разсужденія, что было бы, если бы военный министръ, или другой какой-либо министръ заставилъ ожидать себя покойнаго императора Николая Павловича? Трудно сказать, какіе именно вопросы были предметомъ продолжительныхъ бесѣдъ князя съ Милютинымъ; но безошибочно можно заключить, что не столько кавказскія, сколько польскія дѣла, и въ особенности образованіе варшавскаго управленія, стояли здѣсь на первомъ планѣ.

Какіе результаты имѣли политическія совѣщанія князя Александра Ивановича съ княземъ Горчаковымъ неизвѣстно; но и по ходу тогдашнихъ обстоятельствъ, а главное по существу обстоятельствъ, впослѣдствіи объяснившихся—не остается никакого сомнѣнія, что польскія дѣла и особенно образованіе варшавскаго управленія подчинены были, въ то время, сильному вліянію князя. Это подтверждалось и внѣшнимъ, такъ сказать, образомъ, именно тѣмъ, что графъ Ламбертъ положительно жилъ безвыходно въ комнатахъ князя. Когда князь былъ свободенъ, графъ Ламбертъ входилъ къ нему въ кабинетъ; когда князь былъ занятъ, онъ торчалъ въ его комнатахъ предъ кабине-

томъ. Для каждаго было ясно, что будущая его варшавская судьба въ рукахъ князя. Самъ князь, съ чувствомъ какой-то гордости и самодовольствія, говорилъ мнѣ:

— Странные люди! Въ государственныхъ дѣлахъ стѣсняются пустыми обычаями, рутиною! Говорятъ: молодъ, какъ можно! Когда человѣкъ нуженъ, говорю я, дайте ему все и пошлите его!

Въ этихъ размышленіяхъ князь не называлъ графа Ламберта, но ясно было, что они не могли относиться ни къ кому другому, какъ только къ нему. И дѣйствительно, скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что графъ Ламбертъ назначается уже не варшавскимъ военнымъ губернаторомъ, какъ прежде предполагалось, а прямо намѣстникомъ. Военнымъ же губернаторомъ назначается дежурный генералъ главнаго штаба генералъ Герштенцвейгъ.

Личность эта, сколько по отзывамъ, которые я слышалъ, столько и по впечатлѣнію, непосредственно на меня произведенному, была въ высшей степени замѣчательна. Красивый, ловкій, талантливый Герштенцвейгъ пошелъ бы, безъ сомнѣнія, далеко, если бы князь не врѣзался, такъ сказать, въ его судьбу. Начать съ того, что по своимъ обширнымъ связямъ, по своимъ дарованіямъ и вообще по расположенію служебныхъ обстоятельствъ, гордый и тщеславный Герштенцвейгъ считалъ мѣсто товарища военнаго министра принадлежащимъ себѣ, равно какъ, впослѣдствіи, и мѣсто самого военнаго министра. Князь поставилъ на эту позицію Милютина и такимъ образомъ загородилъ Герштенцвейгу дорогу, вслѣдствіе чего онъ возненавидѣлъ и князя, и Милютина. Понятно, что когда Милютинъ вступилъ въ управленіе военнымъ министерствомъ—сотрудничество такого господина не представляло уже для него ничего пріятнаго; напротивъ, надобно было думать, какъ бы сбыть его куда-нибудь显 поприличнѣе. Тутъ явился князь и необходимость сформировать варшавское управленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и комбинація назначить Герштенцвейга варшавскимъ генералъ-губернаторомъ. Герштенцвейгъ являлся не одинъ разъ къ князю, и я любовался его истинно царедворскою наружностью. Смотря на него, я невольно думалъ: „скоро проглотитъ этотъ господинъ милаго, но малодаровитаго и слабоватаго Ламберта!“ Обстоятельства какъ-то круто повернули въ сторону, и скоро послѣ отправленія этихъ новыхъ сановниковъ въ Варшаву Петербургъ истинно пораженъ былъ вѣстью, что Герштенцвейгъ застрѣлился...

Подобно графу Ламберту, Герштенцвейгу—къ князю лѣзли и всѣ другіе, назначаемые или разсчитывающіе на назначеніе въ Варшаву. Однимъ словомъ, что-то безъ словъ говорило, что князь истинный хозяинъ этого дѣла.

Занятый этими высшими вопросами, князь оставлялъ насъ въ

покоѣ, такъ что ни у меня, ни у моихъ товарищей не было рѣшительно никакихъ занятій. Мы великолѣпно завтракали, обѣдали, катались по окрестностямъ Петергофа и вообще роскошествовали баснословнымъ образомъ. Въ царскіе дни насъ приглашали во дворецъ къ кавалерскому столу, гдѣ и представляли насъ разнымъ знатнымъ особамъ и фрейлинамъ. За этими обѣдами я удостоился великой чести разговаривать съ знаменитою княжною Долгоруковою, впослѣдствіи Альбединскою, родной братъ которой, сосланный на Кавказъ, былъ однимъ изъ моихъ пріятелей. Вообще, безъ преувеличенія можно сказать, что, озаренные, такъ сказать, блескомъ знаменитаго имени Барятинскаго—мы, лично, представляли нѣкоторый интересъ для петербургскихъ и петергофскихъ гражданъ; на насъ пристально вглядывались, за нами ухаживали, намъ оказывали особенное вниманіе. Послѣ обѣда предъ дворцомъ играли два хора великолѣпной военной музыки и собирались необъятныя толпы расфранченнаго народа. Едва-ли нужно говорить, что прорѣзывать во всѣхъ направленіихъ и осматривать эти толпы—было однимъ изъ главныхъ и едва-ли не главнѣйшимъ нашимъ занятіемъ.

Съ благодарностью должно вспомнить о самыхъ любезныхъ стараніяхъ со стороны князя Анатолія Ивановича и семейства его сдѣлать наше пребываніе въ Петергофѣ сколько можно болѣе пріятнымъ и разнообразнымъ. Князь жилъ тоже въ Петергофѣ и занималъ одну изъ лучшихъ дачъ. Предъ тѣмъ онъ только-что получилъ изъ Англіи коллекціи самыхъ разнообразныхъ экипажей и разнородныхъ лошадей, начиная отъ маленькихъ „пони“ до громаднѣйшихъ каретныхъ коней. Въ своемъ мѣстѣ я разсказывалъ уже, какъ стѣснительны и подобострастны были отношенія братьевъ къ князю Александру Ивановичу. Такъ точно было и здѣсь. Въ теченіе дня самъ князь Анатолій Ивановичъ, или жена его, или дѣти, по нѣскольку разъ заѣзжали къ князю, въ разнокалиберныхъ своихъ экипажахъ, но большею частью ограничивались порученіемъ сказать князю, „что они пріѣзжали“, требовать же пріема они не рѣшались, а если и рѣшались, то послѣ продолжительныхъ предварительныхъ разспросовъ: не занятъ ли князь, не усталъ ли, да пріятно ли ему будетъ и т. п. и послѣ рѣшительныхъ нашихъ утвержденій, что князь и не занятъ, и не усталъ и т. п. Но если отношенія этого милаго семейства къ князю представляли что-то рѣшительно неестественное, то отношенія его къ намъ отличались прелестью и радушіемъ.

Князь Анатолій Ивановичъ, извѣстный и опытный лошадникъ, любилъ наполнять одинъ изъ своихъ англійскихъ экипажей, какого наименованія ужъ не знаю, гостями, нацѣплять по нѣскольку англійскихъ лошадей гусемъ и летать по петергофскимъ аллеямъ во всѣхъ

направленіяхъ. Меня онъ постоянно сажалъ рядомъ съ собою, на какую-то невообразимую высоту и удивлялъ несомнѣннымъ искусстромъ управлять, посредствомъ одной руки, четырьмя огромными англійскими лошадьми.

Между тѣмъ стало приближаться время отъѣзда царской семьи. Императрица отправлялась ранѣе, ужъ не помню какого числа. Государь же назначилъ свой отъѣздъ 6-го августа; но съ отъѣздомъ императрицы переселялся изъ Петергофа въ Царское Село, куда, разумѣется, долженъ былъ перебраться и князь, а за нимъ и всѣ мы. Вопросъ о томъ, куда потомъ направится князь, достаточно уже уяснился. Онъ продолжалъ лежать и тѣмъ самымъ говорилъ, что здоровье его далеко не возстановлено и, слѣдовательно, возвращеніе его на Кавказъ еще невозможно. Поэтому между нимъ и государемъ условлено было такъ, что въ одинъ и тотъ же день они отправятся: государь поѣдетъ по Россіи, потомъ въ Крымъ, потомъ на Кавказъ, а князь опять за границу, моремъ, для чего государь назначилъ царскій пароходъ: „Штандартъ". Въ тотъ же день графъ Ламбертъ предназначилъ отправиться въ свою Варшаву. Наконецъ, въ назначенный день мы перебрались въ Царское Село, гдѣ насъ ожидало помѣщеніе, далеко уже не столь роскошное, какъ въ Петергофѣ. Князь помѣстился въ самомъ дворцѣ, въ двухъ, трехъ комнатахъ; мы помѣстились въ извѣстномъ циркулѣ. Само собою разумѣется, что вся другая обстановка осталась та же. Императрица отправилась, а государь, сколько можно было замѣтить, рѣшился провести остальные дни до своего отъѣзда вполнѣ на холостую ногу. Извѣстно было, что каждый день, довольно поздно вечеромъ, государь приходилъ къ князю и въ самомъ интимномъ кружкѣ проводилъ тамъ время далеко за полночь. Мы, съ своей стороны, т. е. свита князя, нашли великолѣпный пріютъ въ Павловскѣ, гдѣ въ это время былъ самый сильный разгаръ музыки и франтовства. Располагая отдѣльными экипажами, мы ежедневно носились туда и обратно.

Весьма понятно, что въ водоворотѣ этой придворной жизни, я не могъ забыть самаго существеннаго для меня вопроса о будущемъ моемъ устройствѣ въ Петербургѣ. Сначала я былъ совершенно спокоенъ, убаюканный словами самого князя, сказанными въ Дрезденѣ, что онъ будетъ говорить или писать обо мнѣ самому государю. „Что же болѣе"! думалъ я: „дѣло въ шляпѣ". Но потомъ, когда я видѣлъ, что государь почти ежедневно посѣщаетъ князя, что Адлербергъ, Милютинъ и другіе сильные міра сего постоянно бываютъ въ его кабинетѣ или его пріемной, а обо мнѣ ни слова, когда я видѣлъ, что время уходитъ и наступаетъ разъѣздъ всѣхъ въ разныя стороны, а мой вопросъ не подвинулся ни на шагъ — мною стало овладѣвать

естественное безпокойство. Предъ наступленіемъ отъѣзда князь почти все время, дни и ночи проводилъ съ графомъ Александромъ Адлербергомъ, и мнѣ какъ-то смутно представлялось, что князь сдѣлаетъ именно его устроителемъ моей судьбы, подобно тому, какъ нѣкогда, отъѣзжая на Кавказъ, онъ возложилъ подобную миссію на князя Владиміра Барятинскаго, миссію, имѣвшую столь печальные результаты. О томъ, чтобы князь, согласно собственному своему обѣщанію, предпринялъ говорить обо мнѣ самому государю, и думать уже было нечего. По всѣмъ признакамъ ясно было видно, что въ этомъ отношеніи князь обманулъ меня самымъ безцеремоннымъ образомъ.

Для меня рѣшительно непостижима та смѣлость, съ которою лица, подобно князю, такъ высоко стоящія, позволяютъ себѣ подобные поступки. Сказать, обѣщать и не сдѣлать—для нихъ ничего не значитъ, тогда какъ подобныя дѣйствія и въ нашемъ мѣщанскомъ кругу имѣютъ самый неблаговидный и, на мои глаза, просто отвратительный характеръ. Во-первыхъ, зачѣмъ говорить то, чего не намѣрены исполнить. Мои отношенія къ князю были таковы, что никакая требовательность съ моей стороны не могла имѣть мѣста. Я былъ подчиненъ ему съ головы до пятокъ — это первое, и слѣдовательно никакихъ торговъ и условій между нами быть не могло; потомъ онъ сдѣлалъ мнѣ, въ продолженіе нашихъ отношеній, много другихъ, смѣло можно сказать, благодѣяній, и на немъ не лежало, собственно, прямой обязанности непремѣнно дѣлать мнѣ и въ этомъ случаѣ новое благодѣяніе; однимъ словомъ, ничто не заставляло князя давать мнѣ дрезденское обѣщаніе. Но если это обѣщаніе дано уже, зачѣмъ его не исполнить? Всему міру было извѣстно, что князь считалъ меня полезнѣйшимъ и даровитѣйшимъ изъ своихъ подчиненныхъ, слѣдовательно нечего было стѣсняться и церемониться рекомендовать такого полезнаго господина для Петербургской службы; напротивъ, какъ онъ самъ много разъ выражалъ въ своихъ государственныхъ воззрѣніяхъ, это прямой долгъ высокихъ, стоящихъ близъ царя, лицъ—выводить способныхъ людей и открывать имъ дорогу. Потомъ я былъ уже очень хорошо извѣстенъ государю, какъ самый приближенный человѣкъ князя, безпрерывно болтался на его глазахъ, много разъ находился въ кабинетѣ князя, когда государь входилъ къ нему, встрѣчался съ его величествомъ на царскосельскихъ, точно также, какъ на петербургскихъ аллеяхъ и если не всегда, то очень часто удостоивался милостивыхъ привѣтливыхъ словъ государя. Слѣдовательно, для государя я не былъ личностью, совершенно неизвѣстною, о которой нужно было бы сказки разсказывать; напротивъ, государь самъ видѣлъ мое положеніе, мои отношенія къ князю и такъ или

иначе имя мое непремѣнно упоминалось въ дружескихъ бесѣдахъ государя съ княземъ.

Но предположимъ даже, что все это не такъ и что мои умозаключенія не вѣрны, что же тогда остается? Тогда остается предположить, что князь затруднялся доложить государю обо мнѣ, какъ затруднялись нѣкогда наши министры докладывать о чемъ-нибудь подобноиъ грозному царю Николаю. Но это уже будетъ чистѣйшій вздоръ. Начать съ того, что отношенія князя къ государю были таковы, что, если и существовала съ чьей-либо стороны утонченная деликатность и сдержанность, то никакъ не со стороны князя. Я читалъ письма его государю и удивлялся ихъ смѣлости и безцеремонности; я былъ свидѣтелемъ ихъ личныхъ отношеній и погружался въ неменьшее удивленіе. Я приводилъ уже одну рельефную сцену въ этомъ отношеніи и несмотря на сильное опасеніе заслужить справедливый укоръ за повторенія, которыми испещрены мои записки, рѣшаюсь разсказать здѣсь вновь эту сцену. Предъ наступленіемъ отъѣзда, князь счелъ нужнымъ послать на Кавказъ нѣсколько писемъ князю Орбеліани, Крузенштерну, Карцеву... Однажды я сидѣлъ у князя въ кабинетѣ, и мы усердно занимались сочиненіемъ этихъ писемъ. Князь, по обыкновенію, лежалъ на диванѣ, поставленномъ у стѣны, противуположной окнамъ; подлѣ дивана стоялъ столъ, за которымъ я работалъ. День былъ ясный; окна были отворены. Вдругъ, совершенно неожиданно, къ одному изъ оконъ подошелъ государь. Я всталъ со стула, отодвинулся шага на два и остался въ кабинетѣ, потому что князь ни словомъ, ни знакомъ не показалъ, что я долженъ удалиться. Такимъ образомъ, я сдѣлался волею неволею свидѣтелемъ этой сцены. Государь, съ веселымъ лицомъ, на которомъ такъ и выступала доброта и благость, началъ разсказывать, разумѣется на французскомъ языкѣ, какъ одна дама въ саду схватила его за ноги, обняла ихъ и объявила, что она не выпуститъ ихъ, пока государь не исполнитъ ея просьбы. Разсказывая это, государь смѣялся самымъ добродушнымъ образомъ. Я взглянулъ на князя. Онъ слушалъ этотъ разсказъ съ какою-то неопредѣленною, не хорошею улыбкой, въ которой не было не только и тѣни подобострастія, но даже и простой симпатіи. Она, казалось, говорила: „стоило для такихъ пустяковъ отрывать меня отъ занятій“. По окончаніи разсказа государя князь какъ-то лѣниво и вовсе несочувственно замѣтилъ только: „однако вы эдакъ могли упасть“. Потомъ тотчасъ спросилъ: „былъ у васъ Шамиль?“ Когда государь сказалъ, что былъ, князь лѣниво прибавилъ: „это я послалъ его къ вамъ“. Потомъ государь поговорилъ еще что-то, намекнулъ на наши занятія, при чемъ кивнулъ привѣтливо на меня и удалился. Однимъ словомъ, ни жестомъ, ни

словомъ князь не выразилъ той почтительности, которая подобаетъ царскому величеству. Я тутъ же подумалъ: „надобно, чтобы государь много любилъ князя, чтобъ смотрѣлъ равнодушно на такую заносчивость". Вообще, если бы сдѣлать свидѣтелемъ этой сцены какого-либо простого человѣка, отъ роду не видавшаго ни государя, ни князя, и потомъ спросить: кто тутъ государь, а кто князь—этотъ не хитрый свидѣтель сильно затруднился бы отвѣчать на этотъ вопросъ и едва ли угадалъ истину.

Всегда ли такъ выражались отношенія князя къ государю или, въ этомъ случаѣ, князь разсчитывалъ показать мнѣ, вящшимъ образомъ, свое величіе, я не знаю; но ясно, что князь, ни по вопросу обо мнѣ, ни по вопросу о комъ-либо и о чемъ-либо другомъ — не могъ стѣсняться докладами такому доброму и снисходительному государю, государю, едва-ли въ продолженіе всего своего царствованія отказавшему въ какомъ-либо добромъ дѣлѣ, о которомъ ему докладывали. Что же, наконецъ, было причиною со стороны князя дать обѣщаніе и не исполнить его? Самое лучшее и полезное объясненіе этого вопроса въ отношеніи къ князю можетъ заключаться въ томъ, что онъ, хотя и выразилъ желаніе отпустить меня и разстаться со мною, но въ то же время сохранялъ желаніе приберечь меня для себя и встрѣченными мною затрудненіями въ устройствѣ петербургскаго моего положенія вынудить меня снова обратиться къ Кавказу. Предположеніе это значительно подтверждается послѣдующими обстоятельствами, но за несомнѣнную достовѣрность его я все-таки ручаться не могу. Съ глубокимъ сожалѣніемъ, но въ то же время съ большою достовѣрностію я долженъ сказать, что въ натурѣ князя, высокой и благородной, былъ одинъ, на мои глаза, весьма существенный, недостатокъ, который онъ, напротивъ, считалъ, повидимому, большимъ достоинствомъ — это стремленіе хитрить. Что этотъ недостатокъ онъ дѣйствительно считалъ достоинствомъ, доказываютъ собственные его разсказы въ этомъ отношеніи, тѣ уроки и наставленія, какіе онъ давалъ, не только не стѣсняясь, но, напротивъ, какъ будто гордясь своимъ искусствомъ, другимъ лицамъ по этой части. Я живо помню, напр., какъ въ Вильнѣ, при всѣхъ насъ, онъ давалъ пріхавшему туда брату своему, князю Владиміру Ивановичу, тономъ знатока и учителя, самымъ серьезнымъ и внушительнымъ тономъ, поученія, какимъ образомъ дешевое вино выдавать за драгоцѣнное, какія здѣсь должны быть принимаемы предварительныя мѣры, какіе надо заранѣе распускать слухи и т. п. Подобную несчастную черту мнѣ случалось въ теченіе моей жизни встрѣчать и въ другихъ, хотя не столь знатныхъ и высокихъ, но довольно почтенныхъ личностяхъ. Тотъ самый Корнѣевъ, съ которымъ судьба меня столкнула въ на-

чалѣ моего служебнаго поприща, будучи статсъ-секретаремъ и тайнымъ совѣтникомъ, съ чувствомъ особеннаго самодовольствія любилъ разсказывать, что онъ одного надулъ, другаго поддѣлъ и т. п. Черта эта на мои глаза граничитъ съ тою болѣзненною чертою въ нѣкоторыхъ, тоже почтенныхъ, личностяхъ, которая могущественно заставляетъ ихъ стягивать чужія вещи, ибо, если одни воруютъ безъ нужды и безъ смысла, то другіе также точно лгутъ и обманываютъ тоже безъ всякой необходимости.

Я не знаю, какіе плоды насчитываетъ князь отъ своего страннаго, непостижимаго, ненужнаго искусства, но я убѣжденъ, что оно доставило ему одни убытки, разумѣется, моральнаго свойства. Большимъ убыткомъ должно считать то, что на Кавказѣ ему мало или вовсе не вѣрили и въ отношеніи къ нему держались собственной его системы, т. е. лжи и хитрости. Убыткомъ должно считать то, что именно, вслѣдствіе этой системы, у него рѣшительно не было преданныхъ людей и тѣ, которые носили маску преданности, тотчасъ сняли ее, какъ только онъ оставилъ Кавказъ. Убыткомъ надо считать то, что всѣ тѣ, которыхъ безъ нужды онъ осыпалъ, подобно мнѣ, великолѣпными обѣщаніями и которымъ ничего не сдѣлалъ, обратились, обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, въ его враговъ, ничтожныхъ отдѣльно, но сильныхъ въ массѣ. Мою любовь, мою преданность, мою благодарность къ князю ничто не въ состояніи истребить; но во имя правды, я долженъ сказать, что чувства эти были бы чище, если бы къ другимъ достоинствамъ, князь присоединилъ безукоризненное служеніе правдѣ, ибо для совершенства моего идеала необходимо прежде всего, чтобъ онъ олицетворялъ правду...

Какъ я сказалъ уже, съ приближеніемъ общаго разъѣзда князь постоянно занимался съ графомъ Адлербергомъ. Входя иногда въ кабинетъ князя во время этихъ занятій, я видѣлъ на столѣ реэстры кавказскихъ дѣлъ и личностей, карандашемъ набросанные и испещренные карандашевыми замѣтками. Ясно было, что эти реэстры, сопровождаемые личными объясненіями, должны были составлять для Адлерберга, а частію и для государя путеводную нить, за которую они должны держаться при предстоящемъ посѣщеніи ими Кавказа, въ отсутствіе главнаго хозяина страны. Нѣтъ сомнѣнія, что эти дѣловыя совѣщанія превращались въ дружескую бесѣду, когда, какъ я замѣтилъ уже, съ наступленіемъ поздняго вечера государь приходилъ къ князю и проводилъ тамъ большую часть ночи. Однажды, возвратившись откуда-то довольно рано, осаждаемый непріятными и тревожными мыслями относительно своей будущности, я ничего не придумалъ лучше, какъ лечь въ постель, часовъ въ 11, и сномъ прекратить мои волненія и недоумѣнія. Едва я заснулъ, какъ меня

торопливо разбудили и объявили, что князь требуетъ меня немедленно. Сосредоточивая всѣ мысли постоянно на одномъ и томъ же пунктѣ, я тотчасъ предрѣшилъ, что и это внезапное требованіе относится сюда же. Я зналъ, какъ деликатенъ князь, и былъ убѣжденъ, что онъ не велѣлъ бы меня будить, если бы дѣло не касалось собственныхъ моихъ интересовъ. Однимъ словомъ, я полагалъ, что ему удалось наконецъ устроить мое петербургское положеніе переговорами съ Адлербергомъ, а можетъ быть и самимъ государемъ и онъ спѣшитъ обрадовать меня. Человѣку такъ свойственно заблуждаться и обольщаться, несмотря на тяжкіе уроки и опыты. Одѣвшись на-скоро, я пересѣкалъ большой лугъ, раздѣлявшій извѣстный циркуль отъ дворца, съ такими же чувствами, которыя я испытывалъ нѣкогда, отправляясь въ Зимній дворецъ, одинъ разъ по требованію князя Владиміра Барятинскаго, а другой—по требованію стараго графа Адлерберга. Какъ тогда, такъ и теперь, самое могущественное и рельефное изъ этихъ чувствъ было радостное ожиданіе какихъ-то невѣдомыхъ благъ и полнѣйшаго счастія. Зато какъ тогда, такъ и теперь, меня встрѣтило полнѣйшее разочарованіе.

Едва появился я въ пріемной князя, ярко освѣщенной, какъ со всѣхъ сторонъ посыпались на меня возгласы: „ваше превосходительство! Тромповскій умеръ!" или „изволили слышать, ваше превосходительство, что генералъ Тромповскій изволили скончаться!" Извѣстіе это, разумѣется, огорчило, но не поразило меня, потому что всѣ мы ждали такого заключенія, зная, что другаго и быть не можетъ. Сознаюсь, что меня непріятно кольнуло быстро мелькнувшее въ головѣ моей соображеніе, что я потребованъ именно вслѣдствіе этого событія, но отнюдь не для блистательнаго разрѣшенія моихъ личныхъ плановъ и ожиданій. При входѣ въ кабинетъ князя я, по обычаю, нашелъ тамъ графа Адлерберга, а на столѣ кучу реэстровъ и различныхъ бумагъ, князь встрѣтилъ меня фразой:

„Знаете, нашъ бѣдный Тромповскій умеръ!!"

„Да, я знаю, ваше сіятельство!" отвѣчалъ я.

„Какъ знаете?" съ удивленіемъ спросилъ князь, „кто вамъ сказалъ?"

„Трудно сказать, кто сказалъ", продолжалъ я, „въ пріемной нѣсколько человѣкъ разомъ мнѣ сказали объ этомъ".

„Удивительное дѣло!" замѣтилъ князь, обращаясь къ Адлербергу, „ты видѣлъ, что я сейчасъ только получилъ телеграмму и вмѣстѣ съ тобою прочиталъ; ты видѣлъ, что я рѣшительно ни одному человѣку не говорилъ, а всѣ уже знаютъ. Это чортъ знаетъ что такое!"

Въ этой депешѣ братъ Тромповскаго, увѣдомляя о смерти его, просилъ князя выхлопотать дозволеніе на безпрепятственный про-

пускъ тѣла покойнаго чрезъ нашу границу на родину его, и князь, поручая мнѣ заготовить немедленно нужныя для того бумаги, по обычаю прибавилъ: „извините, что я безпокоилъ васъ!"

Съ завянувшими надеждами, темной ночью, спотыкаясь, я побрелъ черезъ мокрый лугъ въ свой циркуль, но прежде, чѣмъ я успѣлъ сдѣлать половину дороги, какъ былъ снова возвращенъ къ князю. Не оставалось уже сомнѣнія, что князь желалъ дополнить чѣмъ-нибудь свои инструкціи относительно бѣднаго Тромповскаго, и въ этомъ убѣжденіи я лѣниво снова вошелъ въ кабинетъ князя. Я говорилъ уже, что князь большой сердцевѣдецъ и умѣлъ отлично читать по физіономіи человѣка внутреннее его состояніе. Нѣтъ сомнѣнія, что по игрѣ на моей физіономіи различныхъ ощущеній, быстро смѣнявшихся, онъ хорошо видѣлъ, въ чемъ дѣло, и рѣшился, такъ или иначе, коснуться его. При вторичномъ моемъ появленіи князь сказалъ:

„Давайте, Василій Антоновичъ, кончимъ кстати (?) ваше дѣло".

Затѣмъ, обратившись къ Адлербергу, онъ продолжалъ:

„Ты знаешь его и мои къ нему отношенія. Стало быть, рекомендовать его тебѣ нечего. Къ сожалѣнію, онъ не можетъ и не хочетъ служить на Кавказѣ и бросаетъ меня. Пожалуйста, устройте вмѣстѣ съ отцомъ его здѣсь". Графъ Адлербергъ сказалъ нѣсколько любезныхъ словъ относительно меня, прибавилъ, что онъ знаетъ, какъ неохотно отецъ разставался со мной, а въ заключеніе, какъ водится, удостовѣрилъ въ полнѣйшей готовности его сдѣлать для меня все, что будетъ въ его средствахъ!

Не трудно понять было, что все, что было произнесено предо мной этими высокими царедворцами, было одною комедіею и что по этой части несомнѣнно существовалъ между ними, предварительно, другой разговоръ, какого содержанія—я, разумѣется, постичь не могъ. Плохое искусство, съ которымъ разыграна была эта комедія, впервые заронило въ меня мысль, что князь все-таки приберегаетъ меня для себя и никакъ не хочетъ дѣйствовать рѣшительно въ отношеніи къ моему петербургскому устройству. Какъ бы то ни было, я хорошо видѣлъ, что ни на такой слабой рекомендаціи князя, ни на такихъ форменно любезныхъ словахъ графа Адлерберга далеко не уѣдешь, и потому поспѣшилъ, въ видахъ собственнаго самосохраненія, заключить всю эту непріятную сцену слѣдующими словами:

„Глубоко благодаренъ вашему сіятельству; позвольте мнѣ надѣяться, что до тѣхъ поръ, пока, при благосклонномъ содѣйствіи графа Александра Владиміровича, мнѣ удастся пристроиться въ Петербургѣ, вы дозволите мнѣ сохранить мое кавказское положеніе. Иначе я очутился бы въ величайшемъ затрудненіи".

„Само собою разумѣется“, живо отвѣчалъ князь, видимо, довольный, что эти переговоры, безъ сомнѣнія, стѣснительные для него самого, такъ мирно и благополучно кончились. Чрезъ нѣсколько минутъ я принесъ ему бумаги о Тромповскомъ, которыя, несмотря на незначительность ихъ содержанія, очень ему понравились.

Хотя, по натурѣ своей, я не принадлежу къ разряду тѣхъ личностей, которыя любятъ полагаться „на авось“, напротивъ, олицетворяя въ себѣ, можно сказать, типъ русскаго человѣка, я отличаюсь отъ этого общаго типа именно тою чертою, что ни на волосъ не чувствую въ себѣ благополучной и сладкой безпечности, а постоянно смотрю за сто верстъ впередъ; тѣмъ не менѣе въ томъ положеніи, въ которомъ я тогда находился, мнѣ ничего не оставалось, какъ покориться обстоятельствамъ. Я могъ значительно успокоиться, удержавъ за собою выгоды кавказскаго положенія до того времени, когда придетъ другое положеніе. „Посмотримъ“,—думалъ я, „что будетъ дальше? Если графъ дѣйствительно устроитъ меня въ Петербургѣ—ладно; если нѣтъ, то сильный князь опять будетъ хлопотать. Въ крайнемъ же случаѣ, опять возвращусь съ нимъ на Кавказъ и буду ждать у моря погоды“. Взглянувъ съ этой точки на свое положеніе, я пересталъ о немъ думать и съ спокойнымъ духомъ погрузился въ подробности, съ предстоящими проводами князя сопряженными.

Князь Александръ Ивановичъ намекалъ, что ему было бы пріятно, если бы я проводилъ его до Штетина на царскомъ пароходѣ „Штандартъ“; но я уклонился самымъ благовиднымъ и приличнымъ образомъ отъ этой чести. Мнѣ надоѣло кочевать, и я спѣшилъ къ семьѣ, которая не переставала взывать ко мнѣ о скорѣйшемъ возвращеніи, къ семьѣ, которая манила меня въ зелень, въ рощи, въ сельскій міръ со всѣми его прелестями. Князь, видимо, гордился тѣмъ, что этотъ великолѣпный, роскошный царскій пароходъ отданъ въ его распоряженіе, всѣмъ говорилъ объ этомъ и всѣмъ предлагалъ ѣхать съ собою. И дѣйствительно, набралась порядочная толпа, которая не замедлила воспользоваться этимъ приглашеніемъ. Всѣхъ личностей этого рода я уже припомнить не могу; помню, однако, что въ числѣ ихъ былъ старый адъютантъ князя, вышедшій давно въ отставку, князь Петръ Гагаринъ съ красавицей женой и еще какія-то дамы. Съ княземъ отправился Харитоновъ, для поисковъ за границей капиталовъ, на которые можно было бы построить Закавказскую желѣзную дорогу, любимѣйшее изъ предпріятій князя. Съ княземъ ѣхалъ адъютантъ его князь Долгоруковъ, сынъ князя Василія Андреевича, но не въ качествѣ адъютанта, а въ качествѣ больнаго, ѣхавшаго искать спасенія отъ атаковавшей его кавказской лихорадки.

Наконецъ, наступило 6-ое августа, день отъѣзда государя и князя.

Это было, кажется, воскресенье. Несмотря на свое величіе, князь былъ не чуждъ нѣкоторыхъ предразсудковъ. Такъ, напр., онъ никогда не выѣзжалъ въ дорогу въ понедѣльникъ, считающійся, какъ извѣстно, самымъ тяжелымъ для всевозможныхъ начинаній. Такъ точно было и здѣсь. Государь уѣзжалъ послѣ обѣда; само собою разумѣется, что князь могъ отправиться только послѣ него; затѣмъ предстояло перелетѣть въ экипажахъ изъ Царскаго Села въ Петергофъ; тамъ сѣсть на петергофской пристани на маленькій пароходъ и переѣхать на „Штандартъ", стоящій въ морѣ, и на немъ уже тронуться въ дѣйствительный путь. Князь сильно заботился о томъ, чтобы все это было исполнено до 12-ти часовъ ночи, т. е. до наступленія понедѣльника, и далъ всѣмъ приближеннымъ соотвѣтственныя тому приказанія. Въ числѣ этихъ приказаній рельефно выдавалось то, чтобы вся свита и всѣ лица, ѣдущія съ нимъ, съ утра были въ Петергофѣ и заранѣе помѣщались и устраивались на „Штандартѣ". Князь рѣшительно предупреждалъ всѣхъ, что какъ только сядетъ на пароходъ, тотчасъ тронется и никого ожидать не будетъ. Такимъ образомъ, въ самый день отъѣзда—при князѣ въ Царскомъ Селѣ находились только двое: я и Зиновьевъ, я—по части бумажной, Зиновьевъ—по части хозяйственной и дорожной. Исполненіе моихъ обязанностей шло довольно благополучно; между Зиновьевымъ и княземъ происходили недоумѣнія, столкновенія и шумныя объясненія, какъ я уже выше замѣчалъ, было то, что Зиновьевъ, въ продолженіе всего переѣзда нашего изъ Царскаго Села въ Петергофъ, объяснялъ мнѣ, какой несносный человѣкъ этотъ князь и что только одна дружба (?) къ нему заставляетъ переносить всѣ его капризы.

Послѣ обѣда часовъ въ 6 или 7 государь пришелъ проститься съ княземъ и прямо, разумѣется, вошелъ къ нему въ кабинетъ. Пріемная князя была полна народу. Тутъ былъ графъ Ламбертъ, князь Владиміръ Барятинскій и много другихъ. Съ княземъ Владиміромъ Ивановичемъ произошла передъ тѣмъ комическая сцена. Если не ошибаюсь, онъ сдѣлалъ съ женою какое-то условіе, относящееся къ проводамъ князя, и, кажется, обѣщался выслать ей какое-то свѣдѣніе по этой части. Дѣло, сколько могу припомнить, шло о томъ, въ какомъ именно часу отправляется князь? Само собою разумѣется, что никто, кромѣ самого князя, не могъ разрѣшить этого вопроса положительно. У князя, между тѣмъ, кто-то былъ въ кабинетѣ, такъ что доступъ туда не былъ свободенъ. Князь Владиміръ Ивановичъ послѣ тщетныхъ и безплодныхъ разспросовъ по предмету, его занимающему, былъ страшно озабоченъ, находясь въ непріятномъ положеніи между этой неизвѣстностью и ожиданіемъ жены его рѣшительнаго и скораго отъ него отвѣта. Въ замѣтномъ волненіи онъ подошелъ, между про-

чимъ, ко мнѣ и сказалъ: „право, не знаю, что дѣлать?“ „Да войдите просто въ кабинетъ и спросите самого князя“, отвѣчалъ я. Послѣ нѣкотораго колебанія, подкрѣпляемый и ободряемый моими совѣтами, князь дѣйствительно вошелъ въ кабинетъ. Чрезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился, весь красный и смущенный и, не говоря ни слова, снова остановился въ какой-то видимой нерѣшимости. Я тотчасъ подошелъ къ нему и спросилъ: „ну что?“ „Да что!“ какъ-то мрачно отвѣчалъ князь, „едва я вошелъ въ кабинетъ, князь взглянулъ на меня и сказалъ: „ну, садись и ничего не говори!“ Я сѣлъ и молча слушалъ, что они тамъ толковали. Такъ прошло минутъ пять. Мнѣ надоѣло сидѣть дуракомъ. Я всталъ и вышелъ. Вотъ и все!“—„Ну пошлите сказать княгинѣ, что ничего неизвѣстно!“ замѣтилъ я.

Государь оставался у князя недолго и вышелъ отъ него съ влажными глазами. Въ пріемной онъ сталъ прощаться со всѣми и многихъ онъ обнималъ и цѣловалъ. Сколько разъ мнѣ ни случалось видѣть и слышать государя, мною всегда неотразимо овладѣвало впечатлѣніе, что прежде всего—это человѣкъ и человѣкъ прекрасной души! Когда государь удалился, всѣ бросились въ кабинетъ князя прощаться съ нимъ. Потомъ началось всеобщее прощаніе отъѣзжающихъ съ остающимися, или остающихся съ отъѣзжающими, и тутъ-то графъ Ламбертъ, худой, какъ скелетъ, когда при обниманіяхъ и лобзаніяхъ съ кѣмъ-то вышло у него какое-то замѣшательство, весьма нерѣдкое въ подобныхъ случаяхъ, остроумно замѣтилъ: „вотъ странный человѣкъ. Ищетъ у меня щекъ, которыхъ вовсе нѣтъ!“ Между тѣмъ у подъѣзда стояли два экипажа. Когда церемонія прощанья кончилась, безногаго князя вывели и усадили въ экипажъ. Съ нимъ помѣстился князь Владиміръ Ивановичъ. Въ другой экипажъ помѣстились мы съ Зиновьевымъ. Наступалъ уже темный августовскій вечеръ, и я про себя испытывалъ нѣкоторое безпокойство: успѣетъ ли князь до наступленія 12-ти часовъ сѣсть на „Штандартъ“ и тронуться въ путь. Но когда при возгласахъ: „прощайте, будьте счастливы, благополучнаго пути и т. п.“ экипажи наши помчались, именно съ быстротою стрѣлы, это безпокойство тотчасъ значительно умалилось. Скорость, съ которою летѣли эти экипажи, была изумительна! На половинѣ дороги была подстава. Въ одну минуту прежнія лошади замѣнены были новыми, свѣжими, и мы вновь помчались.

Издали уже мы могли видѣть блистательное освѣщеніе петергофской пристани и огни, которыми горѣлъ въ морѣ, на значительномъ разстояніи отъ берега, великолѣпный „Штандартъ“. На пристани была бездна народу. Во-первыхъ, тутъ находились какія-то морскія власти, въ значительномъ числѣ, торжественно встрѣтившія князя; во-вторыхъ, тутъ находились всѣ отправлявшіеся съ княземъ и погру-

зившіеся уже на „Штандартъ“; въ-третьихъ, тутъ находились остальные родные и знакомые князя, которые не могли проститься съ нимъ въ Царскомъ Селѣ, какъ, напр., все семейство князя Анатолія Ивановича и т. п.; наконецъ, тутъ находилось чуть ли не все населеніе Петергофа, жаждущее видѣть торжественное отправленіе князя-фельдмаршала, что̀ дѣйствительно составляло довольно рѣдкій и великолѣпный спектакль. Когда мы подъѣхали къ пристани и морскія власти исполнили обрядъ своего представленія, князя перенесли и усадили на маленькомъ пароходѣ, на который въ то же время помѣстились и всѣ родные и приближенные князя. Пароходикъ зашумѣлъ, двинулся и благополучно доставилъ насъ на „Штандартъ“, какъ я сказалъ уже, блистательно освѣщенный огнями, остановясь потомъ въ нѣкоторомъ отъ него отдаленіи въ ожиданіи тѣхъ, которыхъ онъ долженъ былъ доставить обратно на берегъ. Само собою разумѣется, что я рѣшительно ничего не смыслю въ морскомъ дѣлѣ вообще, а въ качествѣ и достоинствѣ морскихъ судовъ въ особенности; но „Штандартъ“ показался мнѣ просто чудомъ великолѣпія и роскоши.

Ночь была темная; до 12 часовъ еще было далеко, и всѣ мы, остающіеся, имѣли время и возможность подробно разсмотрѣть этотъ чудный водяной царскій дворецъ. Каждый изъ тѣхъ, кто ѣхалъ съ княземъ, тащилъ въ свою каюту и въ каждой каютѣ надобно было удивляться комфорту, уютности, роскоши и богатству. Этотъ безпрерывный переходъ изъ одного отдѣленія парохода въ другое, изъ одной каюты въ другую — едва-ли не былъ причиною моей гибели, самой глупой изъ всѣхъ родовъ гибели. При входѣ въ какую-нибудь каюту, я тотчасъ останавливался, отбрасывался всѣмъ тѣломъ къ стѣнѣ и въ этомъ положеніи обозрѣвалъ всѣ прелести, какія мнѣ указывалъ и объяснялъ хозяинъ каюты. Эта поза, эта наклонность откидываться назадъ, сдѣлалась на это время какою-то потребностью, какою-то безотчетною привычкою. Когда, по окончаніи обозрѣнія роскошныхъ частностей парохода, я, сопровождаемый пріятелями, вышелъ на палубу, эта привычка продолжала господствовать надо мною и невольно тянула меня откинуться къ стѣнѣ. Я сказалъ уже, что ночь была темная сама по себѣ, а отъ огней, находившихся на пароходѣ, казалась еще темнѣй, такъ что не было никакой возможности отдѣлить линіи борта отъ окружающаго мрака. Увлекаемый этою привычкою и какимъ-то непостижимымъ самозабвеніемъ, я, приблизившись къ борту, также откинулся назадъ, какъ-то смутно предполагая здѣсь стѣну. Этого момента изобразить невозможно; но безъ чувства невольнаго страха я и теперь не могу о немъ вспомнить. Линія тоньше волоска спасла меня отъ смерти. Какъ я удержался, чтобы не перевалиться за бортъ, тоже объяснить не могу;

тутъ уже была какая-то инстиктивная сила самохраненія, чуждая всякаго соображенія, сила, которая заставляетъ насъ мгновенно закрывать глаза, когда имъ что-нибудь угрожаетъ, сила, которая меня, рѣшительно мертваго, выталкивала изъ воды при извѣстной катастрофѣ, ознаменовавшей мое дѣтство.

Часъ отправленія приближался. Сначала князя помѣстили на палубѣ въ предположеніи, что онъ потомъ спустится въ свое постоянное помѣщеніе. Князь сидѣлъ погруженный въ величайшую задумчивость и не говорилъ ни съ кѣмъ ни изъ родныхъ, ни изъ приближенныхъ, которые издали посматривали на него и не рѣшались къ нему приближаться. Потомъ князь выразилъ желаніе помѣститься „въ рубкѣ", въ стеклянной, такъ сказать, палаткѣ, устроенной подъ палубой. Когда его перевели туда—началось окончательное прощаніе. Первою вошла къ нему, и то послѣ нѣкоторыхъ колебаній, жена князя Анатолія Ивановича, жеманная княгиня Олимпіада Владиміровна, которую князь не любилъ, что, конечно, и было главною причиною тѣхъ стѣснительныхъ отношеній, въ которыхъ находилось къ нему семейство князя Анатолія и о которыхъ я не разъ уже говорилъ. Когда очередь дошла до меня, я бодро вошелъ въ эту „рубку" и приблизился къ князю. Трудно передать ту нѣжность, съ которою онъ прощался со мной.

Онъ обнялъ меня нѣсколько разъ и сказалъ, что гдѣ бы онъ ни былъ, что бы съ нимъ ни было, онъ никогда не забудетъ и не оставитъ меня. Однимъ словомъ, это прощаніе снова возвратило ему всю преданность мою, заставило забыть всѣ тѣ вещи, о которыхъ я выше говорилъ, снова поворотило къ нему, такъ сказать, мою душу, въ которой всегда существовало страшное обиліе какой-то естественной и ничѣмъ несокрушимой симпатіи къ этому человѣку. Прощанія кончились; всѣ остающіеся пересѣли на маленькій пароходъ, который и двинулся назадъ почти въ тотъ же моментъ, когда великолѣпный „Штандартъ" ринулся впередъ. Долго мы, оставшіеся, смотрѣли на огни, которые несъ на себѣ „Штандартъ". Вѣтеръ усиливался; волненіе разводило болѣе и болѣе, и въ числѣ многоразличныхъ примѣчаній, которыя мы дѣлали относительно путешествія князя, высказывалось опасеніе, каково-то онъ проведетъ первую ночь.

Ступивъ на берегъ петергофской земли, я тотчасъ увидѣлъ свое личное ничтожество, въ отдѣльности отъ князя, когда не прикрывался его силою и могуществомъ, и этотъ мотивъ послужилъ мнѣ для самыхъ „комическихъ" сравненій и разсужденій съ семействомъ князя Анатолія Ивановича, съ которымъ я вмѣстѣ прорѣзывалъ, въ непроницаемой почти тьмѣ, петергофскій паркъ. Въ самомъ дѣлѣ и Петергофъ и Царское Село остались тѣ же; но мои отношенія къ нимъ,

вслѣдствіе отъѣзда князя, мгновенно измѣнились въ самой позорной степени. Давно ли я величественно проживалъ въ одномъ изъ отдѣленій петергофскаго царскаго жилища и столь же величественно отдавалъ приказанія толпѣ придворныхъ лакеевъ, болтавшихся предъ нашими комнатами; теперь, отдѣленный отъ князя, могъ ли я обратиться къ придворному истопнику иначе, какъ въ качествѣ просителя. То же было и въ отношеніи Царскаго Села. Въ одно время съ отъѣздомъ князя я приказалъ моему камердинеру, со всѣми моими пожитками, отправляться въ Петербургъ и водвориться, по-прежнему, въ гостиницѣ „Парижъ". Такимъ образомъ и тамъ прерваны были всѣ возвышенныя отношенія, и нѣтъ сомнѣнія, что мое самолюбіе подверглось бы страшному пораженію, если бы я вздумалъ требовать тамъ или здѣсь ночлега на прежнихъ основаніяхъ. Мы много и весело смѣялись надъ этими соображеніями. Въ заключеніе ихъ милый князь Анатолій Ивановичъ радушно предлагалъ мнѣ ночлегъ у себя на своей петергофской дачѣ; но мнѣ самому уже хотѣлось вырваться поскорѣе изъ этой сферы, въ которой мое положеніе подверглось столь невыгодному превращенію; и потому, уклонившись отъ этого любезнаго предложенія, я льстилъ себя надеждою тотчасъ умчаться въ Петербургъ. Къ счастью въ этомъ предпріятіи я нашелъ сотоварища въ комъ-то изъ личностей, провожавшихъ князя. Выбравшись изъ темнаго парка на петергофскія улицы и распрощавшись съ милымъ семействомъ князя Анатолія Ивановича, мы усердно принялись отыскивать средства къ немедленному переѣзду въ Петербургъ и немилосердно стучались въ закрытыя окна спавшихъ домовъ, гдѣ предполагали найти эти средства. Разбуженные ямщики выходили къ намъ, почесывались по русскому обычаю, спрашивали „что надо?", потомъ говорили, что „можно", а потомъ объявляли такую цѣну, отъ которой едва можно было удержаться на ногахъ. Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ попытокъ мы пришли къ заключенію, что намъ предстоитъ или разориться, если рѣшиться ѣхать, или переночевать въ какой-нибудь дрянной петергофской гостиницѣ, если хотимъ оградить наши карманы отъ сильнаго разстройства. Экономическія соображенія, которыхъ преимущественно держался мой ночной сотоварищъ, взяли верхъ, и мы сочли болѣе благоразумнымъ провести ночь въ Петергофѣ, что̀ и было исполнено. На другой день съ первымъ поѣздомъ желѣзной дороги мы помчались въ Петербургъ.

IX.

Пониженіе фондовъ князя.—Сравненіе пріѣзда князя въ 1859 году съ пріѣздомъ его въ 1861 году.—Невыгодные результаты этого сравненія.—Пиръ мой съ товарищами на минеральныхъ водахъ.—Поѣздка моя въ подмосковную.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Свиданіе и объясненіе мое съ графомъ Адлербергомъ.—Соглашеніе мое съ Милютинымъ —Нашъ кавказскій кружокъ.—Князь Иванъ и князь Ираклій—Грузинскіе.—Извѣстія о князѣ Барятинскомъ.

Излагая разсказъ мой о пріѣздѣ князя изъ-за границы въ Петербургъ, я долженъ сказать, что какъ ни почетны, какъ ни блистательны были для него различныя частности, сюда относящіяся, но общій характеръ этого пребыванія здѣсь князя далеко не представлялъ того торжественнаго величія, которымъ сопровождался пріѣздъ его въ Петербургъ въ 1859 году. Самое безграничное вниманіе къ князю со стороны государя было равносильно какъ тогда, такъ и теперь; но нельзя было не замѣтить, что въ 1859 году оно сопровождалось сильнымъ народнымъ, такъ сказать, сочувствіемъ. Общество торжествовало побѣду восточнаго Кавказа, плѣнъ страшнаго врага Шамиля и чествовало побѣдителя. Здѣсь вниманіе государя являлось какъ-то одинокимъ. Въ воздухѣ какъ-то слышалось, что общественное значеніе князя слабѣетъ. Можно было думать, что враги князя, хотя и не кончили своихъ подкоповъ подъ него, однако, работа ихъ не пропала даромъ. Однимъ словомъ, видно было, что между 1859 и 1861 годами есть разница и, разумѣется, не въ пользу князя. Нѣтъ сомнѣнія, что этой разницѣ, независимо отъ козней враговъ князя, много содѣйствовало абадзехское дѣло. Дѣло это, какъ я разсказывалъ уже, принято было, какъ полное покореніе этого народа, и за него собственно князь получилъ чинъ фельдмаршала, а между тѣмъ скоро оказалось, что тутъ полнаго покоренія не было, а были только какія-то условія съ нимъ, сочиненныя Филипсономъ и довольно неудачныя для достоинства государства. Благопріятели князя не замедлили протрезвонить, что вся эта штука искусственно выдѣлана самимъ княземъ именно для того, чтобы сдѣлаться фельдмаршаломъ, тогда какъ онъ не былъ въ ней нисколько не виноватъ и болѣе, чѣмъ кто-либо, негодовалъ за нее на Филипсона. Нельзя отрицать и того, что переворотъ, сдѣланный княземъ въ Мингрельскомъ дѣлѣ, тоже былъ, по всей вѣроятности, одною изъ причинъ нѣкотораго охлажденія къ нему со стороны высшихъ слоевъ общества, гдѣ хитрая княгиня Дадьянъ умѣла представить себя съ сыномъ жертвами деспотизма и произвола князя. Однимъ словомъ, сравненіе 1859 года съ 1861 годомъ было невыгодно въ отношеніи къ князю. Отъ прозорливаго его ума не могли ускользнуть результаты этого сравненія и, смотря на его за-

думчивую позу при его отъѣздѣ, о которой я упоминалъ, я имѣлъ нѣкоторое основаніе предполагать, что это сравненіе и его результаты именно и составляютъ предметъ его глубокихъ размышленій.

Но обстоятельства, впослѣдствіи объяснившіяся, если не совсѣмъ уничтожили это предположеніе, то значительно его ослабили. Оказалось, что у князя былъ и другой предметъ, достойный еще болѣе его глубокихъ размышленій. Основываясь на различныхъ источникахъ, я говорилъ уже, что тотчасъ по пріѣздѣ изъ Дрездена въ Петербургъ и при первомъ свиданіи съ государемъ, князь сообщилъ ему какіе-то политическіе планы, придуманные и обдуманные имъ за границей и что князь тутъ же прибавилъ, что князь Горчаковъ не годится для завѣдыванія нашими иностранными дѣлами. Государь, какъ я тоже говорилъ, въ тотъ же день послалъ князя Горчакова къ князю, но относительно политическихъ его соображеній не высказалъ никакого рѣшительнаго мнѣнія. Въ такомъ положеніи оставалось дѣло во все продолженіе пребыванія князя въ Петербургѣ. Только при самомъ отъѣздѣ князя, какъ оказалось впослѣдствіи, государь сказалъ ему коротко и рѣшительно, что онъ хорошо помнитъ все то, что говорилъ ему князь, но что онъ имѣетъ на этотъ счетъ свои убѣжденія и считаетъ своимъ долгомъ, какъ солдатъ на часахъ, стоять на стражѣ этихъ убѣжденій. Такимъ образомъ, если князь и имѣлъ поводъ задумываться надъ сравненіемъ своего появленія въ Петербургѣ въ 1859 и 1861 годахъ, то еще большій поводъ имѣлъ онъ углубляться въ размышленія по поводу этихъ многозначительныхъ словъ государя. Ясно было, что съ принятіемъ его плановъ должно было установиться и его государственное вліяніе. Ясно было, что, съ отстраненіемъ этихъ плановъ, князь терялъ всѣ разсчеты и надежды на это могущественное вліяніе.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что мнѣ совершенно неизвѣстно, что было предложено княземъ государю и, слѣдовательно, что государемъ отвергнуто; но не подлежитъ сомнѣнію, что князь, какъ я говорилъ уже, имѣлъ громадное вліяніе на образованіе варшавскаго управленія и даже не только на это образованіе, но и на установленіе самой системы дѣйствій въ этомъ краѣ. Извѣстно, что въ первое время эта система отличалась либерализмомъ и гуманностью и только тогда, когда этимъ путемъ дѣла наши пошли отвратительно, она была замѣнена другою, противуположною, Муравьевскою, системой, которая, такъ или иначе, вызвала рукоплесканія русскаго народа. Обстоятельство, что князь имѣлъ вліяніе на установленіе первоначальной системы, доказывается словами моего кавказскаго пріятеля, генерала Фадѣева, который лѣтомъ 1865 года ѣздилъ за границу, видѣлся съ княземъ, а потомъ, пріѣхавъ въ Петербургъ и въ теченіе

цѣлаго мѣсяца, и почти ежедневно, проводилъ время у меня на дачѣ. Фадѣевъ, какъ я говорилъ уже, былъ однимъ изъ приближенныхъ людей князя и двѣ недѣли жилъ у него на дачѣ, близъ Лондона. Въ постоянныхъ бесѣдахъ съ нимъ, Фадѣевъ постоянно слышалъ сѣтованія князя за несправедливые, по его мнѣнію, укоры, обращенные къ нему самимъ государемъ, за совѣты, которые онъ давалъ по польскимъ дѣламъ, совѣты, не оправдавшіеся на дѣлѣ. По словамъ Фадѣева, князь утверждалъ, что совѣты были хороши; но ихъ не умѣли исполнить. Какъ бы то ни было, ясно, что князь давалъ совѣты относительно веденія польскихъ дѣлъ, что совѣты эти были приняты, оказались неудобными и что князь подвергся за нихъ упрекамъ...

Въ октябрѣ я со всѣмъ своимъ семействомъ переселился въ Петербургъ, гдѣ я по-прежнему и водворился въ гостиницѣ „Парижъ“.

Свѣдѣнія, которыя я нашелъ въ Петербургѣ, были неопредѣленны и неинтересны. Было извѣстно, что государь посѣтилъ Кавказъ, остался всѣмъ доволенъ и разсыпалъ бездну наградъ, разумѣется, по программамъ князя, сочиненнымъ въ Царскомъ Селѣ. Возвратившійся изъ-за границы Харитоновъ, безплодно искавшій тамъ капиталовъ для Закавказской желѣзной дороги, сообщилъ, что князь по-прежнему продолжаетъ лѣчиться, но что въ положеніи его нѣтъ особенныхъ перемѣнъ. Вслѣдъ за Харитоновымъ пріѣхало въ Петербургъ много кавказскихъ личностей, частью тоже изъ-за границы, а частью изъ Тифлиса и все это селилось въ гостиницѣ „Парижъ“, которую въ шутку мы переименовали въ „Кавказскую гостиницу“. Здѣсь были князь Георгій Багратіонъ-Мухранскій, пріѣхавшій изъ Тифлиса въ отпускъ, Дюкруаси, князь Ираклій Грузинскій и много другихъ, такъ что у насъ образовалась довольно многочисленная кавказская колонія. Понятно, что какъ ни была мила эта колонія, я не могъ сосредоточить въ ней всѣ мои интересы и продолжалъ мечтать о моемъ петербургскомъ устройствѣ. Какъ ни ясно было данное мнѣ разрѣшеніе сохранить мое кавказское положеніе до тѣхъ поръ, когда оно будетъ замѣнено другимъ, столь же прочнымъ положеніемъ, вопросъ этотъ, при моемъ заботливомъ характерѣ, началъ значительно возмущать мое спокойствіе.

Я рѣшился идти къ его разъясненію и атаковать графа Александра Адлерберга. Облеченный въ парадную форму, я отправился въ одно сквернѣйшее утро къ этому милому, но беззаботному царедворцу. Кто когда-нибудь имѣлъ съ нимъ дѣло, тотъ знаетъ, до какой степени затруднителенъ доступъ къ нему. Вѣчно: „спитъ“ или „нѣтъ дома!“ Дѣйствительно ли онъ такъ много спитъ или такъ рѣдко бываетъ дома—Богъ его знаетъ; только изъ тысячи разъ, въ которые

вы, разумѣется, малозначительный и не находящійся въ прямыхъ великосвѣтскихъ съ нимъ отношеніяхъ, явитесь къ нему, девятьсотъ девяносто семь разъ вы непремѣнно услышите отъ его людей этотъ отвѣтъ. На этотъ разъ я былъ счастливѣе. Начать съ того, что всѣ люди его хорошо меня знали; потомъ моя мундирная форма съ присовокупленіемъ различныхъ регалій производила на нихъ нѣкоторое впечатлѣніе. Но, нисколько не полагаясь, однако, на эти благопріятныя условія, я объявилъ имъ, что мнѣ необходимо видѣть графа по порученію князя Александра Ивановича. Значеніе князя въ домѣ графа Александра Владиміровича было необъятно и по взаимной дружбѣ ихъ и по близкимъ отношеніямъ того и другаго къ государю. Слѣдствіемъ всѣхъ этихъ предварительныхъ мѣръ было то, что мнѣ сказали: „не угодно ли подождать? Графъ еще почиваетъ!“ Само собою разумѣется, что я готовъ былъ ждать сколько угодно, лишь бы добиться объясненія съ этимъ безспорно добрымъ, но столь же безспорно малодоступнымъ господиномъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что изъ всѣхъ положеній въ жизни, самое отвратительнѣйшее—это положеніе просителя. Какъ различенъ одинъ и тотъ же человѣкъ, когда онъ проситъ и когда не проситъ! Какія чудовищно различныя чувства испытываетъ онъ въ томъ и другомъ положеніи. Едва наступила необходимость просить, человѣкъ какъ-будто перерождается. Куда дѣвается его спокойное достоинство, его самоувѣренность? Откуда берется какая-то подлѣйшая трусость, неодолимая наклонность къ самоуничиженію? Я живо помню, что, въ ожиданіи окончательнаго пріема, я невольно сравнивалъ мое настоящее положеніе съ положеніемъ своимъ въ департаментѣ общихъ дѣлъ, когда я самъ величаво принималъ какого-нибудь губернатора или столь же величаво приглашалъ его, чрезъ докладчика, повременить нѣсколько минутъ. Сравненіе это заставляло меня краснѣть. Какъ некрасивъ показался бы я въ эту минуту моимъ многочисленнымъ сотрудникамъ и подчиненнымъ, которые относились ко мнѣ, всегда, какъ къ начальнику сильному, стойкому и характерному! Этотъ сильный и характерный начальникъ въ сію минуту былъ довольно жалокъ. Прождавъ уже, быть можетъ, болѣе часу, онъ испытывалъ самое тревожное опасеніе, что его сіятельство, проснувшись, изволитъ выслать сказать, что извиняется, сожалѣетъ и т. п., а принять не можетъ.

Но имя князя Александра Ивановича и здѣсь меня выручило. По разнымъ признакамъ видно было, что ему доложили обо мнѣ, какъ явившемся отъ князя. Это предположеніе вполнѣ подтвердилось съ первыхъ словъ нашего свиданія и объясненія. Графъ, принявъ меня въ своемъ роскошномъ кабинетѣ, проявилъ вполнѣ свою любез-

ность царедворца и усадилъ меня подлѣ себя въ покойное кресло. Послѣ нѣкоторыхъ вступительныхъ фразъ, когда графъ, очевидно, ожидалъ изложенія извѣстій о князѣ и порученій его, съ которыми я пришелъ, я прямо приступилъ къ своему дѣлу и тотчасъ замѣтилъ, что графъ сильно покраснѣлъ. Что значила эта краска—одинъ онъ, да всевѣдающій Богъ знаетъ! Было ли то непріятное разочарованіе, что я пришелъ не отъ князя, а отъ самого себя; было ли то внутреннимъ укоромъ для него, что онъ забылъ и меня и порученіе, данное относительно меня княземъ; было ли то затрудненіе, внезапно наступившее—разыграть прилично и искусно условленную между имъ и княземъ комедію? Все это осталось для меня, какъ говорится, покрытымъ мракомъ неизвѣстности. Но тотъ фактъ, что графъ покраснѣлъ, подѣйствовалъ на меня самымъ непріятнымъ образомъ, — какъ нѣчто зловѣщее. Было бы безполезно передавать всѣ подробности нашего свиданія, да я ихъ и припомнить не могу; сущность его состояла главнѣйше въ доказательствахъ съ моей стороны, что, при совокупной силѣ такихъ могущественныхъ людей, какъ князь, онъ, графъ Адлербергъ, и отецъ его, другой графъ Адлербергъ—можно все сдѣлать, и въ увѣреніяхъ съ его стороны, что онъ съ радостью готовъ сдѣлать все, что можетъ, но что для этого нуженъ благопріятный случай, что онъ переговоритъ съ отцомъ и долгомъ поставитъ увѣдомить меня объ этомъ. Во всемъ этомъ была бездна любезности, деликатности, вѣжливости; но сквозь эту нѣжную сѣтку виднѣлась совершенная пустота и полнѣйшее отсутствіе всего прочнаго, солиднаго, существеннаго. Я видѣлъ, что тутъ толку никакого не будетъ, не по отсутствію, быть можетъ, желанія сдѣлать для меня что-нибудь, но уже по одной безпечности, какой-то умственной распущенности, которая, если иногда сосредоточивалась на чемъ-нибудь, то уже никакъ не болѣе, какъ на своихъ собственныхъ интересахъ. Такой безнадежный взглядъ на дѣло умѣрялся нѣсколько смутнымъ предположеніемъ, что, если графъ Александръ Владиміровичъ дѣйствительно переговоритъ съ отцомъ, то изъ этого можетъ еще выйти что-нибудь. Мнѣ казалось, что старый графъ, такъ упорно противодѣйствовавшій переходу моему изъ его вѣдомства на Кавказъ, всегда высоко цѣнившій мои дарованія, наконецъ, прочившій меня, по собственнымъ его словамъ, въ директоры канцеляріи своего министерства, будетъ радъ пріобрѣсти меня опять въ свою команду. Вступать въ личныя объясненія съ старымъ графомъ по этой части я не хотѣлъ, придавая всему этому дѣлу такой видъ, что хлопочу не я самъ, а хлопочетъ за меня князь Александръ Ивановичъ. И это предположеніе оказалось тоже неосновательнымъ. Говорилъ ли графъ Александръ съ графомъ Владиміромъ—я не знаю; но скоро

явилось обстоятельство, окончательно подтвердившее, что ни отъ того, ни отъ другаго ожидать рѣшительно нечего.

Вотъ въ чемъ дѣло: милый и добрый Пейкеръ, о которомъ я выше говорилъ, описывая погребеніе императора Николая, и который былъ потомъ директоромъ капитула орденовъ, скоропостижно умеръ. Я тотчасъ написалъ графу Александру Адлербергу, который въ это время жилъ въ Царскомъ Селѣ, что если онъ дѣйствительно желаетъ исполнить просьбу князя и устроить меня, то болѣе благопріятнаго случая и ожидать нельзя. Надо замѣтить, что какимъ-то чудомъ всему городу было уже извѣстно, что на Адлербергахъ лежитъ миссія устроить меня. Поэтому, съ открытіемъ вакансіи мѣста директора капитула, многіе поздравляли меня съ этимъ мѣстомъ, какъ уже неотъемлемо мнѣ принадлежащимъ. Я помню именно въ это время былъ какой-то обѣдъ у Владиміра Петровича Буткова, и за этимъ обѣдомъ всѣ относились ко мнѣ, какъ уже къ назначенному директоромъ капитула. M-me Буткова расписывала мнѣ дружелюбно, какая у меня славная, большая квартира будетъ, какъ пріятно имѣть постоянно придворный экипажъ и т. п. Вообще, дѣло имѣло такой видъ, что я самъ считалъ осуществленіе его возможнымъ. Въ чиновныхъ мірахъ ходило много нелѣпѣйшихъ слуховъ, сюда относящихся. Говорили, напр., что князь Александръ Ивановичъ высылалъ изъ-за границы въ пользу мою телеграммы государю и обоимъ Адлербергамъ и т. п. Между тѣмъ, конецъ и разрѣшеніе всѣхъ этихъ волненій былъ самый печальный для меня. Въ одинъ прекрасный день, а именно 17-го ноября 1861 г., я получилъ отъ графа Александра Адлерберга слѣдующее письмо: „Къ сожалѣнію, любезный и многоуважаемый Василій Антоновичъ, въ самый день смерти Пейкера, мѣсто его было уже отдано товарищу Тюрберту, которому оно было обѣщано, какъ наслѣдство. Мнѣ крайне прискорбно, что обстоятельства лишаютъ меня возможности сдѣлать вамъ пріятное, ибо вы не можете сомнѣваться въ моемъ желаніи оказать вамъ услугу, равно какъ и въ искренности чувствъ моего къ вамъ уваженія и преданности. Графъ Адлербергъ".

Такимъ образомъ всѣ разсчеты на Адлерберговъ лопнули, какъ мыльный пузырь. Оставалось предаться ожиданіямъ новаго пріѣзда князя Александра Ивановича въ Петербургъ и дальнѣйшихъ его распоряженій, а въ крайнемъ случаѣ и обратнаго шествія моего въ страну Кавказа, съ разсчетомъ на лучшія времена.

Само собою разумѣется, что въ этомъ неопредѣленномъ ожиданіи не было ничего утѣшительнаго, да другаго нечего было дѣлать. Бѣгать по переднимъ разныхъ министровъ я никакъ не рѣшался изъ опасенія уронить свое личное достоинство и достоинство князя,

какъ моего покровителя. Кромѣ того, такая практика была отвратительна для моего характера, къ которому природа подмѣшала значительную, быть можетъ не въ мѣру, долю самолюбія и гордости. Надо замѣтить, впрочемъ, Милютинъ, сдѣлавшись уже военнымъ министромъ и хорошо знавшій мое положеніе и мои ожиданія, самъ постоянно принималъ во мнѣ участіе и предложилъ мнѣ соглашеніе, о которомъ я всегда буду вспоминать съ благодарностію. Послѣдующія обстоятельства такъ сложились, что въ осуществленіи этого соглашенія не было уже надобности; но въ то время, о которомъ говорю, оно представляло для меня много утѣшительнаго. Дѣло въ томъ, что наши кавказскіе оклады содержанія, искусственно дополняемыезъ и различныхъ источниковъ, значительно превосходили оклады петербургскіе, присвоенные однороднымъ должностямъ.

Такъ, напр., мой прямой окладъ по высшей изъ должностей моихъ составлялъ 4.500 р., въ дѣйствительности же я получалъ до 7 тыс. руб. Добрый Милютинъ, изъявляя полнѣйшую готовность пристроить меня въ своемъ министерствѣ, находилъ рѣшительно невозможнымъ сохранить мой кавказскій окладъ, утверждая, что въ его министерствѣ выше 5 т. р. никто не получаетъ. И этотъ окладъ, по его объясненію, составляется особеннымъ образомъ: собственно прямаго содержанія полагается до 3.500 руб., а 1.500 руб. назначается дополнительно, каждый разъ по особымъ высочайшимъ повелѣніямъ. Поэтому между нами условлено было такимъ образомъ, что, если до возвращенія князя или при его возвращеніи, я не успѣю устроиться лучшимъ образомъ, тогда князь напишетъ письмо извѣстнаго содержанія Милютину, Милютинъ доложитъ его подлинникомъ государю, и я войду въ составъ военнаго министерства съ окладомъ въ 5 тыс. руб. Въ отношеніи любезности Милютина соглашеніе это, какъ я сказалъ уже, было для меня очень пріятно; но я рѣшился держать его въ запасѣ и воспользоваться имъ только въ случаѣ крайней необходимости.

Съ такимъ рѣшеніемъ я предался самому бездѣятельному и безплодному существованію. Главныя черты этого существованія состояли въ томъ, что мы почти ежедневно собирались въ своемъ кавказскомъ кружкѣ, предаваясь воспоминаніямъ о тифлисскомъ житьѣ-бытьѣ нашемъ и многоразличнымъ предположеніямъ о томъ, что дальше будетъ? Самымъ существеннымъ занятіемъ нашимъ были обѣды. Если не ежедневно, то большею частью мы обѣдали вмѣстѣ и гурьбой отправлялись или къ Милютину, у котораго мало было гастрономическихъ прелестей, но зато всегда много радушія къ его прежнимъ землякамъ, или къ Новосельскому, который въ это время, хотя уже сильно катился подъ гору, но опутанный кавказскими дѣ-

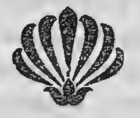
лами, считалъ нужнымъ ухаживать за нами и угощать обѣдами, которые вообще играли сильную роль во всей его эфемерной карьерѣ. Вся геніальность, которую одно время ему приписывали, заключалась, кажется, единственно въ томъ, что онъ постигъ, едва-ли не лучше всѣхъ, могущество обѣдовъ во всѣхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ. Англійскій клубъ служилъ намъ также постояннымъ пріютомъ, гдѣ мы собирались, обѣдали, играли подъ главнымъ предводительствомъ князя Ивана Грузинскаго, стараго члена клуба и вообще мастера въ занятіяхъ этого рода, тѣмъ болѣе, что у него и не было рѣшительно никакихъ другихъ занятій. Къ этому присоединялись наши очередные обѣды и ужины, сегодня, напр., у князя Мухранскаго, завтра у князя Ираклія Грузинскаго, который вообще старался поддержать въ лицѣ своемъ достоинство наслѣдника грузинскихъ царей, и т. д.

Князь Ираклій былъ очень умный человѣкъ, но съ чрезвычайно желчной натурой. Всѣ его взгляды, мнѣнія, разговоры, постоянно проникнуты были злѣйшей ироніей. Онъ смѣялся надо всѣмъ и критиковалъ все. Можно было безошибочно предвидѣть, что если бы онъ могъ только, то перевернулъ бы все вверхъ дномъ и прежде всего выгналъ бы изъ Грузіи русскихъ, къ которымъ онъ не имѣлъ рѣшительно никакой симпатіи. Постоянное раздраженіе, истекавшее изъ его натуры, вѣроятно, значительно увеличивалось различными и весьма серьезными недугами, которыми онъ постоянно страдалъ. Какъ бы то ни было, онъ и по своимъ средствамъ и по своему уму успѣлъ пріобрѣсти въ нашемъ кружкѣ какое-то первенство. Мы не только не стѣснялись его раздражительностью, но даже любовались ею, потому что, исполненная всегда остроумія, она никогда не выходила изъ границъ приличія. И, Боже мой! сколько доставалось отъ него бѣдному князю Ивану Грузинскому, который представлялъ собою личность, совершенно противуположную, по своимъ свойствамъ, князю Ираклію Грузинскому. Въ какой степени одинъ былъ золъ и уменъ, въ такой же точно другой былъ добродушенъ. Схватки ихъ, постоянныя и ежедневныя, представляли для насъ истинный и чрезвычайно занимательный спектакль. Схватки эти точно также никогда не выходили изъ границъ приличія, хотя они и задѣвали иногда заживо добродушнаго и вѣчно веселаго князя Ивана. По крайней мѣрѣ, оставаясь со мной наединѣ, онъ нерѣдко жаловался на неумѣстную рѣзкость князя Ираклія. Впрочемъ, оба они представляли два истинныхъ типа грузинъ: говорливые, крикливые, какъ будто бранчивые, но почти никогда не доходящіе до серьезной ссоры.

Само собою разумѣется, что гдѣ бы мы ни были, главнымъ предметомъ нашихъ бесѣдъ былъ постоянно тотъ же князь Александръ Ивановичъ Барятинскій, имѣвшій удивительное и непонятное свой-

ство приковывать къ себѣ вниманіе и быть именно всегда и вездѣ предметомъ разговоровъ. Въ Тифлисѣ, напр., можно безъ преувеличенія сказать, едва сойдутся два, три человѣка—рѣчь, какое бы начало ни имѣла, непремѣнно свернется на князя. Я принадлежалъ тамъ ко всевозможнымъ кружкамъ и рѣшительно не помню, чтобы когда-нибудь бесѣда обходилась безъ того, чтобы косточки князя оставались не перемытыми. Помню очень хорошо, что я много разъ обращалъ на это странное обстоятельство вниманіе своихъ друзей и знакомыхъ. Всѣ, какъ и я, удивлялись такому явленію и объясняли его безспорнымъ превосходствомъ и исключительностью замѣчательной натуры князя. Всѣ соглашались въ томъ, что его можно любить или ненавидѣть, можно хвалить или бранить, но что это человѣкъ изъ ряду вонъ! И что говорить о другихъ: люди хорошіе или нехорошіе—и только. Не то князь Александръ Ивановичъ Барятинскій! Я помню, что тотъ кружокъ, который самъ князь называлъ кружкомъ умниковъ, который заключалъ въ себѣ Фадѣевыхъ, Бартоломеевъ, Иваницкихъ и пр., и къ которому я принадлежалъ, сходясь, начиналъ Барятинскимъ и кончалъ Барятинскимъ, и кончалъ потому, что наступалъ четвертый часъ утра, а вовсе не потому, чтобы нечего уже было говорить о немъ, ибо на другой день начиналась та же нескончаемая исторія... Такъ точно было и здѣсь. Казалось бы: князь за границей, что тутъ толковать? Между тѣмъ толки въ нашемъ кружкѣ, постоянно сосредоточиваясь на этой личности, продолжались прежнимъ порядкомъ... Понятно, что, если они могли существовать при нормальномъ, такъ сказать, теченіи дѣлъ, то не трудно представить себѣ, какое оживленіе они получили, когда явилось обстоятельство, совершенно неожиданное и совершенно невѣроятное...

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ БОЛГАРІИ.

(Воспоминанія офицера германскаго штаба).

Письмо флигель-адъютанта полковника Шепелева графу Д. А. Милютину [1]).

VII [2]).

Письмо флигель-адъютанта полковника Шепелева къ графу Милютину отъ 8 (20) сентября 1879 г.—Поясненія къ этому письму.—Поѣздка моя въ Ливадію и Петербургъ.—Доклады государю императору, графу Милютину и Н. К. Гирсу.—Возвращеніе въ Софію.

София 8 (20) сентября 1879 г.

Милостивый Государь Графъ Дмитрій Алексѣевичъ.

Вотъ уже два мѣсяца, какъ Болгарское Княжество вступило на путь самостоятельной государственной жизни, подготовленный ему заботами русскаго правительства, и положеніе, занятое первымъ министерствомъ, успѣло уже настолько обрисоваться, что я считаю возможнымъ представить вашему сіятельству краткій очеркъ настоящей политической физіономіи страны, который до извѣстной степени можетъ уяснить послѣдующій ходъ дѣлъ.

Еще въ бытность князя Александра въ Тырновѣ установленъ былъ списокъ перваго болгарскаго кабинета, въ составъ котораго предназначены были лица, принадлежавшія, къ такъ называемой, умѣренной или консервативной партіи, бывшей, однако, въ меньшинствѣ въ тырновскомъ учредительномъ собраніи. Между этой партіи,

---

[1]) Всѣ приводимые мною документы частью сохранились у меня отъ прежняго времени, частью же находятся въ военно-ученомъ архивѣ главнаго штаба. П. П.

[2]) См. „Русскую Старину“ 1906 г. февраль.

дѣйствительно, легче было найти людей, болѣе или менѣе образованныхъ и пригодныхъ къ занятію министерскихъ постовъ, поэтому, естественно, князь Александръ и нѣкоторые изъ его совѣтниковъ, склонялись въ пользу составленія однороднаго кабинета, именно изъ этихъ лицъ. Съ другой стороны, я находилъ, что при образованіи перваго министерства не слѣдовало упускать изъ виду и другой, именовавшейся либеральной или народной, партіи, которая играла въ собраніи важную роль и увлекала за собой большинство народныхъ представителей. При составленіи исключительно консервативнаго кабинета, противная партія могла считать себя обиженною и, ставъ въ открытую оппозицію правительству, воспользовалась бы своимъ вліяніемъ для возбужденія умовъ противъ перваго министерства. Чтобы избѣжать крайне вредныхъ для правильнаго развитія новаго государства внутреннихъ раздоровъ и отдалить отъ князя упрекъ въ пристрастіи къ одной, и при томъ считавшейся въ меньшинствѣ, партіи,—я совѣтовалъ образовать министерство слiянія, пригласивъ въ составъ онаго хотя-бы одно лицо противоположнаго лагеря, именно Цанкова, признаваемаго вождемъ либераловъ. Мнѣніе мое было принято во вниманіе, и Цанкову предложили портфель министерства внутреннихъ дѣлъ; но, къ сожалѣнію, личныя отношенія его къ нѣкоторымъ изъ предназначавшихся въ составъ кабинета лицъ, или, быть можетъ, соображенія политическаго свойства побудили Цанкова отказаться отъ сдѣланнаго ему предложенія [1]). Вторая, подобная же попытка, обращенная къ другому члену либеральной партіи [2]), оказалась также безуспѣшной, и министерство образовалось, наконецъ, въ составѣ, уже извѣстномъ вашему сіятельству.

Для вѣрнаго пониманія взаимныхъ отношеній партій необходимо замѣтить, что присвоенные имъ термины, „консервативная и либеральная“, не вполнѣ правильны и не даютъ яснаго понятія о политическомъ направленіи каждаго изъ нихъ. Еще во времена перваго тырновскаго собранія такія наименованія могли имѣть основаніе, потому что консерваторами считались лица, признававшія необходимость строго держаться на почвѣ берлинскаго договора и выработать для страны такой органическій уставъ, который, упрочивая правительственную власть, давалъ бы ей законныя средства противодѣйствовать стремленіямъ анархическихъ элементовъ, къ счастью, не существующихъ еще пока въ странѣ. Либералы же настаивали на распущеніи собранія, чтобы тѣмъ заявить протестъ болгарскаго народа противъ несправедливыхъ рѣшеній берлинскаго конгресса, а впослѣдствіи,

---

[1]) См. глава III. П. П.

[2]) Каравеловъ.

когда это не удалось, они стремились внести въ конституцію самыя широкія начала самоуправленія, забывая подчасъ, что болгаре далеко еще не дозрѣли до конституціонныхъ порядковъ западной Европы.

Теперь же, когда болгарская конституція, выработанная подъ наблюденіемъ императорскаго русскаго коммиссара и иностранныхъ делегатовъ, вошла въ силу и князь торжественно присягнулъ ей, положеніе, занятое обѣими политическими партіями, обратно измѣнилось: консерваторами, на самомъ дѣлѣ, являются, такъ называемые, либералы, или оппозиція, желающая точнаго соблюденія принятой конституціи и потому нападающая, въ своихъ печатныхъ органахъ, на министерство, которое, неумѣлыми своими дѣйствіями, давало уже неоднократные поводы къ обвиненію его въ нарушеніи органическаго устава княжества. Собственно говоря, въ радикальной партіи радикальнаго только то и есть, что она стремится свергнуть нынѣшнее министерство; а попробуй поставить этихъ радикаловъ во главѣ управленія, и я увѣренъ, они явились бы еще болѣе строгими охранителями правительственной власти, чѣмъ нынѣшніе министры, но только повели бы всѣ дѣла свои ловче ихъ.

Надо правду сказать, что теперешнее министерство, составленное изъ людей, по репутаціи честныхъ и добрыхъ патріотовъ, страдаетъ полнымъ отсутствіемъ политическаго такта, такъ напр., первымъ дѣломъ министерства было почти поголовное смѣщеніе окружныхъ начальниковъ, назначенныхъ еще императорскимъ коммиссаромъ, изъ нелѣпой боязни, что они могутъ поддаться вліянію такъ называемыхъ либераловъ и настраивать населеніе противъ мѣропріятій нынѣшняго кабинета. Мѣра эта вызвала, конечно, неудовольствіе въ нѣкоторыхъ округахъ и привела къ результату, противному ожиданіямъ министерства, такъ какъ сдѣлала изъ многихъ уволенныхъ чиновниковъ, не принадлежавшихъ до того ни къ какой партіи, явныхъ сторонниковъ оппозиціоннаго лагеря. Кромѣ того, въ полемикѣ, возникшей по поводу этихъ административныхъ смѣщеній, оффиціозный органъ министерства „Витоша“ впуталъ въ дѣло князя, доказывая, что ему предоставлено конституціей право назначать и увольнять чиновниковъ и потому всякое неудовольствіе подобными распоряженіями есть неуваженіе къ особѣ князя. Оффиціозный органъ не понялъ въ этомъ случаѣ, что глава конституціоннаго государства долженъ стоять внѣ всякихъ интересовъ партій, и что хотя онъ подписываетъ всѣ декреты, но отвѣтственность за нихъ лежитъ ни на немъ, а на министерствѣ.

Еще болѣе серьезными поводами къ неудовольствію противъ нынѣшняго кабинета являются три слѣдующіе, изданные имъ, указа: одинъ, сбавившій цѣнность серебрянаго рубля до 3 франковъ 70 сан-

тимовъ и объясняемый наплывомъ рублевой монеты изъ Румыніи, гдѣ цѣнность ея была еще раньше понижена до той же нормы; второй указъ возвысилъ пошлину на привозную соль съ 8 на 30 процентовъ и постановилъ, что всѣ владѣльцы соляныхъ складовъ, сдѣлавшіе свои запасы при существованіи еще 8%-ной пошлины, обязаны теперь доплатить въ казну разницу между прежней и вновь утвержденной пошлиной; наконецъ, третій указъ отмѣнилъ выборное начало общиннаго управленія, существовавшее въ теченіе столѣтій, при турецкомъ режимѣ, и ввелъ назначеніе общественныхъ старостъ администраціей.

Первыя двѣ мѣры, чувствительно отзывающіяся на карманѣ населенія, и послѣдняя, рѣзко нарушающая, вѣками освященный, принципъ общиннаго самоуправленія, будетъ, разумѣется, жадно эксплуатироваться противниками министерства, въ особенности теперь, когда начинается повсемѣстная подготовка къ предстоящимъ, 30 сентября, выборамъ въ народное собраніе. Уже въ нѣкоторыхъ городахъ устраивались, правда, незначительные по числу участвовавшихъ, митинги для порицанія дѣйствій министерства, о чемъ и отправляемы были къ князю телеграммы, въ которыхъ одновременно съ указаніемъ на противозаконные поступки министровъ, давались князю увѣренія въ безпредѣльной къ нему преданности и любви народа.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ будущемъ народномъ собраніи министерство подвергнется сильнымъ нападкамъ со стороны оппозиціи за свой противоконституціонный образъ дѣйствій и оно можетъ удержать за собою власть лишь въ томъ случаѣ, если между нынѣшними министрами найдется достаточно смѣлый и изворотливый человѣкъ, чтобы искусною защитою оправдать дѣйствія кабинета. Но, сколько мнѣ извѣстно, такой человѣкъ едва-ли найдется въ числѣ министровъ. Допустивъ даже, что нынѣшнее правительство, пользуясь административными средствами, успѣетъ обезпечить за собою большинство при выборахъ въ депутаты, нельзя отнюдь ручаться, чтобы это большинство оставалось благопріятнымъ министерству во все время преній въ собраніи. При неподготовленности массы народныхъ представителей къ разумному обсужденію государственныхъ вопросовъ, парламентское большинство не можетъ быть постояннымъ, а будетъ измѣняться то въ ту, то въ другую сторону, подъ минутнымъ впечатлѣніемъ оратора, сумѣющаго овладѣть настроеніемъ простодушныхъ слушателей. Въ этомъ отношеніи оппозиція можетъ разсчитывать на большій успѣхъ въ собраніи, такъ какъ имѣетъ въ своихъ рядахъ лицъ, обладающихъ смѣлостью и умѣньемъ говорить съ народомъ.

Все это позволяетъ предвидѣть, что министерству придется выдержать нешуточную борьбу въ народномъ собраніи; и если послѣд-

нее выскажется въ большинствѣ вопросовъ противъ настоящаго министерствв, то князю будетъ предстоять выборъ: или составить новый кабинетъ изъ такъ называемой либеральной партіи, или же прибѣгнуть къ распущенію собранія, оставивъ нынѣшнее министерство у кормила правленія. Какъ то, такъ и другое рѣшеніе имѣетъ свои неудобства: при громадномъ, вообще, недостаткѣ людей, способныхъ занимать высокіе административные посты, образованіе новаго, однороднаго въ цѣломъ составѣ, кабинета будетъ сопряжено съ большими затрудненіями; и хотя оппозиціонная партія, заранѣе увѣренная въ своемъ успѣхѣ, заявляетъ, что имѣетъ наготовѣ кандидатовъ на каждое министерство, — я все-таки сомнѣваюсь, чтобы, за исключеніемъ двухъ-трехъ человѣкъ, лица эти были даже настолько подготовлены къ веденію дѣлъ, какъ нынѣшніе министры. Но это еще меньшее зло. Напротивъ, распущеніе перваго же народнаго собранія, послѣ воцаренія князя, представляется мнѣ,—вопреки мнѣнію другихъ [1]),—мѣрою крайне не политичною: она прямо укажетъ на разладъ, существующій между княземъ и представителями народа, можетъ повести къ тревожнымъ толкамъ въ странѣ, неминуемо повлекущимъ за собою застой въ зарождающихся промышленныхъ предпріятіяхъ и, вообще, еще болѣе усложнитъ миролюбивую развязку кризиса; наконецъ, она дастъ поводъ недоброжелательной части Европы кричать, что Россія сдѣлала ошибку, освободивъ Болгарію и даровавъ ей самостоятельное устройство, съ которымъ болгаре не умѣютъ справиться.

Конечно, лучшимъ исходомъ, въ случаѣ паденія нынѣшняго министерства, было бы составленіе новаго кабинета изъ выдающихся членовъ парламентскаго большинства со включеніемъ въ него хотя бы двухъ изъ нынѣшнихъ министровъ, менѣе прочихъ вызывающихъ нападки. Но, къ сожалѣнію, разсчитывать на это трудно, такъ какъ препятствіемъ къ соглашенію является не столько различие въ политическихъ взглядахъ, сколько личная вражда между представителями противныхъ лагерей, ведущая свое начало со времени Тырновскаго учредительнаго собранія.

Поэтому, если бы обстоятельства привели къ необходимости отставки министерства, я бы скорѣе склоненъ былъ совѣтовать князю призвать къ управленію, такъ называемую, либеральную партію. Во-первыхъ, такимъ актомъ, князь выказалъ бы полное безпристрастіе, свойственное главѣ государства, стоящему выше и внѣ всякихъ партій; убѣдившись, что нынѣшній кабинетъ не пользуется довѣріемъ большинства, князю естественнѣе всего обратиться къ людямъ другой

[1]) А. П. Давыдова, что я и пояснилъ на словахъ графу Д. А. Милютину. П. П.

партіи, чтобы на опытѣ удостовѣриться, на сколько они способны вести дѣло, нежели ихъ предшественники. Во-вторыхъ, есть не мало данныхъ разсчитывать на то, что, будучи призвано къ управленію, либеральное (по-своему) министерство съумѣетъ, съ конституціею въ рукахъ, провести необходимыя въ той же конституціи измѣненія, которыхъ нынѣшній кабинетъ едва-ли въ состояніи будетъ добиться инымъ путемъ, какъ антиконституціонными средствами. Кромѣ того, новое министерство, взятое изъ рядовъ большинства народнаго собранія, будетъ всегда обладать большимъ нравственнымъ авторитетомъ въ странѣ, чѣмъ теперешніе министры, которые, несмотря на замѣщеніе административныхъ должностей преданными имъ лицами, не въ силахъ поддерживать достоинство правительственной власти.

Князь Александръ самъ сознаетъ неудовлетворительность нынѣшняго кабинета во многихъ отношеніяхъ и также сомнѣвается въ достаточной энергіи и ловкости его, чтобы отстоять свои дѣйствія передъ собраніемъ; но не рѣшается произвести теперь же необходимыя измѣненія въ министерскомъ составѣ, дабы тѣмъ, такъ сказать, не подтвердить справедливости нападокъ оппозиціи. Такимъ образомъ, участь настоящаго кабинета рѣшится только въ народномъ собраніи.

Вашему сіятельству, конечно, извѣстно, что, еще въ бытность въ Ливадіи, князь Александръ высказывался противъ нѣкоторыхъ статей конституціи, какъ-то: безусловной свободы печати и собраній; ограниченія правъ князя учреждать ордена, кромѣ военнаго; отмѣны титуловъ и, наконецъ, порядка измѣненія конституціи, для котораго, въ каждомъ случаѣ, требуется созваніе великаго народнаго собранія. Къ этому прибавилось, уже по прибытіи въ Софію, еще вопросъ о титулѣ самого князя. По конституціи онъ титулуется „свѣтлостью“, между тѣмъ князь Александръ заявилъ министерству, что, будучи даже принцемъ Батенбергскимъ, онъ пользовался титуломъ „Высочества“, а потому не можетъ допустить, чтобы въ Болгаріи ему присвоенъ былъ титулъ ниже того, которымъ онъ пользовался до избранія его на княжество. Министры, разумѣется, подчинились желанію князя и стали во всѣхъ оффиціальныхъ актахъ именовать его „Высочествомъ“; одно только военное вѣдомство продолжало держаться титула, установленнаго въ законѣ и объявленнаго у насъ въ высочайшемъ приказѣ о назначеніи князя болгарскаго шефомъ 13 стрѣлковаго батальона. Съ своей стороны противники министерства не упустили случая обвинить его въ нарушеніи конституціи, оговариваясь при томъ, что, конечно, каждый болгаринъ былъ бы радъ называть своего государя не только высочествомъ, но и величествомъ, но разъ какъ въ конституціи установленъ такой-то титулъ, то всѣ обязаны

держаться его одного до тѣхъ поръ, пока подлежащая о томъ статья не будетъ легально измѣнена.

Князь Александръ, считая вопросъ о титулѣ личнымъ для него вопросомъ, былъ задѣтъ заживо возгорѣвшеюся по сему полемикою (скоро, впрочемъ, прекратившеюся изъ уваженія къ князю) и неоднократно высказывалъ мнѣ, что если предстоящее народное собраніе не измѣнитъ въ желательномъ для него смыслѣ приведенныхъ выше статей конституціи, то онъ твердо намѣренъ отказаться отъ престола и покинуть Болгарію. При этомъ князь говорилъ, что онъ еще раньше отказывался вступить на княжескій престолъ при условіяхъ настоящей конституціи, но уступилъ только настояніямъ государя императора, изволившаго обѣщать ему свою могущественную поддержку въ дѣлѣ измѣненія неудобныхъ статей конституціи.

Я постарался объяснить князю весь вредъ, который можетъ произойти отъ такой крутой постановки вопроса, и высказалъ увѣренность, что патріотизмъ его не дозволитъ князю, посредствомъ рѣшительнаго и, по-моему, ничѣмъ не оправдываемаго шага, ввергнуть страну, единодушно избравшую его, въ гибельныя внутреннія потрясенія и въ неизвѣстность будущаго. Я убѣжденъ, прибавилъ я, что великодушный государь нашъ, отечески любящій князя и желающій добра освобожденному имъ народу, не одобрилъ бы такого рѣшенія и что, обнадеживая въ своей высокой поддержкѣ, его величество, конечно, изволилъ имѣть въ виду оказать ее лишь при такихъ обстоятельствахъ, когда эта поддержка можетъ быть болѣе всего полезна самому князю и его государству.

Что же касается собственно практическаго способа достигнуть отмѣны извѣстныхъ статей конституціи, то найти его быть можетъ не такъ трудно, какъ кажется, но для этого необходимо, по моему, не насиловать нормальнаго теченія дѣлъ, а поступать съ большою осмотрительностью. При настоящемъ не популярномъ министерствѣ, я бы не совѣтовалъ князю вносить въ собраніе отъ имени правительства предложеніе объ измѣненіи конституціи. Оппозиція воспользовалась бы этимъ, чтобы еще сильнѣе обвинить министерство въ сдѣланныхъ имъ нарушеніяхъ въ государственномъ уставѣ и въ желаніи отдѣлаться отъ статей, лично неудобныхъ министрамъ. Кромѣ того, если бы народное собраніе и высказалось большинствомъ болѣе $^2/_3$ за предложеніе о пересмотрѣ конституціи, то все-таки потребовалось бы созваніе великаго собранія, для окончательнаго рѣшенія возбужденныхъ вопросовъ; а при настоящемъ настроеніи общественнаго мнѣнія и неизбѣжной агитаціи въ странѣ, еще Богъ вѣсть въ какомъ смыслѣ высказалось бы великое собраніе. Поэтому мнѣ казалось бы выгоднѣе и политичнѣе, чтобы починъ предложенія о пере-

смотрѣ конституціи исходилъ не отъ министерства, а отъ искусно подготовленной къ тому части всего населенія или, по крайней мѣрѣ, отъ извѣстной группы народнаго собранія. При такомъ направленіи дѣла больше шансовъ на успѣхъ; а если бы даже предложенія эти не привели къ желаемому результату, то все же это не составило бы такого чувствительнаго пораженія для правительства, какъ если бы предложенія были внесены самимъ министерствомъ.

Во всякомъ случаѣ, для достиженія успѣха въ вопросѣ объ измѣненіи конституціи необходима поддержка вожаковъ оппозиціи, и въ этихъ видахъ желательно, чтобы князь не сторонился ихъ, но иногда даже совѣтовался съ ними; тѣмъ болѣе, что, повторяю еще разъ, между такъ называемыми консерваторами и радикалами существуетъ теперь разладъ не въ принципахъ, а въ способѣ примѣненія конституціи, и ведется просто борьба за обладаніе властью.

Князь хочетъ, чтобы конституція была пересмотрѣна и измѣнена непремѣнно въ этомъ же году, и я вполнѣ понимаю его желаніе, но вопросъ въ томъ, насколько представляется это удобнымъ? Нынѣшняя конституція, какъ всѣмъ извѣстно, выработана подъ наблюденіемъ и, такъ сказать, съ одобренія русскаго правительства, которое, если бы желало, могло, въ свое время, не допустить вылиться конституціи въ настоящую ея форму. Посему пересмотръ конституціи, спустя четыре—пять мѣсяцевъ по вступленіи ея въ дѣйствіе и присяги ей князя, дастъ основаніе говорить, что Россія или поступила необдуманно, снабдивъ Болгарію конституціею, оказавшеюся, на первыхъ же порахъ, неудобопримѣнимою, или же сдѣлала это съ цѣлью, чтобы пользуясь внутренними раздорами въ странѣ, имѣть тамъ постоянно свою руку и тѣмъ тормозить порывы болгарскаго правительства къ слишкомъ самостоятельной политикѣ, въ особенности, если она будетъ клониться въ ущербъ русскимъ видамъ. Это послѣднее толкованіе будетъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, развиваемо на всѣ лады враждебною намъ, иностранною печатью.

Я уже слишкомъ распространился о конституціи и отношеніи къ ней князя, но считалъ это умѣстнымъ потому, во-первыхъ, что мой взглядъ на этотъ предметъ нѣсколько разнится отъ взглядовъ, высказываемыхъ княземъ Александромъ въ письмѣ къ государю императору, и, во-вторыхъ, что мое слабое мнѣніе, быть можетъ, послужитъ не лишнимъ матеріаломъ при обсужденіи въ Ливадіи положенія, которое долженъ занять русскій представитель въ Болгаріи въ вопросѣ о пересмотрѣ конституціи, о чемъ князь также намекаетъ въ письмѣ къ его величеству.

Въ сущности разница въ воззрѣніяхъ князя и моихъ касается вовсе не конституціи, а способа обращенія съ нею и своевременности

ея пересмотра. Вполнѣ сознавая, что настоящая конституція не по плечу болгарамъ, и что полезнѣе бы было дать имъ сперва менѣе сложное органическое устройство, съ тѣмъ, чтобы лишь постепенно и съ осторожностью расширять его, сообразно умственному и политическому развитію народа,—я нахожу, что, при настоящихъ обстоятельствахъ, приступать къ коренному пересмотру только-что введенной конституціи не практично. По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ безпристрастныхъ русскихъ лицъ, ѣздившихъ по нѣкоторымъ округамъ, нынѣшнее министерство, благодаря необдуманнымъ мѣрамъ, до того непопулярно, что не ему, открыто нарушающему конституцію, разсчитывать успѣшно провести дѣло объ измѣненіяхъ въ ней. Лично же князь Александръ еще слишкомъ мало извѣстенъ странѣ и недостаточно сближается съ мѣстными представителями, чтобы одно его желаніе имѣло безусловно авторитетное значеніе. Одинъ только голосъ, и это голосъ русскаго государя, который всѣми выслушается съ благоговѣніемъ и будетъ имѣть силу закона въ народѣ. Но именно потому, что слова царя такъ высоко цѣнятся здѣсь, къ нему слѣдуетъ прибѣгать съ крайнею осмотрительностью и лишь въ важныя, рѣшительныя минуты, а не дѣлать его орудіемъ извѣстной партіи, которая захочетъ связать священное для болгаръ имя ихъ освободителя съ своими дѣйствіями, вызывающими неудовольствіе народа.

Все это приводитъ меня къ убѣжденію, что необходимо предоставить ходъ дѣлъ естественному теченію и не прибѣгать ни къ какимъ чрезвычайнымъ средствамъ, отъ которыхъ не ожидаю добра ни князю, ни странѣ. Если нынѣшнее министерство падетъ и невозможно будетъ образовать коалиціонный кабинетъ, то пусть князь призоветъ къ управленію членовъ оппозиціи. Легко возможно, что и либеральное министерство окажется не лучше своего предшественника; въ такомъ только случаѣ князь будетъ имѣть полное основаніе составить дѣловой кабинетъ изъ лицъ, къ которымъ онъ лично питаетъ довѣріе, и на немъ не будетъ лежать упрека въ пристрастіи къ той или другой партіи. Что касается измѣненія конституціи, то я остаюсь при убѣжденіи, что достигнуть этого возможно лишь искуснымъ, исподволь, направленіемъ общественнаго мнѣнія въ пользу ея пересмотра, вызвавъ или подачу адресовъ со стороны населенія, или подготовивъ палату сдѣлать о томъ рѣшающее заявленіе. Но, повторяю, нынѣшнее министерство не въ силахъ сдѣлать это.

Дипломатическій агентъ нашъ Давыдовъ, ѣдущій на-дняхъ въ Ливадію, и генералъ Паренсовъ могутъ дать самыя подробныя разъясненія на счетъ настоящаго положенія дѣлъ въ краѣ, и я считалъ бы чрезвычайно важнымъ, если бы, по всестороннемъ обсужденіи затронутыхъ здѣсь вопросовъ, государю императору благоугодно было

преподать князю Александру, лично отъ себя, соотвѣтствующія наставленія относительно образа его дѣйствій въ будущемъ. Князь слишкомъ еще молодъ, не вникаетъ серьезно въ дѣла и не пріобрѣлъ еще необходимаго политическаго такта, но любитъ иногда рѣшать самостоятельно. Вотъ почему полезно, чтобы онъ услышалъ доброжелательныя, но твердыя слова совѣта, которыя имѣли бы для него непреложный авторитетъ мудрости и силы.

Генералу Паренсову поручено княземъ представить вашему сіятельству нѣкоторыя соображенія по военному вѣдомству, въ томъ числѣ проектъ о содержаніи русскихъ офицеровъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ я уже имѣлъ честь докладывать вамъ, и ходатайство о разрѣшеніи принять на болгарскую службу до 500 русскихъ унтеръ-офицеровъ, безъ которыхъ дѣло обученія молодыхъ солдатъ не идетъ на ладъ. Надо сказать вообще, что болгарское войско только и держится нашими офицерами, тогда какъ туземныхъ—солдаты третируютъ чуть не за панибрата.

О Паренсовѣ могу доложить, что это прекрасный офицеръ и хорошій работникъ, держащій себя съ полнымъ достоинствомъ, хотя положеніе его, какъ русскаго, въ средѣ министерства, довольно щекотливое, такъ какъ нѣкоторые изъ нынѣшнихъ министровъ относятся съ худо скрываемымъ недовѣріемъ ко всему русскому, считая, что русскіе являются сюда чуть не для эксплоатаціи бѣдныхъ болгаръ; сами же они куда какъ не прочь поживиться на счетъ Россіи. Тѣмъ не менѣе Паренсовъ съумѣлъ поставить себя вполнѣ самостоятельно и, дѣйствуя всегда безпристрастно и всегда на легальной почвѣ, заслужилъ, въ короткое время, уваженіе обѣихъ партій. Князь Александръ, съ своей стороны, весьма доволенъ имъ, что и выразилъ въ письмѣ къ государю“.

Замѣчательное письмо это, въ сжатой формѣ, даетъ вѣрную и яркую картину положенія дѣлъ княжества въ первое время его существованія и вмѣстѣ съ тѣмъ рисуетъ самого полковника Шепелева, этого богато одареннаго человѣка, обладавшаго широкимъ государственнымъ умомъ. Его необыкновенный тактъ, выдержка, спокойное обсужденіе волнующихъ вопросовъ, вѣрная оцѣнка происходящаго и несомнѣнная прозорливость вполнѣ вылились въ этомъ письмѣ. Дальнѣйшее повѣствованіе укажетъ, насколько правъ былъ Шепелевъ, рисуя различныя въ будущемъ комбинаціи, и на сколько справедливы были его опасенія относительно того, какой будетъ избранъ выходъ изъ положенія. Но къ этому письму необходимы комментаріи.

1. Хотя Шепелевъ зналъ, что въ лицѣ А. П. Давыдова ни онъ, ни я не найдемъ твердой опоры нашимъ возрѣніямъ, но все же не предполагалъ, что нашъ дипломатическій представитель будетъ на-

столько проникнутъ лицепріятіемъ и какой-то злобной ненавистью къ либеральной партіи, что, въ своихъ докладахъ, пойдетъ совсѣмъ въ разрѣзъ съ нами; кромѣ того мы знали, что Давыдовъ рѣшилъ уйти, сдѣлалъ объ этомъ намеки лично въ Ливадіи и наконецъ категорически просилъ увольненія въ письмѣ, посланномъ со мной, къ нашему министру иностранныхъ дѣлъ Н. К. Гирсу. Мы надѣялись, что Давыдовъ уйдетъ, если не сейчасъ, то въ ближайшемъ будущемъ; надѣялись также, что въ виду предстоящаго ухода, онъ будетъ уступчивѣе и не станетъ такъ упорно отстаивать непопулярное министерство. Мы ошиблись. Давыдовъ ушелъ, но не скоро, успѣвъ своими совѣтами князю надѣлать много осложненій; мало того, Давыдовъ, вѣроятно сильно напирая на Гирса, успѣлъ, до нѣкоторой впрочемъ степени, поколебать аргументы, съ такой ясностью изложенные въ письмѣ Шепелева и мои словесные доклады, что́ видно изъ приводимаго дальше отвѣта графа Д. А. Милютина, изъ Ливадіи, А. А. Шепелеву.

Письмо графа Д. А. Милютина А. А. Шепелеву отъ 27 сентября.—В. секретно.

„Письмо ваше отъ 8/20 (весьма секретное) было доложено мною государю императору и заслужило полное одобреніе его величества. Изложенныя въономъ соображенія ваши *большей частью*, [1]) совпадаютъ (?) и съ мыслями Г. Давыдова, котораго прибытіе въ Ливадію послужило полезнымъ дополненіемъ и объясненіемъ къ вашему письму. По возвращеніи въ Софію онъ вручитъ князю Александру собственноручный рескриптъ государя императора, рескриптъ, въ которомъ, молодой и не опытный еще въ дѣлахъ государственныхъ, князь найдетъ мудрые и полезные совѣты. Можно надѣяться, что эти высочайшія указанія облегчатъ выпавшую на вашу долю задачу и что вы успѣете, при свойственныхъ вамъ тактѣ и сдержанности, пріобрѣсти полезное для самого князя и для его страны вліяніе, *особенно если будете постоянно дѣйствовать заодно съ нашимъ дипломатическимъ агентомъ и всегда въ одинаковомъ смыслѣ* [2]). Вы можете быть увѣрены, что оказываемая вами князю Александру благоразумная и искренняя поддержка достаточно цѣнится государемъ императоромъ“.

Напечатанное курсивомъ очень связало свободу дѣйствій Шепелева и, какъ увидимъ ниже, весьма вредно отразилось на будущихъ его дѣйствіяхъ. Въ своемъ мѣстѣ [3]) я приведу другой документъ, въ которомъ А. А. Шепелевъ вынужденъ былъ объяснить свое по-

[1]) Курсивъ мой. П. П.
[2]) Курсивъ мой. П. П.
[3]) Гл. VIII.

веденіе и уклоненіе отъ основныхъ идей, изложенныхъ имъ въ приведенномъ выше письмѣ отъ 8/20 сентября, обязанностью сообразоваться съ инструкціями, данными Давыдову и исходившими изъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ.

2. Возвращаясь къ письму А. А. Шепелева, остановлюсь еще на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ, что князь доволенъ мною. Дѣйствительно, въ это время я еще пользовался расположеніемъ князя, но были другія причины, объясняющія это расположеніе, несмотря на нѣкоторую, уже обнаружившуюся, разность взглядовъ, какъ напр., о титулѣ, о принятіи иностранныхъ офицеровъ въ войска, объ измѣненіи воинскаго устава съ введеніемъ прусскихъ формъ и т. п. Дѣло въ томъ, что князь послалъ со мной письмо государю, приказавъ передать изъ рукъ въ руки. Хотя я письма этого не читалъ, но отъ самого государя императора Александра Николаевича знаю, что писано оно было въ смыслѣ совершенно противоположномъ письму Шепелева и моимъ словеснымъ докладамъ. Князь надѣялся, несомнѣнно, что просьбы его будутъ приняты государемъ во вниманіе и что я, получивъ отъ его величества указанія, соотвѣтствующія желаніямъ князя, возвращусь въ Софію шелковымъ, покорнымъ исполнителемъ его желаній; мы же, т. е., Шепелевъ и я, надѣялись и разсчитывали на обратное: что благодаря нашимъ представленіямъ государь императоръ выскажетъ: „доброжелательныя, но твердыя слова совѣта, которыя имѣли бы для него (для князя) непреложный авторитетъ мудрости и силы“. При такихъ воззрѣніяхъ, хотя совершенно различныхъ по существу и исходной точкѣ, отношенія князя ко мнѣ продолжали быть благопріятными, до времени. Эта благопріятность и побудила Шепелева упомянуть о ней въ письмѣ графу Милютину.

Изъ Софіи выѣхалъ я, черезъ Берковацкій перевалъ, въ Ломъ-Паланку, гдѣ сѣлъ на срочный пароходъ австрійскаго Лойда. При входѣ моемъ на палубу, капитанъ парохода, изъ международной вѣжливости, поднялъ болгарскій флагъ, подъ которымъ мы и доѣхали до Рущука, откуда я послалъ въ Ливадію, графу Д. А. Милютину слѣдующую телеграмму: „Испрашиваю ходатайства вашего сіятельства представиться Ливадіи. Везу письма: его свѣтлости князя Александра его императорскому величеству, отъ полковника Шепелева вашему сіятельству, отъ камергера Давыдова тайному совѣтнику Гирсу. Въ

случаѣ разрѣшенія могу выѣхать изъ Одессы въ понедѣльникъ. Не откажите отвѣтомъ Одессу, Сѣверная гостиница".

Довольно интересна скорость этой корреспонденціи. Моя телеграмма подана въ Рущукѣ 12-го сентября въ 3 часа пополудни; получена въ Ливадіи въ 5 ч. 30 м. того же дня. На подлинникѣ, писанномъ въ Ливадіи, находится собственноручная резолюція графа Милютина: „Высочайше разрѣшено. Ген.-ад. гр. Милютинъ. 12 сентября", и я получивъ поздно вечеромъ отвѣтъ, на другой день выѣхалъ изъ Рущука, на болгарскомъ военномъ пароходѣ „Опытъ", подаренномъ Болгаріи Россіей. Пароходомъ командовалъ нашъ морской офицеръ капитанъ Александръ Егоровичъ Конкевичъ, считавшійся моимъ подчиненнымъ, такъ какъ болгарская флотилія числилась въ военномъ министерствѣ княжества [1]).

Въ Ялту пріѣхалъ я на пароходѣ изъ Одессы около 7 ч. вечера. Несмотря на заранѣе посланную телеграмму, въ гостинницѣ „Россія" не нашлось ни одного свободнаго номера и меня пріютилъ мой корпусный товарищъ, султанъ Чингизъ-Ханъ, находившійся въ свитѣ государя.

Переодѣвшись поѣхалъ я въ Ливадію, былъ тотчасъ принятъ графомъ Д. А. Милютинымъ и вручилъ ему письмо Шепелева отъ 8/20 сентября.

Графъ Милютинъ долго и внимательно слушалъ мой докладъ, при чемъ я постепенно дошелъ до отношеній моихъ къ князю, а слѣдовательно и до вопроса о титулѣ. Я удивился той энергіи, настойчивости и даже нѣкоторой горячности, съ которыми, всегда, въ высшей степени, сдержанный и спокойный графъ Милютинъ отвѣчалъ мнѣ по поводу „Свѣтлости" и „Высочества". „Какія глупости. Мы здѣсь обсуждали вопросъ о титулѣ, отлично зная, кто будетъ княземъ. Продолжайте пожалуйста по-прежнему"... По окончаніи доклада Дмитрій Алексѣевичъ сказалъ мнѣ, чтобы я, на другой день, пріѣхалъ утромъ въ Ливадію для представленія государю.

На другой день, поѣхавъ въ Ливадію пораньше, я представился нашему министру иностранныхъ дѣлъ, Николаю Карловичу Гирсу и передалъ ему письмо Давыдова. Гирсъ приходился двоюроднымъ дядей моей женѣ, и я, въ Петербургѣ, пользовался его благосклон-

[1]) Россія подарила Болгаріи слѣдующіе пароходы: „Опытъ", „Взрывъ", состоявшіе прежде въ черноморскомъ флотѣ, „Порадимъ", „Горній Студень" и еще одинъ, заказанные въ Бельгіи для Дуная, во время войны; морскую шхуну „Псезуапе" и 8 катеровъ. По неимѣнію тогда морскаго порта и при невозможности пользоваться этой шкуной она была промѣнена на русскій пароходъ „Голубчикъ", который былъ отдѣланъ для князя и считался княжеской яхтой.

ностью. Въ Ливадіи я былъ принятъ имъ весьма любезно, и разговоръ нашъ шелъ за чашкой утренняго кофе. Въ военные вопросы я Николая Карловича не посвящалъ, говорили о болгарскихъ партіяхъ, о конституціи и, наконецъ, тоже дошли до титула князя, при чемъ я разсказалъ мою точку зрѣнія, затрудненія и непріятности, возникающія изъ этого осложненія, но ни слова не сказалъ о вчерашнемъ разговорѣ моемъ съ графомъ Дмитріемъ Алексѣевичемъ. Каково же было мое удивленіе, когда Гирсъ, полулежа на кожаномъ диванѣ, выслушавъ меня, выговорилъ [1]): „au fond, mon cher, une fois que cela lui fait plaisir,—pourquoi ne pas le nommer высочество".

Я остолбенѣлъ. Какъ же такъ: вчера одинъ министръ говорилъ мнѣ весьма опредѣленно: „пожалуйста продолжайте по-прежнему", а черезъ 12 часовъ, другой министръ, да еще иностранныхъ дѣлъ, высказываетъ совсѣмъ противоположное! Но я рѣшилъ на эту тему не распространяться, и мы перешли къ письму Давыдова. Гирсъ пересѣлъ къ письменному столу и началъ вполголоса, скороговоркой читать письмо, такъ, что я все слышалъ. Давыдовъ былъ недавно самъ въ Ливадіи, а потому, особенно новаго, касающагося Болгаріи, въ письмѣ не сообщалъ, но весьма много, и при томъ настойчиво писалъ о желаніи своемъ уйти съ занимаемаго имъ поста, что, очевидно, очень раздражало Гирса. Николай Карловичъ, добрѣйшій человѣкъ, сердился и, читая уже громко, перебивалъ чтеніе письма своими вставками: „ну вотъ, опять... просится уйти. Не могутъ посидѣть на мѣстѣ... Я такъ не могу..." и, помолчавъ немного, отрѣзалъ: „Пускай посидитъ еще; такъ нельзя".

Покончивъ тутъ мои дѣла, направился я ко дворцу и былъ, довольно скоро, приглашенъ къ его величеству. Государь сидѣлъ въ кабинетѣ у письменнаго стола, принялъ меня очень милостиво и приказалъ мнѣ сѣсть противъ него. Я вручилъ его величеству письмо князя, которое государь положилъ на столъ, не распечатывая, и при мнѣ его не читалъ. Обдумывая предстоявшій мнѣ впервые докладъ государю, я порѣшилъ не особенно много утруждать его величество разсказами о болгарскихъ партіяхъ, теченіяхъ, вліяніяхъ, предоставляя это докладчикамъ съ большимъ вѣсомъ, т. е. графу Милютину и Н. К. Гирсу, которые, на основаніи писемъ Шепелева, Давыдова и моимъ докладамъ достаточно освѣдомлены; рѣшилъ также поменьше говорить о князѣ и совсѣмъ не упоминать о титулѣ, если только самъ государь не спроситъ, а, потому, весь докладъ мой касался только болгарскаго

---

[1]) Французскую фразу привожу буквально:

Въ сущности, мой другъ, разъ это доставляетъ ему удовольствіе, отчего бы и не называть его—высочество.

войска, его нуждъ, моихъ предположеній для будущаго и того, что уже мною сдѣлано. Я былъ очень счастливъ, когда государь, перебивая меня, неоднократно говорилъ: „и прекрасно сдѣлалъ...“, „это хорошо...“, „вполнѣ правильно...“. На докладъ мой о нуждахъ войска государь отвѣчалъ такъ: „надо вамъ помочь...“, „я подумаю“. По вопросу о ружьяхъ государь вполнѣ опредѣленно выразился: „поможемъ“, а объ унтеръ-офицерахъ: „намъ и самимъ нужны, но если найдутся желающіе, то возьми, только переговори объ этомъ въ Петербургѣ въ главномъ штабѣ, а я вполнѣ понимаю, какъ они вамъ нужны“. Государь спросилъ меня, хороши ли наши офицеры; я доложилъ, что есть разные, но что объ этомъ я представилъ графу Милютину особый докладъ.

Дни, проведенные мною въ Ливадіи, оставили во мнѣ неизгладимое воспоминаніе и, такъ какъ я, все время, былъ вблизи государя и его главныхъ сотрудниковъ, то и помѣщу здѣсь воспоминанія и объ этомъ времени, хотя не все будетъ касаться Болгаріи.

За завтраками, на которые я былъ ежедневно приглашаемъ, бывало не много лицъ. За столомъ государя обыкновенно сидѣли: Н. К. Гирсъ, генералъ-адъютантъ А. М. Салтыковъ, флигель-адъютантъ И. А. Фуллонъ, иногда генералъ-адъютантъ германскаго императора Вердеръ, жившій въ Ливадіи, по одному разу были: князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ и К. П. фонъ-Кауфманъ, пріѣхавшій изъ Ташкента, и я. На отдѣльномъ столикѣ, нѣсколько вдали, сидѣли состоявшіе при Гирсѣ: графъ В. Н. Ламздорфъ и князь Оболенскій. Графъ Д. А. Милютинъ къ завтраку, при мнѣ, ни разу не пришелъ, и государь однажды, смѣясь, сказалъ: „графъ Дмитрій Алексѣевичъ либеральничаетъ; никогда къ завтраку не приходитъ“. Н. К. Гирсъ очень тяготился необходимостью ежедневно быть за завтракомъ и обѣдомъ, говорилъ, что это его очень утомляетъ, а когда я спросилъ его, почему онъ не послѣдуетъ примѣру его коллеги, гр. Милютина,— Н. К., съ нескрываемымъ ужасомъ, отвѣчалъ: „non, c'est impossible. L'empereur ne dit rien, mais cela lui et désagréable [1]“. Къ обѣду съѣзжалось до 20 лицъ; тутъ были постоянно, сверхъ поименованныхъ выше: графъ А. Вл. Адлербергъ, лейбъ-медики: С. П. Боткинъ и Головинъ, командующій войсками одесскаго военнаго округа гр. Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ, переѣхавшій жить въ Ялту на время пребыванія государя въ Ливадіи, вся свита государя и всегда нѣсколько пріѣзжихъ изъ разныхъ мѣстъ. Къ обѣду приходилъ и гр. Милютинъ, а также Петръ Александровичъ Черевинъ, остальное время всегда гдѣ-то пропадавшій. Послѣ обѣда шли въ другую

[1]) Нѣтъ, это невозможно. Государь не высказываетъ, но это ему непріятно.

*

комнату пить кофе и курить. Въ первый день я не рѣшился идти туда, незваннымъ, но скоро пришелъ А. М. Салтыковъ и сказалъ, что государь зоветъ „болгарскаго военнаго министра". Съ этихъ поръ я ходилъ уже постоянно, продолжая жить въ Ялтѣ, но съ утра пріѣзжая въ Ливадію и имѣя пріютъ у П. А. Черевина. Я успѣлъ въ эти дни доложить гр. Милютину все, для меня нужное.

Самые интересные для меня разговоры были во время завтраковъ. Государь много разспрашивалъ о жизни въ Болгаріи, интересовался знать, какъ я лично тамъ устроился и какъ живутъ наши офицеры. Его величеству очень понравился мой генеральскій мундиръ съ чернымъ бархатнымъ, отложнымъ воротникомъ и шитьемъ, какъ у насъ, на генеральскихъ мундирахъ. Обративъ вниманіе на то, что у меня кавказская шашка, государь разспрашивалъ, откуда у меня такая роскошная шашка, и я разсказалъ, какъ и при какихъ обстоятельствахъ мнѣ подарилъ ее мой бывшій товарищъ по „Зеленымъ горамъ", подъ Плевной, Индризъ (Андрей) Шанаевъ [1]), зарубившій ею нѣсколькихъ турокъ. Осматривая шашку, государь сказалъ: „а у меня лучше" и велѣлъ принести шашку, поднесенную его величеству его конвоемъ. При сравненіи оказалось, что наружная отдѣлка государевой шашки несомнѣнно роскошнѣе, но за то мой клинокъ—куда лучше. Однажды къ завтраку подали чудесный, вареный картофель и замѣчательное сливочное масло. Картофель былъ необычайно крупный, разсыпавшійся при надавленіи вилкой. Онъ всѣмъ нравился, всѣ повторили; государь соблазнился тоже и сказалъ: „попрошу и я еще картофеля". За зеленой ширмой, заслонявшей дверь, черезъ которую вносили кушанья, началось шушуканье, шуршаніе ногъ лакеевъ и послѣ нѣкотораго ожиданія, показавшагося намъ очень продолжительнымъ, вышедшій изъ-за ширмы, почтенный лакей доложилъ—не безъ нѣкотораго смущенія, что картофеля больше нѣтъ. Государь очень добродушно смѣялся, но лица у лакеевъ вытянулись.

О князѣ Александрѣ государь, при другихъ, не разговаривалъ, спросивъ только однажды, удобно ли устроенъ его дворецъ, но черезъ нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда, передъ завтракомъ, стоя у закусочнаго стола, его величество отвелъ меня въ сторону и сказалъ мнѣ слѣдующія, замѣчательныя слова: „я прочиталъ письма Шепелева и Давыдова. Шепелевъ пишетъ совершенно то же, что и ты мнѣ доложилъ, и Давыдовъ пишетъ почти то же самое, князь же Александръ пишетъ мнѣ другое. Но это ничего; я ему напишу".

Изъ этихъ словъ я понялъ, что государю все извѣстно и что въ этихъ словахъ заключается согласіе его величества съ воззрѣніями,

---

[1]) О Шанаевѣ смотри: „Изъ прошлаго". Часть 1-я. „На войнѣ". Стр. 347.

изложенными Шепелевымъ въ его письмахъ къ Милютину и доложенными мною въ личныхъ докладахъ графу Дмитрію Алексѣевичу; я понялъ, что, получивъ такое одобреніе государя en block всего, ему доложеннаго Милютинымъ, мнѣ остается только продолжать дѣло въ томъ же направленіи, и что мнѣ въ Ливадіи больше дѣлать нечего. На вопросъ государя о времени моего отъѣзда, я доложилъ, что завтра ѣду въ Петербургъ, заберу свою семью и, покончивъ дѣла въ главномъ штабѣ, немедленно тронусь въ Софію. Наканунѣ моего отъѣзда, послѣ обѣда, государь, отпуская всѣхъ присутствовавшихъ, сказалъ мнѣ при всѣхъ: „Относительно нашихъ офицеровъ графъ Дмитрій Алексѣевичъ укажетъ тебѣ подробности. Помни, что *ты* мнѣ за нихъ отвѣчаешь. Помни еще и передай имъ, что они не только служатъ въ болгарскихъ войскахъ, но что каждый изъ нихъ есть *носитель имени русскаго*. Кланяйся князю; я ему напишу. Продолжай служить, какъ служишь".

На „*ты* отвѣчаешь" и „*носитель имени русскаго*" государь сдѣлалъ особое удареніе. При этомъ присутствовали графы: Милютинъ, Адлербергъ и Тотлебенъ, К. П. фонъ-Кауфманъ, Н. К. Гирсъ и А. М. Салтыковъ. Я былъ вполнѣ удовлетворенъ, обрадованъ, обласканъ государемъ; почерпнулъ новыя силы служить и работать. Не чувствовалъ я тогда, что именно въ словахъ государя: „*ты* мнѣ за нихъ отвѣчаешь" былъ положенъ тотъ камень преткновенія, о который я, по возвращеніи въ Софію, преткнулся.

Не знаю, по чьему приказанію въ Одессу дано было знать о моемъ пріѣздѣ туда изъ Ялты, но на пристани я былъ встрѣченъ какимъ-то штабъ-офицеромъ отъ коменданта, мнѣ было отведено помѣщеніе и только-что я въ немъ расположился, какъ ко мнѣ пріѣхалъ съ оффиціальнымъ визитомъ, въ мундирѣ, почтеннѣйшій Николай Степановичъ Ганецкій, командовавшій корпусомъ, въ Одессѣ расположеннымъ и, за отсутствіемъ графа Тотлебена, оставшійся старшимъ военнымъ лицомъ въ городѣ.

Тогда же я получилъ телеграмму князя Александра изъ Софіи съ приказаніемъ посѣтить 15 стрѣлковый батальонъ, котораго князь былъ шефомъ, и передать ему привѣтъ отъ шефа. Батальонъ былъ въ лагерѣ, вмѣстѣ съ остальными пѣхотными частями, подъ общимъ начальствомъ начальника лагернаго сбора генерала А. Д. Горемыкина, къ которому я и пріѣхалъ за разрѣшеніемъ посѣтить батальонъ. Горемыкинъ просилъ меня пріѣхать на другой день утромъ и устроилъ цѣлый парадъ съ церемоніальнымъ маршемъ, послѣ того какъ я передалъ выстроенному батальону привѣтствіе отъ имени князя. Я былъ очень сконфуженъ, когда, при прохожденіи мимо меня батальона по-ротно, подъ звуки болгарскаго марша „Шуми Марица", самъ Го-

ремыкинъ прошелъ на флангѣ головной роты, держа подъ козырекъ, но, къ счастью, я нашелся и, попросивъ Горемыкина пропустить батальонъ еще разъ колонною, забѣжалъ впередъ и, ставъ на флангѣ колонны, въ свою очередь, прошелъ церемоніаломъ мимо Горемыкина, оставшагося, кажется, этимъ довольнымъ. Послѣ обмѣна любезностей и по представленіи мнѣ офицеровъ, послѣдовалъ завтракъ, весьма обильный и продолжительный, съ рѣчами, телеграммами князю и т. д.

Въ Петербургѣ, у меня дома, шла спѣшная укладка имущества; приходилось везти въ Софію рѣшительно все, такъ какъ на мѣстѣ, въ Софіи, ничего купить было нельзя, продавать же спѣшно, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ выписывать изъ Вѣны, этой общей поставщицы Балканскаго полуострова, было слишкомъ убыточно. Укладка требовалась тщательная, такъ какъ вещи, доѣхавъ по желѣзнымъ дорогамъ и водою до Ломъ-Паланки, должны были быть отправлены далѣе, въ Софію, черезъ Балканы на волахъ. Особенно много было затрудненій съ прислугой. Въ Софіи никакой прислуги нанять было нельзя, а наша петербургская боялась ѣхать въ такую даль. Наконецъ, сговорились при условіи прибавки жалованья и перевода его съ кредитныхъ рублей на золото, рубль за рубль. Лакей, горничная, нянька согласились ѣхать, кухарки же отказывались, и мнѣ пришлось нанять повара, уже въ Одессѣ, за 75 р. въ мѣсяцъ, такъ что, хотя я получалъ весьма солидное жалованье, 15 т. кредит. рублей въ годъ, но, принявъ во вниманіе всѣ эти расходы, перевозку семьи, имущества и проч. и проч., очевидно, что я еле-еле сводилъ концы съ концами и, какъ увидимъ ниже, при отъѣздѣ изъ Болгаріи очутился даже въ затруднительномъ финансовомъ положеніи.

За то служебныя дѣла шли отлично. Послѣдовало высочайшее соизволеніе на отправку въ Болгарію охотниками 506 унтеръ-офицеровъ, по моему вызову. На практикѣ дѣло это, понятно, встрѣтило нѣкоторыя затрудненія, но все же въ октябрѣ въ Варну прибыла первая партія, въ 139 человѣкъ, изъ числа только-что кончившихъ службу въ Россіи, съ рекомендаціями начальниковъ частей.

Переговоры о ружьяхъ шли тоже удачно. Товарищъ генерала-фельдцейхмейстера графъ Баранцевъ очень любезно обѣщалъ полное содѣйствіе, далъ предварительное согласіе отпустить 16.000 винтовокъ Бердана и патроновъ къ нимъ, на условіяхъ, мною предложенныхъ. Надо было только, по возвращеніи моемъ въ Болгарію, представить оффиціальныя ходатайства отъ правительства княжества и расчеты уплаты. Доставку оружія до дунайскихъ портовъ взяла на себя Россія, а по Дунаю мы могли везти на своихъ пароходахъ. При переговорахъ моихъ съ графомъ Баранцовымъ, произошелъ довольно комичный эпизодъ. Графъ, будучи уже очень въ преклонныхъ

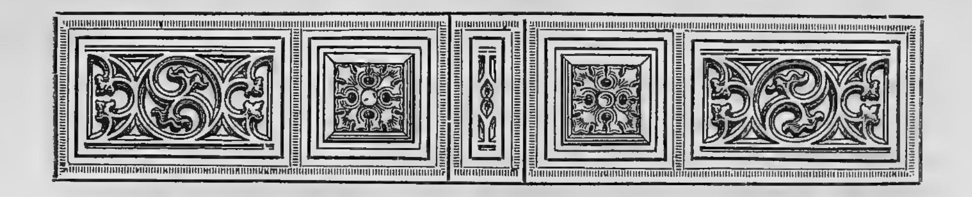
лѣтахъ, почему-то вообразилъ, что я природный болгаринъ, хотя моя наружность совсѣмъ не изобличаетъ уроженца юга. Я попробовалъ деликатнѣйшимъ образомъ навести почтеннаго Александра Алексѣевича на истинный путь, говорилъ, что я воспитанникъ Пажескаго корпуса, русскій офицеръ, — ничего не помогало, Баранцевъ наговорилъ мнѣ много комплиментовъ по поводу того, что я очень чисто говорю по-русски, и радовался, что русское воспитаніе дало мнѣ возможность выйти въ люди и служить Болгаріи. Мнѣ не хотѣлось ставить его въ неловкое положеніе, и я остался для него болгариномъ, получившимъ хорошее военное образованіе въ Россіи. Наконецъ, покончивъ всѣ дѣла, служебныя и домашнія, отправился я съ семьей и необходимыми, на первое время, вещами черезъ Москву до Рени по желѣзной дорогѣ, а отъ Рени уже на своемъ болгарскомъ пароходѣ „Опытъ" до Ломъ-Паланки и далѣе, на лошадяхъ, въ Софію.

Къ этому времени относится одно мое предпріятіе, казавшееся весьма полезнымъ, но которое доставило мнѣ потомъ кучу хлопотъ и непріятностей. Въ Софіи всѣ лучшіе дома были, задолго до моего пріѣзда, разобраны и наняты. Жить съ семьей, да еще зимой, въ томъ картонномъ домикѣ, сколоченномъ изъ досокъ, въ которомъ я жилъ лѣтомъ одинъ, не было возможности. По совѣту и при содѣйствіи, очень ко мнѣ расположеннаго моего коллеги, министра финансовъ Григорія Дмитріевича Начовича, я рѣшилъ купить въ Софіи землю и построить домъ. На окраинахъ города было много пустопорожнихъ земель, принадлежавшихъ туркамъ, умершимъ, убитымъ, бѣжавшимъ. Земли эти взяло въ свое вѣдѣніе правительство княжества и продавало по вемьма низкой цѣнѣ. Такой кусокъ земли съ садомъ купилъ и я, на окраинѣ города, рядомъ съ знаменитой впослѣдствіи Черной Джаміей, бывшей когда-то мечетью. При мнѣ въ ней былъ складъ разнаго имущества, оставленнаго русскими войсками, впослѣдствіи же Черная Джамія была превращена въ государственную тюрьму, гдѣ, при властительствѣ Стамбулова, содержались и пытались, такъ называемые, государственные преступники, а въ сущности, только члены оппозиціи и въ числѣ ихъ Каравеловъ.

Вся операція покупки земли и постройки дома, казавшаяся мнѣ вначалѣ необходимой и выгодной, вслѣдствіе моей неопытности, отсутствія людей, съ которыми я могъ бы посовѣтоваться, отчасти же благодаря архитектору, въ результатѣ, доставила мнѣ очень много непріятностей и большой убытокъ. Ко времени пріѣзда моего съ семьей, домъ не былъ готовъ, и я долженъ былъ нанять, временно, другой, глинобитной постройки и безъ печей, что́ было очень неутѣшительно въ виду надвигавшейся зимы.

П. Паренсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дневникъ русско-турецкой войны.

Со времени послѣдней турецкой войны 1877—78 гг. прошло уже болѣе четверти вѣка, и мы не только не имѣемъ ея оффиціальной исторіи, но даже и обстоятельныхъ мемуаровъ ея участниковъ. Вышло, правда, нѣсколько книгъ о ней писателей, бывшихъ въ качествѣ корреспондентовъ при дѣйствующей арміи,—какъ-то: В. И. Немировича-Данченко, В. В. Крестовскаго, художника Верещагина и др. Однѣ книги были въ формѣ романовъ и разсказовъ, другія въ видѣ историческихъ описаній, но всѣ они давали лишь общія картины боевъ, между тѣмъ, какъ вся сумма мелочей, изъ которыхъ создавалась трудная обстановка походной и боевой жизни офицеровъ и солдатъ, ускользала въ этихъ описаніяхъ, такъ какъ, конечно, наши извѣстные художники пера инстинктивно тянулись къ болѣе яркимъ картинамъ войны. Вотъ этотъ-то чувствительный пробѣлъ невольно требуется теперь пополнить.

Совершенно случайно, разбираясь въ бумагахъ моего покойнаго отца, я наткнулся на большую связку писемъ его изъ Турціи къ близкимъ роднымъ и знакомымъ. Передъ началомъ войны мой отецъ командовалъ 67-мъ пѣхотнымъ Тарутинскимъ великаго герцога Ольденбургскаго полкомъ, который онъ принялъ послѣ ряда должностей въ генеральномъ штабѣ, въ формѣ котораго принималъ участіе въ покореніи Западнаго Кавказа.

Тарутинскій полкъ былъ мобилизованъ однимъ изъ первыхъ и двинутъ сначала въ Каменецъ-Подольскъ, гдѣ оставался до объявленія войны Турціи, затѣмъ прослѣдовалъ походнымъ порядкомъ чрезъ Румынію, переправился чрезъ Дунай у Браилова въ составѣ корпуса генерала Циммермана, послѣ чего стоялъ въ Добруджѣ до тѣхъ поръ, пока египетскія войска не обрушились на генерала Циммермана, и моему отцу съ полкомъ пришлось выдержать горячій бой

подъ Хаджи-Оглу-Басарджикомъ. Въ этомъ бою полкъ справился съ девятью турецкими таборами, понесъ большія потери, отецъ мой былъ тяжело раненъ и, произведенный въ генералы, уѣхалъ лѣчиться на родину. На этомъ и оборвалась его переписка, такъ какъ вскорѣ былъ заключенъ миръ.

Нижеслѣдующія выдержки изъ его писемъ, касающіяся исключительно походной и боевой жизни полка и тѣхъ трудныхъ условій, коими она была обставлена, дадутъ—смѣю думать—не мало матеріала для изученія быта нашихъ войскъ въ турецкую войну. Со свойственной ему наблюдательностью отецъ мой не пропустилъ ни одного мало-мальски интереснаго явленія. Вотъ почему въ этихъ отрывкахъ, какъ въ калейдоскопѣ, мѣняется цѣлая серія картинъ, изъ которыхъ можно составить себѣ совершенно опредѣленное представленіе, какъ пришлось жить и воевать нашимъ войскамъ въ послѣднюю освободительную войну.

Ю. Елецъ.

Полонное, 24 ноября. 9 часовъ вечера, 1876 г.

Не доѣзжая Смоленска начали угощать солдатъ чаемъ отъ общества Краснаго Креста, и это продожалось до самаго почти Полоннаго. Исключеніе составляютъ Столбцы, за Минскомъ, объ угощеніи въ которыхъ была телеграмма, но ею все и ограничилось, а угощенія здѣсь никакого не было. Въ Брестѣ, вмѣсто дневки, мы пробыли нѣсколько часовъ, пріѣхавъ туда ночью; да и вообще всѣ города пришлось проѣзжать ночью, и я ни одного не видѣлъ. Въ Брестѣ я получилъ дислокацію полка; весь онъ на пространныхъ квартирахъ по деревнямъ въ Ново-Ушицкомъ и Могилевскомъ уѣздахъ, будетъ страшно разбросанъ, ближе 40 верстъ нѣтъ ни одной роты отъ Каменецъ-Подольска, а больше въ 60 и 80 верстахъ; только двѣ роты будутъ въ самомъ К.-Подольскѣ, для содержанія карауловъ при полковомъ штабѣ, а городскіе караулы останутся содержать мѣстныя войска. Въ К.-Подольскѣ на первое время я поставлю 1 и 2 стрѣлковыя роты, а потомъ буду смѣнять ихъ. Въ здѣшнихъ странахъ, начиная съ Гродненской губерніи—только три дня, какъ выпалъ снѣгъ и начались легкіе морозы, градуса 3—4, а то шли дожди и дороги ужасныя; ежели не подмерзнетъ еще, то мнѣ съ обозомъ предстоитъ бѣдствіе не малое. Въ Полонномъ отвели мнѣ квартиру у еврея, чистыхъ очень двѣ комнаты и хозяйка услужливая: самоваръ былъ готовъ къ моему пріѣзду и меня спросили, не хочу ли ужинать. Дала почтовой

бумаги и чернилъ, такъ какъ вещи мои съ вокзала еще не прибыли, а я не хотѣлъ терять время, зная, что завтра будетъ работы на цѣлый день.

Полонное—это большое мѣстечко, есть хорошія постройки; отъ станціи желѣзной дороги версты четыре.

Къ пріѣзду моего поѣзда на станціи ждали становые и полицейскіе, были приготовлены лошади (для меня тройка) для отвоза насъ въ мѣстечко на квартиры. По новому маршруту, полученному мною изъ Кіева, здѣсь назначена дневка, отчего мы приходимъ въ Каменецъ 8 декабря, а не 7-го, какъ было назначено прежде.

Путешествіе наше, благодаря Бога, было благополучно, люди, несмотря на большой хаосъ, вели себя хорошо и не было ни одного случая. Между тѣмъ въ Московскомъ полку, юнкеръ, дежурный по батальону, послѣ звонка выгонялъ долго людей изъ трактира, опоздалъ въ вагонъ, на ходу хотѣлъ вскочить, поскользнулся, упалъ, и ему переломило ребро и подножкою вагона разбило голову, такъ что полумертваго отнесли на станцію; докторъ сказалъ, что нѣтъ никакой надежды на спасеніе жизни.

Полонное, 25-го ноября.

Со вчерашняго дня здѣсь повалилъ снѣгъ, а ночью и днемъ сегодня вьюга, намело по колѣна; что будетъ съ обозомъ при такой дорогѣ, да еще по гористой мѣстности—не знаю. Московскій полкъ, выступившій отсюда вчера, мучился на первомъ переходѣ до глубокой ночи; вообще намъ предстоитъ зимній походъ при весьма непривлекательныхъ условіяхъ.

Старо-Константиновъ. 29 ноября, 1876 г.

Три дня зимняго похода дали себя почувствовать; морозъ 12°, снѣгъ мѣстами очень глубокъ, съ обозомъ возни по горло, много поломалось, нѣкоторыя принадлежности потеряны при перегрузкахъ на желѣзныхъ дорогахъ; все это дѣлалось ночью, въ морозъ, руки костенѣли, и по совѣсти нельзя винить людей. Лошади спали съ тѣла замѣтно, на желѣзной дорогѣ не ѣли корма, а тутъ и присмотра невозможно учредить, разбросаны по всей деревнѣ по 3—4 въ каждомъ дворѣ, такъ что не знаешь, гдѣ и какъ ихъ отыскивать.

Начиная отъ Полоннаго, здѣсь чистая Малороссія, хаты всѣ выбѣлены, хохлы чистѣйшій типъ и по костюму, живутъ опрятно, хлѣба такого какъ у насъ я не видѣлъ нигдѣ: просѣянный черезъ сито, великолѣпно выпеченный, ѣшь съ наслажденіемъ—и это вездѣ, гдѣ только пришлось побывать. Сегодня при въѣздѣ въ Старо-Константиновъ, пропустивъ мимо себя обозъ, я зашелъ обогрѣться въ корчму

и засталъ тамъ мужиковъ за завтракомъ; спрашиваю: кто вы? отвѣчаютъ: хохлы!

На слѣдующей станціи ночлегъ былъ указанъ въ домѣ священника, который съ трудомъ согласился пустить къ себѣ и вообще отнесся ко мнѣ очень враждебно. Но присутствіе чиновника, присланнаго отъ волынскаго губернатора для встрѣчи полка, заставило его смириться; вообще со стороны гражданскихъ властей здѣсь большое содѣйствіе; видно, что ихъ подтянули. Дѣла гибель и очень сложнаго, и самъ я на ногахъ съ 8-ми утра до 5 вечера, что замѣтно подтянуло людей. Въ Московскомъ полку, говорятъ, несравненно хуже, и было нѣсколько случаевъ: одного офицера чуть не переѣхало патроннымъ ящикомъ съ горы и порядочно помяло, лошадь сломала ногу и еще въ этомъ же родѣ. На мое счастье выпалъ снѣгъ и стали морозы,иначе обозъ не было бы возможности вытащить: по здѣшнимъ дорогамъ грязь черноземная такая, что ступицы прячутся; боюсь, чтобы за Проскуровомъ, гдѣ, говорятъ, большія горы, не измѣнилась погода и не испортила дорогу, и теперь плохо—въ снѣгу, а въ грязи—матъ совсѣмъ. Московскій полкъ уже здѣсь, на мѣстѣ, хотя ему и короче походъ, но я не завидую. Стоянка плохая: городишко хуже Мещовска, кромѣ зимняго времени грязь невозможная. А про Каменецъ-Подольскъ здѣсь говорятъ, какъ про что-то недосягаемое для глухой провинціи.

Гор. Проскуровъ. 2-го декабря 1876 г.

Вчера при переѣздѣ моемъ въ Проскуровъ, на половинѣ дороги явился ко мнѣ становой приставъ и, отрапортовавъ, что онъ командированъ отъ губернатора для встрѣчи полка, закончилъ свою тираду такъ: „Подольская губернія, Проскуровскій уѣздъ!“

Здѣсь страшное скопленіе войскъ и такая же тѣснота, кромѣ Московскаго полка, котораго прежнюю стоянку перемѣнили на здѣшнюю, мой, какъ проходящій и два казачьихъ изъ Рязани, слѣдующихъ тоже въ Каменецъ-Подольскъ и его окрестности; тѣснота ужасная, такъ что лошади мои поставлены въ коновязяхъ подъ открытымъ небомъ, за неимѣніемъ конюшенъ. Городъ небольшой, немного лучше Старо-Константинова, есть нѣсколько порядочныхъ домовъ, а затѣмъ еврейскія лачуги. Здѣсь ходятъ разные слухи о нашемъ назначеніи, говорятъ, что скоро насъ двинутъ далѣе, такъ какъ мы составляемъ *резервъ* дѣйствующей арміи. По всему видно, что конференція ничего не сдѣлаетъ, и начнутся военныя дѣйствія, а тогда наша стоянка здѣсь не имѣетъ смысла, потому что оберегать границу противъ Австріи нечего; она не противъ насъ.

Масса разнородныхъ впечатлѣній, перемѣна обстановки и условій

жизни сдѣлали то, что мнѣ кажется, будто я цѣлый годъ, какъ изъ Москвы, а всего только двѣ недѣли.

Второй день здѣсь прекрасная погода, тепло, ясное небо и мѣстность превосходная, но для движенія неудобно, потому что довольно большія горы, боюсь, чтобы не настала оттепель, тогда съ обозомъ плохо будетъ по здѣшнему чернозему. Отъ Проскурова полкъ расходится по двумъ дорогамъ: штабъ и двѣ стрѣлковыя роты идутъ на К.-Подольскъ, а остальные по другой дорогѣ, проселочной, на свои квартиры.

Каменецъ-Подольскъ. 8-го декабря.

Пріисканіе квартиръ здѣсь сущее бѣдствіе особенно въ настоящую пору года, когда все лучшее занято съ лѣта, остаются оборыши и тѣ изъ рукъ вонъ плохи. Кромѣ неудобствъ квартиръ отъ дурной постройки домовъ, мы затруднены здѣсь еще и потому, что всѣ семейства офицеровъ двухъ полковъ, вышедшихъ отсюда, остались здѣсь, черезъ что недостатокъ квартиръ и повышеніе платы при увеличившемся спросѣ.

Видъ города въ высшей степени оригинальный и своеобразный. Представь себѣ небольшую долину, правильно окруженную горами, на пологихъ склонахъ которыхъ разбросаны части города, называемыя: Польскіе фольварки, Русскіе фольварки, Новый планъ и Подзамче; внутри долины скалистый полуостровъ, съ трехъ сторонъ омываемый рѣкою Смотричемъ, въ гранитныхъ отвѣсныхъ берегахъ; на этомъ-то полуостровѣ, протяженіемъ не болѣе $^3/_4$ версты въ каждую сторону, построенъ Каменецъ-Подольскъ или старый городъ. Тутъ вполнѣ сохранилась турецкая крѣпость. Самъ городъ на возвышенной мѣстности, но гораздо ниже окружающихъ его поименованныхъ выше, частей, такъ что картина единственная въ своемъ родѣ. Зданія, хотя каменныя, но старинной постройки, улицы узенькія, какъ въ древнихъ городахъ. На фольваркахъ шире, зелени очень много, но евреевъ несравненно болѣе: кромѣ нихъ, никого не видно.

Послѣднюю станцію я проѣхалъ на почтовыхъ и едва успѣлъ показаться въ городъ, какъ меня атаковали факторы съ предложеніемъ услугъ; одинъ изъ нихъ, довольно цивилизованный, объявилъ, что ждетъ меня уже двѣ недѣли, что квартиры, одна другой лучше, имъ приторгованы, мебель на прокатъ готова и т. д. Разумѣется, что всѣ квартиры, показанныя имъ, оказались сущею мерзостью, но онъ счелъ долгомъ сопровождать меня по всему городу въ теченіе цѣлаго дня, стоя на запяткахъ. Здѣсь сани извозчичьи парныя, широкія, съ запятками, по-старинному.

Заѣзжаю въ гостиницу обѣдать—факторъ стоитъ сзади стула, на

почту—онъ тормошитъ всѣхъ чиновниковъ, оретъ: „господинъ полковникъ, давайте ему писемъ!“ Поѣхалъ я осматривать полковыя помѣщенія—онъ опять за мною и передаетъ разныя подробности, однимъ словомъ, тѣнь да и только. Далъ я ему за усердіе 3 рубля, и онъ съ чувствомъ припалъ къ моей рукѣ. Теперь побѣжалъ топить и устраивать мою квартиру, куда я завтра перебираюсь.

Путешествіе наше отъ Проскурова до мѣста было, благодаря Бога, благополучное, два раза я имѣлъ квартиру у помѣщиковъ, принявшихъ меня и штабъ мой съ большимъ радушіемъ; оба поляки, люди очень образованные и въ высшей степени гостепріимные, поили старымъ венгерскимъ, особенно на предпослѣдней станціи, гдѣ была дневка. Но всѣ вообще жалуются на свое положеніе: денегъ нѣтъ, контрибуцію платятъ, имѣній покупать не могутъ, вообще все въ рукахъ жидовъ и край нищаетъ замѣтно. Несмотря на это, у обоихъ помѣщиковъ столъ для обѣда былъ накрытъ на 20 человѣкъ.

Каменецъ-Подольскъ. 29-го декабря.

Отъ Дрентельна было распоряженіе, что въ виду назначенія нашего составлять резервъ дѣйствующей арміи, мы должны быть готовы къ выступленію по экстренному приказанію, для чего немедленно распорядиться приведеніемъ въ порядокъ всего пришедшаго въ разстройство за походъ, сдѣлать всѣ предварительныя распоряженія для движенія, маршруты для котораго будутъ высланы прямо командирамъ полковъ до станцій желѣзныхъ дорогъ, надо думать, до Проскурова.

Съ тѣхъ поръ прошла недѣля, но маршрутовъ намъ не выслали изъ Кіева, хотя это можетъ случиться каждую минуту; и пойдетъ ли мой полкъ на Проскуровъ или обыкновеннымъ порядкомъ, я до сихъ поръ не знаю.

Праздники я провелъ вотъ какъ: на первый день въ соборѣ у обѣдни, оттуда зашли всѣ къ преосвященному Ѳеогносту, у него былъ завтракъ, потомъ сдѣлалъ нѣсколько визитовъ, обѣдалъ у себя, а вечеромъ собрались ко мнѣ свои и проиграли въ карты до трехъ часовъ утра. На второй день я, Ганъ, Брандтъ и вице-губернаторъ обѣдали у Толмачева, губ. воинскаго начальника, на третій день я поѣхалъ отдавать визитъ казачьему бригадному генералу Родіонову (лихой малый) и просидѣлъ у него часа три, гдѣ и познакомился съ предсѣдателемъ соединенной палаты гражданскаго и уголовнаго судовъ, у котораго, какъ преумнаго и прекраснаго господина, моего ближайшаго сосѣда, былъ съ визитомъ на 4-й день и тоже просидѣлъ часа 3.

Подъ новый годъ въ клубѣ балъ, куда я со всѣми своими офицерами собираюсь.

Тотчасъ по нашемъ приходѣ сюда явился капельмейстеръ Гартунгъ изъ Петербурга, котораго мнѣ рекомендовала агентура, и я изъ Проскурова написалъ ему условія. Онъ служилъ въ л.-гв. казачьемъ полку, а потомъ въ 1-мъ гвардейскомъ стрѣлковомъ батальонѣ, видно, что знаетъ свое дѣло хорошо, еще молодой, изъ консерваторіи, учитъ толково. Про музыку сказалъ: „это супъ безъ соли, нѣтъ души въ игрѣ и нѣтъ шику.“—А вѣдь это правда!

Каменецъ-Подольскъ. 1877 г. 27-го марта.

Находящійся здѣсь бригадный генералъ Арнольди сегодня получилъ телеграмму тотчасъ пріѣхать къ бригадѣ, такъ какъ войска дѣйствующей арміи выступаютъ. Мы сегодня еще ничего не имѣемъ, но понятное дѣло, коль скоро Турція не приметъ предложеній—сейчасъ армія наша двинется.

Каменецъ-Подольскъ. 30-го марта 1877 г.

Войска дѣйствующей арміи сосредоточиваютъ въ Бессарабіи, такъ какъ часть ихъ до сихъ поръ была по линіи Одесской дороги отъ Винницы до ст. Раздѣльной; теперь полки эти двигаются въ Сороки, а стоявшіе въ Сорокахъ въ Бѣльцы. Гдѣ же моя квартира тогда будетъ?

Телеграмма, полученная генераломъ Арнольди, объясняется тѣмъ, что драгуны изъ Сорокъ переходятъ въ Бѣльцы, а далѣе куда—неизвѣстно.

Молдавія, Кодоешты, 17-го мая 1877 г.

Время это было очень тревожное по причинѣ задержки въ обозѣ; лошади до того выбились изъ силъ, что на шоссе совершенно гладкомъ не могутъ везти повозокъ и шатаются, какъ тѣни. Выѣхавъ изъ Яссъ, я прямо слѣдовалъ къ полку и нагналъ его за городомъ. Въ виду дневки въ Яссахъ вслѣдствіе промедленія съ переправой черезъ Прутъ, пришлось отступить отъ маршрута, надо было наверстать потерянное, а потому послѣдовало приказаніе пройти сразу двѣ станціи, такъ что въ Поэни мы только обѣдали и въ 5 часовъ двинулись въ Кодоешты. Дорога отъ Яссъ прекрасная, хорошее шоссе, мѣстность живописная, хотя гористая, сплошная зелень виноградниковъ и лѣса, какъ будто въ паркѣ. Здѣсь счетъ идетъ на мили, въ каждой около 10 нашихъ верстъ, а въ маршрутѣ нашемъ разстоянія показаны почти на половину менѣе дѣйствительныхъ: отъ Поэни до Кодоешты 40 верстъ, а показано 20. Люди страшно устали и, несмотря на отличную дорогу и погоду, пришли сюда только въ 6-мъ часу утра,

сдѣлавъ въ этотъ день болѣе 60 верстъ. Сегодня здѣсь дневка, а завтра тоже 30 верстъ въ гор. Васлуй. Обозъ съ большимъ трудомъ нагналъ полкъ сегодня вечеромъ.

Пріѣхали мы сюда ночью въ 11 часовъ и остановились въ огромномъ помѣщичьемъ необитаемомъ домѣ. Всѣ повалились спать, какъ убитые, закусивъ на-скоро. Кодоешты крошечное мѣстечко изъ 60-ти домовъ въ 5-ти верстахъ въ сторонѣ отъ дороги; улицы освѣщаются фонарями и оно видно издали. Мы долго путались, пока добрались сюда, и только благодаря фонарямъ и расположенію мѣстечка на горѣ, мы его нашли. Волы мои еще не явились, хотя изъ Скуменъ (молдаванскихъ) вышли вчера утромъ; хлѣбъ подошелъ только въ половинномъ количествѣ, потому что въ Яссахъ нужно было нанимать подводы и не нашли ихъ, сколько нужно. Оказывается, что „товарищество“ [1]) по поставкѣ продуктовъ войскамъ заготовило ихъ не на всѣхъ станціяхъ, а на нѣкоторыхъ только, какъ намъ сообщили. Въ Поэни я взялъ очень хорошій ржаной хлѣбъ, сѣно и ячмень, тоже и здѣсь; а намъ все перепутали въ распоряженіяхъ, и мы совершенно напрасно пекли хлѣбъ.

Гор. Васлуй. 18-го мая 1877 г.

Сегодняшнюю станцію я сдѣлалъ верхомъ почти всю. За 5 верстъ отъ города выѣхало навстрѣчу намъ нѣсколько экипажей, а въ городѣ у заставы ждали еще двѣ коляски съ дамами.

Вступалъ полкъ съ музыкой; квартиру мнѣ отвели, очень хорошую, у помѣщика, который просилъ меня обѣдать; но поваръ мой былъ посланъ наканунѣ съ приказаніемъ готовить обѣдъ непремѣнно, поэтому я ѣлъ свой обѣдъ, пригласивъ Сколепскаго и Мерчанскаго. Каждый день я приглашалъ кого-нибудь: вчера Мерчанскій, Костылевъ и Бушенъ; третьяго дня Сухотинъ и Тутолминъ; готовится на одного столько, что всегда найдется для двухъ или трехъ. Вечеромъ играла музыка и по улицѣ было большое движеніе публики пѣшкомъ и въ экипажахъ.

Васлуй городъ небольшой, но чистый и много зелени. Жители чрезвычайно деликатны и предупредительны; говорятъ больше по-французски, въ домахъ обстановка очень хорошая, ничего подобнаго невозможно встрѣтить въ нашихъ уѣздныхъ городахъ. При проходѣ черезъ деревни и города—всѣ кланяются намъ, оказывая полнѣйшую предупредительность и вниманіе: вообще, видна цивилизація, не чета нашей; ни одного пьянаго мы не видѣли, все чинно и прилично. Мѣстность здѣсь гористая, еще болѣе, чѣмъ въ Бессарабіи.

---

[1]) Грегеръ, Горвицъ и Коганъ, стяжавшіе себѣ столь печальную извѣстность.

Здѣсь есть наша военная почта, и это письмо я сдаю завтра утромъ; говорятъ, что отходитъ каждый день въ Россію, интересно на который день оно придетъ. Послѣзавтра придетъ въ г. Бырладъ. Интендантскій чиновникъ съ жалованіемъ, котораго мы ждали въ злополучныхъ Скулянахъ, до сихъ поръ не явился, и, вѣроятно, ранѣе прихода въ Галацъ мы его не увидимъ.

Гор. Бырладъ. 21-го мая 1877 г.

Предыдущее письмо изъ Васлуя хотѣлъ отправить по полевой почтѣ, но оказалось, что тамъ она еще не дѣйствовала, и я послалъ по румынской. Здѣсь за 1 франкъ пересылаютъ 4 письма, на каждомъ по 2 марки. Жаль, что я не зналъ: оказалось, что въ Яссахъ наши офицеры мѣняли золото и получили за полуимперіалъ по 9 рублей; здѣсь даютъ только по петербургскому курсу 7 руб. 62 коп.

Вчера мы пришли въ Бырладъ, а сегодня дневали. Городъ довольно большой: 30 т. жителей, много магазиновъ и хорошихъ зданій, хотя есть и лачуги; евреевъ на половину. Весь городъ мощеный, хорошо освѣщенный и имѣетъ превосходный общественный садъ, изящно содержимый; вечеромъ аллеи освѣщаютъ фонарями, масса изящныхъ чугунныхъ скамеекъ, окрашенныхъ бѣлою краскою; породы деревьевъ намъ незнакомыя.

Сегодня по случаю праздника (Константина и Елены) префектъ просилъ у меня музыку и въ саду собралась масса публики.

Квартира у меня небольшая, одна гостиная, но отдѣльно отъ хозяевъ, ихъ постель, съ такимъ же одѣяломъ, какъ въ Бессарабіи (на пуговкахъ), маленькія подушки, которыхъ кладутъ 4, по двѣ въ рядъ; утромъ и вечеромъ подаютъ „шербетъ". Въ городѣ чрезвычайно развита уличная жизнь. Около ресторановъ, хотя и плохихъ, цѣлый день на тротуарахъ сидитъ публика за столами и бесѣдуетъ. Извозчики такіе же, какъ въ Яссахъ, но менѣе изящны; есть двѣ русскія лавки и хорошая французская кондитерская.

Встрѣтилъ начальника 35-ой дивизіи генерала Баранова, поговорили о походѣ: его дивизія прошла другой дорогой,—тоже черезъ Бырладъ, и вчера я засталъ еще здѣсь Моршанскій полкъ. При переправѣ черезъ Прутъ они страшно бѣдствовали, такъ же, какъ и мы, а въ артиллеріи утонуло двѣ лошади.

Барановъ очень милый человѣкъ и вполнѣ джентльменъ, отъ Гана [1]) въ восторгѣ. Послѣдній еще въ Кишиневѣ, а его корпусъ идетъ въ

---

[1]) Генерала, бывшаго начальника 17-й дивизіи, въ составъ которой входилъ Тарутинскій полкъ.

Баніасъ, сѣвернѣе Букареста на нѣсколько верстъ. Желѣзная дорога испорчена разливомъ рѣки и сообщеніе прекращено уже 6 дней; поэтому артиллерія 31-я бригада 15-го корпуса высадилась въ Яссахъ и идетъ съ Бородинскимъ полкомъ. Они постоянно ночуютъ на бивуакѣ: нѣтъ мѣста такой массѣ войскъ, а мы только одинъ день передъ Бырладомъ, въ Кицханахъ, ночевали въ полѣ. У меня была квартира съ Брандтомъ, въ маленькой деревенькѣ въ 40 домовъ, на квартирахъ были только офицеры. Хорошо, что, начиная съ Яссъ, тоитъ прекрасная погода: днемъ очень жарко, но зато сухо; переходы огромные, отъ 30 до 40 верстъ, и люди сильно устаютъ. Теперь я назначаю выступленіе въ 4 часа утра. Никакихъ газетъ по случаю порчи желѣзной дороги здѣсь не получается, и мы въ совершенной неизвѣстности, что дѣлается на театрѣ войны; вѣроятно, такъ будетъ до Галаца.

Мой поваръ ведетъ счетъ на франки и умудряется достать то, что нужно. Сегодня, напримѣръ: борщъ, свиныя котлеты и творогъ со сливками; это по моему заказу, и все досталъ, счетъ и сдачу представилъ левами, т. е. франками.

Наши офицеры, глядя на щеголей румынъ, стали одѣваться въ городахъ очень чисто; сегодня утромъ даже самые замарашки вытащили изъ походныхъ чемодановъ новое платье и гуляли по городу франтами.

Гор. Пропинешты. 22-го мая 1877 г.

Сегодня мы ночуемъ не по маршруту: оказалось, что деревня Ліешты въ 7-ми верстахъ отъ дороги, и мы остались въ Пропинештахъ — прекраснѣйшей мѣстности, какую можно себѣ вообразить. 180 дворовъ разбросаны на большомъ пространствѣ, среди сплошныхъ садовъ и роскошнѣйшей зелени виноградниковъ; каштановыя деревья громадныхъ размѣровъ, грецкіе орѣхи и черешня, которая недѣли черезъ двѣ совсѣмъ поспѣетъ. Отъ Бырлада идетъ вѣтвь желѣзной дороги до Текуча, и нашъ путь пролегаетъ близъ самыхъ рельсовъ, пересѣкая желѣзную дорогу нѣсколько разъ. Сейчасъ заѣзжалъ ко мнѣ Шемелевъ (полковой поставщикъ) и сказалъ, что въ Бырладѣ получены свѣдѣнія о томъ, будто бы въ Букарестѣ, съ пріѣздомъ туда 25-го мая государя императора, начнутся переговоры. Англія хлопочетъ кончить дѣло мирнымъ путемъ, при условіи выполненія Турціей нашихъ требованій въ 6-ти мѣсячный срокъ, съ уплатою военныхъ издержекъ, подъ гарантіей Англіи, а въ это время войска наши должны оставаться на этомъ берегу Дуная, въ видѣ обезпеченія въ исполненіи обязательствъ Турціи и какъ угроза на случай уклоненія турецкаго правительства отъ обязательствъ. Слухъ этотъ вчера еще

мнѣ передавалъ офицеръ 35-й дивизіи, говоря, что ихъ дивизія останется въ Букарестѣ. Справедливость этихъ извѣстій можетъ подтвердиться только въ Галацѣ. Можетъ быть и теперь есть уже въ русскихъ газетахъ что-нибудь по этому вопросу, но мы не знаемъ.

Провозглашеніе румынскаго князя королемъ едва-ли состоится, по несочувствію націи къ этому вопросу. Вообще здѣсь замѣчательно развита политическая свобода, и всѣ сужденія интеллигентныхъ лицъ говорятъ въ пользу ихъ развитія и самодѣятельности. Нѣкоторые безъ церемоніи говорятъ, что, ежели Россія хочетъ возвести нашего князя на степень короля, то пусть уступитъ намъ Бессарабію, а иначе королевство въ теперешнихъ размѣрахъ немыслимо и не имѣетъ средствъ содержать штатъ королевскаго двора.

Евреи, живущіе здѣсь въ большомъ числѣ, явно сочувствуютъ Турціи и сообщаютъ шифрованными депешами различныя свѣдѣнія о нашихъ войскахъ. По обнаруженіи этихъ продѣлокъ, говорятъ, запрещено отправлять шифрованныя депеши; особенно послѣ того, какъ узнали, что евреи телеграфировали о прибытіи въ извѣстный часъ поѣзда въ Браиловъ съ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ, вслѣдствіе чего турки и открыли огонь по станціи желѣзной дороги; но поѣздъ опоздалъ на нѣсколько минутъ, и этимъ только предотвращено было несчастіе. О нашихъ, такъ сказать, домашнихъ дѣлахъ нечего говорить: офицеры очень довольны пріемомъ мѣстныхъ жителей и заводятъ мимолетныя знакомства, объясняясь частью невозможнымъ нарѣчіемъ, ими самими изобрѣтеннымъ, частью мимикой.

По случаю прохода нашей арміи, во всѣхъ городахъ появились русскія вывѣски, весьма забавныя, какъ, напр.: „золотникъ и серебреникъ“, „кабинетъ для размѣна монетъ“ и т. п. Вчера я видѣлъ румынскаго гусара, въ новой формѣ, карабинъ за плечомъ, на тощей лошаденкѣ, а за нею сзади жеребенокъ.

Гор. Текучъ. 23-го мая 1877 г.

Жара даетъ себя чувствовать, особенно при такихъ большихъ переходахъ, какіе мы дѣлаемъ. Сегодня выступили въ 4 часа утра и только въ $2^1/_2$ притащились на мѣсто.

Текучъ хорошій городъ, всѣ улицы шоссированы, садовъ масса, много лавокъ, есть щегольскіе дома. Здѣсь проходитъ желѣзная дорога и шоссе, по которому мы слѣдуемъ до самаго Галаца, осталось только три дня похода и одна дневка. По расчету отъ Каменца до Галаца мы сдѣлаемъ 700 верстъ, а по маршруту показано 520;—это для успокоенія, чтобы при началѣ не обезкураживать насъ.

Завтра здѣсь будетъ проѣздомъ государь нашъ: приготовленія уже

сдѣланы, станція желѣзной дороги убрана флагами и зеленью очень хорошо; но проѣздъ послѣдуетъ ночью, въ 1-мъ часу, и сомнительно, чтобы государь вышелъ изъ вагона.

Подобно Яссамъ здѣсь въ ресторанѣ, весьма незавидномъ, впрочемъ, играетъ музыка и одинъ изъ музыкантовъ поетъ, но далеко не такъ, какъ нашъ пѣвецъ въ Яссахъ, которымъ мы наслаждались. Замѣчательно, какъ здѣсь во всѣхъ даже маленькихъ городахъ развита общественная жизнь: по вечерамъ рестораны полны публики, на улицахъ сидятъ за столами и пьютъ пиво, довольно, впрочемъ, незавидное; извозчики всѣ въ коляскахъ, чего не встрѣтишь у насъ даже въ губернскихъ городахъ. Замѣтно, однако, отсутствіе женщинъ и ни одного красиваго лица я не видѣлъ. Гор. Текучъ—солдаты называютъ „Текущій". Лошади до того испортились, что многія не могли идти въ поводу, и я долженъ былъ продать почти даромъ: за 10 лошадей—55 руб.

На Дунаѣ, гор. Галацъ. 29-го мая 1877 г.

Галацъ на лѣвомъ берегу Дуная, большой торговый городъ, отличается множествомъ весьма изящныхъ магазиновъ, много хорошихъ зданій и гостиницъ, рестораны и кафе, вполнѣ роскошные, на каждомъ шагу; только мостовыя вродѣ московскихъ и портятъ впечатлѣніе. Пришли мы сюда въ 2 часа дня, выступивъ съ ночлега въ 3 часа утра. Жара страшная, 30°, окончательно истомляетъ. Здѣсь застали уже 18-ю дивизію (нашего корпуса), а бывшій тутъ 11-й корпусъ ушелъ къ Рущуку. Моему полку указано мѣсто бивуака на самомъ берегу Дуная у городскаго предмѣстья; прочія войска стоятъ въ полѣ, не доходя города. Располагаемся въ маленькихъ палаткахъ изъ непромокаемой парусины, по 6 человѣкъ въ каждой; на троихъ оберъ-офицеровъ и на 2-хъ штабъ-офицеровъ одна такая же палатка. Я нанялъ для себя деревенскій домикъ, близъ лагеря, изъ 2-хъ комнатъ съ кухней и маленькой прихожей, за 30 франковъ въ недѣлю, спокойно и удобно, хотя цѣна чрезвычайно высока по-здѣшнему.

Дунай разлился по правому берегу верстъ на 7: нѣсколько турецкихъ деревень залиты водой, а вдали виднѣются Балканскія горы, формой и величиной напоминающія Кавказскія. Сильное разлитіе Дуная задерживаетъ переправу нашу и еще не знаемъ, когда она состоится.

Стоимъ въ виду непріятеля, который, однако, ничего не дѣлаетъ: суда его ушли далеко, къ Мачину, и тамъ затерты нашими торпедами. На-дняхъ корпусный командиръ, ген. Циммерманъ, ѣздилъ на лодкѣ по Дунаю рекогносцировать правый берегъ, и съ турецкихъ постовъ, видныхъ отсюда въ бинокль, въ него стрѣляли. Было вы-

*

стрѣловъ до 20-ти, но всѣ мимо, хотя одно весло въ лодкѣ пробило пулею.

Когда мы были на дневкѣ въ Ивештѣ (два перехода отъ Галаца), то въ 10 часовъ утра проѣхалъ государь съ большою свитою; дорога пролегаетъ по самому мѣстечку, и я поставилъ полкъ шпалерами по обѣ стороны дороги. Съ приближеніемъ поѣзда люди кричали „ура", музыка играла гимнъ, государь изъ окна привѣтливо кланялся. Наслѣдникъ тоже.

Во время проѣзда государя, по всей линіи желѣзной дороги были разставлены казаки и солдаты на небольшихъ разстояніяхъ, для охраны пути отъ порчи. Говорятъ, что недалеко отъ Берлада какой-то жидъ вечеромъ положилъ на рельсы камень, сѣлъ на лошадь и поскакалъ въ лѣсъ; казакъ, замѣтивъ его, выстрѣлилъ въ догонку, ранилъ его, и когда тотъ свалился съ лошади, добѣжалъ до него и прокололъ пикою; за это получилъ сто рублей.

Изъ газетъ уже извѣстно о взрывѣ другаго монитора: это было сдѣлано истинно геройски: два морскихъ офицера, Шестаковъ и Дубасовъ, на двухъ лодкахъ, съ командами, отправились ночью, кажется 14-го мая, изъ Браилова къ турецкой флотиліи и, подойдя къ монитору, подвели мины, взорвавъ его моментально; но прежде чѣмъ они успѣли это сдѣлать, ихъ замѣтили турки и опросили, наши отвѣтили имъ по-турецки „свой"; но турки догадались, открывъ жестокую пальбу изъ всѣхъ судовъ, но благодаря Бога, дѣло кончилось такъ счастливо, что ни одинъ человѣкъ не раненъ: выстрѣлы летѣли поверхъ головы и попадали, въ темнотѣ, въ другія турецкія суда, изъ которыхъ люди бросались въ воду отъ паники и сюрприза: ночь была темная, дождливая, взрывъ и пальба навели ужасъ на весь Браиловъ, жители думали, что турки бомбардируютъ городъ, а наши герои возвратились невредимы.

Офицеры получили георгіевскіе кресты, представлялись здѣсь государю, который обнялъ ихъ и цѣловалъ. Взорванный броненосецъ второй по величинѣ послѣ перваго, взорваннаго гранатою.

Все время здѣсь стоитъ убійственная жара: въ комнатѣ, въ тѣни 20°. Офицерамъ разрѣшено, кромѣ кителей, носить рубашки бѣлыя и сѣрыя. Я заказалъ себѣ двѣ за 30 франковъ, съ косымъ воротомъ, съ боку карманъ; сегодня принесутъ ихъ и надѣну.

Гор. Браиловъ, 1-го іюня 1877 года.

Надѣялись простоять въ Галацѣ недѣлю или двѣ, какъ вдругъ приказано нашей бригадѣ выступить въ Браиловъ. Переходъ въ 50 верстъ, при 30° жары, былъ очень тяжелъ; но еще хуже бивуачное

мѣсто: голое, безъ воды (въ 2-хъ верстахъ отъ Дуная), пыль неимовѣрная! отъ города 3 версты, такъ что я, хотя и нанялъ себѣ комнату въ предмѣстьѣ, но по дальности отъ лагеря — перехожу туда и сегодня ставятъ мою палатку.

Накопленіе депешъ на станціяхъ ужасное, и никто изъ Россіи не получаетъ отвѣта; видно, что наши телеграммы не доходятъ. Послѣ завтра сюда переѣзжаетъ изъ Галаца корпусное отдѣленіе полевой почты и, вѣроятно, привезетъ письма: здѣсь же нѣтъ нашей почты до сихъ поръ, а за письмами надо посылать въ Галацъ.

У насъ дѣлаются приготовленія къ переправѣ черезъ Дунай; о числѣ турокъ на противоположномъ берегу не знаемъ, но въ трубу видны войска и лошади. Вода стала сбывать значительно и есть секретныя свѣдѣнія, что переправу предпримемъ 4-го или 5-го. Главныя силы, при которыхъ государь, переправляются между Рущукомъ и Виддиномъ, а нашъ отрядъ нижне-дунайскій—здѣсь. Какъ-то Господь поможетъ намъ въ первомъ и весьма важномъ дѣйствіи.

Здѣсь, въ Браиловѣ, сохранились крѣпостные валы и рвы на большомъ протяженіи. Не далеко отъ нихъ, составляющихъ теперь городскую черту—нашъ бивуакъ и тутъ же большой садъ, въ которомъ на искусственномъ курганѣ поставленъ памятникъ русскимъ, при взятіи Браилова въ 1828 г. Памятникъ поставленъ на томъ мѣстѣ, гдѣ упало ядро, пущенное изъ крѣпости, около государя Николая Павловича, лично производившаго рекогносцировку.

Браиловъ большой городъ, съ хорошими строеніями, много садовъ, магазиновъ, но мостовыя отвратительныя: огромные булыжники раздѣляются одинъ отъ другаго значительными промежутками — и это мостовая.

Только день, какъ мы здѣсь стоимъ, но уже выходимъ изъ терпѣнія отъ всѣхъ неудобствъ, окружающихъ нашъ бивуакъ, и молимъ Бога о дождѣ, котораго не было со дня пріѣзда въ Яссы.

На томъ берегу Дуная, въ горахъ, должно быть не такъ жарко и пыльно. Солдаты вычерпали воду изъ всѣхъ ближайшихъ колодцевъ, а въ Дунаѣ вода мутная, желтоватая и очень непріятная по виду, вѣроятно, и вкусъ не лучше; я не пробовалъ и стараюсь избѣгать ее. Насъ отдѣляетъ отъ Дуная $^3/_4$ версты засѣяннаго поля, до самаго берега покрытаго мелкимъ лѣсомъ, такъ что рѣка не видна, а только горы праваго берега. Нашъ—сильно укрѣпленъ батареями, съ огромными осадными орудіями. Я видѣлъ то мѣсто, гдѣ былъ взорванъ первый мониторъ, на самомъ Дунаѣ, ближе къ правому берегу.

Бивуакъ нашъ (пять полковъ пѣхотныхъ и одинъ казачій, съ тремя батареями артиллеріи) представляютъ оригинальную картину:

масса лошадей, крикъ, ходьба за водою толпами, пѣсни солдатиковъ, все въ обстановкѣ, непривычной глазу, хотя и военному.

Браиловъ, 2-го іюня, 1877 г.

Новостей, кромѣ приготовленія средствъ къ переправѣ, нѣтъ никакихъ. Ожидаемъ приказанія со дня на день и хочется скорѣе выбраться изъ неудобнаго браиловскаго бивуака. Сегодня послѣ обѣда поднялся сильнѣйшій вѣтеръ, нагнавъ тучи, но дождя пока нѣтъ, а мы ждемъ его съ нетерпѣніемъ, хоть пыль убьетъ, невозможно дышать.

Браиловъ, 6-го іюня, 1877 г.

Третьяго дня нашъ корпусный командиръ, г. Циммерманъ, сдѣлалъ рекогносцировку праваго берега Дуная и пригласилъ меня и Маклакова (ком. Бородинскаго полка), такъ какъ Бородинскій, а затѣмъ мой полкъ—начнемъ переправу для овладѣнія Мачиномъ.

Часть пути, версты три, мы проѣхали на пароходѣ; потомъ, сѣвъ на лошадей и по плавнямъ, отправились далѣе; не доѣхали до Мачина верстъ 5-ть, все по водѣ; дорога залита и размыта, такъ что и признаковъ ея не осталось. Все время вода была по брюхо лошадямъ, а въ четырехъ мѣстахъ шли вплавь, такъ что вода заливала карманы брюкъ. Обратно такимъ же порядкомъ: промокли окончательно. Я, возвратясь, сейчасъ натерся спиртомъ, перемѣнилъ бѣлье и платье, и въ результатѣ оказалось все хорошо, какъ будто бы и не купался. Вчера пришли сюда бутырцы.

Когда дойдетъ это письмо, то мы будемъ уже на томъ берегу Дуная, куда переѣдемъ на лодкахъ и баржахъ къ самому Мачину; тамъ, говорятъ, очень мало турокъ, и едва-ли будетъ съ ихъ стороны упорное сопротивленіе. Начнетъ переправу Бородинскій, а за нимъ и мы; идемъ безъ ранцевъ, только съ сухарями. Обозъ и все прочее остается на этомъ берегу, и потомъ уже, по занятіи Мачина, когда утвердимся въ немъ, станемъ перевозить на баржахъ тяжести для дальнѣйшаго слѣдованія. Страшное, небывалое разлитіе Дуная тормозитъ наши предпріятія, иначе мы давно уже были бы за нимъ.

Живу въ палаткѣ очень большой, составленной изъ нѣсколькихъ малыхъ; обѣдъ готовится на керосиновой кухнѣ; каждый день кого-нибудь приглашаю и сыты. Здоровье до сихъ поръ въ самомъ лучшемъ состояніи.

Браиловъ, 7-го іюня, 1877 г.

Завтра или послѣ завтра — сюда ждутъ государя, будетъ смотръ намъ, и, какъ говорятъ, государь желаетъ присутствовать при пере-

правѣ нашей за Дунай, что было бы очень лестно для насъ и воодушевило бы войска, которыя тяготятся бездѣйствіемъ и неопредѣленностью времени перехода.

Не знаю почему, но я совершенно спокоенъ и жду этого дѣла безъ малѣйшаго смущенія, отдаваясь вполнѣ на волю Провидѣнія. M-me Мевесъ получила разрѣшеніе быть сестрою милосердія при нашемъ отрядѣ и немного успокоилась.

Въ городѣ я былъ только два раза по необходимости, сижу у себя въ палаткѣ и занимаюсь дѣломъ, котораго гибель: одна переписка увеличилась втрое противъ обыкновеннаго, по случаю новыхъ отчетностей и свѣдѣній въ штабы корпусный и арміи, а писать не на чемъ, столовъ въ походѣ нѣтъ и не полагается на бивуакѣ; пишутъ на доскахъ и какихъ-то обрубкахъ, почти лежа, потому что въ маленькихъ палаточкахъ можно только лежать, но не сидѣть.

Браиловъ, 12-го іюня, 1877 г.

Вполнѣ справедливо, что человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ! Все было расчитано и сдѣлано для того, чтобы главная роль въ форсированіи переправы досталась моему и Бородинскому полкамъ. Циммерманъ хотѣлъ непремѣнно доставить эту честь намъ; назначенъ былъ день и часъ (секретно), ночью съ 11-го на 12-е, сдѣланы всѣ распоряженія, отдано лично имъ приказаніе мнѣ и Маклакову и болѣе никому. Въ то же время, для поддержанія нашей атаки на Мачинъ должна была идти изъ Галаца бригада 18-й дивизіи: Рязанскій и Ряжскій полки, которымъ нужно было пройти Дунаемъ и затѣмъ по горамъ, вдвое больше нашего, и они должны были выступить днемъ ранѣе, чтобы подойти къ Мачину съ другой стороны, одновременно съ нами; со стороны отъ Галаца, кромѣ того ожидали самаго слабаго сопротивленія со стороны турокъ, а все должно было рѣшиться въ Мачинѣ, гдѣ у нихъ были сильныя батареи и 3 тыс. войска. Наши полки должны были, переправившись по наведенному черезъ Дунай мосту, идти далѣе до Мачина 12 верстъ вверхъ по теченію старымъ Дунаемъ, или однимъ изъ рукавовъ Дуная, разлившимся на большое пространство, почти вплоть до самаго Мачина, на лодкахъ и плотахъ съ пароходами, первымъ Бородинскій, за нимъ мой на тѣхъ же лодкахъ, по высадкѣ изъ нихъ бородинцевъ. Дѣло предстояло чрезвычайно трудное и рискованное: непріятель могъ стрѣлять изъ своихъ батарей по лодкамъ и плотамъ за три версты отъ Мачина, а затѣмъ пришлось бы высаживаться на твердую землю шагахъ въ 300—400 отъ города, тоже подъ огнемъ орудій и ружей почти въ упоръ.

Вдругъ утромъ, въ 3 часа, съ 10-го на 11-е слышимъ въ лагерѣ пушечную пальбу на томъ берегу, въ сторонѣ Галаца; пальба не прерывалась все время до 12-ти часовъ. Въ 8-мъ часу я поѣхалъ въ городъ, на пристани и батареи за собираніемъ свѣдѣній; взошелъ на обсерваціонный пунктъ: тамъ собрался генералитетъ, а корпусный командиръ, оказалось, ночью уѣхалъ въ Галацъ; смотрѣли мы въ трубу и бинокли: на турецкомъ берегу, явно, идетъ бой, залпы страшные, видны орудія, дымъ, части войскъ, бѣготня, суета; все это на разстояніи отъ насъ верстъ 12. Но никто не знаетъ кто дерется: нѣкоторые начали утверждать, что турки дѣлаютъ у себя ученье.

Вся набережная въ Браиловѣ и городской садъ, тоже на берегу Дуная, унизаны тысячами народа, съ биноклями, слѣдящаго за дѣломъ, но не знающаго въ чемъ суть. У насъ оканчиваютъ въ это время наводку моста противъ Браилова, собственно для насъ. Иду къ Акимову и узнаю, что дерутся наши; они ночью двинулись изъ Галаца на лодкахъ и плотахъ, какъ было предположено, и, пройдя плавни, стали приставать къ твердой землѣ у горы Буджакъ; но тутъ, сверхъ ожиданія, ихъ встрѣтили турки, стрѣляли по лодкамъ и затѣмъ при высадкѣ и началось дѣло, продолжавшееся 9-ть часовъ почти безъ перерыва, потому что наши полки могли подходить только частями, идя противъ теченія.

Отсюда мы видѣли, что турки подаются назадъ, къ Мачину. Результатомъ было: полное пораженіе турокъ, которые, не видя со стороны Браилова нашего движенія и думая, что вся масса нашихъ войскъ идетъ отъ Галаца, взяли изъ Мачина всѣ свои войска на подмогу къ тѣмъ, которыя были на Буджакѣ и послѣ пораженія были отброшены отъ Мачина на югъ за 35 верстъ. Вечеромъ изъ Мачина пріѣхали на лодкахъ болгары и сказали, что Мачинъ очищенъ отъ турецкихъ войскъ. Сейчасъ же двинулись туда команды нашихъ охотниковъ, по 30 отъ полка, и заняли Мачинъ, а нашъ дессантъ оказался уже лишнимъ. Вчера перевезенъ въ Мачинъ Бородинскій полкъ на пароходахъ и баржахъ, а завтра или послѣзавтра поѣдемъ и мы. Побѣдители: рязанцы и ряжцы, вступаютъ туда сегодня съ другой стороны. Ночью въ 3 часа съ 10-го на 11-е пріѣхалъ сюда государь, и, узнавъ на вокзалѣ о совершившейся переправѣ и занятіи Мачина, тотчасъ поѣхалъ далѣе въ Галацъ, гдѣ былъ еще и Циммерманъ, такъ какъ безъ него никто не могъ доложить государю о ходѣ дѣла подробно. Между тѣмъ ночью я получилъ приказаніе: въ 10 часовъ утра 11-го идти къ пристани для перевозки въ Мачинъ. Бородинцы выступили, мои собирались, снимали палатки, хлопотали полуодѣтые при укладкѣ, какъ вдругъ прибѣгаетъ офицеръ и говоритъ, что на лѣвомъ флангѣ бивуака великій князь. Я крикнулъ людямъ одѣться

и выстроиться передъ первымъ рядомъ снятыхъ уже палатокъ, безъ ружей. Черезъ нѣсколько минутъ подъѣхалъ къ полку государь, съ огромной свитой, наслѣдникъ, великій князь Владиміръ Александровичъ, Милютинъ, Суворовъ, Адлербергъ и проч. Государь верхомъ на своей бѣлой лошади, въ бѣломъ кителѣ, бѣлой фуражкѣ, длинныхъ сапогахъ. Мои офицеры стояли всѣ вмѣстѣ, я впереди ихъ.

Остановившись у офицеровъ, государь сказалъ: „здравствуйте, господа, здравствуйте!“ Мы поклонились; государь, обращаясь ко мнѣ (я стоялъ съ правой стороны, въ двухъ шагахъ отъ государя), сказалъ: „поздравляю со вчерашнею побѣдою; та бригада (рукою указалъ назадъ, къ сторонѣ Галаца) дралась прекрасно; надѣюсь, что и вы поддержите свою славу“. На это я сказалъ: „мы все сдѣлаемъ для славы вашего оружія“. Государь отвѣтилъ съ улыбкой: „я увѣренъ“. Тогда я продолжалъ: „намъ прискорбно, что мы не могли быть вчера въ числѣ первыхъ участниковъ, какъ надѣялись“. Государь поклонился привѣтливо. Проѣхавъ нѣсколько шаговъ, его величество остановился и опять говоритъ мнѣ: „сегодня я смотрѣлъ раненыхъ, всѣ такъ весело, привѣтливо смотрятъ, а тому, который первымъ вскочилъ, я самъ повѣсилъ Георгія“ (и показалъ при этомъ на свой Георгіевскій крестъ). Въ это время солдаты кричали „ура“, музыка играла гимнъ, государь былъ въ отличномъ настроеніи, улыбался привѣтливо, кланялся. Солдаты, конечно, въ восторгѣ. Проѣхавъ потомъ по Бутырскому полку, государь и вся свита сѣли въ экипажи и уѣхали. Въ коляскѣ съ его величествомъ сидѣлъ наслѣдникъ, великій князь Владиміръ Александровичъ и Циммерманъ. Тотчасъ по отъѣздѣ государя я повелъ полкъ на пристань; при насъ уѣхалъ послѣдній эшелонъ бородинцевъ въ Мачинъ. Когда пароходъ тронулся—публика стала кричать „ура“, махала платками и выказывала видимое сочувствіе намъ.

Прождавъ на пристани часа два, я получилъ записку отъ Акимова, что полкъ не будетъ сегодня перевезенъ и возвратился бы въ лагерь.

Черезъ два часа прискакалъ казакъ съ приказаніемъ вести полкъ на пристань; по тревогѣ собрались и тронулись; я поѣхалъ впередъ къ корпусному командиру, только-что возвратившемуся изъ Мачина, и получилъ приказаніе вернуть полкъ на бивуакъ, такъ какъ 12-го числа будетъ перевозиться въ Мачинъ бородинцамъ продовольствіе, ранцы и пр., а мой переѣздъ послѣ. Опять вернулъ полкъ съ половины дороги.

И такъ, нашъ корпусъ, предполагавшійся быть въ резервѣ, первымъ перешелъ Дунай; потери наши еще неизвѣстны точно: говорятъ, 100 раненыхъ, около 50 убитыхъ, въ томъ числѣ два офицера, а

ранено ихъ до 20. При высадкѣ турки стрѣляли залпами и дрались упорно все время. Слышно, что мы взяли у нихъ 4 орудія. Потери наши были бы менѣе, если бы можно было сразу подвести нашу артиллерію, а то она на плотахъ противъ теченія двигалась медленно и могла высадиться на берегъ только порядочно спустя послѣ пѣхоты, которая, по словамъ государя артиллеристамъ, „одна должна была нести тягость боя и вздохнула только съ приходомъ артиллеріи". Слышно, что, возвратясь изъ нашего лагеря, государь получилъ депешу о переправѣ у Никополя, гдѣ турками были устроены очень сильныя батареи и дѣло вышло кровопролитное. Получивъ эту телеграмму, государь тотчасъ же выѣхалъ обратно въ Плоэшти. Дай Богъ, чтобы и тамъ былъ полный успѣхъ!

Передъ нашей переправой, дня за три, нѣкоторые офицеры написали завѣщанія, положили ихъ въ денежный ящикъ для храненія на случай смерти, и вложили туда же свои лишнія деньги подъ мои квитанціи. Всѣ готовились къ смерти и если бы Богъ не направилъ дѣло такъ, какъ оно состоялось, то намъ и бородинцамъ пришлось бы лечь на половину, многіе и не достигли бы Мачина, будучи потоплены на лодкахъ и плотахъ выстрѣлами противника версты за 3 и болѣе, а тѣ, которые бы уцѣлѣли, то при высадкѣ ихъ ожидала бы не лучшая участь, подъ огнемъ чуть не въ упоръ, но Господь избавилъ насъ и направилъ все къ лучшему; теперь уже на твердой землѣ, съ достаточнымъ числомъ орудій, дѣло пойдетъ. Съ переходомъ нашимъ по ту сторону Дуная, отдѣленіе полевой почты при корпусномъ штабѣ постоянно, а мы около него и сообщеніе съ Браиловомъ уже въ нашихъ рукахъ!

9-го іюня у меня утонулъ фурштатъ съ лошадью изъ подъ денежнаго ящика, во время купанья лошадей, попалъ въ водоворотъ и погибъ въ Дунаѣ.

Гор. Браиловъ. 16-го іюня 1877 г.

Въ предыдущемъ письмѣ, № 5, я говорилъ, что на другой день перехожу въ Мачинъ; но это отложено на цѣлую недѣлю, такъ что только 17-го или 18-го я двинусь туда; большія задержки въ переправѣ обоза и лошадей; теперь еще только переправляютъ тяжести Рязанскаго и Ряжскаго полковъ, а потомъ уже я двинусь. Разливъ Дуная ужасный, вода выше ординара на 15 футовъ.

Въ газетахъ, издающихся въ Букарестѣ, вчера напечатано, что близъ Силистріи переправились еще 15 тысячъ нашихъ войскъ; такъ что почти на всѣхъ пунктахъ мы окончили одно изъ самыхъ трудныхъ предпріятій. Крѣпости, лежащія на пути нашего корпуса: Гирсово, Исакча, Тульча—очищены турками; войска ихъ отступили къ

югу, а жители, кромѣ христіанъ, бѣжали за ними; христіане остались на своихъ мѣстахъ. Въ занятыхъ городахъ и мѣстностяхъ вводится наше управленіе, для чего изъ главной квартиры присланы чиновники.

Только-что я пообѣдалъ, какъ отъ корпуснаго командира прискакалъ казакъ съ запиской, проситъ къ себѣ немедленно. Когда я явился, Циммерманъ говоритъ мнѣ: къ вамъ дѣло и очень важное: сообщеніе съ Мачиномъ до сихъ поръ не устроено, дорога работается чрезвычайно медленно, всѣ лѣнятся, инженеры тоже; возьмите это дѣло въ свои руки, берите весь вашъ полкъ, распоряжайтесь, указывайте; инженеры и саперы будутъ въ вашемъ распоряженіи, и во что бы ни стало дѣлайте дорогу скорѣе. Когда я возразилъ на это, что я не спеціалистъ, и никогда не занимался этимъ дѣломъ практически, а знакомъ съ нимъ по теоріи, то Циммерманъ сказалъ: вы и офицеръ генеральнаго штаба, и инженеръ, и артиллеристъ, безъ васъ это дѣло не устроится, я знаю васъ, мнѣ Ганъ говорилъ, что какое бы дѣло вамъ ни дать, вы его сдѣлаете, да я и самъ убѣдился въ этомъ, и я увѣренъ въ васъ, и разсказалъ при этомъ нѣкоторыя частности, замѣченныя имъ при работахъ.

Зная настойчивость Циммермана, хотя я и видѣлъ всю трудность возложеннаго на меня порученія, но долженъ былъ согласиться: время военное, разговаривать нельзя. Сейчасъ же поѣхалъ на правый берегъ Дуная осмотрѣть мѣстность и начатыя работы, переговорилъ съ инженерами, которыхъ утромъ Циммерманъ распекъ жесточайшимъ образомъ, условился съ ними въ подробностяхъ и вернулся въ лагерь дѣлать распоряженія. Завтра съ 5-ти часовъ утра начинаются работы исключительно моимъ полкомъ. Я назначилъ по 700 человѣкъ утромъ и послѣ обѣда. Дорогу нужно прокладывать въ камышахъ, по болотамъ и топи; гдѣ дѣлать гать, а гдѣ перекидывать мостки; на протяженіи 12-ти верстъ до Мачина ихъ будетъ не менѣе 10-ти. Самъ буду на работахъ и можетъ быть успѣю устроить что-нибудь. Вслѣдствіе всего этого полкъ мой не пойдетъ въ Мачинъ такъ скоро, какъ я ожидалъ, и офицеры рады, такъ какъ здѣсь привлекаютъ ихъ разные кафе-шантаны, пѣвицы, гулянье въ саду, музыка во всѣхъ гостиницахъ и т. п. Сегодня передавали мнѣ подробности посѣщенія государемъ раненыхъ въ Галацкомъ госпиталѣ. Государь подошелъ прежде къ поручику Ряжскаго полка, Эльснеру, ротному командиру, который первымъ вскочилъ на берегъ, подъ огнемъ непріятеля, благодарилъ его и подалъ ему руку. Эльснеръ, раненый въ ногу выше колѣна, съ чувствомъ припалъ къ рукѣ государя и сказалъ: „я исполнилъ только свой долгъ“. Тогда государь сказалъ: „и я исполню свой“, вынулъ изъ кармана Георгіевскій крестъ и далъ ему; при этомъ самъ

прослезился. Потомъ подходилъ ко всѣмъ солдатамъ и подробно разспрашивалъ каждаго; одинъ на вопросъ: какого полка? отвѣтилъ: а вотъ мой ротный командиръ и указалъ на Эльснера; другой съ большимъ оживленіемъ разсказывалъ, какъ онъ убилъ двухъ кавалеристовъ и кончилъ такъ: „вѣдь они басурмане, съ ними иначе нельзя!" Государь вынулъ изъ кармана всѣ деньги, какія у него были, и далъ ему; кромѣ того, приказалъ раздать деньги и прочимъ раненымъ, каждаго ласкалъ, гладилъ по головѣ, а самъ съ трудомъ удерживался отъ слезъ. Вотъ объ этихъ-то раненыхъ и о ихъ хорошемъ настроеніи государь и говорилъ мнѣ. Государь далъ золотой и раненому турку, взятому въ плѣнъ.

Говорятъ, что во время разсказа солдатикомъ подробностей о ходѣ сраженія и о томъ, какъ онъ убилъ двухъ кавалеристовъ, наслѣдникъ отъ души смѣялся и вся свита тоже. На стрѣлковыя роты, бывшія въ дѣлѣ долѣе прочихъ, дано по 5 Георгіевскихъ крестовъ, а на прочія по три. По свѣдѣніямъ здѣшнихъ газетъ турокъ было отъ 3—4 тысячъ въ дѣлѣ.

Въ то время, когда началось сраженіе со стороны Галаца, изъ Браилова былъ посланъ нашъ пароходъ подъ командою Дубасова, для того, чтобы высмотрѣть позицію въ Мачинѣ; это было въ 3 часа ночи; съ нашего парохода сдѣлали два выстрѣла изъ пушки, но такъ какъ разстояніе было очень большое, болѣе двухъ верстъ, то гранаты не долетали до турецкой батареи; оказалось на другой день, по занятіи Мачина, что осколками ранено два турка, не далеко отъ батареи: они лѣчатся здѣсь въ госпиталѣ. По пароходу же турки сдѣлали 22 выстрѣла и ни одинъ не попалъ, хотя гранаты перелетали далеко за пароходъ. Это мнѣ говорилъ самъ Дубасовъ и матросы, когда я утромъ былъ на пароходѣ.

Гор. Браиловъ, 20-го іюня 1877 года.

Въ предыдущемъ письмѣ я сказалъ о возложенномъ на меня порученіи по устройству дороги въ Мачинъ; это задержало меня въ Браиловѣ, и не ранѣе, какъ черезъ 5 дней я переберусь туда. Работа идетъ хорошо, хотя чрезвычайно трудно людямъ: по поясъ въ водѣ и въ болотѣ должны работать; рубятъ хворостъ, копаютъ землю, строятъ съ саперами мосты, которыхъ на каждой верстѣ по 3—4, длиною нѣкоторые до 30 саженъ, косятъ камышъ, величиною въ двѣ сажени, таскаютъ на себѣ все это; но за всѣмъ тѣмъ, работаютъ усердно и не ропщутъ. Циммерманъ каждый день бываетъ на работахъ и очень доволенъ. Сегодня утромъ, между прочимъ, говоритъ: „вашъ и Бородинскій полкъ самые лучшіе въ корпусѣ, я ихъ болѣе всѣхъ люблю; такъ я и докладывалъ государю; дай Богъ вамъ быть

въ хорошемъ дѣлѣ, отъ души желаю. Я выпросилъ у него, чтобы людямъ давать ежедневно по чаркѣ водки, и онъ далъ на это деньги, изъ экстраординарныхъ суммъ, въ день по 50 рублей. Вообще онъ очень хорошій человѣкъ—разумный, свѣдущій, не мелочной, но любитъ службу, порядокъ и требуетъ точной исполнительности; распекаетъ сильно, когда понадобится. За переправу нашу черезъ Дунай онъ уже получилъ Александра Невскаго.

На-дняхъ сдѣлана также переправа главныхъ силъ у Систова, между Рущукомъ и Никополемъ. Первою перешла 14-ая дивизія, Драгомірова, и онъ получилъ Георгія 3-й степени. Потери наши тамъ болѣе 1.000 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Горная батарея, бывшая на баржѣ, въ которую попала турецкая граната, пошла ко дну со всѣми людьми и орудіями; турки дрались упорно, на пунктѣ переправы выставили 5 т. и много орудій, но были разбиты. Непокойчицкій получилъ Георгія на шею, великій князь главнокомандующій—Георгія 2-й степени, а его сынъ 4-й степени. Бо́льшихъ подробностей не знаемъ еще.

Измайловъ со своимъ казачьимъ полкомъ ходилъ на поиски въ Бабадачу изъ Мачина; нагналъ турокъ, гнавшихъ 4 т. головъ скота, отбилъ его, взялъ нѣсколько плѣнниковъ; были убитые и раненые, какъ у турокъ, такъ и у казаковъ, у послѣднихъ, кажется, 8 человѣкъ.

Нашъ корпусъ постепенно сосредоточивается въ Мачинѣ, а потомъ уже двинется всей массой къ югу; гдѣ встрѣтитъ непріятеля—не знаемъ: по близости, верстъ на 60, его не видно. Все время, съ 6 утра до 8 вечера, я на работахъ, пріѣзжаю въ первомъ часу только пообѣдать; для сближенія къ мѣсту работъ мой полкъ перемѣстили изъ общаго бивуака на противоположную сторону Браилова, къ Дунаю и мосту на немъ. Мостъ, длиною 540 саженъ, на плотахъ, весьма солидной работы, и по немъ я четыре раза въ день переѣзжаю на работы и обратно. Полкъ стоитъ лагеремъ въ городской чертѣ, на окраинѣ, и я нанялъ себѣ двѣ крошечныя комнаты, по франку въ день. Недалеко отъ меня живутъ Мевесы; она въ сестрахъ милосердія и когда ожидали дѣла у Мачина (мой и Бородинскій полки), то на правомъ берегу Дуная былъ устроенъ перевязочный пунктъ.

Княгиня Шаховская тоже здѣсь съ частью своего отряда, но я еще не видѣлъ ея.

Завтра надѣюсь окончить работы и послѣ завтра, вѣроятно, перейду въ Мачинъ, куда сосредоточивается весь корпусъ; долго ли тамъ простоимъ—не знаю.

Въ дѣйствующую армію наѣхала масса флигель-адъютантовъ и генераловъ свиты; все за отличіями; при нашемъ отрядѣ ихъ 4, въ

томъ числѣ сынъ Милютина и братъ Раевскаго, убитаго въ Сербіи. Нашъ корпусъ въ отдѣлѣ отъ арміи и едва-ли мы сойдемся гдѣ-нибудь съ нею; Добруджа составитъ, вѣроятно, отдѣльный театръ дѣйствій, и это было бы хорошо при Циммерманѣ. Многіе уже начинаютъ тяготиться настоящимъ порядкомъ вещей и спрашиваютъ другъ друга: скоро ли кончится война? Каждый по этому поводу дѣлаетъ свои заключенія, конечно, очень мало сходныя съ дѣйствительностью.

Здоровье мое, благодаря Бога, въ прекрасномъ состояніи; движеніе, чистый воздухъ и относительное спокойствіе тому причиною. Хотя дѣла много, но никто не суетитъ, не придирается къ мелочамъ, все идетъ своимъ чередомъ, и знаю, что несправедливыхъ придирокъ не встрѣчу; что будетъ далѣе, Богу извѣстно.

Тороплюсь дѣлать распоряженія по выступленію въ Мачинъ.

Гор. Мачинъ (Турція) 23-го іюня, 1877 г.

Въ 9 часовъ утра сегодня пришли мы въ Мачинъ, а въ 4 послѣ обѣда выступаемъ далѣе, ночевать будемъ въ 11 верстахъ отсюда, затѣмъ идемъ далѣе до г. Меджидіе, вся наша дивизія, безъ Московскаго полка, бригада казаковъ и артиллерія. Мачинъ—первый турецкій городъ на нашемъ пути, въ немъ остались только болгаре которые живутъ хорошо, есть дома съ большимъ комфортомъ устроенные; часть города разграблена турками, но теперь открылись уже лавки и можно достать всякую провизію, табакъ очень дешевъ и всѣ запасаются имъ. Послѣднюю ночь я провелъ на бивуакѣ, въ камышахъ подъ проливнымъ дождемъ, но палатка моя защищаетъ хорошо, хотя внизу, на землѣ, было не мало воды.

За нашимъ отрядомъ перебрался сюда какой-то трактирщикъ съ пѣвицами и музыкантами; я зашелъ сейчасъ выпить тамъ стаканъ кофе и слышу, что поютъ: „выхожу одинъ я на дорогу", мнѣ такъ тяжело стало: знакомый мотивъ, такъ много мнѣ напоминающій, я слышу въ Турціи и при такой обстановкѣ, которая невольно заставляетъ примѣнить къ себѣ содержаніе романса.

На этомъ мѣстѣ я былъ прерванъ увѣдомленіемъ, что Циммерманъ нагналъ мой обозъ на дорогѣ, изображающей собою сплошное болото, поднялъ ужасный гвалтъ, разругалъ всѣхъ и тотчасъ самъ пріѣхалъ сюда; при встрѣчѣ со мною выразилъ неудовольствіе за видѣнное. Я объяснялъ ему невозможность чего-либо лучшаго, но онъ, когда разгорячится, а это съ нимъ бываетъ часто, не внимаетъ никакимъ доводамъ; ну, да дѣло обошлось.

Теперь за Дунаемъ становится весьма затруднительнымъ продо-

вольствовать людей и лошадей; товарищество почему-то не дѣйствуетъ именно тамъ, гдѣ ему нужно; такъ что мы положительно не знаемъ, что предпринять. Отсюда выступаемъ завтра и гдѣ остановимся—не знаемъ.

Хуже всего вообще, а въ особенности въ военное время, суетливость и горячность, всѣхъ сбиваетъ съ толку и всѣ теряютъ головы. Ну, да дѣлать нечего, нужно переносить, пока возможно, всѣ невзгоды настоящаго положенія, а тамъ, что Богъ дастъ.

Д. Джульгеръ (въ Добруджѣ), 28-го іюня, 1877 г.

Послѣ пятидневнаго марша мы остановились здѣсь на день или на два, самъ не знаю; кажется, что здѣсь подождемъ Московскаго полка и отставшаго лазарета и транспортовъ. Здѣсь стоятъ бутырцы, шесть батарей и двѣ казачьи сотни, а въ 8 верстахъ впереди насъ бородинцы, нѣсколько батарей и казачья дивизія. Шамшевъ назначенъ начальникомъ нашего отряда, дальнѣйшее слѣдованіе котораго на Меджидіе, на линіи желѣзной дороги Черноводы—Кюстенджи. Изъ Мачина мы шли съ четырьмя батареями и транспортомъ интендантскимъ, везущимъ сухари и крупу. Жара невыносимая, воды мало, исключительно въ колодцахъ, лѣсовъ нѣтъ и признака: изжарились окончательно, питаясь почти однимъ чаемъ, потому что отъ постоянной испарины и утомленія пропалъ аппетитъ. Ночевали одинъ разъ въ молдаванской деревнѣ, а прочіе дни въ турецкихъ разрушенныхъ деревняхъ. Турки, всѣ безъ исключенія, бѣжали, изъ своихъ деревень по пути нашего слѣдованія, забравъ съ собою все имущество, и во всѣхъ домахъ мы не нашли даже ни оконъ, ни дверей. Турецкія деревни очень похожи на малороссійскія: постройки такія же мазанки, изъ нѣсколькихъ комнатъ у болѣе богатыхъ. Снаружи и внутри выбѣлены и содержатся чисто. Кромѣ дома, есть при каждомъ хозяйствѣ конюшни, сараи, погреба и нерѣдко сады, преимущественно фруктовые; абрикосы я ѣлъ въ Мачинѣ прямо съ дерева. Поля засѣяны на огромномъ пространствѣ, преимущественно ячменемъ, менѣе пшеницей и овсомъ, но ржи нѣтъ нигдѣ. Птицы у всѣхъ было много, что видно по большему количеству перьевъ на всѣхъ дворахъ и садикахъ. Вообще обстановка турокъ отличается домовитостью, чистотою и довольствомъ. Вчера, только-что мы разобрались на бивуакѣ и я выбралъ себѣ одну изъ лучшихъ избъ, недалеко отъ мечети съ деревяннымъ минаретомъ, какъ поднялся пожаръ, а вскорѣ проливной дождь съ бурей. Мое помѣщеніе, хотя и полуразрушенное, оказалось весьма удобнымъ при такихъ условіяхъ; окна и двери завѣсилъ попонами и снаружи укрѣпилъ палками, чтобы не сорвалъ вѣтеръ, и

провелъ ночь удобно послѣ сильнѣйшей усталости подъ 30° зноемъ. Обѣдалъ у Мевесовъ, прибывшихъ сюда днемъ ранѣе; они остановились въ такомъ же домѣ и съ такими же приспособленіями; у меня и у нихъ по 3 комнаты, одну изъ коихъ въ моемъ жилищѣ занимаетъ мой лакей Петръ. Сегодня значительно холоднѣе, только 12° и день пасмурный, такъ что я, завернувшись въ теплое одѣяло, проспалъ до 9 часовъ, а въ предыдущіе дни вставалъ въ четыре. Изъ разсказовъ христіанъ, оставшихся въ своихъ деревняхъ, видно, что съ турками они жили хорошо, но только черкесы по временамъ обижали ихъ; обстановка христіанъ такъ же, какъ и турокъ, доказываетъ довольство и обиліе.

Теперь отступая изъ Мачина и другихъ городовъ, послѣ нашей переправы черезъ Дунай, турецкія войска по пути ограбили у христіанъ весь почти скотъ и все могущее идти въ пищу; у одного, напримѣръ, болгарина въ д. Сатуновой, по его словамъ, взяли 18 лошадей! Много ли въ Россіи найдется крестьянъ, у которыхъ лошади считались бы десятками? Въ трехъ христіанскихъ деревняхъ, черезъ которыя мы проходили, есть хорошія церкви, лучше чѣмъ въ Бессарабіи. Видно, что всѣ притѣсненія и гоненія были не въ этой мѣстности, а въ центрѣ Болгаріи, около Рущука и южнѣе.

Про ходъ военныхъ операцій мы не знаемъ почти ничего; слышали только, что войска наши заняли болгарскій городъ Тырново, древнюю столицу Болгаріи, и тамъ основалъ свою резиденцію князь Черкасскій, назначенный губернаторомъ Болгаріи, и вводитъ въ ней наше управленіе, которое сюда еще не проникло.

Идемъ по странѣ, гдѣ ничего нельзя достать; говядина только съ нами въ видѣ быковъ, я взялъ съ собой небольшой запасъ крупъ, а хлѣбъ кончился вчера и сегодня буду обѣдать съ сухарями, размачивая ихъ въ супѣ. Чай, котораго я никогда не жаловалъ, надоѣлъ теперь донельзя, такъ какъ за эти дни приходилось выпивать его по 10 стакановъ, спасаясь отъ жажды; вода не вездѣ хорошая и я очищаю ее квасцами; бѣлья мыть некому. Передъ выходомъ изъ Браилова заболѣлъ мой сѣрый конь, и я два дня мучился въ походѣ, ѣхавъ на подъемномъ; но теперь онъ поправился и служитъ мнѣ подмогой, потому что очень спокоенъ на ходу, а это весьма важно,— при жарѣ раскисаешь и утомляешься страшно, такъ что хорошій конь, съ плавнымъ ходомъ, большое удобство.

M-me Мевесъ испытываетъ всѣ неудобства походной боевой жизни, что крайне стѣсняетъ ее, но до сихъ поръ еще ни разу не пришлось ночевать въ палаткѣ, а что будетъ, какъ необходимость заставитъ провести сутки или болѣе подъ проливнымъ дождемъ, въ грязи по колѣна?...

у. Меджидіе, 1-го января 1878 г.

Выступленіе наше назначено на 4 января; идетъ весь корпусъ, только въ Черноводахъ и Кюстенджи остаются по одному баталіону до прихода полковъ 36-й дивизіи, которые уже въ пути.

д. Киркилисъ, 14 января 1878 г.

Давно не писалъ: походная обстановка и недостатокъ времени лишили меня возможности взяться за перо. Къ тому же думалъ написать уже по приходѣ въ Базарджикъ, когда немножко разберусь. Но этого долго ждать, и я пользуюсь свободной минутой, чтобъ дать вѣсть о моемъ положеніи.

Выступили мы 6-го января и послѣ четырехдневнаго похода, при порядочномъ морозѣ, 10-го подошли къ Базарджику въ разстояніи 10 верстъ, гдѣ и стоимъ до сихъ поръ, не зная, что дѣлать...

Штурмовать не рѣшаемся, а турки и египтяне, въ числѣ 15 т., сидятъ за укрѣпленіями и не уходятъ. Подходя къ настоящей стоянкѣ, 10-го числа, мы за нѣсколько верстъ слышали сильную пальбу: это было дѣло казаковъ съ непріятельскими войсками, выбитыми изъ той деревни, куда шла наша дивизія и гдѣ стоимъ теперь. Прійдя въ деревню, мы застали бой въ 2-хъ верстахъ впереди и не остановились на бивуакѣ, въ ожиданіи развязки дѣла. Тотчасъ потребовали одну батарею (ту, которая шла съ моимъ полкомъ отъ Каменца), затѣмъ повели Бородинскій полкъ, а черезъ часъ и мой. Я пришелъ и сталъ въ резервъ. Дѣло было только артиллерійское, гранаты падали шагахъ въ 20-ти отъ насъ, но, благодаря Бога, безвредно. Наша батарея сдѣлала 138 выстрѣловъ, а турецкая артиллерія была въ укрѣпленіи. Бородинцы, пришедшіе ранѣе насъ, выдвинулись впередъ и имѣли трехъ раненыхъ солдатъ и батальоннаго командира контуженнымъ въ голову. Мой полкъ простоялъ на полѣ сраженія около часу и когда уже совсѣмъ смерклось, прекратилась пальба, и мы пришли на бивуакъ, гдѣ я расположился на окраинѣ деревни въ комнаткѣ, средней между конюшней и жильемъ; но радъ былъ и этому пріюту, такъ какъ съ 7-ми часовъ утра и до 8-ми часовъ вечера не слѣзалъ съ лошади и ноги почти окаменѣли; въ этотъ день была вьюга, а къ вечеру пошелъ дождь, и я повалился на кровать безъ памяти. На другой и на третій день была тревога, потому что турки выступали нѣсколько разъ изъ своихъ укрѣпленій впереди города, съ цѣлью сбить наши аванпосты.

Третьяго дня они завязали перестрѣлку, продолжавшуюся нѣсколько часовъ, съ казаками. Наконецъ, для обезпеченія былъ посланъ мой

полкъ съ батареей, для занятія одной высоты на линіи аванпостовъ. Какъ только наша батарея показалась на курганѣ, полетѣли къ намъ гранаты. 1-я стрѣлковая рота, бывшая въ цѣпи, около батареи, получила нѣсколько гранатъ, но безвредно; я былъ за батареей; проѣзжалъ къ правому флангу роты и двѣ гранаты упали въ нѣсколькихъ шагахъ, но зарылись въ землю, не разорвавшись; послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ артиллеріи, при видѣ нашей пѣхоты—турки повернули назадъ и пошли въ свои укрѣпленія. Сегодня 1-я бригада нашей дивизіи и 1-я бригада 18-й дивизіи выступили для обхода Базарджика со стороны Варны, надѣясь этимъ заставить турокъ очистить городъ. Мы остаемся на мѣстѣ, и видно, что Циммерманъ самъ не знаетъ, какъ выйти изъ затруднительнаго положенія: штурмовать рискованно, стоять въ виду непріятеля безъ дѣла нелѣпо; спрашивается, зачѣмъ же мы шли съ своихъ квартиръ и мучимъ людей въ морозъ и слякоть, безъ дровъ, при недостаткѣ воды и неимѣніи корма для лошадей. Занятіе Базарджика при теперешнемъ положеніи дѣлъ не можетъ оказать ни малѣйшаго вліянія на ходъ переговоровъ, а неудача скомпрометтируетъ насъ сильно. Циммерманъ не знаетъ, что начать, а отступать въ Меджидіе значило бы признать себя побѣжденными.

Съ нетерпѣніемъ ждемъ извѣстія о перемиріи, потому что только оно развяжетъ нашъ узелъ.

Вчера мы всѣ здѣсь были поражены, узнавъ изъ газетъ о производствѣ 29-го декабря Маклакова въ генералы, *„за отличіе въ дѣлахъ противъ турокъ“*. Это было въ то время, когда онъ, подобно всѣмъ намъ, сидѣлъ въ Меджидіе и проводилъ время въ своемъ трактирѣ. Вотъ до чего дошла теперь безсовѣстность въ служебномъ произволѣ и протекціонизмѣ, и стоитъ ли послѣ этого служить?!...

Всѣ возмущены до крайности и по этому поводу много разныхъ предположеній и догадокъ.

Походъ я сдѣлалъ болѣе удобно, чѣмъ ожидалъ; вездѣ приходилось ночевать въ теплыхъ избахъ, теплыхъ потому, что жители оставили ихъ передъ нашимъ приходомъ, не испортивъ печей, а только вынули окна; но мы на ночь занавѣшивали ихъ и было сносно.

Ежели мы простоимъ здѣсь еще нѣсколько дней, то мои запасы совсѣмъ истощатся; весь походъ на сухаряхъ,—это не бѣда, но далѣе, кромѣ говядины, ничего не будетъ, а я небольшой охотникъ до нея вообще, а тѣмъ болѣе продолжительное время, безъ перемѣны. Но по всему видно, что ранѣе прихода нашей арміи въ Константинополь перемирія не будетъ заключено, и намъ придется здѣсь томиться въ тревожномъ состояніи и неизвѣстности.

Базарджикъ, 20 января 1878 г.

Спѣшу увѣдомить, что здоровье мое, благодаря Бога, въ отличномъ состояніи; даже, какъ кажется, въ ранѣ не будетъ нагноенія, потому что каналъ ея затягивается, стѣнки сростаются. Теперь я чувствую боль только при движеніи ноги, но это боль мускульная, ни одинъ изъ сосудовъ не поврежденъ. Сегодня я уже сижу, надѣлъ халатъ и въ такомъ видѣ принимаю своихъ гостей, вниманіе которыхъ меня трогаетъ. Наши полковые стараются доставлять мнѣ всевозможныя удобства, улучшить мое питаніе, всѣ по нѣсколько разъ въ день приходятъ ко мнѣ, стараясь развлечь и выказать участіе и вниманіе.

Послѣ этого дѣла репутація Тарутинскаго полка сдѣлалась громкою, всѣ поздравляютъ нашихъ офицеровъ и говорятъ, что намъ принадлежитъ честь боя 14 января; и дѣйствительно, если бы мой полкъ оказалъ менѣе стойкости, дѣло приняло бы гибельный оборотъ для насъ. Турки и египтяне, въ числѣ 20 т. при 42 орудіяхъ (гораздо болѣе, чѣмъ мы думали), бросились главнымъ образомъ на мой полкъ, занимавшій правый флангъ позиціи и дорогу, по которой мы должны были отступать и гдѣ были всѣ обозы, артиллерійскіе парки и лазареты, не далѣе, какъ въ 4 верстахъ, и завязли въ непроходимой грязи; дрогни полкъ—и все погибло бы. Оказалось, что противъ 1-го батальона дѣйствовало 5 таборовъ, по 800 человѣкъ; здѣсь былъ самый упорный бой, жестокій перекрестный огонь, ружейный и артиллерійскій, и здѣсь же я и былъ раненъ. На всей остальной линіи былъ почти исключительно артиллерійскій бой и въ пѣхотѣ потерь нѣтъ; только въ Бутырскомъ полку, на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, выбыло 8 человѣкъ ранеными. У меня, только благодаря хорошо принятому разсыпному строю, не было гораздо бо́льшихъ потерь; весь полкъ лежалъ и были разомкнуты ряды; отчего масса пуль и снарядовъ ложились въ промежутки между людьми, тогда какъ непріятель направлялъ особо огонь на резервы, думая, что они въ колоннахъ, такъ, какъ у него. Это построеніе и было для него гибелью, потому что въ колоннахъ наши пули и гранаты вырывали цѣлые ряды. 1-й баталіонъ стрѣлялъ на 500 шаговъ въ теченіе двухъ часовъ, а въ прочее время боя непріятель подходилъ на 300 шаговъ. Жители говорятъ, что потеря турокъ и египтянъ доходитъ до 2 т., что́ весьма вѣроятно, иначе они не бросили бы такихъ сильныхъ укрѣпленій, какъ здѣсь. Базарджикъ втрое болѣе Меджидіе, есть порядочные дома, очень много пустыхъ лавокъ. Войска наши стоятъ впереди города по дорогѣ къ Варнѣ и, вѣроятно, далѣе не пойдутъ. Бездорожье прекратило подвозъ продовольствія и фуража, даемъ по 1 ф. сухарей, лошадямъ нечего ѣсть.

*

Базарджикъ, 23 января 1878 г.

Я говорилъ, что нагноеніе въ моей ранѣ, кажется, не будетъ, но вчера оно появилось въ незначительной степени и ходъ заживанія раны очень успѣшенъ; я чувствую не очень сильную боль только при движеніи ноги и второй день сижу, а съ помощью палки могу пройти по комнатѣ; общее состояніе организма отличное, апетитъ хорошъ; думаю, что черезъ недѣлю или полторы буду въ состояніи ходить. У меня первоначально было намѣреніе уѣхать въ Меджидіе, а когда рана заживетъ—въ Москву. Но видя невозможность проѣхать 200 слишкомъ верстъ по теперешней дорогѣ, гдѣ пришлось бы сидѣть въ грязи можетъ быть цѣлую недѣлю и лишиться лошадей, я остановился на рѣшеніи долѣчиться здѣсь, въ Базарджикѣ.

Изъ оффиціальной телеграммы ужъ извѣстно о нашемъ дѣлѣ; но телеграмма была составлена поспѣшно, безъ необходимыхъ справокъ и вышла невѣрна и непослѣдовательна: сказано, что непріятель оставилъ на мѣстѣ болѣе 150 тѣлъ, тогда какъ противъ 1-го нашего баталіона, въ разстояніи 300 шаговъ отъ цѣпи лежали кучи, человѣкъ до 250, изъ которыхъ мои солдаты похоронили 80, а остальныхъ не успѣли; затѣмъ масса убитыхъ по всему протяженію фронта и въ укрѣпленіяхъ.

Вчера мнѣ говорили артиллеристы, осматривавшіе турецкіе госпитали, оставленные здѣсь, что раненые египетскіе и турецкіе офицеры, съ которыми они говорили черезъ переводчика, между прочимъ высказали, что наша артиллерія навела на нихъ панику, и полкъ, бывшій на правомъ нашемъ флангѣ (это нашъ), такъ стрѣлялъ, что почти каждая попавшая пуля валила на смерть; они спрашивали, какой это полкъ? Я сдѣлалъ представленіе о пожалованіи солдатамъ георгіевскихъ крестовъ: дадутъ, безъ сомнѣнія, но не знаю сколько. Скоро опять буду писать; почта ходитъ сюда верхомъ, привозитъ очень мало и я не имѣю давно писемъ.

Надѣюсь, что къ Георгію рота присудитъ Кашперова, который велъ себя прекрасно подъ сильнѣйшимъ огнемъ въ стрѣлковой цѣпи, гдѣ былъ самый сильный напоръ турокъ; а я представилъ его въ офицеры.

Базарджикъ, 28 января 1878 г.

Вчера пріѣхалъ сюда изъ Варны, начальникъ штаба принца Гассана, полковникъ генеральнаго штаба со свитою, для переговоровъ о перемиріи. Какъ самъ онъ, родомъ, какъ видно, изъ Галиціи, потому что говоритъ по-польски, такъ и его офицеры и солдаты, щеголи и молодцы; солдаты,—египетскіе драгуны, народъ видный, одѣты съ

иголочки, сапоги изъ лакированной кожи, бѣлые воротнички рубашекъ отворочены, накрахмалены, мундиры новые—тонкіе. По случаю дурныхъ дорогъ и ледохода на Дунаѣ, телеграмма Циммермана о взятіи Базарджика не была получена главнокомандующимъ при заключеніи перемирія, иначе мы выговорили бы себѣ Варну и имѣли бы отличное сообщеніе съ Россіей черезъ Одессу. Дороги здѣсь до того ужасны, что почты мы не имѣемъ совсѣмъ; телеграммы посылаемъ въ Меджидіе и получаемъ оттуда съ верховыми, которые ѣдутъ—три дня въ одинъ конецъ.

Мой полкъ выпустилъ 39.000 патроновъ въ бою 14 января, такъ какъ непріятель былъ противъ насъ втрое сильнѣе и стрѣлялъ гораздо чаще, то, вѣроятно, они послали намъ не менѣе 100.000 пуль и не знаю сколько гранатъ; можно судить, каковъ былъ огонь и какое впечатлѣніе онъ производилъ. Сейчасъ навѣщалъ меня корпусный командиръ, разспрашивалъ о здоровьѣ и сказалъ, что представилъ меня къ золотой саблѣ и къ чину генерала. Я благодарилъ его за заботу и вниманіе. Думаю, однако, что едва-ли выйдутъ двѣ награды—больно счастливо было бы!.. Здѣсь прервалъ меня Гололобовъ—принесъ разныхъ сладостей; право, мнѣ совѣстно, такъ внимательны ко мнѣ наши! Каждый несетъ что-нибудь, лишь бы угодить и показать участіе: папиросы, вино, табакъ, индѣйку и пр.

Базарджикъ, 5 февраля 1878 г.

Рана моя теперь на хорошемъ пути, хотя назадъ тому недѣлю были нехорошіе признаки. Костылевъ—знатокъ этого дѣла и самъ перевязываетъ мнѣ раны два раза въ день. Уже четвертая недѣля моей болѣзни и лежанья. дай Богъ, чтобы еще черезъ недѣлю я могъ начать двигаться. Позюмскій очень плохъ, едва-ли останется живъ; жаль бѣднаго очень; вѣдь пуля пробила грудь насквозь. Новостей здѣсь никакихъ, кромѣ того, что Силистрія и Рущукъ уже сданы намъ окончательно. Циммерманъ посылалъ въ Шумлу Швейковскаго и Гершельмана для переговоровъ и сдачи крѣпостей. Посланные возвратились вчера; были приняты комендантомъ Шумлы Фезли-пашой весьма любезно; за обѣдомъ очень хорошимъ, съ ними были еще три начальника дивизій турецкіе; всѣ очень милые и образованные люди. Фезли-паша предложилъ тостъ „за русскаго императора“; наши отвѣтили тостомъ за турецкаго султана; затѣмъ другой тостъ „за храбрую русскую армію“; отвѣтили такимъ же за турецкую. Паши откровенно говорили, что всему виною... англичане; они затѣяли эту войну и насъ втянули, а сами мы не воевали бы съ Россіей и т. п. Сервировка стола была роскошная, шампанскаго по горло; послѣ обѣда

паши сняли фески, надѣли пиджаки и отъ души дурачились съ нашими делегатами. Мое препровожденіе времени то же, что и прежде, съ тою разницею, что по вечерамъ собираются свои и, о, ужасъ! играемъ въ стуколку.

Базарджикъ населяется быстро, жители возвращаются, лавокъ открыто много, все есть. Аммерсъ, милѣйшій, притащилъ мнѣ цѣлую наволочку печеній, разныхъ сортовъ, очень хорошихъ, такъ что у меня обиліе всего. Мнѣ очень пріятно, что Жуковъ и Циммерманъ пропустили всѣ мои представленія о наградахъ; дай Богъ, чтобы ихъ не слишкомъ сократили. Теперь полкомъ командуетъ Рейнгардъ, хотя я и отдаю приказанія и подписываю болѣе важныя бумаги.

По подробной повѣркѣ, у насъ въ полку была потеря 204 человѣкъ, а не 162, какъ сосчитали сгоряча; нѣкоторые раненые уже умерли въ Меджидіе, многимъ ампутація ноги и руки. Теперь про нашего вѣрнаго полковаго друга „Жука": онъ живъ; 14-го побѣжалъ съ полкомъ на поле сраженія, оттуда прибѣжалъ на перевязочный пунктъ, гдѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него разорвало гранату, но его не задѣло. Недавно приводили его ко мнѣ: похудѣлъ, должно быть отъ сильныхъ потрясеній. И такъ, онъ совершилъ съ полкомъ всю кампанію, былъ въ бою и этимъ запечатлѣлъ окончательно свою связь съ тарутинцами. Я приказалъ сдѣлать ему металлическій ошейникъ съ соотвѣтствующею надписью.

Генералъ-лейтенантъ Решидъ-паша, командовавшій всѣми войсками противъ насъ въ бою 14-го, вчера прислалъ къ Циммерману изъ Варны письмо и четыре турецкія лиры, прося его купить и выслать ему хорошаго русскаго чаю. Ему тотчасъ Циммерманъ послалъ 5 ф. самаго лучшаго чаю и деньги, разумѣется, возвратилъ, при письмѣ на французскомъ языкѣ.

Свѣдѣній о ходѣ переговоровъ не имѣемъ; частные слухи—какъ будто бы есть вѣроятіе, что миръ будетъ заключенъ до 1 марта, и войска сейчасъ же будутъ направлены въ Россію. Останется ли нашъ корпусъ на оккупацію—никто не знаетъ и не желаетъ, всѣ стремятся скорѣе домой, несмотря на нѣкоторыя выгоды здѣшняго расположенія.

Базарджикъ, 9 февраля 1878 г.

Въ газетахъ прочиталъ телеграммы: сначала Циммермановскую, посланную военному министру, и былъ нѣсколько озадаченъ пропускомъ той фразы, гдѣ сказано въ подлинной телеграммы: „здѣсь генералъ Нильсонъ и полковникъ Елецъ хорошо распорядились". Дойдя до № отъ 26 января, я былъ успокоенъ; его высочество въ своей телеграммѣ освѣтилъ дѣло гораздо выгоднѣе вообще, назвавъ

его „жаркимъ боемъ“, а для меня въ особенности, поименовавъ „наиболѣе отличившимися ген. Нильсонъ и полк. Ельца съ Тарутинскимъ полкомъ“; послѣднее особенно пріятно для меня, такъ какъ мое имя связано съ полкомъ, что даетъ основаніе хлопотать о георгіевскихъ знаменахъ. Дохожу постепенно и до своей біографіи, сначала въ „Русскомъ Мірѣ“ отъ 20-го, а потомъ, къ удивленію и въ „Голосѣ“ отъ 20-го же. Въ первомъ кратко, во второмъ подробнѣе, съ маленькою ошибкою относительно времени моего назначенія въ Тарутинскій полкъ. Но я рѣшительно не могъ удержаться отъ смѣха, читая изображеніе моихъ подвиговъ на Кавказѣ и въ настоящую войну! Удивляюсь, откуда редакціи берутъ эти свѣдѣнія и чья дружеская, невѣдомая мнѣ рука такъ широко расписала мое геройство и подвиги?

Рана моя заживаетъ. Костылевъ говоритъ, что черезъ пять дней совсѣмъ заживетъ; дай Богъ! теперь я могу ступать на ногу, но чувствую боль въ мышцахъ при растяженіи ихъ, потому что каналъ раны не пришелъ еще въ нормальный видъ, и пустота, сдѣланная египетскою пулею, не заполнилась окончательно.

Посѣщенія отнимаютъ у меня почти все утро, до обѣда, и я сдѣлался положительно свѣтскимъ человѣкомъ, разсыпая любезности направо и налѣво. Находятъ, что я отлично выгляжу, лучше, чѣмъ до раны. На-дняхъ начальн. дивизіи прислалъ ко мнѣ адъютанта со спискомъ представленныхъ мною къ наградамъ, прося, чтобы я отмѣтилъ кого можно исключить; я сказалъ, что „никого изъ представленныхъ мною я не могу не только исключить какъ вполнѣ достойныхъ, а напротивъ, завтра представлю еще пять человѣкъ“. Черезъ день по приказанію корпуснаго командира отъ меня потребовали представленія еще трехъ офицеровъ, что я и сдѣлалъ.

Базарджикъ, 28 февраля 1878 г.

Здѣсь у насъ появился тифъ: болѣютъ солдаты, умеръ офицеръ Московскаго полка. Мои раны заживаютъ, одна почти совсѣмъ, а другая капризничаетъ; хожу только по комнатѣ съ палкою, потому что движеніе раздражаетъ рану и вызываетъ воспаленіе.

И такъ, вотъ уже седьмая недѣля моего сидѣнья, а я думалъ, что потребуется на лѣченіе двѣ, много три, недѣли.

По многимъ даннымъ мы заключаемъ, что нашъ корпусъ останется на оккупаціи и займетъ Варну и Шумлу; многіе очень этимъ недовольны, всѣмъ хочется въ Россію—къ своимъ.

Въ Базарджикѣ осталась только наша дивизія и корпусный штабъ; всѣ прочія войска ушли на линію Черноводы-Кюстенджи; мой 3-й ба-

тальонъ на-дняхъ отправленъ въ Бальчикъ, на берегу моря, порядочный городъ; оттуда Гололобовъ прислалъ мнѣ двѣ очень хорошія фески, красную и малиновую, обѣщалъ прислать зелени, которая доставляется туда на пароходахъ изъ Константинополя: салатъ, редиска и т. п. Погода здѣсь весенняя, снѣгу давно уже нѣтъ, тепло, дни большею частью ясные, изрѣдка дожди.

Базарджикъ, 6 марта 1878 г.

Вчера я выѣхалъ въ первый разъ, былъ у Циммермана, благодарилъ его за вниманіе ко мнѣ во время болѣзни, затѣмъ у Жукова и др. На оккупацію остаются 4, 9 и 13 корпуса, а нашъ въ маѣ мѣсяцѣ будетъ перевезенъ моремъ изъ Варны въ Одессу; дальнѣйшее слѣдованіе неизвѣстно, но, вѣроятно, пѣшкомъ въ Москву. Наша дивизія вся, а можетъ быть одна бригада, черезъ недѣлю будетъ переведена въ Варну, по уходѣ оттуда нашихъ противниковъ египтянъ и турокъ; пойдетъ ли мой полкъ—не знаю еще.

Базарджикъ, 8 марта 1878 г.

Третьяго дня я попробовалъ въ первый разъ выѣхать изъ дому и хотя почти не ходилъ и раны были забинтованы, но къ вечеру 6-го одна рана открылась, пошла матерія и воспаленіе кругомъ на порядочное пространство. Опять усиленное лѣченіе и опять сидѣть неподвижно цѣлую недѣлю! досада невѣроятная. Болитъ кость, которая безъ сомнѣнія контужена. Вообще, по мнѣнію докторовъ, всякая рана, даже самая, повидимому, легкая, можетъ имѣть дурной исходъ, и трудно объяснить это. Моему солдатику пуля пробила мягкую часть ноги, на три вершка выше колѣна, пуля малаго калибра, гладкая рана, на которую при перевязкѣ не обратили вниманія, и вдругъ на третій день антоновъ огонь, а на 5-й умеръ; ни Костылевъ, никто другой объяснить этого не могутъ: „бываетъ", вотъ одинъ ихъ отвѣтъ. По прошествіи семи недѣль, изъ числа 142 раненыхъ моего полка возвратились только 16 и между ними трое такихъ, которыхъ я считалъ умершими, видя ихъ раны на полѣ сраженія: двое въ грудь, а одинъ въ голову, а съ менѣе серьезными ранами многіе еще лежатъ до сихъ поръ въ госпиталяхъ. Вотъ хоть бы Позюмскій—раненъ въ грудь насквозь, чего еще хуже, а между тѣмъ, если бы онъ былъ здороваго сложенія и не имѣлъ предрасположенія (наслѣдственнаго) къ чахоткѣ, то былъ бы уже на ногахъ. И теперь ему двѣ недѣли тому назадъ было настолько хорошо, что онъ ходилъ, а вчера пошла кровь горломъ и опять плохо.

Разсчитывать на какія-нибудь преимущества при вновь изданныхъ правилахъ о покровительствѣ комитета теперь немыслимо: для этого нужно, чтобы отъ человѣка осталась только одна половина—напр.: лишеніе обѣихъ ногъ или рукъ, одной ноги и одной руки, совершенная потеря зрѣнія, параличъ позвоночнаго столба и т. п. увѣчья только даютъ право на пособіе изъ инвалиднаго капитала. Позюмскій при своей ранѣ не имѣетъ права на пенсію, такъ какъ рана не подходитъ ни къ одному изъ 13-ти §§, да ежели бы и подходила, то получалъ бы 200 р. въ годъ.

Со вчерашняго утра здѣсь страшная мятель, какой я никогда не видѣлъ; занесло снѣгомъ, говорятъ, всѣ улицы по поясъ; буря продолжается и освященіе знаменъ, какъ я предполагалъ, не можетъ состояться; не знаю, выберу ли удобное время до моего отъѣзда; а ужъ такъ надоѣло сидѣть въ тюрьмѣ, просто до отчаянія: въ окно моей комнаты виденъ только дворикъ, обнесенный каменною стѣною, какъ во всѣхъ турецкихъ домахъ—острогъ да и только. Костылевъ съ батальономъ въ Бальчикѣ, 2-й батальонъ выступилъ за 20 верстъ отсюда по деревнямъ на демаркаціонную линію и полкъ разбрелся. Хочу ѣхать на Браиловъ, Яссы и Черновицы.

Базарджикъ, 11 марта 1878 г.

Сегодня ровно 8 недѣль моей ранѣ, а перевязку снять еще нельзя. Вчера прислали мнѣ „С.-Петербургскія Вѣдомости", гдѣ помѣщена статья, довольно большая, съ описаніемъ боя 14-го января. Статья довольно правдивая, исключая нѣкоторыхъ пропущенныхъ деталей и потери турокъ. Сказано, что она простирается „приблизительно до 1000", въ дѣйствительности гораздо болѣе, такъ какъ мои уложили не менѣе 600—700, а сколько артиллерія?! Въ газетѣ „La Turquie", издаваемой въ Константинополѣ и получаемой здѣсь, я читалъ, уже двѣ недѣли тому назадъ, о наградахъ туркамъ и египетскимъ войскамъ, за дѣло подъ Базарджикомъ (гдѣ они были побиты), а мы, побѣдители, еще неизвѣстно, когда дождемся наградъ.

Въ числѣ произведенныхъ двое турокъ и одинъ египтянинъ, командиръ 2-го гвардейскаго египетскаго полка—въ паши. Выходитъ, что тарутинцы посчитались съ египетскою гвардіей, и надѣюсь, что оставили въ ней хорошее о себѣ воспоминаніе. Ихъ бригадный паша, Захарій, убитъ около знаменитаго кургана моимъ 1-мъ батальономъ, ведя противъ насъ третью атаку, такую же безуспѣшную, какъ и всѣ предыдущія и послѣдующія; его лошадь караковая, арабская, долго бѣгала между нашею цѣпью и своею, и, несмотря на ужасный

огонь, точно барабанная дробь, не была задѣта, а потомъ уже при отступленіи египтянъ, и она побѣжала за ними.

Мой сѣрый конь здравствуетъ; въ бою я не былъ на немъ, потому что передъ этимъ въ походѣ онъ простудился и кашлялъ; вороной же стоялъ, какъ вкопанный и только, когда его ранили, понесъ меня, закусивъ удила, до первой гранаты, разорвавшейся предъ его носомъ.

Яссы, 25-го марта 1878 г.

Ночью съ 24-го на 25-е я пріѣхалъ въ Яссы, послѣ трехдневнаго непрерывнаго почти путешествія изъ Базарджика; а потому и рѣшилъ здѣсь отдохнуть. Кромѣ того, для поѣздки черезъ Галицію нужно статское платье, которымъ я и запасусь здѣсь.

Наши дорогіе тарутинцы устроили мнѣ самые задушевные проводы. Къ часу моего отъѣзда собрались ко мнѣ на квартиру и привели музыку; явилось, конечно, и шампанское; я думалъ, что этимъ, какъ водится, дѣло ограничится, но они придумали нѣчто оригинальное въ своемъ родѣ и почти единственное. Пользуясь близостью отъ Базарджика поля сраженія, они рѣшили, еще ранѣе, тамъ устроить настоящіе проводы, и пока я собирался, чтобы выйти изъ дому, они, простившись со мною, отправили на повозкахъ впередъ музыку и закуску, а сами просили позволенія проводить меня по городу. Такимъ образомъ я, сопровождаемый кортежемъ конныхъ и въ телѣгахъ, двинулся изъ Базарджика, и, проѣхавъ 7 верстъ, былъ свороченъ съ дороги въ сторону, на то мѣсто, гдѣ происходилъ бой. Тамъ была уже музыка, и на коврѣ, разостланномъ близъ того именно мѣста, гдѣ я былъ раненъ, устроенъ завтракъ. Много было тостовъ, говорились даже спичи и въ такомъ лестномъ для меня духѣ, что я и не могъ даже ожидать. Я уже на пути; сидя въ Базарджикѣ, мнѣ не вѣрилось, что я могу когда-нибудь выѣхать оттуда свободнымъ человѣкомъ; да и теперь еще я не совсѣмъ опомнился: ѣду одинъ безъ всякихъ служебныхъ заботъ, и по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ было столько передумано и перечувствовано въ теченіе чуть не цѣлаго года!

Много можно было бы разсказать подробностей о моихъ проводахъ тарутинцами, но всего не опишешь, дополню послѣ на словахъ.

С.-Петербургъ, 9-го апрѣля 1878 г.

Сію минуту изъ дворца, государь былъ очень милостивъ, подробно разспрашивалъ о моей ранѣ, подалъ руку и поцѣловалъ меня въ голову.

С.-Петербургъ, 10-го апрѣля 1878 г.

Сегодня видѣлъ подлинный докладъ о моемъ производствѣ, съ резолюціей государя; противъ моей фамиліи слѣдуетъ отчетливо карандашемъ: „согласенъ, и въ бригадные командиры“. Съ производствомъ я назначаюсь въ распоряженіе главнокомандующаго дѣйствующей арміи по его ходатайству.

С.-Петербургъ, 2-го мая 1878 г.

Наконецъ, сегодня въ 11 часовъ утра, я представлялся его высочеству фельдмаршалу! Принялъ онъ меня такъ ласково, такъ любезно, что я не могъ даже вообразить себѣ что-нибудь подобное; расхваливалъ Тарутинскій полкъ и меня, говорилъ любезности, въ теченіе разговора три раза цѣловалъ меня и сказалъ, что награда полку *будетъ!* Выразилъ удивленіе, что Тарутинскій полкъ не имѣетъ георгіевскихъ знаменъ, сказавъ: „какъ, тарутинцы (удареніе на этомъ словѣ) не имѣютъ георгіевскихъ знаменъ?! Это не можетъ быть! а за Севастополь?“...

Ю. Елецъ.

Замѣтки и воспоминанія В. М. Флоринскаго.

1865 — 1880.

IV [1]).

Мои работы въ Казани.—Утвержденіе университета въ Томскѣ.—Проекты Бруни и Жибера.—Пріобрѣтеніе книгъ для университетской библіотеки.—Пожертвованія графовъ Строгановыхъ.—Мой выѣздъ въ Сибирь.—Замѣчательная сдѣлка между двумя архитекторами.—Устраненіе Бруни.—Выходъ графа Толстого въ отставку.—Ядринцевъ и сибирская пресса.

Съ переселеніемъ въ Казань (10 февраля) для меня началась другая жизнь, съ иными занятіями, интересами и отношеніями. Городъ и университетъ приняли меня весьма ласково. Послѣ 25 лѣтъ столичной жизни (считая со времени студенчества) тихая провинція пахнула на меня живой струей и яркаго солнечнаго свѣта, и душевнаго спокойствія. Какъ нарочно, въ годъ нашего переселенія въ Казани была не обычно ранняя и чудная весна: въ началѣ марта ѣздили уже на колесахъ, а въ день Благовѣщенія (25-го марта) мы гуляли въ лѣтнихъ костюмахъ и любовались величественнымъ разливомъ Волги. Но не одна природа и условія жизни подѣйствовали благотворно на мое здоровье [2]) и бодрое настроеніе духа. Гораздо важнѣе было то, что я здѣсь отрѣшился отъ безконечныхъ коммиссій и сухихъ канцелярскихъ дѣлъ, принадлежалъ только самому себѣ и своей каѳедрѣ, могъ заняться своимъ дѣломъ по личному усмотрѣнію. Лекціи и клиника меня не обременяли; частная практика, не менѣе прибыльная, чѣмъ въ Пе-

[1]) См. „Русскую Старину" февраль 1906 г.

[2]) Въ послѣдніе годы въ Петербургѣ я страдалъ упорными мигренями и частымъ головокруженіемъ, что приписывалъ чрезмѣрному утомленію и высокимъ лѣстницамъ петербургскихъ квартиръ. Занимаясь частной практикой, мнѣ приходилось ежедневно дѣлать по 10—15 визитовъ, не считая служебныхъ и вечернихъ занятій.

тербургѣ не была слишкомъ утомительна по отсутствію въ городѣ большихъ разстояній и многоэтажныхъ домовъ. Съ половины мая начинались университетскія каникулы, и до сентября я могъ считать себя совершенно свободнымъ.

Первымъ каникулярнымъ временемъ я воспользовался для того, чтобы попытать свои силы въ сочиненіи руководства по народной медицинѣ, по программѣ, предложенной ученымъ комитетомъ въ 1876 году на конкурсъ для премій императора Петра Великаго. Тема была предложена срокомъ на одинъ годъ, но по истеченіи этого срока не было представлено ни одного сочиненія, почему конкурсъ былъ продолженъ еще на годъ. Будучи въ то время членомъ ученаго комитета и принимая живое участіе въ осуществленіи этого, мнѣ казалось, весьма полезнаго дѣла, я имѣлъ основаніе опасаться по неудачѣ перваго конкурса, что и второй его срокъ можетъ остаться безъ результата. Поэтому я рѣшился самъ попробовать свои силы для осуществленія данной задачи, послѣ того, когда я, переселившись въ Казань, могъ выступить съ своимъ сочиненіемъ какъ постороннее комитету лицо. Этотъ трудъ былъ начатъ мною въ маѣ 1878 года; въ октябрѣ того же года онъ уже былъ представленъ въ ученый комитетъ, согласно условіямъ конкурса, анонимно подъ девизомъ въ запечатанномъ конвертѣ. Рукопись подъ заглавіемъ: „Домашняя медицина, Лѣчебникъ для народнаго употребленія“—была разсмотрѣна особою коммиссіею ученыхъ спеціалистовъ и была удостоена преміи [1]).

Въ 1881 году въ Казани же было мною задумано и выполнено изданіе замѣчательной рукописи Н. Н. Бантыша-Каменскаго подъ заглавіемъ: „Дипломатическое собраніе дѣлъ между Россійскимъ и Китайскимъ государствами съ 1619 по 1792 годъ (изданіе въ память истекшаго 300-лѣтія Сибири, съ предисловіемъ и прибавленіями издателя. Казань, 1882 г., 565 страницъ in 8⁰).

Въ 1882 году мною составленъ и напечатанъ „Курсъ акушерства“. Лекціи, читанныя въ императорскомъ Казанскомъ университетѣ (397 стр., какъ продолженіе первыхъ двухъ выпусковъ гинекологіи, изданныхъ въ Петербургѣ въ 1869 и 1870 г., когда я былъ профессоромъ академіи). Не перечисляя другихъ мелкихъ журнальныхъ и газетныхъ статей, по однимъ названнымъ изданіямъ трехъ довольно объемистыхъ томовъ можно судить о моей казанской жизни. Я здѣсь имѣю въ виду не качество трудовъ, о чемъ не мнѣ судить, я хочу лишь показать, на что́ употреблялись досуги въ Петербургѣ и въ Казани. Если бы

[1]) Первое изданіе домашней медицины было напачатано мною въ Казани въ 1880 году (875 страницъ in 8⁰); второе изданіе въ 1884 г., третье въ 1887 г., четвертое, въ 1890 г., пятое, въ 1892 г., шестое, въ 1894 г., каждое по 2.000 экземпляровъ.

можно было сравнить количество исписанныхъ мною листовъ за трехлѣтній петербургскій періодъ (съ 1875 по 1878 г.), то перевѣсъ оказался бы на первомъ изъ нихъ. Но отъ петербургской дѣятельности не осталось почти никакого слѣда. Это были канцелярскія донесенія, представленія, соображенія, планы и проекты, большею частію безличные, неосуществленные и никому не нужные [1]).

Устроившись въ Казани, я надѣялся, что вопросъ о Сибирскомъ университетѣ пойдетъ помимо меня, своимъ чередомъ, не торопясь. Время отъ времени я получалъ изъ Петербурга частныя свѣдѣнія о ходѣ этого дѣла. Между прочимъ, князь А. Пр. Ширинскій-Шихматовъ писалъ мнѣ отъ 12 апрѣля 1878 г.: „Сообщаю вамъ о положеніи дѣла по Сибирскому университету. Чрезъ общее собраніе (госуд. совѣта) дѣло еще не прошло, но въ департаментахъ его рѣшили по-нашему. Министерству предоставлено будетъ представить свои соображенія и планы о предполагаемыхъ постройкахъ. О денежномъ вопросѣ до тѣхъ поръ и рѣчи не будетъ, если еще не сядетъ намъ на шею новая война, а если это будетъ, то конечно, дѣло отложатъ на неопредѣленное время. Хорошо вы сдѣлали, Василій Марковичъ, что стали опять на путь пенсіонный. Будущаго, конечно, никто предвидѣть не можетъ. Тяжкое мы переживаемъ время: война на носу и это всѣмъ извѣстно, а насъ истощаютъ и сосутъ нашу кровь безъ боли".

Въ маѣ мѣсяцѣ я встрѣтился съ Казнаковымъ въ Казани, когда онъ возвращался изъ Петербурга въ Омскъ. Отъ него перваго я узналъ, что нашъ проектъ о назначеніи Томска мѣстомъ для Сибирскаго университета былъ принятъ въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта единогласно. Объ Омскѣ не было и рѣчи. Передавая это, Николай Геннадіевичъ какъ бы выражалъ полное сочувствіе такому обороту дѣла, хотя я зналъ очень хорошо, что это противорѣчило его взглядамъ. Въ скоромъ времени я прочиталъ и высочайшее повелѣніе отъ 16 мая 1878 г., въ которомъ было указано:

1) „Разрѣшить учрежденіе императорскаго Сибирскаго университета въ г. Томскѣ съ четырьмя факультетами: историко-филологическимъ, физико-математическимъ, юридическимъ и медицинскимъ.

и 2) „Предоставить министру народнаго просвѣщенія нынѣ же заняться предварительными распоряженіями по устройству Сибирскаго университета съ тѣмъ, чтобы по составленіи и утвержденіи въ установленномъ порядкѣ техническихъ смѣтъ и чертежей на постройку зданій университета и факультетскихъ приономъ клиникъ, онъ, ми-

---

[1]) Особенно много было письма по пересмотру университетскаго устава, но все это осталось балластомъ въ моемъ портфелѣ, или затерялось въ архивныхъ грудахъ министерства.

нистръ: 1) немедленно приступилъ къ выполненію строительныхъ работъ, на счетъ, какъ имѣющагося въ распоряженіи министерства народнаго просвѣщенія, такъ и могущихъ впредь поступить суммъ частныхъ пожертвованій и 2) вошелъ въ Государственный Совѣтъ съ представленіемъ о требующихся на сіе дѣло расходахъ изъ казны, а затѣмъ, въ свое время внесъ прочія соображенія, съ тѣми въ нихъ измѣненіями, необходимость коихъ въ ту пору выяснится" [1]).

О дальнѣйшемъ направленіи дѣлъ по Сибирскому университету послѣ моего отъѣзда изъ Петербурга въ Казань удобнѣе всего видѣть по письмамъ, полученнымъ мною отъ лицъ, близко стоящихъ къ этому вопросу. Поэтому я считаю не излишнимъ привести здѣсь нѣкоторыя извлеченія изъ сохраняющейся у меня переписки преимущественно съ кн. А. Пр. Шихматовымъ. Отъ 16 августа 1878 г. онъ сообщаетъ: „По вашему будущему университету ничего хорошаго еще нѣтъ. Въ м-вѣ внутр. дѣлъ для разсмотрѣнія плановъ, засѣдала новая коммиссія, вмѣсто вашей,—Бруни, Менделѣевъ и Фаминцынъ. Споры и пререканья дошли до крупной ссоры. Я просилъ сообщать мнѣ, по крайней мѣрѣ, суть дѣла, но за многими обѣщаніями ничего не получилъ и о судьбѣ проекта и о различныхъ мнѣніяхъ, встрѣтившихся тамъ, оффиціально никакихъ свѣдѣній не доходитъ пока до меня. Словомъ, полное бездѣйствіе тормозитъ и наши начинанія. Потерпѣть надобно...

„Начинается сборъ учащихся. Болитъ и ноетъ душа, распечатывая отъ попечителя конвертъ „секретно". Все думается, все ли благополучно? Съ такимъ же чувствомъ распечатывалъ я на-дняхъ бумагу съ этою подписью отъ м-ра внутр. дѣлъ. Оказалось, что... не благополучно! Отправили на заключеніе казанскаго попечителя. Думаю, что всему причиной случайное и внезапное нездоровье ректора (Осокина), иначе и объяснить себѣ этого не умѣю. Возможно ли такое безобразіе!" [2]).

Въ другомъ письмѣ отъ 10 апр. 1878 г. кн. Александръ Прохоровичъ пишетъ: „Рѣшительно не везетъ дѣлу постройки Сибирскаго университета! Глубокоуважаемый Василій Марковичъ! Несмотря на всѣ мои хлопоты и настоянія, чтобы мнѣ сказали, хотя кратко, въ чемъ заключаются недостатки проекта Бруни,—до сей минуты отвѣта нѣтъ (изъ м-ва вн. д.). Самъ Бруни сначала жаловался на неспра-

[1]) Частныхъ пожертвованій на постройку университетскихъ зданій въ это время имѣлось въ распоряженіи министерства около 300 т. руб., именно: капиталъ Демидова 160 т., Цибульскаго 100 т., Трапезникова 10 т. и обѣщано Томской городской думой 25 т. руб.

[2]) Это было личное, довольно скандальное приключеніе съ ректоромъ Евгр. Гр. Осокинымъ.

ведливость къ нему, теперь и носу не кажетъ ко мнѣ и никакихъ свѣдѣній не доставляетъ. Частно мнѣ сообщаютъ, что онъ положительно разбитъ и что ему указаны ошибки такія серьезныя, что ему нельзя и возразить противъ мнѣнія коммиссіи (въ техн. строит. комитетѣ м. в. д.), которая сама начинаетъ готовить новый проектъ. Можетъ быть, все это вздоръ и сплетня, но у меня невольно залегло недовѣріе къ Бруни, если не къ его знанію, то къ его равнодушію. Съ понедѣльника вступитъ въ должность М. Е. Брадке, бывшій предсѣдатель нашей коммиссіи (по выработкѣ плановъ). Передамъ ему мои сомнѣнія. Пусть онъ лично объяснится въ коммиссіи, авось, узнаемъ что-нибудь навѣрное. Генералъ Казнаковъ тоже пока отмалчивается и не даетъ никакого заключенія (по нѣкоторымъ вновь возбужденнымъ строительнымъ вопросамъ или точнѣе справкамъ). Чуть это дѣло проявитъ признаки жизни, я васъ увѣдомлю, и свѣдѣнія отъ васъ полученныя пущу въ ходъ при надобности".

Письмо князя Александра Прохоровича отъ 14 окт. 1878 г.: „Наконецъ-то министерство внутреннихъ дѣлъ прислало свои замѣчанія. Архитектору Бруни предложено сообразно имъ исправить планъ и истребовать изъ Томска по телеграфу нужныя для этого свѣдѣнія (планъ отведенной земли и справочныя цѣны). Вотъ и все. Болѣе и сказать нечего по этому вопросу. По будущему вашему университету получено 100 т. руб. отъ Сибирякова. Государь императоръ изволилъ приказать благодарить его и представить къ наградѣ".

Отъ М. Е. Брадне я получилъ извѣщеніе, что архитектору Бруни, кромѣ исправленія плановъ, предложено составить, кромѣ того, проектъ факультетскихъ клиникъ. По изготовленіи его, онъ отправленъ былъ въ медицинскую академію для просмотра и тамъ забракованъ. А такъ какъ Бруни не соглашался перечертить всѣ планы, то въ министерствѣ рѣшено поручить академику архитектуры Жиберу составленіе новыхъ проектовъ построекъ Сибирскаго университета, съ вознагражденіемъ за этотъ трудъ въ 3.000 руб. изъ строительнаго капитала. Бруни заплачено столько же, по условію.

Письмо кн. Ал. Прох. отъ 30-го октября 1878 г.:

„Спѣшу отвѣтить вашему превосходительству на оба ваши любезныя письма и сказать нѣсколько словъ о вашемъ нарождающемся, но не народившемся еще чадѣ. Я говорилъ съ графомъ Дмитріемъ Андреевичемъ (Толстымъ) о предположеніи вашемъ исходатайствовать у его высочества разрѣшеніе поощрить жертвователей на Сибирскій университетъ внесеніемъ ихъ именъ на памятныя мраморныя доски и постановкою портретовъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ университетскомъ залѣ. Графъ не слыхалъ отъ васъ объ этомъ предположеніи въ бытность вашу здѣсь, но вполнѣ сочувствуетъ вашей мысли. Отъ имени

его я прошу васъ, искренне уважаемый Василій Марковичъ, составить докладную записку, въ которой изложите всѣ мотивы, подкрѣпляющіе ожидаемую отъ сего пользу, и ваше предположеніе о раздѣленіи жертвователей по категоріямъ—какой категоріи что вы предполагаете присвоить, какое изъ вышеназванныхъ правъ. Графъ на основаніи вашей записки войдетъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ. Записку эту будемъ съ нетерпѣніемъ ожидать. Угодно будетъ вамъ прислать ее на мое имя, я представлю ее графу и сообщу вамъ о послѣдствіяхъ. По ходу дѣлъ о постройкѣ ничего нѣтъ новаго. Бруни, говорятъ, переправляетъ планы. Еще новое пожертвованіе сдѣлано на Сибирскій университетъ, 10 тыс. руб., и это пригодится; а Сибиряковскіе 100 тыс. руб. нельзя употребить на постройку: они назначены собственно на снабженіе университета учебными пособіями".

Письмо кн. Ал. Прох. отъ 27-го декабря 1878 г.:

„Съ наступившими праздниками и близкимъ новымъ годомъ поздравляю васъ, искренне уважаемый Василій Марковичъ, и шлю вамъ съ семействомъ вашимъ лучшія желанія свои! Конецъ года, самая горячая пора разрѣшеній, перечисленій и тому подобнаго рода счетныхъ работъ, составляющихъ часть моихъ служебныхъ занятій, въ общемъ вовсе не тяжелыхъ, но скопляющихся и приходящихъ извнѣ именно къ концу года, т. е. ко времени сведенія счетовъ для контроля за истекающій годъ. Не подивитесь же, что мой отвѣтъ на ваши письма и на докладную записку будетъ, ради праздниковъ и соединенныхъ съ ними визитовъ, еще скуднѣе обычнаго. Графъ раздѣляетъ вполнѣ ваши предположенія о наградахъ (за пожертвованія Сибирскому университету) и думаетъ привести ихъ въ исполненіе. Онъ надѣется, что предположеніе о портретахъ и записяхъ жертвователей онъ исходатайствуетъ съ высочайшаго разрѣшенія, но онъ не соглашается только на предварительное опубликованіе въ видѣ вызова (на новыя пожертвованія). Вообще же дѣло о постройкѣ университета стоитъ точно такъ же, какъ и стояло, безъ движенія, ибо доселѣ еще планы не выработаны на основаніи указаній коммиссіи мин. вн. дѣлъ и отъ генералъ-губернатора Казнакова еще не получили ни строчки по предложеннымъ ему по университету вопросамъ. Терпѣніе и терпѣніе! Здѣсь естественно обращаетъ на себя главное вниманіе ненормальное состояніе духа нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Точно головы у студентовъ помутились. Теперь, слава Богу, пока всѣ эти нелѣпыя движенія улеглись, но кто поручится за прочность добраго настроенія! Объ уставѣ (университетскомъ) нѣтъ пока и рѣчи. Насколько онъ измѣненъ противъ предположеній коммиссіи Ивана Давыдовича (Делянова), никто и ничего не знаетъ, развѣ только одинъ изъ вашихъ пріятелей (А. Н. Георгіевскій). Словомъ... вотъ и всѣ почти

новости. Какъ видите, надобно подождать; оттого я и не торопился писать къ вамъ и отвлекать васъ отъ настоящихъ вашихъ служебныхъ занятій къ будущимъ. Всему есть свое время подъ небесемъ, говоритъ Премудрый!"

Изъ приведенныхъ писемъ видно, что дѣло о планахъ для Сибирскаго университета въ продолженіе почти года послѣ моего отъѣзда въ Казань не двигалось впередъ. Затрудняюсь, чѣмъ это объяснить, канцелярской ли формалистикой, или побочными вліяніями лицъ, не сочувствовавшихъ Сибирскому университету. Такихъ лицъ было много, и очень вліятельныхъ, но къ ихъ числу, конечно, не принадлежали ни министръ народнаго просвѣщенія, ни его товарищъ кн. А. П. Шихматовъ. Надо полагать, что слухи объ этомъ, можетъ быть, умышленномъ замедленіи въ разработкѣ плановъ для построекъ Сибирскаго университета дошли до предсѣдателя Государственнаго Совѣта, великаго князя Константина Николаевича, живо интересовавшагося этимъ вопросомъ. При встрѣчѣ съ княземъ Ширинскимъ-Шихматовымъ его высочество высказалъ ему легкій упрекъ за такую медленность, что, конечно, крайне обидѣло Александра Прохоровича, такъ какъ задержка плановъ зависѣла не отъ него. По этому поводу въ письмѣ отъ 29-го января 1879 года, онъ высказываетъ мнѣ свое горькое разочарованіе. Вотъ извлеченіе изъ этого письма: „На-дняхъ былъ балъ въ Зимнемъ дворцѣ въ концертномъ залѣ. Послѣ ужина я, нежданно, негаданно, получилъ замѣчаніе отъ великаго князя, а за что, рѣшительно не знаю! Я выслушалъ нотацію за бездѣйствіе по дѣлу о Сибирскомъ университетѣ, за холодное казенное отношеніе къ нему. Я по совѣсти могу только винить м—во вн. дѣлъ за дѣйствія его строительнаго отдѣленія, похоронившаго и 3.000 р., заплаченные за планы Бруни, и труды вашей коммиссіи. При министерствѣ просвѣщенія могу винить строительное отдѣленіе и за время, которое впередъ еще будетъ потеряно, и за составленіе новыхъ плановъ (Жибера), на что́ назначенъ срокъ не менѣе 6-ти мѣсяцевъ, да на неизбѣжныя при этомъ по закону сношенія съ начальствомъ Западной Сибири и на разсмотрѣніе новыхъ плановъ въ строительномъ отдѣленіи того же м—ва потребуется столько же времени. Но всѣ эти замедленія отнюдь не произошли отъ нашего министерства, а тѣмъ болѣе не отъ меня. Передавъ по приказанію великаго князя выраженіе его неудовольствія, кому должно было передать, я совершенно отстраняюсь теперь отъ дѣла, которое занимало меня не только какъ дѣло м—ва народн. просвѣщ., но какъ дѣло, живо меня интересующее. Признаюсь, грустное я вынесъ впечатлѣніе отъ всего этого. На будущее время, душевно уважаемый и чтимый Василій Марковичъ, я буду васъ просить, по вашимъ предложеніямъ и по нуждамъ буду-

щаго Сибирскаго университета, относиться болѣе удобнымъ путемъ, глядя на меня только какъ на человѣка, сердечно сочувствующаго въ этомъ дѣлѣ и вамъ и графу Дмитрію Андреевичу, но не принадлежащаго къ дѣятельнымъ членамъ управленія по этому вопросу. Трудно и вамъ проводить ваши желанія и мысли изъ такого громаднаго „далека", какова Казань отъ Петербурга".

Несмотря на полученное разочарованіе, князь Александръ Прохоровичъ продолжалъ по-прежнему дѣятельно относиться къ Сибирскому университету и очень любезно ко мнѣ. Отъ февраля 20-го числа онъ писалъ мнѣ: „Усердно благодарю васъ за письмо отъ 12-го февраля. Слава Богу, что вы здоровы и покойно относитесь къ опасеніямъ будущаго (ожидаемой Ветлянской чумѣ). Послѣднее письмо къ вамъ, душевно уважаемый Василій Марковичъ, я писалъ подъ вліяніемъ обиженнаго чувства. Я не имѣю теперь прямого отношенія къ дѣлу устройства Сибирскаго университета. Дѣло это идетъ подъ руководствомъ графа (Толстого), и я буду только, и то, когда узнаю что, сообщать вамъ о прогрессивномъ его движеніи. Графъ живо интересуется скорѣйшимъ его ходомъ, и не зная о дальнѣйшихъ разговорахъ его съ великимъ княземъ, я могу только увѣрить васъ, что для скорѣйшаго окончанія ничто не будетъ упущено. Теперь дѣлаются новые планы (Жибера) и засимъ опять представятъ ихъ на провѣрку м—ва вн. дѣлъ, и, вѣроятно, къ лѣту вопросъ о постройкахъ будетъ разрѣшенъ".

Отъ 18-го іюня 1879 г. кн. Ал. Прох., между прочимъ, писалъ: „На послѣднее полученное мною отъ васъ письмо (въ мартѣ) я отвѣчалъ коротко, потому что оно застало меня при самомъ выѣздѣ въ отпускъ, который мнѣ удалось получить на два мѣсяца. Теперь я возвратился изъ отпуска, слава Богу, съ нѣкоторою пользою для здоровья и въ спокойномъ состояніи духа... Вчера представлялся въ Павловскѣ возвратившемуся съ Чернаго моря его высочеству генералъ-адмиралу. Онъ безъ личнаго мнѣ укора посѣтовалъ опять на ходъ дѣла по вашему университету. Я отвѣтилъ только, что графа видѣлъ только еще одинъ разъ и ничего не слыхалъ отъ него о переговорахъ съ бывшимъ, говорятъ, тутъ Казнаковымъ. Кончили ли дѣло съ планами по м—ву вн. дѣлъ—тоже не знаю. Дѣйствительно, я еще не имѣлъ возможности просмотрѣть дѣла, бывшія безъ меня. . Что ваши занятія? Собираетесь ли вы въ Петербургъ и когда? Новаго ничего не могу сказать вамъ, ибо еще самъ какъ будто на новосельѣ. Хочу только дать вѣсточку о себѣ и буду ждать таковую же отъ васъ".

Только через 17 мѣсяцевъ, именно 15-го іюля 1879 года, я собрался изъ Казани побывать въ Петербургѣ, повидаться съ родными и знакомыми. Въ министерствѣ мнѣ показали новые планы и смѣты Жибера,

къ тому времени уже изготовленные. При разсмотрѣніи ихъ прежде всего бросалась въ глаза общая сумма стоимости построекъ, расцѣненныхъ свыше милліона двухъ сотъ тысячъ рублей, безъ анатомическаго корпуса, водопровода и газоваго завода. Смѣта, такимъ образомъ, вдвое превышала смѣту Бруни, а самыя постройки, хотя и проектированныя въ болѣе изящной внѣшней архитектурной формѣ, по внутреннему расположенію помѣщеній все-таки не лишены были нѣкоторыхъ существенныхъ учебныхъ неудобствъ. На это я обратилъ вниманіе графа Толстаго и князя Ширинскаго-Шихматова.

Объ изготовленіи новыхъ плановъ и смѣтъ было доложено его высочеству предсѣдателю Государственнаго Совѣта, великому князю Константину Николаевичу, выразившему желаніе познакомиться съ ними ранѣе представленія въ Государственный Совѣтъ вопроса о постройкѣ зданій Сибирскаго университета. Его высочеству угодно было поручить князю Ширинскому лично ознакомить его съ планами Жибера и Бруни, указавъ вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы при этомъ докладѣ присутствовалъ также архитекторъ Жиберъ и я, для могущихъ встрѣтиться разъясненій плановъ съ учебной стороны [1]). Представленіе было назначено въ Павловскомъ дворцѣ. По этому поводу графъ Толстой прислалъ мнѣ слѣдующую записку: „поспѣшаю увѣдомить васъ, многоуважаемый Василій Марковичъ, что его высочество генералъ-адмиралъ изволитъ принять васъ въ Павловскѣ 23-го числа, въ понедѣльникъ, въ два часа, для разсмотрѣнія плановъ Сибирскаго университета. Искренно преданный гр. Д. Толстой. 21-го іюля 1879 г.".

Прибывъ въ назначенное время, мы расположили развернутые чертежи въ такомъ порядкѣ, чтобы удобно было сравнивать проекты того и другаго автора. Чертежи Жибера, какъ и слѣдовало ожидать, произвели лучшее впечатлѣніе, по грандіозности сооруженій; но, узнавъ смѣтную стоимость, его высочество рѣшительно объявилъ, что въ настоящее, трудное для государственной экономіи, время (не законченная восточная война) невозможно разсчитывать на милліонныя ассигновки изъ казны для постройки зданій учебнаго заведенія. Относительно чертежей Бруни великій князь изволилъ обратить вниманіе на тѣ же недостатки, какіе были указаны мною выше, главное на малые размѣры церкви и на конструкцію оконъ въ актовомъ залѣ и, въ такъ называемой, сборной для студентовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, его высочество замѣтилъ, что эти конструктивные недостатки могли бы быть исправлены при самой постройкѣ, если въ другихъ отноше-

---

[1]) Великому князю было извѣстно о пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ и о прежнемъ участіи въ составленіи проекта Бруни.

ніяхъ планы могутъ удовлетворять учебнымъ потребностямъ. Я высказалъ свое мнѣніе по этому поводу въ томъ смыслѣ, что Сибирскій университетъ можетъ удовлетвориться на первое время скромными помѣщеніями, безъ ущерба для его учебныхъ и научныхъ функцій и что планы Бруни въ этомъ отношеніи можно было бы признать достаточными, если въ нихъ сдѣлать соотвѣтствующія исправленія. Этимъ безповоротно рѣшился вопросъ о выборѣ плановъ. Проектъ Жибера былъ устраненъ, и министерство народнаго просвѣщенія снова препроводило проектъ Бруни въ техническо-строительный комитетъ, прося разсмотрѣть его только съ технической стороны. На этотъ разъ комитетъ одобрилъ его съ нѣкоторыми техническими замѣчаніями, и въ такомъ видѣ онъ былъ утвержденъ къ исполненію товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ 6-го сентября 1879 г. Смѣта была утверждена въ суммѣ 648.312 руб. 47 коп. при расцѣнкѣ по справочнымъ цѣнамъ Томска 1877 года, которыя потомъ оказались далеко ниже дѣйствительности. Но объ этомъ будетъ рѣчь впереди.

Впослѣдствіи мнѣ приходилось слышать стороной, что нѣкоторые профессора Томскаго университета ставили мнѣ въ укоръ, почему я не ходатайствовалъ предъ его высочествомъ и не настаивалъ въ министерствѣ на осуществленіи проектовъ Жибера, если они, дѣйствительно, имѣли значительныя преимущества передъ проектами Бруни. Въ объясненіе этого я могу сказать, что проекты Жибера отличались не столько удобствомъ и просторомъ внутреннихъ помѣщеній университета, сколько красотою и излишнею роскошью внѣшнихъ фасадовъ. Но самое главное, они были расцѣнены въ смѣтѣ, по тѣмъ же даннымъ справочныхъ цѣнъ 1877 г., какъ и у Бруни, вдвое дороже (1.200.000, вмѣсто 648.312 р.). При тогдашнемъ положеніи русскихъ финансовъ (послѣдняя турецкая война) нельзя было думать, чтобы правительство ассигновало милліонъ на постройку университетскаго корпуса (около 200—250 т. имѣлось въ виду пожертвованныхъ средствъ Демидова и Цибульскаго).

Предъявлять такія требованія въ то время значило бы отклонить вопросъ о постройкѣ университета на продолжительный срокъ, пока поправятся государственные финансы. По этой же причинѣ ни въ смѣту Бруни, ни въ смѣту Жибера не входило устройство университетскаго водопровода и газоваго завода, необходимость коихъ сознавалась мной вполнѣ, но я разсчитывалъ соорудить ихъ впослѣдствіи, изыскавъ на это тѣ или другія средства. Къ 1885 г. ихъ удалось построить на экономическіе остатки, отъ смѣтныхъ строительныхъ суммъ, не возбуждая ходатайствъ объ особомъ на это ассигнованіи, что, естественно, потребовало бы много времени и не представляло тогда благопріятныхъ условій для скораго удовлетворенія такого хо-

датайства. Въ правительственныхъ сферахъ, за исключеніемъ немногихъ лицъ, на Сибирскій университетъ въ то время смотрѣли не сочувственно и недовѣрчиво. Зная это, я по возможности старался удовлетворить всѣ непредусмотрѣнныя нужды университета, не прибѣгая къ ходатайствамъ о дополнительномъ смѣтномъ ассигнованіи изъ государственнаго казначейства.

Съ принятіемъ плановъ Бруни задача сооруженія зданій Сибирскаго университета значительно осложнялась. Если вообще при постройкахъ подобнаго рода невозможно ограничиться однимъ техническимъ надзоромъ архитектора, а требуется непосредственное наблюденіе лица близко знакомаго съ потребностями сооружаемаго учрежденія, то въ примѣненіи къ предстоящимъ университетскимъ постройкамъ требовалось не одно наблюденіе, а исправленіе самыхъ чертежей при ихъ исполненіи. Эту послѣднюю задачу невозможно было поручить ни строителю зданій, ни избранному изъ мѣстныхъ лицъ въ Томскѣ строительному комитету. Министерство ясно сознавало эту потребность еще въ 1877 году, когда графъ Д. А. Толстой настаивалъ на необходимости включить этотъ пунктъ въ послѣднее свое представленіе въ Государственный Совѣтъ о Сибирскомъ университетѣ (11 февраля 1878 г.).

Послѣ того, когда вѣсть о предполагаемомъ учрежденіи Сибирскаго университета въ Томскѣ была распространена газетами по всей Россіи, въ министерство стали поступать многочисленныя заявленія о пріобрѣтеніи для новаго университета разныхъ учебныхъ принадлежностей, больше всего — книгъ. Министерство направляло всѣ эти предложенія ко мнѣ для разбора и оцѣнки. Такъ, въ концѣ 1877 г., неизвѣстный мнѣ почетный гражданинъ города Чигирина, Ѳома Марковичъ Бондыревъ, предлагалъ купить у него коллекцію старыхъ книгъ духовнаго содержанія. Судя по каталогу, въ числѣ ихъ значилось: 1) двѣ рукописи — евангеліе, писанное на пергаментѣ и рукописная псалтырь; 2) сочиненія Василія Великаго, Островское изданіе 1594 г.; 3) Шестодневъ, Виленское изданіе 1650 г.; 4) творенія Ефрема Сирина и Саввы Дорофея 1687 г.; 5) Маргаритъ и житіе св. Іоанна Златоуста, изд. 1641 г.; 6) Толкованіе четырехъ евангелистовъ, изд. 1647 г.; 7) Октоихъ, Львовское изд. 1644 г.; 8) тоже, Московское изд. 1593 г.; 9) книга о вѣрѣ, избранная отъ многихъ отцовъ церкви, изд. въ Гроднѣ, 1785 г.; 10) Библія, изд. 1758 г.—и другія въ этомъ родѣ рѣдкія изданія—XVII и XVIII столѣтій, всего 65 номеровъ. Къ сожалѣнію, эту коллекцію не удалось пріобрѣсти по неимѣнію въ то время денежныхъ средствъ.

Въ 1879 году явился цѣлый рядъ предложеній о покупкѣ библіотекъ, большею частію послѣ смерти ихъ владѣльцевъ, со сто-

роны ихъ наслѣдниковъ. Многія изъ этихъ предложеній, при разсмотрѣніи присланныхъ каталоговъ, оказались либо слишкомъ высоко оцѣненными, либо мало пригодными, и потому были мною отклонены.

Такимъ образомъ, лѣто 1879 года, проведенное мною въ Петербургѣ, противъ моего ожиданія, почти все было посвящено дѣламъ Сибирскаго университета. Такъ складывались обстоятельства помимо моей воли. Кромѣ меня, въ министерствѣ не было никого, кто бы такъ близко стоялъ къ курсу этихъ дѣлъ, осложнявшихся больше и больше. Поэтому, въ исходѣ 1879 года, графъ Д. А. Толстой, сдѣлалъ мнѣ словесное предложеніе взять въ свои руки созидающійся Томскій университетъ, оставивъ профессорскую службу въ Казани. Такая комбинація снова ставила меня въ крайне неопредѣленное служебное положеніе, несмотря на предлагаемое достаточное вознагражденіе (10 т. руб. въ годъ).

Служба Томскому университету при такихъ условіяхъ считалась бы лишь временной командировкой, безъ опредѣленныхъ правъ на пенсію, безъ яснаго будущаго. Должность, мнѣ предлагаемая, или точнѣе, ассигновка содержанія, была разсчитана всего на три года; но можно ли было предвидѣть, что въ этотъ именно срокъ будутъ заключены всѣ постройки и будетъ открытъ университетъ, въ которомъ и для меня нашлось бы штатное мѣсто. Съ увѣренностью нельзя было сказать ни того, ни другаго. Поэтому я не могъ рѣшиться оставить казанскую службу, разорить только-что свитое гнѣздо и снова, какъ въ 1875 году, выступить на скользкій путь временныхъ коммиссій и командировокъ безъ прочной служебной почвы.

Въ такомъ смыслѣ данъ былъ мной отвѣтъ графу Дмитрію Андреевичу. Послѣ того онъ предложилъ мнѣ другую комбинацію: не оставляя службы въ Казанскомъ университетѣ, взять на себя временное порученіе министерства по наблюденію за постройкой Сибирскаго университета, за его имуществомъ и за всѣмъ, что сюда относиться можетъ. По этой инструкціи мнѣ вмѣнялось въ обязанность ежегодно, съ половины мая и до конца августа, быть въ Томскѣ для наблюденія за строительными работами, а зимой, въ свободное отъ лекцій время (рождественскія и пасхальныя каникулы) являться въ Петербургъ для личнаго доклада г. министру по дѣламъ созидаемаго университета. Во время моего отсутствія изъ Томска (съ сентября по май, когда строительныя работы пріостанавливаются), въ строительномъ комитетѣ меня долженъ замѣнять другой членъ отъ министерства съ опредѣленнымъ годовымъ содержаніемъ въ 3.500 руб. На него возлагались обязанности дѣлопроизводителя комитета, а въ мое отсутствіе ему предоставлялось въ комитетѣ право голоса наравнѣ съ

прочими членами [1]). Мое вознагражденіе при этой комбинаціи опредѣлилось въ 6.000 руб. въ годъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, при чемъ половина этой суммы, если не болѣе, должна была идти, по разсчету, на путевые расходы по поѣздкамъ въ Томскъ и Петербургъ и на содержаніе въ этихъ городахъ во время почти полугодовой бивуачной жизни.

Не могу сказать, чтобы изложенная комбинація лично для меня представляла какія-либо выгоды. Напротивъ того, ежегодное, почти полугодовое отсутствіе изъ Казани для меня, какъ практическаго врача, неизбѣжно должно было рѣзко отразиться на моихъ средствахъ, не говоря уже о неудобствахъ кочевой жизни вообще. Но на эту невыгодную сторону сдѣланнаго мнѣ предложенія я не обращалъ особаго вниманія. Меня гораздо болѣе смущало сомнѣніе, буду ли я въ силахъ справиться съ поручаемымъ дѣломъ. Если бы оно касалось только устройства учебной части и учебнаго имущества, то здѣсь я считалъ бы себя болѣе или менѣе свѣдущимъ лицомъ, способнымъ принести извѣстную долю пользы; но мнѣ предстояло, какъ члену строительнаго комитета, нести нравственную, а можетъ быть и матеріальную отвѣтственность за качество самыхъ строительныхъ работъ, о которыхъ, въ то время, я не имѣлъ никакого практическаго понятія. Общественное мнѣніе семидесятыхъ годовъ склонно было относиться къ строителямъ казенныхъ сооруженій съ большою долею скептицизма. Правильно или неправильно, но всюду мерещились упущенія, или злоупотребленія. Такія, можетъ быть, легкомысленныя, сужденія приходилось слышать даже въ Петербургѣ, гдѣ строительное дѣло стоитъ на подобающей высотѣ. Что же сказать о далекой Сибирской провинціи? Для меня она была въ этомъ отношеніи terra incognita, но какое-то смутное предчувствіе заставляло думать, что самую трудную и отвѣтственную задачу мы встрѣтимъ именно при сооруженіи зданій Сибирскаго университета. При всѣхъ добрыхъ пожеланіяхъ, здѣсь можно было ожидать разныхъ непредвидѣнныхъ случайностей, прежде всего въ выборѣ архитектора, въ составѣ членовъ строительнаго комитета и ихъ отношеній къ порученному дѣлу, въ качествѣ мѣстныхъ рабочихъ и строительныхъ матеріаловъ, однимъ словомъ, во всемъ, чѣмъ гарантируется правильное и экономическое веденіе постройки.

Съ другой стороны, думалось мнѣ: волка бояться, въ лѣсъ не ходить. При доброй волѣ и энергіи, при поддержкѣ министерства,

---

[1]) Дѣлопроизводителемъ строительнаго комитета былъ назначенъ чиновникъ департамента нар. просв. статскій совѣтникъ А. С. Бѣлявскій. Онъ все время оставался въ Томскѣ, гдѣ и скончался отъ легочной чахотки въ 1887 г.

въ чемъ не представлялось сомнѣнія, можно устранить препятствія и затрудненія, если бы они дѣйствительно оказались. Всякое другое лицо, поставленное на мое мѣсто, оказалось бы въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ, съ тою, быть можетъ, разницей, что оно не относилось бы къ созидаемому университету съ такимъ теплымъ чувствомъ, какъ я, въ силу образовавшейся уже въ теченіе четырехъ лѣтъ привычки. Такимъ образомъ, по зрѣломъ обсужденіи, я рѣшился принять предложеніе министра народнаго просвѣщенія и съ 15 марта 1880 года вступилъ въ оффиціальную роль устроителя Сибирскаго университета, оставаясь въ то же время ординарнымъ профессоромъ Казанскаго университета.

Въ Казань я возвратился въ началѣ сентября. Вскорѣ послѣ того я получилъ отъ гр. Д. А. Толстого оффиціальное письмо (отъ 11 окт. 1879 г.), въ которомъ, между прочимъ, сказано: „Признавая необходимымъ приступать нынѣ же къ изготовленію строительныхъ матеріаловъ для возведенія зданій (Сибирскаго университета), покорнѣйше прошу васъ доставить мнѣ, по возможности въ скорѣйшемъ времени, соображенія ваши о томъ, какимъ, по вашему мнѣнію, способомъ было бы удобнѣе произвести означенныя работы, т. е. посредствомъ ли подряда или хозяйственнымъ образомъ. Въ случаѣ же, если бы вы полагали болѣе полезнымъ хозяйственный способъ постройки, я покорнѣйше просилъ бы васъ сообщить мнѣ также подробныя соображенія ваши какъ по вопросу о составѣ той строительной коммиссіи, которую необходимо будетъ учредить въ г. Томскѣ для надлежащаго наблюденія за постройкою университетскихъ зданій и вообще для веденія всего этого обширнаго дѣла, такъ и относительно той инструкціи, которою нужно будетъ снабдить сію коммиссію. Прямите увѣренія и пр. Графъ Д. Толстой“.

Не зная мѣстныхъ строительныхъ условій Томска, я не могъ, конечно, напередъ сказать, какой изъ способовъ постройки, подрядный или хозяйственный, будетъ выгоднѣе, но первый я находилъ едва-ли примѣнимымъ уже по тому самому, что, во время сооруженія зданій, планы Бруни должны были подлежать значительному видоизмѣненію, что было извѣстно заранѣе. Строительная коммиссія была намѣчена мною въ слѣдующемъ составѣ: предсѣдатель—мѣстный губернаторъ, представитель отъ министерства народнаго просвѣщенія, предсѣдатель томскаго губернскаго правленія, городской голова Цибульскій, какъ крупный жертвователь изъ мѣстныхъ жителей и строитель зданій (архитекторъ).

Проектъ инструкціи я тоже составилъ, примѣняясь къ существовавшимъ условіямъ, при чемъ просилъ подчинить коммиссію не генералъ-губернатору Западной Сибири, а непосредственно министру на-

роднаго просвѣщенія. По этому вопросу графъ долженъ былъ предварительно снестись съ Н. Г. Казнаковымъ, который весьма неохотно, но все-таки выразилъ свое согласіе объ изъятіи строительнаго комитета изъ его вѣдѣнія. Въ такомъ смыслѣ инструкція была утверждена государемъ.

По этому поводу кн. Ал. Прохоровичъ писалъ мнѣ отъ 15 марта 1880 года. Вотъ его письмо: „Вчера, глубокоуважаемый Василій Марковичъ, графъ докладывалъ государю предположенія министерства о способѣ постройки Сибирскаго, вашего, университета. Предположенія эти высочайше утверждены. Строительная коммиссія будетъ подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго губернатора, подъ главнымъ завѣдываніемъ министерства, которому и подчиняется эта коммиссія и ея дѣятели. При этомъ, конечно, архитекторъ отсюда, нѣкто г. Арнольдъ, котораго я не знаю. Всѣ эти новости вамъ, конечно, будутъ сообщены оффиціально, а я дѣлаю это конфиденціально. Вѣроятно, и васъ скоро увидимъ въ Питерѣ".

Дѣйствительно, въ скоромъ времени меня вызвали въ Петербургъ для личныхъ объясненій, или, точнѣе, для инструкцій по строительному дѣлу, такъ какъ въ маѣ мѣсяцѣ мнѣ предстояло уже отправиться въ Томскъ для начала построекъ. Въ Петербургъ я выѣхалъ изъ Казани 28 марта, въ самую распутицу. Пришлось ѣхать горой (берегомъ), а не обычнымъ зимнимъ трактомъ, вдоль по Волгѣ. Дорога въ это время бываетъ отвратительная: въ иныхъ мѣстахъ голая земля, въ другихъ—глубокій рыхлый снѣгъ, съ зажорами по овражкамъ и наледями по низинамъ и рѣчкамъ. Темною ночью въ 9 часовъ вечера я выѣхалъ изъ Казани.

Съ половины марта, когда волжскій ледъ дѣлается ненадежнымъ, почту переводятъ на лѣтній трактъ, для чего требуется на протяженіи 400 верстъ расчистить глубокій снѣгъ. Для этого сгоняютъ крестьянъ изъ окрестныхъ деревень, но, при всемъ ихъ стараніи, неѣзженный путь обыкновенно бываетъ очень плохъ. Въ зажорахъ мнѣ приходилось сиживать по 3—4 часа, пока призванные изъ ближайшей деревни крестьяне не вытащатъ повозку и лошадей. Зажорой называется такое мѣсто въ небольшихъ оврагахъ, гдѣ подъ рыхлой коркой снѣга течетъ весенняя вода. На ночь я остановился на одной изъ станцій (Кривой логъ) переждать до разсвѣта. Здѣсь я совершенно случайно встрѣтился съ нашимъ будущимъ архитекторомъ Максиміліаномъ Юрьевичемъ Арнольдомъ. Ранѣе того объ Арнольдѣ я не имѣлъ никакого понятія и ни разу его не видалъ. Онъ меня лично тоже не зналъ, хотя слышалъ въ министерствѣ и отъ Бруни о моемъ участіи въ дѣлахъ Сибирскаго университета. Арнольдъ пріѣхалъ на станцію раньше меня и расположился пить чай на единственномъ

столѣ въ маленькой комнаткѣ для проѣзжающихъ. По замашкамъ и костюму онъ напоминалъ богатаго помѣщика, или цивилизованнаго купца. Ѣхалъ онъ въ собственномъ щегольскомъ экипажѣ, съ ловкимъ камердинеромъ и ворохомъ дорожныхъ ларцевъ, нагруженныхъ закусками и прочими принадлежностями далекаго путешествія. Я ѣхалъ одинъ, на перекладныхъ, съ легкимъ чемоданчикомъ. Разговоръ между нами завязался по поводу заварки моего чая изъ поданнаго ему самовара. Затѣмъ онъ перешелъ къ обычнымъ разспросамъ о качествѣ дороги и о томъ, кто куда направляется. Узнавъ, что мой собесѣдникъ ѣдетъ изъ Петербурга въ Томскъ, я сначала принялъ его за сибирскаго негоціанта и естественно поинтересовался разспросами о Сибири и о Томскѣ въ частности. Оказалось, что Томска онъ не знаетъ и ѣдетъ туда въ первый разъ—строить Сибирскій университетъ. Послѣ такого отвѣта я освѣдомился о фамиліи собесѣдника и сообщилъ ему свою, такъ какъ мы ѣхали по одному и тому же дѣлу, хотя и въ противуположныя стороны.

Изъ дальнѣйшаго разговора съ Арнольдомъ я узналъ слѣдующія, неожиданныя для меня новости: 1) Главнымъ строителемъ Томскаго университета назначенъ академикъ Бруни, но съ тѣмъ, что онъ будетъ руководить постройками изъ Петербурга (!), а вмѣсто него на мѣстѣ построекъ будетъ находиться его помощникъ—этотъ самый Арнольдъ. 2) Оба они будутъ получать содержаніе изъ 4% назначенной на постройку суммы, дѣля это вознагражденіе поровну, т. е. 2% будетъ получать Бруни за свою фирму, другими словами ни за что, ни про-что, а двумя процентами будетъ пользоваться Арнольдъ, живя неотлучно въ Томскѣ, какъ дѣйствительный строитель. Въ счетъ этой суммы имъ уже получено изъ министерства (изъ строительнаго капитала) 2.500 руб. на подъемъ и путевые расходы отъ Петербурга до Томска.

Въ 1880 году нашъ строительный кредитъ былъ опредѣленъ въ 650 т. руб., слѣдов., 2% съ него составляли 13 т. руб. Этимъ выражалось вознагражденіе архитектора за все время постройки. Предполагая, что строительныя работы будутъ продолжаться никакъ не менѣе пяти лѣтъ, и выключивъ изъ данной суммы 2.500 р. полученнаго уже путеваго пособія, содержаніе Арнольда въ Томскѣ опредѣлялось такимъ образомъ не свыше 2.000 р. въ годъ. На эти скромныя средства онъ долженъ былъ содержать не только себя, но и оставленную въ Петербургѣ свою семью, между тѣмъ какъ Бруни долженъ былъ получить изъ того же кредита свою половину (13 т. р.), сидя въ Петербургѣ и ничего не дѣлая. Въ этомъ дѣлежѣ выходила такая глупая несообразность, что я не могъ не выразить Арнольду моего крайняго изумленія по поводу сообщенной мнѣ уже состояв-

шейся комбинаціи. Въ заключеніе я сказалъ, что нынѣ же буду просить министра предложить Бруни либо отказаться отъ своей доли вознагражденія, либо принять на себя обязательство ежегодно проводить лѣто въ Томскѣ на постройкахъ, въ качествѣ старшаго архитектора. Иначе, получаемые имъ 2% будутъ имѣть характеръ взятки, или, выражаясь деликатнѣе, переуступки права на вознагражденіе строителя другому лицу, со скидкою 50%, какъ это иногда дѣлается при передачѣ подрядовъ. Начинать съ такими сомнительными задатками строительную практику Сибирскаго университета, по меньшей мѣрѣ, неблаговидно. Арнольдъ отвѣтилъ, что разсчетъ съ Бруни есть его личное дѣло, что онъ имѣетъ право въ знакъ благодарности за рекомендацію и за могущіе понадобиться его совѣты посылать своему патрону половину своего содержанія даже въ томъ случаѣ, если бы это не было оформлено министерскимъ распоряженіемъ. Но съ такими взглядами я никакъ не могъ согласиться и замѣтилъ Арнольду, что не понимаю его щедрости относительно Бруни; если же онъ разсчитываетъ въ Томскѣ на добавочные строительные доходы, то ему благоразумнѣе было бы вовсе отказаться отъ работы. На этомъ мы и покончили нашъ первый разговоръ. Было около 12 часовъ ночи. Собесѣдникъ мой отправился въ дальнѣйшій путь, повидимому, окрыляемый розовыми надеждами, а я остался на станціи дожидаться разсвѣта, на досугѣ размышляя о впечатлѣніяхъ неожиданной встрѣчи.

Такъ-то, думалось мнѣ, рѣшаетъ министерство первостепенный вопросъ объ осуществленіи постройки Сибирскаго университета. Неужели ни графу Толстому, ни директору департамента не бросилась въ глаза слишкомъ прозрачная и наивная уловка строителей, такъ безцеремонно раздѣлившихъ между собой причитающіеся по закону 4% вознагражденія. Если министерство находитъ правильнымъ, чтобы Бруни, сидя на мѣстѣ, получилъ 13 т. руб. только за рекомендацію Арнольда, то подумало ли оно, изъ какихъ источниковъ и какими способами будетъ дополнять свое вознагражденіе Арнольдъ. Наконецъ, можно ли полагаться на такую рекомендацію, въ основѣ которой лежитъ корыстный разсчетъ; имѣетъ ли Арнольдъ достаточно технической опытности, чтобы довести до конца такое крупное дѣло, какъ постройка университета, при томъ, въ такой дали и глуши, какъ Томскъ, о строительныхъ силахъ котораго мы почти ничего не знаемъ. Мнѣ представляется, что министерство совсѣмъ не задавалось такими вопросами, ограничившись канцелярской формой бумажныхъ сношеній. Такія мысли невольно тревожили меня. Будущее постройки и мое участіе въ ней рисовались далеко не привлекательными.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, я первымъ дѣломъ постарался навести справки о прежней дѣятельности Арнольда. Прочитавъ въ департа-

ментѣ его послужной списокъ, я узналъ, что послѣдними его работами были: постройка госпитальныхъ бараковъ въ Корнештахъ во время восточной войны, и сооруженіе крыши на Корсунскомъ храмѣ св. Владиміра близъ Севастополя. Ранѣе того Арнольдъ служилъ въ петербургскомъ строительномъ училищѣ въ званіи преподавателя исторіи архитектуры. О постройкѣ бараковъ въ Корнештахъ я могъ навести справку у моего близкаго знакомаго доктора А. И. Байкова, завѣдывавшаго этимъ госпиталемъ, а о храмѣ св. Владиміра — въ канцеляріи оберъ-прокурора Св. Сѵнода, въ вѣдѣніи котораго находилось это сооруженіе. Какъ Андрей Ивановичъ Байковъ, такъ и правитель оберъ-прокурорской канцеляріи И. А. Ненарокомовъ, были моими старыми и близкими знакомыми. Отъ нихъ я могъ получить не оффиціальную справку, а именно такія свѣдѣнія, какія мнѣ были нужны. Оказалось, что въ Корнештахъ Арнольдъ зарекомендовалъ себя съ самой невыгодной стороны, и Ненарокомовъ о немъ отозвался, что въ ихъ канцеляріи возбуждено дѣло о взысканіи съ Арнольда 10 т. рублей за неудачно построенную крышу на соборѣ, которую, вслѣдствіе слабыхъ и неумѣлыхъ скрѣпленій, цѣликомъ унесло въ море при первомъ штормѣ, вскорѣ послѣ ея сооруженія. Вотъ какую правду пришлось узнать о практическихъ познаніяхъ и способностяхъ даннаго намъ строителя.

Само собою разумѣется, что обо всемъ этомъ я доложилъ г. министру, выразивъ ему свое сожалѣніе, что постройка Сибирскаго университета, повидимому, вручена человѣку не вполнѣ искусному. Вмѣстѣ съ тѣмъ я сообщилъ графу о странной комбинаціи между Бруни и Арнольдомъ, и просилъ, чтобы первому изъ нихъ также было предложено наблюдать за постройками не изъ Петербурга, а отправляться въ Томскъ, подобно мнѣ, на лѣтнюю рабочую пору, или совсѣмъ отказаться отъ своей доли двухпроцентнаго вознагражденія. Замѣчательно, что графъ вовсе не имѣлъ въ виду поѣздки Бруни въ Томскъ, находя, что при его большихъ работахъ въ Петербургѣ, вознагражденіе не только въ двѣ, но даже въ три тысячи за лѣто не можетъ его удовлетворить. Но тѣмъ не менѣе графъ поручилъ мнѣ переговорить съ Бруни объ этомъ вопросѣ и въ случаѣ его отказа передать ему, что онъ отъ строительнаго комитета будетъ отчисленъ [1]).

---

[1]) По всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, государь императоръ 14 марта 1880 г. высочайше соизволилъ на учрежденіе въ Томскѣ строительнаго комитета, для возведенія зданій Сибирскаго университета, въ составѣ слѣдующихъ лицъ: предсѣдателя — томскаго губернатора, членовъ: предсѣдателя томскаго губернскаго управленія, томскаго городскаго головы Цибульскаго, члена отъ министерства народнаго просвѣщенія д. с. с.

Понятно, что Бруни на поѣздку не согласился, и такимъ образомъ онъ былъ совершенно отстраненъ отъ какихъ бы то ни было дальнѣйшихъ отношеній къ комитету и къ его денежнымъ средствамъ.

Что касается до Арнольда, то графъ совѣтовалъ мнѣ внимательнѣе наблюдать за его отрицательными дѣйствіями и въ случаѣ какихъ-либо неисправностей доносить объ этомъ въ министерство. Повидимому, министръ самъ сознавалъ, что назначеніе архитектора состоялось довольно легкомысленно и слишкомъ поспѣшно, но поправить это было уже трудно. Оставалась надежда на то, что Арнольдъ, получая полное вознагражденіе въ 4% со строительной суммы, внимательнѣе отнесется къ дѣлу и не будетъ имѣть повода жаловаться на скудость своихъ средствъ.

Въ Петербургѣ на этотъ разъ я пробылъ 2½ недѣли (съ 1 по 17 апрѣля). Сибирскаго дѣла здѣсь оказалось, какъ и всегда, гораздо больше, чѣмъ я ожидалъ. Независимо отъ разъясненія архитекторскаго вопроса и выбора надежнаго дѣлопроизводителя для строительнаго комитета (изъ чиновниковъ департамента народнаго просвѣщенія), который могъ бы замѣнять меня въ Томскѣ во время зимнихъ мѣсяцевъ, пришлось не мало хлопотать объ университетской библіотекѣ. Выше я уже говорилъ, что уже въ истекшемъ 1879 году въ Томскій университетъ стали поступать обширныя и богатыя коллекціи книгъ, большею частію въ видѣ дарственныхъ вкладовъ. Всѣ эти сокровища, уложенныя въ сотни ящиковъ и составлявшія грузъ около трехъ тысячъ пудовъ, сосредоточивались въ министерствѣ, которое не знало, что дѣлать съ этимъ громаднымъ грузомъ и гдѣ хранить его. Рѣшено было отправить книги въ Томскъ на мое попеченіе, но министерство не располагало никакими средствами для пересылки столь значительныхъ тяжестей. Провозная цѣна, отъ Петербурга до Томска, въ то время назначалась транспортными конторами отъ 4½ до 5 р. съ пуда, что составляло расходъ около 13 — 14 тысячъ рублей. Нужно было прежде всего изыскать средства на эту пересылку [1]). Въ наличности

Флоринскаго и двухъ строителей зданій,—инженера-архитектора коллежскаго ассесора Арнольда и академика архитектуры коллежскаго совѣтника Бруни. Послѣдній въ оффиціальныхъ бумагахъ именовался инспекторомъ работъ, но въ чемъ должна была выражаться его инспекція, этого не указано. А такъ какъ Бруни вовсе не имѣлъ въ виду посѣщеніе Томска, хотя бы только въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, то, очевидно, онъ членомъ комитета могъ бы числиться только номинально, а инспекторскія обязанности его представляли бы пустую фикцію, или придуманный предлогъ для полученія денежнаго содержанія. Удивительно, какъ въ министерствѣ не обратили на это вниманія.

[1]) Чрезъ контору россійскаго общ. транспортированія кладей было отправлено изъ Петербурга въ Томскъ весной 1880 г. 142 ящика книгъ библіотеки гр. Строганова, вѣсомъ 1.770 пуд., 36 ящиковъ библіотеки князя

никакихъ средствъ не имѣлось въ виду, кромѣ обѣщанныхъ томскою городскою думою 5.000 руб., въ счетъ которыхъ мною была уже пріобрѣтена библіотека академика Никитенко (2.000 р.), Артемьева (900 р.) и около 3.000 дублетовъ, отобранныхъ изъ императорской публичной библіотеки (разсчетъ за нихъ еще не былъ произведенъ). Такимъ образомъ изъ этой суммы на пересылку оставалось не болѣе 1.000 руб. Но я надѣялся, что со временемъ добрые люди такъ или иначе помогутъ устроиться съ этимъ дѣломъ, и рѣшился просить Россійское общество препроводить наши грузы въ Томскъ, не стѣсняя насъ сроками расплаты. Надежды меня не обманули. Въ томъ же году въ министерство были доставлены на этотъ предметъ (И. В. Ефимовымъ) 4.000 руб., собранные по подпискѣ въ сибирскихъ городахъ; 3.000 уплатилъ, по моей просьбѣ, многоуважаемый и всегда отзывчивый къ нуждамъ Сибирскаго университета Александръ Михайловичъ Сибиряковъ, остальная сумма была покрыта въ разные сроки, частію изъ остатковъ на содержаніе членовъ строительнаго комитета (ежегодно на непредвидѣнные расходы оставалось по 500 руб.), а въ окончательный разсчетъ въ 1884 году — изъ средствъ, отпущенныхъ казной на первоначальное обзаведеніе университета [1]).

Изъ отправляемыхъ въ Томскъ въ 1880 году книжныхъ грузовъ самый важный по объему и цѣнности представляла библіотека графа Строганова (142 большихъ ящика, вѣсомъ 1.770 пуд.). О ея пріобрѣтеніи я долженъ сказать здѣсь нѣсколько словъ. О существованіи этой замѣчательной библіотеки, хранившейся съ конца пятидесятыхъ годовъ въ кладовыхъ внутри Гостинаго двора въ Петербургѣ, я узналъ случайно лѣтомъ 1875 года. Это была библіотека Григорія Александровича Строганова, отца Александра и Сергѣя Григорьевичей, бывшаго когда-то посланникомъ въ Константинополѣ и потомъ въ Парижѣ. Послѣ кончины графа Григорія Александровича она перешла въ наслѣдство его дѣтямъ, у которыхъ имѣлись свои соб-

Голицына,—372 пуда и 86 ящиковъ книгъ, купленныхъ и пожертвованныхъ другими лицами и дублетовъ, отобранныхъ мной изъ публичной библіотеки, 739 пудовъ, а всего 264 ящика вѣсомъ 2.880 пудовъ. За пересылку приходилось уплатить свыше 13 т. рублей.

[1]) Это была сумма въ 25 т. руб., отчисленная по моему ходатайству изъ смѣтнаго строительнаго капитала на сверхсмѣтные расходы, именно устройство церковнаго иконостаса и церковную утварь, на первоначальную меблировку университетскихъ помѣщеній, въ томъ числѣ актоваго зала (царскіе портреты, каѳедра, кресла и стулья), меблировка канцелярій и библіотеки и пр. Эти 25 т. руб. были удержаны въ министерствѣ и расходовались по представляемымъ мною счетамъ помимо строительнаго комитета. Изъ этого же источника производилась дальнѣйшая уплата за пересылку весьма большаго количества книгъ и ученыхъ коллекцій послѣ 1883 года.

ственныя громадныя библіотеки. Потому, въ ожиданіи раздѣла, она уложена была въ ящики и помѣщена въ складахъ Гостинаго двора. Осенью 1875 года, когда я былъ въ Одессѣ вмѣстѣ съ коммиссіей, объѣзжавшей университеты по случаю готовившагося пересмотра общаго университетскаго устава, мы встрѣтились въ этомъ городѣ съ графомъ Д. А. Толстымъ. Чрезъ него я познакомился съ Александромъ Григорьевичемъ Строгановымъ, жившимъ въ Одессѣ въ собственномъ великолѣпномъ домѣ, на Морскомъ бульварѣ. Разъ, будучи у него вмѣстѣ съ графомъ Толстымъ, зашла рѣчь о Сибирскомъ университетѣ, вопросъ о которомъ въ то время составлялъ новость дня. Я не упустилъ случая напомнить при этомъ, что знаменитый родъ Строгановыхъ, триста лѣтъ тому назадъ принимавшій дѣятельное участіе въ снабженіи Ермаковой дружины матеріальными средствами для перваго завоеванія Сибирскаго царства, по всей вѣроятности отнесется также сочувственно и къ духовному покоренію Сибири, орудіемъ котораго предназначается быть Томскому университету. Здѣсь же мимоходомъ я завелъ рѣчь о наслѣдственной ихъ библіотекѣ, упомянувъ, что, вѣроятно, въ ней не ощущается большая надобность, если она такъ долго остается въ закупоренныхъ ящикахъ. Графъ Д. А. Толстой поддержалъ мою мысль и встрѣтилъ со стороны многоуважаемаго хозяина полную готовность пожертвовать эту библіотеку Сибирскому университету. Но Александръ Григорьевичъ тутъ же замѣтилъ, что она принадлежитъ не ему одному, а совмѣстно съ братомъ, Сергѣемъ Григорьевичемъ, съ которымъ необходимо переговорить особо по этому поводу. По возвращеніи въ Петербургъ, графъ Толстой возложилъ на меня это порученіе, но Сергѣя Григорьевича мнѣ удалось видѣть только въ 1877 году. Съ его стороны я встрѣтилъ ту же полную готовность передать библіотеку Сибирскому университету, если противъ этого не будетъ ничего имѣть сынъ его, Николай Сергѣевичъ. Въ концѣ-концовъ дѣло это устроилось. Въ 1879 году ящики съ книгами были переданы министерству народнаго просвѣщенія, а весной 1880 года, какъ я уже говорилъ, отправлены въ Томскъ черезъ контору Россійскаго общества транспортированія кладей.

Принимая библіотеку графовъ Строгановыхъ, я не зналъ въ то время ея содержимаго. Повидимому, и жертвователи имѣли о ней неясное представленіе. Каталоги ея, по словамъ главнаго управляющаго Сергѣя Григорьевича, должны были находиться въ одномъ изъ ящиковъ съ книгами, но въ которомъ именно, этого онъ не могъ указать. Ящики переданы были вѣсомъ и счетомъ. Графъ Сергѣй Григорьевичъ замѣтилъ только, что въ числѣ книгъ, въ какомъ-то изъ ящиковъ, должны находиться фамильныя бумаги и дѣла Григорія Александровича. Ихъ онъ просилъ при разборкѣ книгъ переслать въ

Одессу. Рѣдкія рукописи, какія найдутся въ ящикахъ, по волѣ жертвователей, должны быть переданы въ императорскую публичную библіотеку. Само собою разумѣется, что все это было въ точности исполнено.

О значеніи Строгановской библіотеки я здѣсь распространяться не буду. Скажу лишь вкратцѣ, что это оказался неоцѣнимый научный кладъ, такое сокровище, какимъ едва-ли могутъ обладать даже самые богатые и старые наши столичные университеты. Для юнаго и далекаго Сибирскаго университета такое пріобрѣтеніе можно считать неожиданнымъ счастіемъ. Я вспоминаю объ этомъ съ глубокой благодарностью къ доблестному роду графовъ Строгановыхъ, оказавшему Сибири незабвенныя услуги какъ во время ея перваго покоренія, такъ и теперь, когда надъ Сибирью загорается первая заря духовнаго свѣта. Надѣюсь, что будущіе профессора Сибирскаго университета по достоинству оцѣнятъ этотъ щедрый даръ и воспользуются имъ для своихъ научныхъ работъ. Обширная и всесторонняя по содержанію библіотека есть необходимѣйшій и самый прочный фундаментъ нашего духовнаго развитія, и плохой тотъ профессоръ, который будетъ имѣть передъ глазами только новости текущаго дня, не интересуясь, что дѣлали и какъ думали наши предшественники. Профессоръ безъ хорошей библіотеки—это воинъ безъ оружія. Тотъ, кто идетъ на поводу только у текущей, хотя бы и научной, журналистики, напоминаетъ щеголя, для котораго мода дня—выше всего. Мыслящій профессоръ долженъ искать въ книгѣ не текущія новости, а новыя идеи. Для этой цѣли старая хорошая книга сплошь и рядомъ даетъ больше пищи, нежели современный газетный листокъ, которымъ, къ сожалѣнію, у насъ слишкомъ много увлекаются. Лично я всегда имѣлъ больше пристрастія къ старымъ литературнымъ друзьямъ, всегда цѣнилъ и лелѣялъ ихъ, имѣя свою собственную довольно богатую библіотеку. Безъ сподручныхъ книгъ, казалось мнѣ, невозможно начать ни одного научнаго дѣла. Такъ я смотрю и на потребности будущаго Сибирскаго университета, стараясь, раньше возведенія его стѣнъ, приготовить для него возможно больше духовной пищи.

Во время нынѣшняго пребыванія въ Петербургѣ мнѣ пришлось узнать весьма прискорбную для меня новость о предполагаемыхъ перемѣнахъ въ нашемъ министерствѣ. Глубоко мною уважаемый товарищъ министра, князь Александръ Прохоровичъ Ширинскій-Шихматовъ предполагаетъ оставить свой постъ. Предлогомъ къ этому онъ ставитъ утомленіе и болѣзнь, но, независимо отъ болѣзни, кажется, здѣсь имѣютъ мѣсто и другія причины, именно недостатокъ гармоніи въ личныхъ отношеніяхъ къ графу Дмитрію Андреевичу. Такъ или иначе, но мнѣ очень жаль Александра Прохоровича: онъ былъ самымъ близкимъ для меня человѣкомъ въ министерствѣ. По отноше-

нію къ Сибирскому университету это былъ искренній ревнитель его осуществленія и вѣрный его слуга и заступникъ. О желаніи оставить министерство въ самомъ непродолжительномъ времени князь говорилъ мнѣ лично.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ городѣ ходятъ упорные слухи, что и графъ Д. А. Толстой скоро оставитъ службу. Объ этомъ много разъ говорили и раньше, но въ данномъ случаѣ я получилъ свѣдѣнія изъ источника весьма компетентнаго. Графа многіе не любятъ за его классическую систему воспитанія. Либералы видятъ въ немъ упорнаго консерватора и единомышленника М. Н. Каткова, не пользующагося сочувствіемъ у такъ называемой „молодой Россіи". Въ высокихъ государственныхъ сферахъ, гдѣ нынѣ у большинства представителей господствуетъ стремленіе копировать конституціонную Европу, графа Толстого тоже не считаютъ сторонникомъ такого направленія. При подобныхъ условіяхъ ему трудно удержаться на мѣстѣ: имъ должны будутъ пожертвовать для удовлетворенія современныхъ вкусовъ интеллигентной толпы.

На мой личный взглядъ, такая уступка общественному мнѣнію и нелогична и безполезна. Я искренне уважаю графа Дмитрія Андреевича за добрыя намѣренія и за многое имъ сдѣланное для русскаго просвѣщенія (громадное увеличеніе числа учебныхъ заведеній и усовершенствованіе ихъ строя), но не считалъ бы его человѣкомъ идущимъ противъ теченія. Напротивъ того, если не активно и по убѣжденію, то пассивно, по нерѣшительности, графъ Толстой не принималъ никакихъ дѣятельныхъ мѣръ противъ распущенности нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Въ нихъ господствовали въ средѣ учащихся своеволіе и разнузданность, чуть не открытая пропаганда анархіи. Поэтому, если было основаніе сѣтовать на графа Толстого, то скорѣе за его индифферентизмъ къ установившимся въ учебныхъ заведеніяхъ порядкамъ.

Изъ Петербурга я выѣхалъ въ концѣ страстной недѣли, напутствуемый предписаніями и совѣтами министра по дѣламъ Сибирскаго университета. Возвратившись въ Казань 17 апрѣля (къ Пасхѣ), я на другой же день прочиталъ въ телеграммахъ, что министръ народнаго просвѣщенія графъ Толстой высочайше освобожденъ отъ занимаемой имъ должности, а на мѣсто его назначенъ управляющій министерствомъ бывшій попечитель дерптскаго учебнаго округа тайный совѣтникъ Андрей Александровичъ Сабуровъ.

Въ скоромъ времени вышелъ изъ министерства и князь Александръ Прохоровичъ. На мѣсто его товарищемъ министра назначенъ Павелъ Алексѣевичъ Марковъ. А. А. Сабурова я немного зналъ раньше, когда онъ былъ предсѣдателемъ Петербургскаго окружнаго суда, гдѣ

мнѣ нерѣдко приходилось бывать въ качествѣ эксперта, или присяжнаго засѣдателя; потомъ въ 1875 году я встрѣтился съ нимъ въ Дерптѣ во время пребыванія тамъ нашей университетской коммиссіи. Въ то время онъ только-что былъ назначенъ попечителемъ округа. П. А. Маркова я ни разу до того времени не встрѣчалъ.

Тотчасъ послѣ Пасхи у меня начинались въ Казани выпускные экзамены, а 14 мая я долженъ былъ уже выѣхать въ Томскъ, чтобы по расчету попасть въ Тюмени на первый пароходъ. Поэтому у меня не оставалось времени еще разъ побывать этою весной въ Петербургѣ, чтобы представиться новому министерству и, можетъ быть, получить отъ него какія-либо новыя указанія относительно порученныхъ мнѣ обязанностей по Сибирскому университету. Съ графомъ Толстымъ и кн. Ширинскимъ я былъ въ курсѣ дѣла, зналъ ихъ возрѣнія и свои полномочія, не всегда даже оформленныя на бумагѣ. Для Сабурова же это дѣло было совершенно новое. Я даже не былъ увѣренъ, сочувствуетъ ли онъ ему, или нѣтъ, такъ какъ на Сибирскій университетъ въ то время многіе смотрѣли, какъ на праздную и безполезную затѣю. При такихъ-то неблагопріятныхъ условіяхъ мнѣ предстояло въ первый разъ отправиться въ Томскъ, не зная, что я встрѣчу тамъ, и что услышу, при возвращеніи, въ Петербургѣ. Много разъ при этомъ я благодарилъ судьбу, что при дѣлаемыхъ мнѣ раньше предложеніяхъ переселиться въ Томскъ я не соглашался оставить службы въ Казанскомъ университетѣ. Иначе я снова оказался бы въ крайне неопредѣленномъ положеніи,—гораздо худшемъ, чѣмъ въ 1875 году, послѣ моего выхода изъ военно-медицинской академіи. Такъ или иначе, но теперь у меня въ Казани есть прочная осѣдлость, которой я могу вполнѣ удовлетвориться въ томъ случаѣ, если бы вопросъ о Сибирскомъ университетѣ снова заглохъ или былъ бы отложенъ, по пословицѣ, въ долгій ящикъ.

Въ августовской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ за 1894 годъ, напечатана статья Б. Б. Глинскаго подъ заглавіемъ: Николай Михайловичъ Ядринцевъ (Біографическій очеркъ). Въ этой статьѣ, на стр. 425, сказано: „По иниціативѣ этого молодого дѣятеля было тогда же (въ 1863 году въ Омскѣ) основано общество для собиранія пожертвованій на мѣстный университетъ и, благодаря энергичной проповѣди Ядринцева и общему сочувствію остальныхъ сибиряковъ, средства въ концѣ концовъ скопились на этотъ предметъ очень значительныя, такъ что получилась фактическая возможность въ 1888 г. привести задачу въ исполненіе. Съ момента появленія на публичной каѳедрѣ въ Омскѣ [1]) и до послѣдняго своего воздыханія Н. М. яв-

[1]) Публичная лекція въ 1863 г. въ Омскѣ въ пользу школы солдатскихъ дѣтей на тему о необходимости университета въ Сибири.

лялся самымъ горячимъ проповѣдникомъ университетской идеи въ Сибири. Онъ первый, послѣ Сперанскаго, началъ пропагандировать эту идею, ее проводилъ онъ красною нитью во всѣхъ своихъ статьяхъ, каково бы ни было ихъ содержаніе, онъ за нее представительствовалъ передъ мѣстной и столичной администраціей, онъ собралъ на основаніе университета громадныя суммы, онъ привѣтствовалъ его возникновеніе и о немъ онъ говорилъ еще въ наши дни"... „Ратуя всю свою жизнь за необходимость высшаго разсадника просвѣщенія на востокѣ, Николай Михайловичъ *органически связалъ свое имя съ Томскимъ университетомъ, явившись его создателемъ и пророкомъ* [1]".

Я не имѣю честь знать г. Глинскаго и не могу даже гадательно предположить, откуда онъ взялъ такія несправедливыя свѣдѣнія и сужденія. Но я считаю своею обязанностью объяснить, что вся вышеприведенная выписка совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Находясь въ наиболѣе близкихъ отношеніяхъ къ Томскому университету съ 1875 года, я могу засвидѣтельствовать: 1) что никакого общества, по крайней мѣрѣ, гласнаго и разрѣшеннаго, для собиранія пожертвованій на мѣстный университетъ никогда не существовало; никогда ни одной копѣйки отъ г. Ядринцева, или черезъ его руки, на устройство Томскаго университета не поступало; 3) объ его „энергической проповѣди", призывающей сибиряковъ къ пожертвованіямъ на Томскій университетъ, мнѣ ничего не извѣстно; 4) ни о какомъ „предстательствѣ" предъ мѣстной, а тѣмъ болѣе столичной администраціей по вопросамъ о Сибирскомъ университетѣ не могло быть и рѣчи, такъ какъ Николай Михайловичъ по своему положенію не имѣлъ къ этому дѣлу ровно никакого отношенія. Отсюда слѣдуетъ, что г. Глинскій не имѣлъ никакого основанія сказать, что „Н. М. Ядринцевъ органически связалъ свое имя съ Томскимъ университетомъ, явившись его создателемъ (?) и пророкомъ (?)".

Любопытно было бы уяснить себѣ, откуда взялись у почитателей г. Ядринцева такія преувеличенныя, или даже совсѣмъ ложныя понятія объ его отношеніяхъ къ Томскому университету? Нѣтъ дыма безъ огня, нѣтъ молвы безъ какой-нибудь фактической подкладки. Въ данномъ случаѣ дѣло, по моему мнѣнію, объясняется тѣмъ, что мечты принимались за дѣйствительность, желанія и предположенія— за совершившійся фактъ. Это можно видѣть изъ нижеслѣдующаго.

Въ декабрѣ 1863 года, когда Н. М. Ядринцевъ находился въ Омскѣ, былъ устроенъ литературный вечеръ въ пользу школы казачьихъ дѣтей. На этомъ вечерѣ, въ числѣ другихъ лицъ, Николай

[1]) Курсивъ въ этой выпискѣ мой.

Михайловичъ прочелъ замѣтку о необходимости въ Сибири собственнаго университета [1]). Въ числѣ мотивовъ для его учрежденія юный авторъ, между прочимъ, приводитъ слѣдующее: „Наше (т. е. сибирское) общество, выдѣляя даровитыя личности, не получаетъ отъ нихъ никакой пользы для своего края. Воспитываясь по разнымъ (русскимъ) университетамъ, будучи разъединенными, они не пропитываются общимъ духомъ любви къ родинѣ (т. е. къ Сибири), не вырабатываютъ никакихъ самобытныхъ идей въ интересахъ своего края и остаются космополитами, чуждыми своей землѣ, чуждыми своему народу. Думали ли мы, господа, объ этихъ потерянныхъ, лучшихъ силахъ земли нашей?“ Подъ выраженіями: своя земля, наша земля, свой народъ— здѣсь разумѣлось не общее русское отечество, а именно Сибирь, которую г. Ядринцевъ, вслѣдствіе юношескаго увлеченія, или непониманія (ему было тогда всего 21 годъ), представлялъ чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ Россіи, государствомъ въ государствѣ. Съ этой точки зрѣнія ему казались космополитами всѣ тѣ образованные сибиряки, которые потомъ основали свою дѣятельность въ Европейской Россіи, въ числѣ которыхъ онъ называетъ Д. Ив. Менделѣева, Щапова, проф. Казанскаго университета Чугунова и Корсака. Эта нелѣпая мысль, вскорѣ доведшая незрѣлаго автора до тюрьмы и ссылки за химерическій проектъ отдѣленія Сибири отъ Россіи, была положена въ основу доказательствъ необходимости для Сибири собственнаго университета. Далѣе авторъ, идеализируя сибирское общество, высказываетъ желаніе и надежду, что оно можетъ создать университетъ своими средствами. Онъ говоритъ: „Сочувствіе Сибирскому университету до сихъ поръ обнаруживалось только личными порывами. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ енисейскимъ капиталистомъ Кузнецовымъ пожертвованъ капиталъ на учрежденіе Сибирскаго университета; недавно г. Сибиряковъ (Михаилъ Константиновичъ) предложилъ пожертвовать золотосодержащія площади въ пользу того же“. Автору эти свѣдѣнія представляются осуществленными фактами, тогда какъ на самомъ дѣлѣ это были лишь проекты и обѣщанія, до сихъ поръ неисполненные. Но г. Ядринцевъ мечталъ не объ единичныхъ вкладахъ, а о средствахъ, которыя можно было бы собрать со всего народа, не только по городамъ общепринятыми способами (спектакли, концерты, лоттереи, подписки), но даже съ крестьянъ посредствомъ обложенія спеціальнымъ для того налогомъ. Съ этою цѣлію онъ проектируетъ образовать „Общество учрежденія Сибирскаго университета“ съ многочисленными комитетами по всѣмъ городамъ и намѣчаетъ общія

---

[1]) Замѣтка эта была потомъ напечатана въ „Томскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ за 1864 г. № 5, стр. 28—31.

черты дѣятельности этого частнаго или вольнаго общества. Автору казалось, что университетъ такое простое дѣло, что оно можетъ быть осуществлено сибирскимъ патріотизмомъ безъ матеріальнаго содѣйствія правительства.

Въ этой фантастической замѣткѣ, или, какъ говоритъ г. Глинскій, публичной лекціи юнаго мечтателя лежитъ первая канва слуховъ объ основаніи общества для собиранія пожертвованій на Сибирскій университетъ. Поклонники г. Ядринцева приняли эту мечту за чистую монету, потомъ дополнили ее своимъ воображеніемъ, будто бы, благодаря предполагаемому обществу, энергичной проповѣди Ядринцева и общему сочувствію сибиряковъ, накопились средства, которыя были нужны для постройки и открытія Томскаго университета. На самомъ же дѣлѣ проповѣдь г. Ядринцева въ 1863 г. не произвела ни малѣйшаго дѣйствія на денежныхъ сибиряковъ. Да врядъ ли кто-нибудь и зналъ о ней, кромѣ слушателей вышеупомянутаго литературнаго вечера, да редактора „Томскихъ Вѣдомостей". На призывъ проповѣдника не откликнулась ни одна душа. Зато молодая сибирская интеллигенція, раздѣлявшая идеалы Ядринцева, приняла къ свѣдѣнію его идею о теоретической возможности создать въ Сибири университетъ на мѣстныя средства, не обязываясь правительству.

Не находя этого въ дѣйствительности, сибирскіе патріоты стали культивировать эту идею въ устномъ преданіи и въ мѣстной прессѣ, стараясь доказать, что Томскій университетъ, главнымъ образомъ, обязанъ самимъ сибирякамъ.

Послѣ перваго заявленія г. Ядринцева въ Омскѣ въ 1863 г. прошло 12 лѣтъ. О Сибирскомъ университетѣ не было ни духу, ни слуху. Въ 1875 году, какъ мы уже говорили выше, послѣдовало высочайшее соизволеніе на учрежденіе сего университета вслѣдствіе представленія вновь назначеннаго въ Западную Сибирь генералъ-губернатора Казнакова. Въ это время Ядринцевъ былъ въ Петербургѣ и, зная мое участіе въ этомъ дѣлѣ, явился ко мнѣ съ проектомъ „Общества для основанія университета въ Сибири". Въ то время я ничего не зналъ ни о замѣткѣ, читанной Ядринцевымъ въ Омскѣ въ 1863 г., ни о самомъ авторѣ ея, теперь же вижу, что онъ продолжалъ носиться все съ той же мечтой. Копію съ проекта съ собственноручными помѣтками онъ вручилъ мнѣ съ просьбой дать мое мнѣніе и ознакомить съ этими бумагами графа Д. А. Толстого. Прочитавъ ихъ, я тотчасъ же сказалъ г. Ядринцеву, что проектъ его неумѣстенъ и неосуществимъ и что я считаю неудобнымъ говорить объ этомъ г. министру. На этомъ дѣло и остановилось. Копія проекта до сего времени сохраняется у меня въ портфелѣ.

Прошеніе г. министру и воззваніе къ жертвователямъ написано

г. Ядринцевымъ, а на проектѣ устава помѣчена фамилія Барановскаго. А такъ какъ г. Ядринцевъ въ то время не пользовался въ глазахъ правительства достаточнымъ цензомъ для подобныхъ петицій [1]), то въ главѣ просителей поставленъ былъ М. К. Сидоровъ. Примкнули ли къ этому проекту другіе, болѣе солидные сибиряки, живущіе въ столицѣ, я не знаю, но ни въ Москвѣ, ни въ сибирскихъ городахъ, сколько мнѣ извѣстно, объ этомъ не поднималось рѣчи.

Первые крупные вклады на Сибирскій университетъ (не считая Демидовскаго 1804 г.), какъ извѣстно, поступили въ 1875—77 годахъ отъ З. М. Цибульскаго и А. М. Сибирякова, затѣмъ отъ Томской городской думы и братьевъ Зензиновыхъ въ Москвѣ (въ 1878 г.). Заявленія объ этихъ пожертвованіяхъ, равно какъ и о послѣдующихъ (преимущественно на стипендіи), дѣлались непосредственно или въ министерство народнаго просвѣщенія, или въ строительный комитетъ по возведенію университетскихъ зданій. Иниціатива этихъ добрыхъ дѣлъ всецѣло принадлежала самимъ жертвователямъ. Г. Ядринцевъ ко всѣмъ подобнымъ случаямъ не имѣлъ ни малѣйшаго касательства.

Вслѣдъ за назначеніемъ Н. Г. Казнакова на генералъ-губернаторскій постъ, Ядринцеву, по рекомендаціи А. И. Деспота-Зеновича, дано было какое-то служебнее назначеніе въ Омскѣ, куда онъ въ скоромъ времени и переселился (въ 1876 г.). Изъ Омска въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ я получилъ отъ него не менѣе десятка писемъ, въ которыхъ онъ старается убѣдить меня въ неудобствѣ основанія университета въ этомъ городѣ, такъ сказать подъ крыломъ генералъ-губернатора. Кое-чѣмъ изъ этихъ данныхъ я воспользовался при разсмотрѣніи университетскаго вопроса въ вышеупомянутой коммиссіи, но болѣе точныя и цѣнныя свѣдѣнія изъ Омска мнѣ были доставлены медицинскимъ инспекторомъ М. Г. Соколовымъ.

---

[1]) Н. М. Ядринцевъ (родился въ 1845 г. въ Омскѣ) учился въ Томской гимназіи до 6-го класса, послѣ того, въ самый разгаръ университетскихъ смутъ, въ 1860—61 году числился вольнымъ слушателемъ въ Петербургскомъ университетѣ. Здѣсь на господствовавшихъ тогда студенческихъ сходкахъ, вечеринкахъ и земляческихъ кружкахъ онъ былъ вовлеченъ въ омутъ завиральныхъ идей того времени, за что пришлось ему не мало пострадать на своемъ вѣку. Сначала, въ 1862 г., онъ былъ высланъ изъ Петербурга на родину въ Омскъ, потомъ по дѣлу о химерическомъ отдѣленіи Сибири отъ Россіи онъ былъ заключенъ въ тюрьму, гдѣ провелъ около двухъ лѣтъ. Изъ тюрьмы его сослали на жительство въ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ Архангельской губерніи, кажется въ Шенкурскъ, гдѣ Н. М. провелъ не менѣе двухъ лѣтъ. Въ 1874—75 г. его прежніе грѣхи были отпущены, но все же прошлая репутація не соотвѣтствовала тому, чтобы Н. М. могъ выступить во главѣ проектируемаго общества для сбора пожертвованій на Сибирскій университетъ.

Съ 1878 по 1880 г. я не имѣлъ отъ Н. М. Ядринцева ни писемъ, ни свѣдѣній. При закладкѣ Сибирскаго университета (26 августа 1880 г.) онъ не присутствовалъ и не прислалъ никакого привѣтствія, находясь въ это время въ Алтайской экспедиціи. Отъ 22 октября этого года онъ писалъ мнѣ въ Казань: „Собранныя мною (во время экспедиціи) коллекціи, конечно, составятъ достояніе музеевъ университета, если пригодятся. Кромѣ того, я заинтересовываю пожертвованіями разныхъ частныхъ лицъ. Въ Самарѣ я уговорилъ одно лицо пожертвовать богатую коллекцію оттисковъ растеній каменоугольной фармаціи и окаменѣлыхъ раковинъ, а также коллекцію древнихъ жетоновъ. Кромѣ того, у меня есть мысль составить для Сибирскаго университета два альбома: археологическій, со снимками предметовъ древностей, находимыхъ въ Сибири, и альбомъ этнографическій, типовъ и видовъ сибирскихъ, включая, конечно, и инородцевъ. Мысль эту начинаю осуществлять“. Эти обѣщанія, вѣроятно, получили другое назначеніе, такъ какъ Томскій университетъ ни во время его постройки, ни въ послѣдующее время не получалъ отъ Н. М. ни коллекцій, ни жетоновъ, ни альбомовъ.

Поводомъ къ этому письму Н. М. было его личное дѣло. Оно состояло въ слѣдующемъ: „у меня была давнишняя мечта, писалъ онъ, создать научно-литературный органъ въ Томскѣ, какъ будущемъ университетскомъ городѣ. Хотя я зналъ, что газету создаетъ Макушинъ, но газета, при настоящихъ условіяхъ цензуры, не входила въ мои планы. Моя мысль посвятить изданіе изслѣдованію Сибири по географіи, этнографіи, исторіи, археологіи и статистикѣ Сибири. Здѣсь могутъ стекаться всѣ научные вклады и вмѣстѣ съ тѣмъ это изданіе должно быть удобочитаемымъ и занимательнымъ для публики, безъ чего оно, конечно, можетъ остаться изданіемъ архивнымъ. Обстоятельствамъ угодно было подвинуть осуществленіе этого дѣла. Иркутскіе издатели, оканчивая дѣло съ газетою „Сибирь“ по неблагопріятному отношенію къ нимъ въ Иркутскѣ, рѣшились передать его мнѣ со всѣми наличными средствами.

„Органъ этотъ съ широкою программою по научнымъ отдѣламъ можетъ быть изъ еженедѣльнаго превращенъ въ какой угодно. Важно получить теперь право изданія мнѣ, чтобы сосредоточить средства и завоевать почву. Вотъ моя новость, которую я тороплюсь довести до вашего свѣдѣнія, надѣясь на ваше содѣйствіе и сочувствіе. Теперь, когда идутъ дѣятельныя приготовленія въ Томскѣ къ созданію учрежденія, около котораго будетъ группироваться жизнь страны, пора и мнѣ найти себѣ солидный трудъ на пользу нашей родины“.

По поводу этого предположенія я откровенно отвѣтилъ, что, познакомившись съ составомъ томской интеллигенціи, нахожу подобное

предпріятіе преждевременнымъ и едва-ли посильнымъ. Если имѣется въ виду создать научный органъ, то полезнѣе было бы обождать съ этимъ вопросомъ до открытія университета и тогда, смотря по обстоятельствамъ, или примкнуть его къ университетскимъ изданіямъ, или, по крайней мѣрѣ, воспользоваться университетскими силами. На этомъ дѣло и остановилось.

Въ слѣдующемъ 1881 г. Н. М. Ядринцевъ оставилъ омскую службу и переселился въ Петербургъ, повидимому не оставляя мечты объ основаніи литературнаго органа. Въ 1882 г. онъ дѣйствительно получаетъ разрѣшеніе на изданіе въ Петербургѣ еженедѣльной газеты „Восточное Обозрѣніе“. Нельзя сказать, чтобы въ этомъ народившемся органѣ нашъ строительный комитетъ пользовался особымъ расположеніемъ. Напротивъ того, томскіе сотрудники его и корреспонденты, настроенные на извѣстный отрицательный ладъ, старались во всемъ находить темныя стороны. Не понимая дѣла, они критиковали и планы, и систему университетскихъ построекъ. Я до сихъ поръ не понимаю такого озлобленнаго направленія нашей мелкой прессы: порицать все, что выходитъ не изъ ихъ лагеря. Въ данномъ случаѣ, нападки можно было объяснять личнымъ нерасположеніемъ редакціи къ предсѣдателю комитета, томскому губернатору В. И. Мерцалову. Обиженный статьями „Восточнаго Обозрѣнія“, онъ написалъ министру внутреннихъ дѣлъ, графу Толстому, жалобу, вслѣдствіе чего газетѣ было дано предостереженіе.

По этому случаю я снова получаю отъ Н. М. Ядринцева, отъ 29 октября 1882 г., слѣдующее письмо: „Вчера мною получено первое предостереженіе, смыслъ котораго вы прочтете въ газетахъ. Это не дѣло министерства, а дѣло доносовъ В. И. Мерцалова по университетскому вопросу... У меня нѣтъ средствъ и возможности заявить министру, графу Толстому, что у меня искреннее стремленіе служить родинѣ и что я не руководствуюсь личными антипатіями и интригами. Я боюсь, что эти жалобы подѣйствуютъ на графа. Если вы можете быть полезны, если можете сказать доброе слово за газету, за ея поведеніе въ университетскомъ вопросѣ и за меня, какъ редактора, не откажите и напишите мнѣ письмо, съ которымъ бы я могъ явиться къ графу. Я ручаюсь за хорошее впечатлѣніе“. Я не раздѣлялъ такого мнѣнія редактора и письма ему не написалъ. Съ тѣхъ поръ наша переписка совсѣмъ прекратилась. Н. М. изрѣдка продолжалъ напоминать о себѣ только въ газетныхъ статьяхъ, тонъ которыхъ былъ далеко не сочувственный строющемуся университету. Даже при самомъ открытіи университета въ 1888 году редакція „Восточнаго Обозрѣнія“ (къ этому времени переселившаяся въ Иркутскъ) привѣтствовала это радостное событіе сдержанно и холодно, точно разоча-

ровавшись въ своихъ надеждахъ. Дальнѣйшее поведеніе этой газеты было уже явно враждебное, если не ко всему университету, то ко мнѣ лично и къ тѣмъ его представителямъ, которые направляли его начинающуюся жизнь не по рецепту „Восточнаго Обозрѣнія.“

Вотъ истинныя черты отношеній Н. М. Ядринцева и его кружка къ созидавшемуся и открытому разсаднику высшаго просвѣщенія въ Сибири. Вспоминая все это, я долженъ сказать, что покойный сибирскій публицистъ и мѣстный патріотъ въ былое время дѣйствительно увлекался идеей Сибирскаго университета, но его увлеченіе имѣло своеобразный характеръ. Университетъ рисовался ему съ побочной стороны, съ точки зрѣнія вольнаго слушателя 60-хъ годовъ, въ ореолѣ порядковъ того времени. Юношескія мечты, думы и привычки часто оставляютъ глубокій слѣдъ на цѣлую жизнь. Разъ созданные, излюбленные, хотя и фантастическіе, образы нерѣдко представляются людямъ впечатлительнымъ и страннымъ, какъ реальные, осуществившіеся факты. Эта, своего рода, галлюцинація, повидимому, имѣла мѣсто при сужденіяхъ кружка Ядринцева о Сибирскомъ университетѣ, какъ во время его созиданія, такъ и въ первый періодъ его жизни. Иначе я не могу объяснить себѣ настойчиваго, продолжающагося чуть не двадцать лѣтъ увѣренія сибирской прессы, будто бы Томскій университетъ съ его громадными и богатыми научными коллекціями созданъ только усиліями и жертвами сибиряковъ, какъ результатъ ихъ патріотическаго порыва. Эта басня, повторяемая на разные лады, продолжаетъ оповѣщаться до сего времени вопреки очевидной дѣйствительности.

Такой миражъ созданъ воображеніемъ Ядринцева. Вспомнимъ его чтеніе на литературномъ вечерѣ въ Омскѣ въ 1863 г., когда онъ мечталъ собирать по частному почину народныя средства на постройку и содержаніе Сибирскаго университета; вспомнимъ его узкій сибирскій патріотизмъ, его юношескія фантазіи о взаимныхъ отношеніяхъ между Россіей и Сибирью, и мы поймемъ, что въ его воображеніи рисовался Сибирскій университетъ не какъ русское государственное учрежденіе, а какъ народное и при томъ спеціально сибирское дѣло. На какія средства создавался Сибирскій университетъ, это мы увидимъ ниже, но и здѣсь считаемъ не излишнимъ повторить, что, за исключеніемъ З. М. Цибульскаго и А. М. Сибирякова, сибирское общество принимало наименьшее участіе въ осуществленіи и обогащеніи этого государственнаго учрежденія, по крайней мѣрѣ въ періодъ его постройки и въ первые годы послѣ его открытія. Иначе и быть не могло. Кто хорошо знаетъ складъ сибирскаго городскаго общества, тотъ пойметъ, насколько оно чуждо идейнаго увлеченія высшимъ просвѣщеніемъ своей страны. Это я говорю не въ укоръ сибирскому обществу. И прочіе русскіе университеты созидались при

такихъ же условіяхъ. Откликъ на подобныя предпріятія обыкновенно является у немногихъ отдѣльныхъ личностей, масса же населенія обыкновенно ограничивается только платоническимъ сочувствіемъ доброму дѣлу. И за то спасибо.

Прочитавъ въ вышеупомянутомъ некрологѣ Н. М. Ядринцева невѣрныя сужденія объ его отношеніяхъ къ Томскому университету, я не обратилъ бы на это вниманіе, если бы подобные тенденціозные взгляды не повторялись уже много разъ въ сибирской прессѣ. Оставаясь безъ объясненій и опроверженій, они въ концѣ-концовъ пріучили бы сибирскую публику вѣрить этимъ баснямъ. Въ послѣдніе годы то же стали печатать и въ столичныхъ газетахъ. Такъ, напр., въ 310 номерѣ газеты „Русская жизнь“ (15-го ноября 1892 г.) была напечатана корреспонденція изъ Томска, гдѣ въ началѣ статьи сказано: „при первой вѣсти о Сибирскомъ университетѣ болѣе полумилліона рублей частныхъ пожертвованій стеклось тотчасъ же и это дало возможность начать постройку“. На самомъ дѣлѣ постройка университетскихъ зданій производилась, главнѣйшимъ образомъ, на средства государственнаго казначейства, а не на частныя пожертвованія сибиряковъ. Изъ общей суммы 975 тысячъ рублей, израсходованныхъ на это (со включеніемъ зданія клиникъ), на долю казны приходится 612 т. руб., а на частныя пожертвованія 362.923 руб. При томъ эта послѣдняя сумма составилась, главнымъ образомъ, изъ двухъ крупныхъ пожертвованій: одно изъ нихъ въ 182 тысячи принадлежитъ Павлу Григорьевичу Демидову (не сибиряку), другое Захару Михайловичу Цибульскому, 140 тысячъ [1]). Остальные вклады на постройку университета выразились скромными цифрами. Самый крупный изъ нихъ, 25 т. руб., принадлежитъ Томской городской думѣ, 10 т. руб.—г. Трапезникову (живущему въ Москвѣ), 3.000 руб.,—барнаульскому купцу Сухову, 2.500 руб.—Собашникову, 1.000 руб.—бійскому купцу Соколову, 1.000 руб.—Нѣмчинову, 1.000 руб.—Кулакову; при закладкѣ университета пожертвовано городскими обществами Барнаульскимъ, Бійскимъ, Семипалатинскимъ и Минусинскимъ по 1.000 руб., остальное выражается сотнями рублей.

Та же тенденціозная недомолвка видна и въ дальнѣйшихъ выраженіяхъ статьи: „Множество библіотекъ поступило въ распоряженіе Томскаго университета, какъ и частныхъ коллекцій“. Здѣсь, очевидно, съ умысломъ, не упомянуто, откуда поступили эти библіотеки и коллекціи, такъ какъ подробныя свѣдѣнія объ этомъ были не безъизвѣстны томичамъ изъ напечатанныхъ мною ко дню открытія универ-

[1]) Изъ этой суммы 6 т. руб. было заплачено за составленіе плановъ Сибирскаго университета архитекторамъ Брунп и Жиберу и 4.000 руб. выдано на путевое пособіе строителямъ университета Арнольду и Нарановичу.

ситета и клиникъ двухъ историческихъ записокъ. Наша библіотека и музеи дѣйствительно обладали замѣчательными сокровищами еще до открытія университета, но всѣ они поступили изъ Европейской Россіи, преимущественно изъ Петербурга, Москвы и Казани, благодаря моему старанію. Сибирь въ этомъ отношеніи не могла дать ничего цѣннаго, потому что сама ничего не имѣла. Исключеніе здѣсь составляютъ только минералогическія коллекціи горнаго инженера Иванова, бывшаго начальника Змѣевскаго рудника на Алтаѣ, и коллекція, собранная въ Восточной и Западной Сибири горными инженерами, пріобрѣтенная на средства З. М. Цибульскаго.

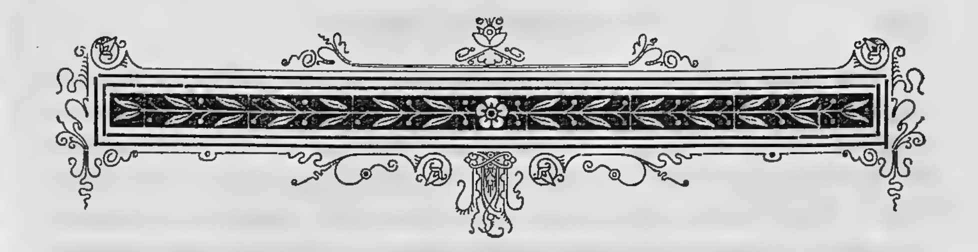
Сравнительно охотнѣе сибиряки жертвовали на стипендіи, но и эти суммы стали замѣтно возрастать только послѣ открытія университета. До 1888 года Томскій университетъ располагалъ слѣдующими стипендіальными капиталами: 1) капиталъ въ 21.730 руб. (считая въ томъ числѣ и приростъ процентами) имени графа Н. П. Игнатьева, собранный въ 1879 году нижегородскимъ ярмарочнымъ купечествомъ; 2) 7.297 руб., собранные ирбитскимъ ярмарочнымъ купечествомъ на стипендіи полковника Е. Б. Богдановича; 3) 7.232 р., пожертвованные Тобольскимъ городскимъ обществомъ на стипендію въ Бозѣ почившаго государя Александра II; 4) 6.037 руб., собранные проживающими въ Москвѣ сибиряками въ 1881 г. въ память трехсотлѣтія завоеванія Сибири; 5) 10 т. руб., пожертвованные на стипендіи братьями Зензиновыми, живущими въ Москвѣ; 6) Ип. Мих. Сибиряковъ пожертвовалъ 6.570 руб. на стипендіи имени Кладищевой; 7) 25.317 руб., пожертвованные на стипендіи З. М. Цибульскимъ; 8) жителями Томской губерніи собрано на стипендіи по подпискѣ 3.828 руб., и 9) Фельдшеромъ Васильевымъ завѣщано на тотъ же предметъ 2.248 руб. [1]).

Изъ приведенныхъ свѣдѣній видно, что даже стипендіальные капиталы въ большинствѣ случаевъ собирались до открытія университета внѣ Сибири, преимущественно по иниціативѣ просвѣщенныхъ москвичей.

Какая была цѣль у сибирской прессы упорно искажать всѣ факты, относящіеся къ Томскому университету, объ этомъ я не буду высказывать никакихъ предположеній. Можетъ быть со временемъ сама жизнь дастъ на это отвѣтъ, ибо думается мнѣ, что литературныя стрѣлы заготовлялись не для борьбы съ покойнымъ строительнымъ комитетомъ и въ частности лично со мною, а для вооруженія грядущихъ поколѣній учащихся сибиряковъ, призванныхъ культивировать темныя сибирскія дебри.

---

[1]) Всѣ перечисленные капиталы показаны съ наросшими на нихъ по 1-е іюля 1888 г. процентами.

Записки княгини Дашковой [1]).

Письмо княгини Дашковой, посвященное миссъ Уильмотъ.

Приступая къ описанію своей жизни, я удовлетворяю вашему желанію, мой молодой и любезный другъ. Передъ вами картина жизни безпокойной и бурной, или, точнѣе говоря, печальной и обремененной затаенными отъ міра тревогами сердца, которыхъ не могли побѣдить ни гордость, ни мужество. Въ этомъ отношеніи я могу назвать себя мученикомъ принужденія; я говорю мученикомъ, потому что скрывать свои чувства и казаться въ ложномъ свѣтѣ—всегда было противно и невыносимо тяжело для моей природы.

Уже давно мои друзья и родственники требовали отъ меня тотъ трудъ, который теперь посвящаю вамъ. Я отклонила всѣ ихъ просьбы, но не могу отказать вамъ. И такъ, примите исторію моей жизни, грустную исторію, изъ которой легко было бы составить увлекательный романъ. Она съ вашимъ именемъ явится въ свѣтъ. Я писала ее безъ приготовленій такъ, какъ я говорю, и съ полной откровенностью, устоявшей противъ всѣхъ горькихъ уроковъ опыта. Правда, я прошла молчаніемъ или только слегка коснулась тѣхъ душевныхъ потрясеній, которыя были слѣдствіемъ неблагодарности людей, обманувшихъ мою безграничную довѣренность имъ. Это единственные факты, обойденные мной; одно воспоминаніе о нихъ еще доселѣ приводитъ меня въ трепетъ.

---

[1]) Приступивъ нынѣ къ печатанію настоящихъ „Записокъ", которыя, по прежнимъ цензурнымъ условіямъ, не могли быть изданы въ Россіи, мы, вслѣдъ за окончаніемъ ихъ, приступимъ къ печатанію другихъ не менѣе интересныхъ „Записокъ императрицы Екатерины II".

Изъ моего разсказа будетъ видно, какъ опасно плыть на одномъ кораблѣ съ „великими міра сего“, и какъ придворная атмосфера душитъ развитіе самыхъ энергическихъ натуръ; за всѣмъ тѣмъ, совѣсть, свободная отъ упрека, можетъ дать намъ достаточно силъ, чтобы обезоружить твердостью души свирѣпость тиранна и спокойно перенести самыя несправедливыя гоненія. Здѣсь же мы найдемъ примѣръ, какъ зависть и ея вѣрная подруга—клевета, преслѣдуютъ насъ на извѣстной степени славы.

Когда уже было мнѣ шестьдесятъ лѣтъ, когда я вынесла много несчастій, болѣзней, жестокое изгнаніе и, въ уединеніи, посвятила себя благу своихъ крестьянъ, мой взоръ въ первый разъ обратился къ прошедшему, и я увидѣла всю ложь и пристрастныя обвиненія, распространенныя нѣкоторыми французскими писателями противъ Катерины „большой“; но съ тѣмъ вмѣстѣ, они не щадили, по дорогѣ, своего злословія и ея друга, Катерину маленькую. Въ этихъ памфлетахъ ваша Дашкова очернена всѣми пороками, совершенно чуждыми ея характеру; у однихъ она является женщиной самаго преступнаго честолюбія, у другихъ—грубой развратницей.

Послѣ этого легко понять, что самая нравственная жизнь, проведенная большею частью вдали отъ свѣта, чему немногіе умѣютъ дать настоящую цѣну, тѣмъ меньше завидовать ей, и эта жизнь не могла укрыться отъ пера злонамѣреннаго памфлетиста. Хотя Екатерина II жалѣла и искала средствъ противъ зла, внесеннаго во Францію мистиками и философами - самозванцами, хотя они боялись могущества великой и страшной царицы; но, вѣроятно, они думали отмстить за себя, съ озлобленіемъ нападая на женщину, не имѣвшую вліянія на правленіе, и старались отнять у нея то, что для нея всего дороже—чистую репутацію.

Такова, впрочемъ, была моя горькая участь: когда судьба лишила меня нашей образованной государыни, когда я не могу больше пользоваться ея личнымъ расположеніемъ или радоваться счастью страны, управляемой ею, враги ея принесли меня на жертву ѣдкой клеветы.

Но, конечно, и это зло, какъ и все въ мірѣ, пройдетъ. Поэтому позвольте лучше поговорить съ вами, мой милый и юный другъ, о томъ, что ближе къ намъ, о нашей взаимной и нѣжной дружбѣ; я невыразимо глубоко чувствую вашу довѣренность ко мнѣ; и вы не могли лучше доказать ее, какъ, покинувъ семейство и родину, чтобы посѣтить меня здѣсь и утѣшить своимъ присутствіемъ старую женщину на закатѣ дней ея, которая, справедливо, можетъ похвалиться однимъ достоинствомъ, что она не прожила ни одного дня только для себя самой.

Нужно ли говорить о томъ, какъ дорого для меня ваше присутствіе, какъ я уважаю и удивляюсь вашимъ талантамъ, вашей скром-

ности, вашей врожденной веселости, соединенной съ чистыми побужденіями вашей жизни. Нѣтъ надобности говорить о томъ, какъ вы облегчили, освѣжили мое существованіе. И гдѣ я возьму выраженій, способныхъ вѣрно передать эти впечатлѣнія? Поэтому я ограничусь однимъ простымъ увѣреніемъ, что я уважаю, люблю и удивляюсь вамъ, со всей силой любящаго сердца; вы его знаете и повѣрите, что эти чувства только прекратятся съ послѣднимъ вздохомъ вашего искренняго друга.

Княгиня Дашкова.

Троицкое, 27 октября 1805 г.

I.

Я родилась въ Петербургѣ, въ 1744 г., около того времени, когда императрица Елизавета возвратилась изъ Москвы, послѣ своей коронаціи. Государыня восприняла меня отъ купели, а племянникъ ея, великій князь, впослѣдствіи императоръ Петръ III, былъ моимъ крестнымъ отцомъ. Эту честь я могла бы приписать женитьбѣ моего дяди, канцлера, на двоюродной сестрѣ Елисаветы, но я больше обязана этимъ чувству дружбы ея къ моей матери, которая во время прежняго царствованія великодушно и, нельзя не прибавить, очень деликатно помогала великой княгинѣ деньгами; а она часто нуждалась въ нихъ, потому что сорила ихъ много, а получала мало.

Я имѣла несчастіе потерять свою мать на второмъ году своего возраста; и узнала о ея прекрасныхъ качествахъ только отъ тѣхъ друзей и лицъ, которые съ чувствомъ признательности вспоминали о ней.

Во время этого событія я находилась у своей бабушки въ одной изъ ея богатыхъ деревень. Съ трудомъ она разставалась со мной, когда я была по четвертому году, чтобы отдать меня на воспитаніе въ менѣе ласковыя руки. Впрочемъ, мой дядя, канцлеръ, вырвалъ меня изъ теплыхъ объятій этой доброй старухи и сталъ воспитывать вмѣстѣ съ своей единственной дочерью, потомъ графиней Строгановой. У насъ были одни учители, однѣ комнаты, одна одежда. Всѣ внѣшнія обстоятельства, казалось, должны были образовать изъ насъ совершенно одинаковыя существа; и при всемъ томъ, во всѣ періоды нашей жизни, между нами не было ничего общаго: эту черту не мѣшаетъ, между прочимъ, замѣтить тѣмъ педагогамъ, которые обобщаютъ системы воспитанія и методически предписываютъ правила относительно столь важнаго предмета, доселѣ, впрочемъ, худо поня-

таго; и, если принять во вниманіе разнообразіе и глубину этого вопроса, то едва-ли можно втиснуть его въ одну общую теорію.

Я не стану распространяться о фамиліи своего отца. Древность ея и блистательныя заслуги моихъ предковъ ставятъ имя Воронцовыхъ на такомъ видномъ мѣстѣ, что моей родовой гордости нечего больше желать въ этомъ отношеніи. Графъ Романъ, отецъ мой, второй братъ канцлера, былъ человѣкъ разгульный и въ молодости лишился моей матери. Онъ мало занимался своими дѣлами, и потому тоже охотно передалъ меня дядѣ, какъ этотъ добрый родичъ, признательный къ моей матери и любившій своего брата, съ удовольствіемъ меня принялъ.

У меня были двѣ сестры, старшая Марія, послѣ замужества графиня Бутурлина, вторая Елизавета, впослѣдствіи Полянская; онѣ скоро были замѣчены императрицей и еще въ дѣтствѣ назначены фрейлинами, жившими при дворѣ. Александръ, мой старшій братъ, безотлучно находился съ отцомъ, и я только его одного знала съ младенчества: мы имѣли случай часто видѣться, и такимъ образомъ между нами съ ранней поры возникла привязанность, которая съ годами обратилась въ взаимное довѣріе и дружбу, до настоящей минуты сохраненную. Мой младшій братъ, Семенъ, жилъ въ деревнѣ съ своимъ дѣдушкой, и я рѣдко видѣла его, даже по возвращеніи его въ городъ. Сестеръ своихъ я еще рѣже встрѣчала. Останавливаюсь на этихъ обстоятельствахъ, потому что они, въ нѣкоторомъ отношеніи, имѣли вліяніе на мой характеръ.

Мой дядя ничего не щадилъ, чтобъ дать намъ лучшихъ учителей, и, согласно съ тѣмъ временемъ, мы были воспитаны превосходно. Насъ учили четыремъ языкамъ, и по-французски мы говорили свободно; государственный секретарь преподавалъ намъ итальянскій языкъ, а Бехтеевъ давалъ намъ уроки русскаго, какъ мы плохо ни занимались имъ. Въ танцахъ мы оказали большіе успѣхи, и нѣсколько умѣли рисовать.

Съ такими претензіями и наружнымъ свѣтскимъ лоскомъ, кто могъ упрекнуть наше воспитаніе въ недостаткахъ? Но что было сдѣлано для образованія характера и умственнаго развитія? Ровно ничего: дядя не имѣлъ времени, а тетка—ни способности, ни призванія.

Я по природѣ была гордой, и эта гордость соединялась съ какой-то необыкновенной чувствительностью и мягкостью сердца; потому, однимъ изъ пламенныхъ моихъ стремленій было желаніе быть любимой всѣми, кто окружалъ меня, и при томъ такъ же искренно, какъ я любила ихъ. Это чувство, когда мнѣ исполнилось тринадцать лѣтъ, до такой степени укоренилось во мнѣ, что, заискивая расположенія тѣхъ людей, которымъ мое юношеское и восторженное сердце было горячо пре-

дано, вообразила, что я не могу найти ни взаимнаго сочувствія, ни отвѣта на свою любовь: вслѣдствіе этого я скоро разочаровалась и считала себя одинокимъ существомъ.

Въ такомъ странномъ настроеніи духа, мое разочарованіе въ дружбѣ послужило на пользу моему воспитанію, по крайней мѣрѣ, въ той мѣрѣ, въ какой это было необходимо развитію моего разсудка. Около этого времени я заболѣла корью; по силѣ указа, изданнаго по этому случаю, было запрещено всякое сношеніе съ дворомъ тѣхъ семействъ, которые страдали оспой, изъ опасенія заразить великаго князя, Павла. Едва показались первые симптомы моей болѣзни, меня послали, за семьдесятъ верстъ отъ Петербурга, въ деревню.

Во время этого случайнаго изгнанія, я находилась подъ надзоромъ одной нѣмки, жены русскаго маіора. Эти люди, одинаково холодные, не вызвали во мнѣ никакого юношескаго расположенія къ себѣ. Я не питала къ нимъ ни малѣйшей симпатіи, и когда болѣзнь ослабила мое зрѣніе, я лишилась послѣдняго утѣшенія—читать книги. Моя первоначальная рѣзвость и веселость уступили мѣсто глубокой меланхоліи и мрачнымъ размышленіямъ о всемъ, что окружало меня. Я сдѣлалась серьезной и мечтательной, рѣдко говорливой, и никогда безъ предварительно-обдуманнаго плана не удовлетворяла своей любознательности.

Какъ только я могла приняться за чтеніе, книги сдѣлались предметомъ моей страсти. Бэйль, Монтескьё, Буало и Вольтеръ были любимыми авторами; съ этой поры я стала чувствовать, что время, проведенное въ уединеніи, не всегда тяготитъ насъ, и если прежде я искала съ дѣтскимъ увлеченіемъ одобреніе со стороны другихъ, теперь я сосредоточилась въ самой себѣ и стала разрабатывать тѣ умственные инстинкты, которые могутъ поставить насъ выше обстоятельствъ. Прежде, чѣмъ я возвратилась въ Петербургъ, братъ мой Александръ отправился въ Парижъ; такъ я лишилась его нѣжнаго вниманія, и тѣмъ больше грустила, чѣмъ меньше встрѣчала сочувствія кругомъ себя. Впрочемъ, забываясь среди книгъ или развлеченная музыкой, я горевала только тогда, когда покидала свою комнату. Я просиживала за чтеніемъ иногда цѣлыя ночи, съ тѣмъ умственнымъ напряженіемъ, послѣ котораго слѣдовали безсонницы, и на взглядъ казалась до того болѣзненной, что мой почтенный дядя безпокоился за мое здоровье, въ чемъ приняла участіе и императрица Елисавета. По приказанію ея, много разъ посѣтилъ меня первый ея медикъ, Бургавъ; онъ съ особеннымъ вниманіемъ занялся мной и нашелъ, что общее здоровье еще не повреждено, и болѣзненное мое состояніе, возбудившее опасеніе со стороны моихъ друзей, происходило больше отъ нравственнаго нерасположенія, чѣмъ отъ физическаго разстройства.

Вслѣдствіе этого мнѣнія, стали осаждать меня тысячами вопросовъ, но я не призналась въ истинѣ, да едва-ли и сама могла понять ее; но еслибъ я и сумѣла объяснить, то скорѣй возбудила бы упреки, чѣмъ симпатію и участіе къ себѣ. Говоря объ особенностяхъ своего ума, я должна также упомянуть о той гордости и раздражительности, которыя, не встрѣтивъ осуществленія романтическихъ видѣній фантазіи, заставили меня искать этого воображаемаго счастья внутри себя. Такимъ образомъ, я рѣшилась таить свои чувства, и въ то время, когда мое лицо покрывалось блѣдностью и видимымъ изнеможеніемъ, что я приписывала слабости нервовъ и головнымъ болямъ, мой умъ постепенно мужалъ среди своихъ ежедневныхъ трудовъ. Въ слѣдующій годъ, перечитывая во второй разъ сочиненіе Гельвеція „О разумѣ", я была поражена мыслью, о которой упоминаю здѣсь потому, что она оправдалась передъ судомъ болѣе зрѣлаго моего размышленія. Вотъ это мнѣніе: еслибъ только произведеніе Гельвеція не сопровождалось вторымъ томомъ, гдѣ развивается теорія, болѣе примѣненная къ принятымъ мнѣніямъ и существующему порядку вещей, его ученіе, въ послѣднихъ своихъ результатахъ, разстроило бы гармонію и связи образованныхъ обществъ.

Политика, съ самыхъ раннихъ лѣтъ, особенно интересовала меня [1]). Всѣ иностранцы, артисты, литераторы и посланники, посѣщавшіе домъ

[1]) Примѣчаніе миссъ Уильмотъ. Княгиня разсказывала мнѣ, что еще въ дѣтствѣ она иногда получала позволеніе отъ своего добраго дяди пересмотрѣть старыя дипломатическія бумаги, и это доставляло ей величайшее удовольствіе. А въ этомъ хламѣ было много очень любопытныхъ документовъ, изъ которыхъ два особенно рѣзко запечатлѣлись въ ея памяти, сильнѣе другихъ затронувъ дѣтское воображеніе. Первый документъ, письмо отъ персидскаго шаха къ Екатеринѣ I, по случаю ея восшествія на престолъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій, шахъ выражался почти такъ: „Я надѣюсь, моя благовозлюбленная сестра, что Богъ не одарилъ тебя любовью къ крѣпкимъ напиткамъ; я, который пишу тебѣ, имѣю глаза, подобные рубинамъ, носъ похожій на карбункулъ, и огнемъ пылающія щеки; и всѣмъ этимъ обязанъ несчастной привычкѣ, отъ которой я и день и ночь валяюсь на своей бѣдной постели". Извѣстная наклонность императрицы попивать водку сообщаетъ этому письму особенный интересъ. Другой документъ открываетъ слѣдующій фактъ, и я передаю его собственными словами. Русскій дворъ однажды (я забыла, въ какое царствованіе) послалъ посольство въ Китай поздравить его монарха съ принятіемъ короны; посланникъ, принятый не совсѣмъ ласково, поспѣшилъ возвратиться домой, недовольный своей миссіей. Русское правительство, заблагоразсудивъ не сознаваться въ китайскомъ неуваженіи къ своей политикѣ, отправило другихъ поблагодарить за лестный пріемъ перваго посла и заключить торговый трактатъ. Вотъ какой отвѣтъ былъ данъ китайскимъ владыкой: „Вы очень странный народъ; чванитесь пріемомъ вашихъ пословъ. Развѣ вы не слышали, что когда мы проѣзжаемъ верхомъ по улицамъ, то предупреждаемъ послѣдняго бродягу не смотрѣть на насъ".

моего дяди, подвергались пыткѣ отъ моей неугомонной любознательности. Я разспрашивала ихъ о чужихъ краяхъ, о формахъ правленій и законовъ: и сравненія, выводимыя изъ отвѣтовъ, пробудили во мнѣ горячее желаніе путешествовать; но въ это время у меня не доставало духа пуститься въ такое предпріятіе; между тѣмъ мрачныя предчувствія скорби и горя, обыкновенные спутники нѣжныхъ темпераментовъ, рисовали передо мной все мое будущее, и я содрогалась при созерцаніи всѣхъ золъ, съ которыми не въ силахъ была бы бороться. Шуваловъ, любовникъ Елисаветы, желавшій прослыть за мецената своего времени, узнавъ, что я страстно люблю читать книги, предложилъ мнѣ пользоваться всѣми литературными новостями, которыя постоянно высылались ему изъ Франціи. Это одолженіе было источникомъ безконечной радости для меня, особенно, когда я въ слѣдующій годъ, послѣ своего замужества, поселилась въ Москвѣ; въ здѣшнихъ книжныхъ лавкахъ немногимъ было больше того, что я уже перечитала, и нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій имѣла въ своей собственной библіотекѣ, состоявшей почти изъ 900 томовъ; я употребила на эту коллекцію всѣ свои карманныя деньги. Энциклопедія и диксіонеръ Мореры были пріобрѣтены въ настоящемъ году; никогда и никакія, самыя изящныя и цѣнныя игрушки не доставляли мнѣ и половины того удовольствія, которое я чувствовала при этомъ пріобрѣтеніи. Любовь моя къ брату Александру, во время его путешествія, дала мнѣ случай завести съ нимъ правильную переписку. Каждый мѣсяцъ, два раза, я увѣдомляла его о всѣхъ новостяхъ придворныхъ, городскихъ и военныхъ; этой корреспонденціи я обязана образованіемъ своего слога, хотя и не могу судить о его достоинствахъ.

Въ продолженіе іюля и августа 1759 года, когда мой дядя, тетка и двоюродный братъ посѣтили государыню въ Царскомъ Селѣ, я одна осталась въ городѣ, потому что не совсѣмъ хорошо себя чувствовала, при томъ мои литературныя занятія и уединеніе больше и больше нравились мнѣ. За исключеніемъ итальянской оперы, которую я слушала одинъ или два раза, никогда не показывалась въ свѣтѣ; изъ частныхъ домовъ я посѣщала семейство князя Голицына, гдѣ любили меня и жена и мужъ, очень умный и уважаемый старикъ; потомъ я бывала у Самариной, супруги одного изъ домашнихъ чиновниковъ моего дяди. Однажды вечеромъ Самарина пригласила меня къ себѣ; она была нездорова; я осталась у нея ужинать и потому отпустила свою карету, съ тѣмъ, чтобы къ 11-ти часамъ она воротилась и привезла мнѣ горничную дѣвушку, проводить меня домой. Былъ чудный лѣтній вечеръ, когда карета пріѣхала за мной, и такъ какъ улица, въ которой жила Самарина, была спокойная, то сестра ея предложила проводить меня пѣшкомъ до конца этой улицы; я охотно согласилась

и приказала кучеру подождать меня тамъ. Едва мы прошли нѣсколько шаговъ, какъ передъ нами очутилась высокая фигура, мелькнувшая изъ другой улицы; воображенiе мое, подъ влiянiемъ луннаго свѣта, превратило это явленiе во что-то колоссальное. Я испугалась и спросила свою спутницу, что такое это значитъ? И въ первый разъ въ моей жизни услышала имя князя Дашкова. Онъ, повидимому, очень коротко былъ знакомъ съ семействомъ Самариной; между нами завязался разговоръ; незнакомый князь случайно заговорилъ со мной, и его вѣжливый и скромный тонъ расположили меня въ его пользу. Въ этой нечаянной встрѣчѣ и взаимномъ болѣе чѣмъ благопрiятномъ нашемъ впечатлѣнiи я видѣла особенные слѣды Провидѣнiя, предназначившаго насъ другъ другу. Знакомство, заведенное такъ оригинально, было трудно поддержать; и будь оно иначе и еслибъ его имя было когда-нибудь упомянуто въ домѣ моего дяди, то, вѣроятно, по одному дѣлу, въ которомъ онъ былъ неудачно замѣшанъ, во мнѣ образовалось бы предубѣжденiе противъ нашего союза. При такихъ обстоятельствахъ, наша неизвѣстность была общимъ нашимъ другомъ и положила основанiе постепенно возраставшей любви. Князь скоро почувствовалъ, что его счастье зависитъ отъ нашего соединенiя и, какъ только получилъ мое согласiе, немедленно попросилъ князя Голицына похлопотать за него у моего дяди и отца, но въ то же время поручилъ хранить тайну до тѣхъ поръ, пока онъ не получитъ благословенiя отъ своей матери, жившей въ Москвѣ.

Со стороны моихъ родственниковъ не было никакого возраженiя, и его мать, которая давно желала видѣть его женатымъ и когда не успѣла соединить его съ дѣвушкой своего собственнаго выбора, душевно одобрила планъ его и согласилась на нашъ бракъ.

Въ одинъ вечеръ, незадолго до отъѣзда моего жениха въ Москву къ своей матери, Елисавета заѣхала къ намъ ужинать изъ итальянской оперы: ее провожали только мой дядя и Шуваловъ. По ея предварительному желанiю я на этотъ разъ осталась дома, и князь Дашковъ находился со мной. Вниманiе государыни къ намъ было очень обязательное; въ продолженiе этого вечера, отозвавъ насъ въ другую комнату, она необыкновенно ласково, какъ крестная мать, сказала намъ, что наша тайна ей извѣстна и что она желаетъ намъ полнаго счастья. Она съ похвалой отзывалась объ уваженiи князя къ его матери и, отпустивъ насъ въ общество, сказала ему, что фельдмаршалу Бутурлину приказано уволить его въ Москву. Доброта, нѣжное расположенiе и участiе государыни въ нашей судьбѣ такъ глубоко тронули меня, что я не могла скрыть своего волненiя. Императрица, замѣтивъ это, легонько ударила меня по плечу и, поцѣловавъ въ щеку, промолвила: „Оправься, мое милое дитя, иначе ваши друзья

подумаютъ, что я выбранила тебя". Никогда я не забуду этой сцены, которая навсегда привязала меня къ этой добросердечной государынѣ.

Зимой также посѣтилъ и ужиналъ у насъ великій князь, потомъ Петръ III съ его супругой, впослѣдствіи Екатериной II. Благодаря многимъ посѣтителямъ моего дяди, я уже была извѣстна великой княгинѣ, какъ молодая дѣвушка, которая проводитъ почти все свое время за ученіеиъ, при чемъ, разумѣется, было прибавлено много и другихъ лестныхъ отзывовъ. Уваженіе, которымъ она впослѣдствіи почтила меня, было результатомъ этой дружеской предупредительности; я отвѣчала на него полнымъ энтузіазмомъ и преданностью, которая потомъ бросила меня въ такую непредвидѣнную сферу и имѣла больше или меньше вліяніе на всю мою жизнь. Въ эту эпоху, о которой я говорю, навѣрное можно сказать, что въ Россіи нельзя было найти и двухъ женщинъ, которыя бы, подобно Екатеринѣ и мнѣ, серьезно занимались чтеніемъ; отсюда, между прочимъ, возродилась наша взаимная привязанность, и такъ какъ великая княгиня обладала неотразимой прелестью, кому она хотѣла нравиться, то легко представить, какъ она должна была увлечь меня, пятнадцатилѣтнее и необыкновенно впечатлительное существо.

Въ продолженіе этого памятнаго для меня вечера, великая княгиня почти исключительно говорила со мной и очаровала меня своей бесѣдой. По высокому тону ея чувствъ и степени образованія не трудно было замѣтить женщину рѣдкихъ дарованій, той счастливой природы, которая превзошла самыя смѣлыя мои мечты. Вечеръ прошелъ быстро, но впечатлѣніе его сохранилось навсегда и отразилось въ ряду тѣхъ событій, о которыхъ я разскажу послѣ.

Когда Дашковъ возвратился изъ Москвы, онъ, не теряя ни минуты, представился всему нашему семейству; но по причинѣ болѣзни моей тетки, свадьба была отложена до февраля. Едва она немного оправилась, насъ обвѣнчали въ самомъ искреннемъ кругу близкихъ людей; и когда тетка совершенно выздоровѣла, мы уѣхали въ Москву.

Здѣсь новый міръ открылся предо мною, новыя связи, новыя обстоятельства. Я говорила по-русски очень дурно, а свекровь моя на бѣду не говорила ни на одномъ иностранномъ языкѣ. Родственники моего мужа были большею частью люди стараго покроя, и хотя они любили меня, я однакожъ замѣтила, что будь я больше москвитянкой, я нравилась бы имъ еще больше. Поэтому я ревностно стала изучать отечественный языкъ и такъ быстро успѣвала, что заслужила всеобщія рукоплесканія со стороны моихъ родственниковъ; я искренно уважала ихъ и тѣмъ пріобрѣла ихъ дружбу, которая не измѣнилась даже послѣ смерти моего мужа.

II.

Черезъ годъ послѣ моего замужества, 21-го февраля у меня родилась дочь, а въ маѣ мы провожали свою свекровь въ ея имѣніе—Троицкое. Книги и музыка были нашимъ непремѣннымъ удовольствіемъ; съ помощью ихъ время проходило легко. Въ іюлѣ князь Дашковъ и я отправились въ его Орловское помѣстье и отсюда возвратились въ Москву; когда его отпускъ кончался, мы написали моему отцу въ Петербургъ, прося его похлопотать о новой отсрочкѣ.

Императрица Елисавета постарѣла и ослабла: куртизаны начали увиваться около наслѣдника. Это обстоятельство дало великому князю болѣе безусловный контроль надъ Преображенскимъ полкомъ, которымъ онъ командовалъ, и въ которомъ князь Дашковъ служилъ вторымъ капитаномъ. Поэтому просьба его объ увольненіи еще на пять мѣсяцевъ была представлена Петру; безпокойство князя, по случаю моей второй беременности, заставило его требовать новой отсрочки. Наслѣдникъ прежде, чѣмъ далъ позволеніе, пожелалъ видѣть Дашкова въ Петербургѣ, можетъ быть, за тѣмъ, чтобы выразить ему свою особенную милость, какъ предполагалъ мой отецъ, и совѣтовалъ зятю немедленно ѣхать. Я безутѣшно грустила при этой разлукѣ—мнѣ было такъ тяжело подумать о ней, что я перестала наслаждаться своимъ обычнымъ счастіемъ даже въ присутствіи моего мужа. Здоровье мое стало плохо, и 8-го января, когда князь оставилъ Москву, я заболѣла лихорадкой, сопровождаемой припадками горячки. Это было слѣдствіемъ сильнаго нервическаго раздраженія; но я скоро выздоровѣла, и это зависѣло, по моему мнѣнію, отъ того, что я не хотѣла принимать лѣкарствъ. Черезъ нѣсколько дней я чувствовала только небольшую слабость. Часто я плакала и еслибъ не боялась наскучить мужу постоянными повтореніями о своей печали, я писала бы ему безпрерывно; но милое вниманіе его меньшей сестры къ моему здоровью избавило меня отъ этой опасной жертвы.

Коснувшись этихъ чувствъ и страданій, я должна замѣтить, что мнѣ еще не было полныхъ семнадцати лѣтъ, и я въ первый разъ разставалась съ мужемъ, котораго я пламенно любила.

Великій князь принялъ Дашкова очень благосклонно. Онъ участвовалъ въ зимнихъ прогулкахъ Петра въ Ораніенбаумъ; къ сожалѣнію эти разъѣзды, въ жестокіе холода, подвергли моего мужа опасной простудѣ, послѣдствія которой могли быть роковыми. Когда наступило время возвратиться въ Москву, онъ былъ еще боленъ; не желая, однако, разочаровывать нашихъ тревожныхъ ожиданій, онъ

покинулъ Петербургъ и скакалъ день и ночь, не выходя изъ кареты до самой Москвы. Подъѣзжая къ городской заставѣ, онъ опять почувствовалъ сильное воспаленіе въ горлѣ; боясь испугать насъ своимъ появленіемъ въ такомъ болѣзненномъ состояніи и будучи не въ силахъ произнести ни одного слова, онъ кое-какъ добрался до дома своей тетки, Новосильцевой, въ надеждѣ сколько-нибудь оправиться у нея. Тетка, увидѣвъ больнаго племянника, немедленно уложила его въ постель. Между тѣмъ явился докторъ, онъ совѣтовалъ не выпускать паціента изъ комнаты; поэтому тетка приказала задержать лошадей, съ той цѣлью, чтобы на слѣдующее утро, если князю будетъ лучше, отпустить его въ домъ матери, какъ будто съ нимъ ничего не случилось.

Въ это самое время у насъ происходила другая сцена, о которой я доселѣ не могу безъ содроганія вспомнить.

Свекровь моя и сестра ея, княгиня Гагарина, помогавшая мнѣ при первыхъ родахъ, каждый вечеръ собирались вмѣстѣ съ акушеркой въ мою комнату и съ часу на часъ ожидали моего разрѣшенія; при мнѣ служила одна горничная, глупая дѣвчонка моихъ лѣтъ; когда я вышла изъ комнаты, она воспользовалась этимъ моментомъ и скороговоркой сообщила мнѣ о пріѣздѣ князя Дашкова въ Москву. Я вскрикнула; къ счастью, этого не слышали въ сосѣдней комнатѣ; между тѣмъ вѣтряная служанка продолжала разсказывать мнѣ, что онъ находится въ домѣ тетки и что дано строгое приказаніе молчать объ этомъ.

Чтобъ представить мои муки въ эту минуту, не надо забывать, что для меня разлука съ молодымъ мужемъ была верхомъ несчастія, тѣмъ болѣе, что я легко увлекалась всѣмъ и съ трудомъ могла управлять своимъ чувствомъ, живымъ и пылкимъ отъ природы, какъ я уже объ этомъ сказала. Впрочемъ, я употребила всѣ усилія, чтобы успокоиться, и вошла въ свою комнату съ самымъ хладнокровнымъ видомъ; увѣривъ княгиню, что минута моего разрѣшенія должна послѣдовать позже, чѣмъ мы думали, я уговорила ее, вмѣстѣ съ теткой удалиться въ свои покои отдохнуть; при чемъ торжественно обѣщала позвать ихъ, въ случаѣ крайней надобности.

Вслѣдъ затѣмъ я побѣжала къ бабкѣ и умоляла ее именемъ неба проводить меня. Я и теперь не могу забыть этихъ кровью налитыхъ глазъ этого дикаго взгляда, которымъ она оглянула меня. Старуха вполнѣ была убѣждена, что я спятила съ ума, и на ея природномъ силезскомъ нарѣчіи начала безконечное увѣщаніе: „нѣтъ, я не хочу отвѣчать передъ Богомъ за убійство невинныхъ“. Ни одинъ разъ я не останавливала ее—наконецъ, отчаявшись склонить, я сказала рѣшительно, что, если только не увижу князя своими собственными

глазами, я не переживу своихъ сомнѣній о его несчастіи, и если она не согласится проводить меня къ теткѣ, никакая сила не удержитъ меня и я рѣшаюсь идти одна. Послѣ всего этого старуха сдалась; но когда я предложила ей идти пѣшкомъ, чтобы не возбудить подозрѣній шумомъ саней и лошадей, она снова оторопѣла; я представила ей всю опасность и ужасъ въ случаѣ открытія нашего предпріятія, и тѣмъ окончательно убѣдила ее. Бабка уступила и, при помощи одного старика, жившаго въ домѣ и читавшаго молитвы моей свекрови, свели меня съ лѣстницы; но едва мы переступили нѣсколько ступеней, какъ боли мои усилились, провожатые, перепугавшись, старались увести меня назадъ. Теперь, я въ свою очередь, была непреклонна и ухватилась за перила такъ, что ни сила, ни угроза не могли оторвать меня.

Наконецъ, съ трудомъ мы сошли съ лѣстницы, и послѣ новыхъ мучительныхъ припадковъ, добрели до дома тетки.

Не знаю, какъ я поднялась по высокой лѣстницѣ, которая вела въ комнаты моего мужа. Одно помню, когда я входила, я увидала его блѣднымъ и лежавшимъ на постели, я грянулась безъ чувствъ на полъ, и въ этомъ положеніи была принесена домой, на носилкахъ лакеями Новосильцевой; къ счастью, это похожденіе осталось тайной для моей свекрови. Вслѣдъ за тѣмъ начались страданія родовъ; они привели меня въ чувство. Было одиннадцать часовъ ночи; я послала за теткой и свекровью и черезъ часъ родила сына, Михаила. Первымъ моимъ побужденіемъ было—извѣстить князя о благополучномъ исходѣ; незамѣтно для другихъ я прошептала горничной приказаніе отправить добраго старика съ этой радостной вѣстью.

Впослѣдствіи я часто вздрагивала при воспоминаніи этого вечера и той сцены, которую Дашковъ передалъ послѣ. Когда я показалась съ своей разнохарактерной свитой въ его комнатѣ, онъ принялъ меня за сновидѣніе, но мечта скоро исчезла и глазамъ его скоро представилась дѣйствительность, онъ увидѣлъ меня упавшей на полъ. Развлеченный опасностью моего положенія, негодующій за открытіе тайны, онъ вскочилъ съ постели и хотѣлъ слѣдовать за мной домой; но тетка его, поднятая на ноги тревогой всего дома, немедленно явилась и со слезами на глазахъ заклинала его пожалѣть свою жизнь и послушаться ея совѣта. Состояніе его было ужасное до той минуты, пока не извѣстили его о моемъ спасеніи: тогда онъ перешелъ отъ необузданнаго горя къ необузданной радости. Вспрыгнувъ съ постели, онъ обнялъ моего посла, облобызалъ его съ восторгомъ, танцуя и плача поперемѣнно; князь бросилъ старику кошель съ золотомъ и приказалъ послать попа немедленно служить благодарственный молебенъ, на которомъ хотѣлъ самъ присутствовать; однимъ словомъ,

во всемъ домѣ былъ торжественный праздникъ. Все было тихо до шести часовъ утра, это былъ обыкновенный часъ княгининой молитвы, и вдругъ почтовыя лошади подкатили съ Дашковымъ къ нашимъ дверямъ. Его мать, къ несчастью, не выходила; услышавъ стукъ экипажа, она бросилась встрѣтить сына на лѣстницѣ. Блѣдное лицо и подвязанное горло тотчасъ обличили его состояніе, и еслибъ онъ не заключилъ ее въ своихъ объятіяхъ, то произошла бы другая трагическая сцена. Мы такъ страстно любили его, что эта самая любовь могла быть источникомъ домашняго несчастія: на этотъ разъ такъ именно и случилось. Въ замѣшательствѣ, онъ провелъ свою мать вмѣсто ея комнаты въ мою, и наше свиданіе показалось ей вовсе не такъ восторженнымъ, какъ слѣдовало ожидать. Успокоившись, она приказала сдѣлать постель для своего сына въ комнатѣ, смежной съ моею, и опасаясь за мое здоровье, запретила говорить намъ между собой. Эта предосторожность, конечно, очень благоразумная, не нравилась мнѣ: я хотѣла быть его кормилицей и ежеминутно, собственнымъ своимъ глазомъ сторожить за постепеннымъ его выздоровленіемъ—любовь находчива, и я придумала средства для нашихъ взаимныхъ сношеній. Каждымъ моментомъ, свободнымъ отъ посторонняго наблюденія, мы пользовались для коротенькой переписки, полной той нѣжности, которую болѣе холодные умы могли счесть за дѣтскую глупость, хотя я искренно пожалѣла бы о бездушности этихъ критиковъ.

Сорокъ грустныхъ лѣтъ прошло со времени его потери, которыя я имѣла несчастіе пережить послѣ своего обожаемаго супруга; и ни за какія блага міра, я не желала бы опустить воспоминаніе о самомъ мелочномъ обстоятельствѣ изъ лучшихъ дней моей жизни. Гонцомъ для нашей секретной корреспонденціи мы употребили старую посидѣлку, которой обязанность состояла въ томъ, чтобы сидѣть по ночамъ у моей постели; съ полусонными глазами, едва державшаяся на ногахъ, она ковыляла изъ одной комнаты въ другую. По прошествіи трехъ дней нашъ Меркурій, вѣроятно, изъ жалости къ моимъ глазамъ, обратился въ доносчика: тайна была выдана нашей матери, которая прочла намъ приличное наставленіе и грозила спрятать чернила и бумагу. Къ счастью мужъ мой скоро оправился и получилъ позволеніе сидѣть у моего изголовья, пока я выздоравливала. Мы отмѣнили нашу поѣздку въ деревню, потому что думали скоро отправиться въ Петербургъ. Назначенный день для выѣзда много разъ откладывался, изъ уваженія къ настоятельнымъ просьбамъ его матери. Наконецъ мы поднялись и прибыли въ Петербургъ 28-го іюня,—день, которому суждено было, черезъ двѣнадцать мѣсяцевъ, сдѣлаться замѣчательнымъ и славнымъ днемъ для моего отечества.

Это путешествіе было для меня величайшимъ наслажденіемъ. Я желала увидѣть своихъ родныхъ, которыхъ образъ жизни совершенно отвѣчалъ моимъ наклонностямъ и былъ такъ отличенъ отъ всего того, что окружало меня въ Москвѣ. Въ особенности мнѣ пріятно было посѣтить моего дядю, гдѣ образованное и истинно-свѣтское общество было предметомъ моего удивленія, а великолѣпная обстановка его дома, украшеннаго въ европейскомъ вкусѣ, давала ему полное право называться княжеской палатой. Когда мы въѣхали въ городъ, каждый предметъ доставлялъ мнѣ новое удовольствіе. Петербургъ никогда не казался мнѣ такъ хорошъ, милъ и роскошенъ. Все было одушевлено жизнью моей собственной мысли; инстинктивно опустивъ окно кареты, я надѣялась встрѣтить въ каждомъ мимопрохожемъ друга или родственника и на всѣхъ смотрѣла глазами стараго знакомаго. Мной овладѣлъ лихорадочный восторгъ, прежде чѣмъ мы подъѣхали къ воротамъ. Устроивъ комнату для своей дочери, по сосѣдству съ собой, я поспѣшила видѣть отца и дядю, совершенно забывъ, что они жили на дачахъ. На слѣдующій день навѣстилъ насъ отецъ и сообщилъ намъ новое придворное распоряженіе, по которому офицеры гвардейскаго Преображенскаго полка, приглашенные великимъ княземъ въ Ораніенбаумъ, должны были явиться туда съ ихъ женами: мы были поименованы въ числѣ гостей. Это приглашеніе было для меня очень непріятно; я не любила стѣсненія дворской жизни, при томъ мнѣ жалко было разставаться съ моей малюткой. Впрочемъ, отецъ помогъ моему горю: онъ предложилъ намъ свой загородный домъ, между Ораніенбаумомъ и Петербургомъ, и мы очень удобно расположились въ немъ. На другой день мы отправились съ визитомъ во дворецъ. Наслѣдникъ, какъ только мы представились ему, обратился ко мнѣ, сколько я могу запомнить, съ слѣдующей рѣчью: „хотя вы и не хотѣли жить въ моемъ дворцѣ, но я надѣюсь видѣть васъ каждый день и думаю, что вы удѣлите больше мнѣ вашего времени, чѣмъ обществу великой княгини“. Я ничего особеннаго не сказала на это; но рѣшилась бывать здѣсь только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, чтобы не подать повода къ неудовольствію. Это самопожертвованіе было неизбѣжно, чтобы видѣться съ Екатериной и поддержать ея дружеское расположеніе, въ которомъ я каждый день все больше и больше убѣждалась. Отчужденіе мое отъ партіи Петра и рѣшительное предпочтеніе его супругѣ было замѣчено, и онъ скоро далъ мнѣ почувствовать. Однажды, отозвавъ меня въ сторону, онъ удивилъ меня своимъ замѣчаніемъ, вполнѣ достойнымъ его нехитрой головы и простаго сердца; выраженіе этого замѣчанія такъ далеко было по духу своему отъ его обыкновеннаго разговора, что я долго не переставала изумляться, пока не открыла

то лицо, которое на этотъ разъ правило его мозгомъ. „Дитя мое, сказалъ онъ, вамъ бы не мѣшало помнить, что водить хлѣбъ соль съ честными дураками, подобными вашей сестрѣ и мнѣ, гораздо безопаснѣе, чѣмъ съ тѣми великими умниками, которые выжмутъ изъ апельсина сокъ, а корки бросятъ подъ ноги“. Я ничего не поняла изъ этого намека и съ полной наивностью отвѣтила ему, что тетка его, императрица, совсѣмъ иначе выражала свои желанія—она совѣтовала платить дань равнаго почтенія, какъ великому князю, такъ и великой княгинѣ. Здѣсь я не могу не отдать справедливости моей сестрѣ, Елисаветѣ, которая хорошо знала различіе нашихъ характеровъ и не требовала отъ меня того раболѣпнаго вниманія къ себѣ, на какое она получила право, по своему положенію, отъ остальной придворной толпы. Между тѣмъ я увидѣла, что всегда избѣгать общественнаго круга наслѣдника было невозможно. Это общество иногда принимало видъ казармы, гдѣ табачный дымъ съ его гольштинскими генералами были любимымъ развлеченіемъ Петра. Эти офицеры были большею частью капралы и сержанты прусской арміи, истинные дѣти нѣмецкихъ сапожниковъ, самый нижній осадокъ народныхъ слоевъ; и эта сволочь нищихъ-генераловъ была по плечо такого государя. Вечера обыкновенно оканчивались ужинами, пирами, въ залѣ, увѣшанной сосновыми вѣтвями и носившей нѣмецкое названіе, свойственное вкусу подобныхъ украшеній и модной фразеологіи этого общества; разговоръ происходилъ на такомъ дикомъ полунѣмецкомъ языкѣ, что нѣкоторое знаніе его совершенно было необходимо тому, кто не хотѣлъ сдѣлаться посмѣшищемъ въ этой августѣйшей сходкѣ.

Иногда великій князь переносилъ свои праздники въ загородный домикъ, недалеко отъ Ораніенбаума, гдѣ, по причинѣ тѣсноты покоевъ, могло собираться небольшое общество: здѣсь скучные вечера сокращались пуншемъ и чаемъ, въ облакахъ табачнаго дыма, за чудовищной игрой въ Campis. Какой разительный контрастъ во всемъ этомъ былъ съ умнымъ, изящнымъ и благопристойнымъ обществомъ великой княгини. Подъ вліяніемъ такой прелести, я не могла ни на одну минуту колебаться въ выборѣ своей партіи; и если я видѣла со стороны Екатерины постоянно возраставшее расположеніе къ намъ, то ясно было и то, что искреннѣе меня и моего мужа никто не былъ ей преданъ.

Государыня жила въ Петергофѣ, гдѣ было позволено ей одинъ разъ въ недѣлю видѣть своего сына, Павла. На возвратномъ пути отсюда, она, обыкновенно, заѣзжала къ намъ и увозила меня съ собой проводить вмѣстѣ остатокъ вечера. Я получала отъ нея записки, если намъ что-нибудь мѣшало видѣться лично; и такимъ образомъ за-

вязалась между нами искренняя и откровенная переписка, которая продолжалась и послѣ, и за отсутствіемъ ея одушевляла и скрѣпляла мою задушевную привязанность Екатеринѣ; выше этой привязанности была одна любовь къ мужу и дѣтямъ.

Въ одно изъ собраній, данныхъ великимъ княземъ во дворцѣ, гдѣ присутствовала и Екатерина, сидѣвшая на концѣ стола, разговоръ упалъ на Челищева, гвардейскаго юнкера, котораго подозрѣвали въ любовныхъ связяхъ съ графиней Гендриковой, племянницей Петра; наслѣдникъ, черезъ мѣру одушевленный винными парами, въ духѣ настоящаго прусскаго капрала, поклялся, что онъ, въ примѣръ другимъ офицерамъ, прикажетъ казнить его за эту дерзкую любовь съ царской родственницей. Между тѣмъ, какъ гольштинскіе паразиты его выражали мимикой глубокое уваженіе къ великокняжеской мудрости, я не могла удержаться отъ замѣчанія, что рубить голову слишкомъ жестоко, что еслибъ и было доказано подозрѣніе, во всякомъ случаѣ такое ужасное наказаніе превышаетъ мѣру преступленія. „Вы совершенное дитя“, сказалъ онъ, „какъ это видно изъ вашихъ словъ; иначе вы знали бы, что отмѣнить смертную казнь—значитъ разнуздать всякую непокорность и всевозможные безпорядки“.—„Но, государь, продолжала я, вы говорите о такомъ предметѣ и такимъ тономъ, что все это должно сильно обезпокоить настоящее собраніе; за исключеніемъ этихъ почтенныхъ генераловъ, почти всѣ, имѣющіе честь сидѣть за вашимъ столомъ, жили въ то царствованіе, въ которое не было и помину о смертной казни“.—„Ну, что жъ, возразилъ великій князь, это еще ничего не доказываетъ, или лучше потому именно у насъ нѣтъ ни порядка, ни дисциплины; но я повторяю, что вы дитя и ничего не смыслите въ этомъ дѣлѣ“. Затѣмъ глубокое молчаніе, и бесѣда—если только ее можно назвать бесѣдой—осталась за мной и Петромъ. „Положимъ, государь, что вы правы; но нельзя же отрицать и того обстоятельства, что ваша вѣнценосная тетка еще живетъ и царствуетъ“. Взоры всѣхъ мгновенно обратились на меня; великій князь, къ счастью моему, замолчалъ, высунувъ только языкъ, который онъ обыкновенно показывалъ попамъ въ церкви ради собственнаго развлеченія и когда былъ вообще не въ духѣ; что заставило меня сдержать дальнѣйшія возраженія. Такъ какъ это происходило въ присутствіи многихъ гвардейскихъ офицеровъ и корпусныхъ кадетъ, которыми управлялъ великій князь, то на другой день этотъ разговоръ молніей разнесся по Петербургу и пріобрѣлъ мнѣ огромную популярность, которой я, впрочемъ, не дорожила. Лестный отзывъ великой княгини о моемъ спорѣ съ Петромъ утѣшилъ меня; но я въ это время еще не понимала всей опасности—говорить истину царямъ. Согласимся, что они сами, можетъ быть, и простили

бы это преступленіе, но его никогда не простятъ куртизаны ихъ. Какъ бы то ни было, но это ничтожное обстоятельство и еще нѣсколько смѣлыхъ поступковъ пріобрѣли мнѣ въ общественномъ мнѣніи репутацію отважнаго и твердаго характера; тому же я обязана довѣрчивостью и энтузіазмомъ, съ которыми друзья Дашкова, гвардейскіе офицеры, стали съ этой минуты смотрѣть на меня.

Между тѣмъ здоровье императрицы быстро разрушалось; не надѣялись, чтобъ она могла пережить эту зиму. Я раздѣляла прискорбіе, которое чувствовали многіе изъ моихъ домашнихъ и въ особенности канцлеръ, не потому только, что я любила государыню, но я также ясно видѣла, чего должна была ожидать Россія отъ наслѣдника—человѣка, погруженнаго въ самое темное невѣжество, беззаботнаго о счастіи своего народа, готоваго управлять съ однимъ желаніемъ—передразнивать прусскаго короля, котораго онъ величалъ въ кругу своихъ гольштинскихъ товарищей не иначе, какъ „король мой господинъ".

Около половины декабря было объявлено, что Елисавета не проживетъ нѣсколькихъ дней. Я въ это время занемогла и лежала въ постели; но опасаясь за участь великой княгини, въ случаѣ перемѣны царствованія, рѣшилась дѣйствовать. 20-го декабря въ полночь, я поднялась съ постели, завернулась въ теплую шубу и отправилась въ деревянный дворецъ, на Мойкѣ, гдѣ тогда жила Екатерина и прочіе члены царской семьи. Вышедъ изъ кареты, на нѣкоторомъ разстояніи отъ дворца, я прошла пѣшкомъ къ заднему крыльцу, чтобы невидимкой юркнуть въ комнаты великой княгини. Къ моему величайшему счастію, которое, можетъ быть, спасло меня отъ роковой ошибки въ неизвѣстномъ домѣ, я встрѣтила первую горничную, Екатерину Ивановну. Такъ какъ она знала меня, то я попросила немедленно проводить меня въ комнаты великой княгини. „Она въ постели", сказала старушка. „Ничего, отвѣчала я, мнѣ непремѣнно надобно говорить съ ней сейчасъ же". Служанка, которой была коротко извѣстна моя преданность ея госпожѣ, несмотря на неурочный часъ, не противилась больше и провела меня въ спальню. Екатерина знала, что я больна и потому не въ состояніи выходить въ такой холодъ, и при томъ ночью, да еще во дворецъ, она едва повѣрила, когда доложили обо мнѣ. „Ради Бога", закричала она, „если это дѣйствительно Дашкова, ведите ее ко мнѣ немедленно". Я нашла ее въ постели, и прежде чѣмъ успѣла раскрыть ротъ: „милая княгиня, сказала она, прежде чѣмъ вы объясните мнѣ, что васъ побудило въ такое необыкновенное время явиться сюда, отогрѣйтесь; вы рѣшительно пренебрегаете своимъ здоровьемъ, которое такъ дорого мнѣ и Дашкову". Затѣмъ она пригласила меня въ свою постель и, завернувъ ноги мои въ одѣяло,

позволила говорить. „При настоящемъ порядкѣ вещей, сказала я, когда императрица стоитъ на краю гроба, я не могу больше выносить мысли о той неизвѣстности, которая ожидаетъ васъ съ новымъ событіемъ. Неужели нѣтъ никакихъ средствъ противъ грозящей опасности, которая мрачной тучей виситъ надъ вашей головой? Во имя неба довѣрьтесь мнѣ; я оправдаю вашу довѣренность и докажу вамъ, что я болѣе, чѣмъ достойна ея. Есть ли у васъ какой-нибудь планъ, какая-нибудь предосторожность для вашего спасенія? Благоволите ли вы дать приказанія, и уполномочить меня распоряженіемъ?“

Великая княгиня, заплакавъ, прижала мою руку къ своему сердцу. „Я искренно, невыразимо благодарю васъ, моя любезная княгиня; и съ полной откровенностью, по истинѣ объявляю вамъ, что я не имѣю никакого плана, ни къ чему не стремлюсь и въ одно вѣрю, что бы ни случилось, я все вынесу великодушно. Поэтому поручаю себя Провидѣнію, и только на его помощь надѣюсь“. — „Въ такомъ случаѣ, сказала я, ваши друзья должны дѣйствовать за васъ. Что же касается до меня, я имѣю довольно силъ поставить ихъ всѣхъ подъ ваше знамя: и на какую жертву я не способна для васъ?“ — „Именемъ Бога, я умоляю васъ, княгиня, продолжала Екатерина, не подвергайте себя опасности, въ надеждѣ остановить непоправимое зло. Если бы вы изъ-за меня потерпѣли несчастіе, я вѣчно буду жалѣть“.—„Все, что я могу въ настоящую минуту сказать—вѣрьте, что я не сдѣлаю ни одного шага впередъ, который бы повредилъ вамъ; какъ бы ни была опасность, она вся упадетъ на меня. Если бы моя слѣпая любовь къ вамъ привела меня даже къ эшафоту, вы не будете его жертвой“. Великая княгиня, вѣроятно, продолжала бы и упрекнула меня въ неопытности и юношескомъ энтузіазмѣ, но я, прервавъ, поцѣловала ея руку и увѣрила, что нѣтъ надобности долѣе рисковать продолженіемъ этого свиданія. Тогда она горячо обняла меня, и мы нѣсколько минутъ оставались въ объятіяхъ другъ у друга; наконецъ, я встала съ постели, оставивъ взволнованную Екатерину, поспѣшила сѣсть въ карету.

По пріѣздѣ домой, я нашла князя, только-что возвратившагося и до крайности изумленнаго отсутствіемъ своего инвалида; но когда я сообщила ему свою рѣшимость помочь Россіи спасеніемъ великой княгини, онъ одобрилъ и рукоплескалъ моей энергіи, дружеской преданности, попросивъ только не подвергать здоровья опасности. Онъ провелъ этотъ вечеръ у моего отца; изъ разговора ихъ, переданнаго мнѣ Дашковымъ, при всей скромности моего отца, ясно было видно общее безпокойство по случаю близкой перемѣны; я совершенно была довольна этимъ извѣстіемъ, такъ что забыла и объ усталости, и о болѣзни, и о той опасности, которой подвергала себя.

III.

Декабря 25-го, въ самый день Рождества, императрица Елисавета скончалась; несмотря на обычное торжество праздника, Петербургъ встрѣтилъ это событіе печально; на каждомъ лицѣ отразилось чувство унынія. Впрочемъ, нѣкоторые увѣряютъ, что гвардія совсѣмъ иначе чувствовала; она весело шла во дворецъ присягать новому государю. Два гвардейскихъ полка, Семеновскій и Измайловскій, проходили подъ моими окнами; сколько я могла замѣтить, въ движеніи ихъ не было видно ни особенной торопливости, ни восторга—это могъ подтвердить всякій житель города. Напротивъ, видъ солдатъ былъ угрюмый и не самодовольный; по рядамъ пробѣгалъ глухой, сдавленный ропотъ; еслибъ мнѣ была извѣстна причина этой суматохи, я ни одну минуту не сомнѣвалась бы въ томъ, что императрица умерла.

Я еще не выходила изъ комнатъ, а дядя мой, канцлеръ, лежалъ больной въ постели; между тѣмъ, къ крайнему нашему удивленію, на третій день своего восшествія на престолъ, императоръ посѣтилъ моего дядю, а ко мнѣ прислалъ посла, желая видѣть меня вечеромъ во дворцѣ. Я извинилась подъ предлогомъ нездоровья, такъ точно, какъ и на слѣдующій день, когда приглашеніе повторилось. Спустя два или три дня, сестра увѣдомила меня, что государь сердится на мои отказы и не хочетъ вѣрить справедливости ихъ предлоговъ. Чтобы избѣжать непріятныхъ объясненій и выговоровъ, которые могли повредить моему мужу, я покорилась; и, навѣстивъ своего отца и дядю, поѣхала во дворецъ. Императрица, о которой я слышала только отъ камердинера, никого не принимала. Пораженная настоящимъ горемъ, она уединилась въ своихъ покояхъ и покидала ихъ только для исполненія религіознаго долга надъ тѣломъ умершей государыни.

Какъ только я появилась на глаза императора, онъ сталъ говорить со мной о предметѣ, близкомъ его сердцу и въ такихъ выраженіяхъ, что нельзя было больше сомнѣваться на счетъ будущаго положенія Екатерины. Онъ говорилъ шопотомъ, полунамеками, но ясно, что онъ намѣренъ былъ лишить ее трона и возвести на ея мѣсто Романовну, то есть мою сестру. Такимъ образомъ, объяснившись со мною, онъ далъ мнѣ нѣсколько полезныхъ уроковъ. „Если вы, дружокъ мой, сказалъ Петръ III, послушаетесь моего совѣта, то дорожите нами немного побольше; придетъ время, когда вы раскаятесь за всякое невниманіе, показанное вашей сестрѣ; повѣрьте мнѣ, я говорю ради вашей же пользы; вы не иначе можете устроить вашу карьеру въ свѣтѣ, какъ изучая желанія и стараясь снискать расположеніе и покровительство ея“.

Въ эту минуту невозможно было ничего дѣльнаго сказать, и я притворилась, будто не поняла его, и поспѣшила сѣсть съ нимъ за игру въ Campis. Въ этой игрѣ каждый имѣетъ нѣсколько жизней, кто переживетъ, тотъ и выигрываетъ. На каждый очекъ ставилось десять червонцевъ, сумма слишкомъ щедрая для моего кошелька, особенно, когда императоръ проигрывалъ, онъ вмѣсто того, чтобы отдать свою жизнь, согласно съ правилами игры, вынималъ изъ кармана имперіалъ, бросалъ его въ пульку, и съ помощью этой уловки всегда оставался въ выигрышѣ. Едва партія кончилась, государь предложилъ другую, я отказалась. Онъ настаивалъ, я не соглашалась; тогда онъ предложилъ держать половину ставки противъ него; я и этого не хотѣла; наконецъ, тономъ разсерженнаго ребенка (онъ считалъ меня не выше того) рѣшительно сказала, что я не такъ богата, чтобъ поддаваться обману; если бы государь игралъ подобно другимъ, тогда еще можно было бы попробовать. Императоръ добродушно проглотилъ мое рѣзкое выраженіе и отдѣлался обыкновеннымъ своимъ шутовствомъ — послѣ этого я ушла. Обыкновенными участниками картежныхъ вечеровъ Петра III были двое Нарышкиныхъ, съ ихъ женами, Измайловъ съ его супругой, Елизавета Дашкова, Мельгуновъ, Гудовичъ и Анжернъ, первый флигель-адъютантъ государя; графиня Брюсъ и еще два, три имени, забытыхъ мной. Они всѣ съ удивленіемъ взглянули на меня, и когда я вырвалась изъ ихъ круга, они подобно гольштинскимъ генераламъ въ Ораніенбаумѣ, въ одинъ голосъ произнесли: „это бѣсъ, а не женщина“.

Мнѣ надо было проходить рядомъ комнатъ, гдѣ толпились другіе придворные; я замѣтила странную перемѣну въ костюмахъ; это былъ настоящій маскарадъ. Трудно было не улыбнуться, когда я увидѣла князя Трубецкаго, старика, по крайней мѣрѣ, семидесяти лѣтъ, вдругъ принявшаго воинственный видъ и, въ первый разъ въ его жизни, затянутаго въ полный мундиръ, перевязаннаго галунами, подобно барабану, обутаго въ ботфорты со шпорами, какъ будто сейчасъ готовился вступить въ отчаянный бой. Этотъ несчастный придворный адептъ, подобно уличнымъ бродягамъ, притворялся хилымъ, убогимъ, теперь ради какого-то личнаго разсчета, прикинулся страдающимъ подагрой, съ толстыми заплывшими ногами, но едва объявили, что идетъ императоръ, онъ шарикомъ вскочилъ съ кушетки, вооруженный съ ногъ до головы, и немедленно сталъ въ ряду измайловцевъ, которымъ онъ былъ назначенъ лейтенантъ-полковникомъ, наскучившимъ всѣмъ своими приказаніями. Это страшное привидѣніе было нѣкогда храбрымъ воиномъ—обломкомъ петровской эпохи.

Въ то время, когда происходило шутовство при дворѣ новаго императора, обычныя почести у гроба покойной государыни шли своей

очередью. Тѣло ея стояло шесть недѣль; около него попеременно дежурили статсъ-дамы; императрица, какъ по чувству искренняго уваженія къ памяти своей тетки и благодѣтельницы, такъ и по желанію возбудить къ себѣ вниманіе со стороны общества, навѣщала прахъ Елисаветы каждый день. Иначе велъ себя Петръ III; онъ рѣдко заходилъ въ похоронную комнату, а если и бывалъ, то какъ будто для того, чтобы показать всю пустоту и презрѣніе къ своему достоинству. Онъ шепталъ и смѣялся съ дежурными дамами, передразнивалъ поповъ и замѣчалъ недостатки въ дисциплинѣ офицеровъ и даже простыхъ часовыхъ, недостатки въ одеждѣ, въ повязкѣ галстуковъ, въ объемѣ буклей и въ покроѣ мундировъ.

Между иностранными министрами, находившимися въ то время въ Петербургѣ, очень немногіе пользовались авторитетомъ при дворѣ, немногіе также питали расположеніе къ императору. За исключеніемъ прусскаго, одинъ англійскій посланникъ Кейтъ былъ въ милости у Петра III. Князь Дашковъ и я жили на самой короткой ногѣ съ этимъ почтеннымъ старымъ джентльменомъ; онъ такъ нѣжно любилъ меня, что я какъ будто въ самомъ дѣлѣ была его дочерью— такъ онъ, обыкновенно, называлъ меня, Однажды, находясь въ его домѣ, гдѣ были только мы и княгиня Голицына, Кейтъ, заговоривъ объ императорѣ, замѣтилъ, что онъ началъ свое царствованіе оскорбленіемъ народа и, вѣроятно, кончитъ его общимъ презрѣніемъ къ себѣ.

Между тѣмъ государь пожелалъ ужинать у моего дяди, что было крайне непріятно старику, потому что могъ едва вставать съ постели; сестра моя, графиня Бутурлина, князь Дашковъ и я хотѣли присутствовать за столомъ. Императоръ пріѣхалъ около семи часовъ и просидѣлъ въ комнатѣ больнаго канцлера до самаго ужина, отъ котораго онъ былъ уволенъ. Елизавета Дашкова, графиня Строганова и я, чтобы почтить ужинъ почетнаго гостя, стояли за стуломъ или, лучше сказать, бѣгали по комнатѣ, что было совершенно во вкусѣ Петра III, небольшаго любителя церемоній. Мнѣ случилось стоять за кресломъ государя въ то время, когда онъ разговаривалъ съ австрійскимъ посланникомъ графомъ Мери. Рѣчь шла о томъ, какъ онъ нѣкогда былъ посланъ своимъ отцомъ (въ то время Петръ еще жилъ въ Гольштиніи, въ Килѣ), въ походъ противъ богемцевъ, которыхъ онъ съ однимъ отрядомъ карабинеровъ и пѣхоты немедленно обратилъ въ бѣгство. Во время этого разсказа, австрійскій посланникъ, какъ я замѣтила, часто краснѣлъ и, видимо, смѣшался, не зная, какъ понимать государя,—что онъ разумѣетъ подъ именемъ богемцевъ—блуждающихъ цыганъ, живущихъ воровствомъ и пророчествомъ, или подданныхъ его королевы; это замѣшательство могло быть тѣмъ серьезнѣе, что недавно было приказано вывесть русскія войска изъ Австріи — при-

казаніе, очевидно, вовсе не миролюбиваго характера. Я наклонилась къ императору и тихо по-русски попросила его не разсказывать такихъ исторій иностраннымъ министрамъ, потому что, сказала я, если бы въ Киль зашли кочующіе цыгане, отецъ его, вѣрно, приказалъ бы выгнать ихъ, но не великому князю, въ это время еще ребенку. „Вы дурочка, отвѣчалъ государь, обернувшись ко мнѣ, и любите перечить мнѣ". Петръ III, къ счастью моему, пилъ вина вдоволь и забылъ мое возраженіе на его исторію.

Однажды вечеромъ я была во дворцѣ; государь къ концу своего любимаго разговора вѣчно о прусскомъ королѣ громко подозвалъ къ себѣ Волкова и заставилъ подтвердить, какъ они часто смѣялись надъ тѣмъ, что секретныя распоряженія Елисаветы, отдаваемыя арміи въ Пруссію, оставались безъ дѣйствія. Это открытіе изумило все общество, бывшее съ государемъ. Дѣло въ томъ, что Волковъ, главный секретарь верховнаго совѣта, въ разговорѣ съ великимъ княземъ, постоянно парализировалъ силу этихъ распоряженій, передавая копіи ихъ прусскому королю; секретарь имѣлъ еще на столько совѣсти, что крайне смѣшался при такомъ объясненіи и отъ каждаго царскаго слова готовъ былъ повалиться со стула. Императоръ, однакожъ, не замѣтивъ общаго изумленія, съ гордостью вспоминалъ о томъ, какъ онъ дружески служилъ открытому врагу своей страны.

Между новыми придворными измѣненіями, французская мода замѣнила русскій обычай — низко кланяться, т. е. нагибать голову въ поясъ. Попытки старыхъ барынь пригибать колѣна, согласно съ нововведеніемъ, были вообще очень неудачны и смѣшны; императоръ находилъ для себя въ этомъ особенное удовольствіе; чтобы посмѣяться, онъ довольно регулярно ходилъ въ придворную церковь, къ концу обѣдни, и здѣсь-то онъ имѣлъ случай дать полную волю хохоту, смотря на гримасы и ужимки присѣдающихъ дамъ. Старуха Бутурлина, свекровь моей сестры, принадлежала къ числу этихъ мученицъ; однажды, помнится мнѣ, она чуть-чуть не хлопнулась на полъ; къ счастью ее поддержалъ кто-то изъ добрыхъ людей.

Послѣ всѣхъ этихъ сценъ, описанныхъ мной, легко вообразить, какъ государь заботился о своемъ сынѣ и воспитаніи его. Старшій Панинъ, бывшій наставникомъ молодаго князя, часто выражалъ желаніе, чтобъ государь обратилъ вниманіе на успѣхъ ученія его питомца своимъ личнымъ присутствіемъ на экзаменѣ; но императоръ извинился подъ тѣмъ наивнымъ предлогомъ: „что онъ ничего не смыслитъ въ этихъ вещахъ". Впрочемъ, вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ двухъ его дядей, принцевъ гольштинскихъ, онъ рѣшился удовлетворить желанію Панина, и великій князь былъ представленъ ему. Когда испытаніе кончилось, государь сказалъ громко своимъ дядямъ: „Го-

спода, говоря между нами, я думаю, что этотъ плутишка знаетъ эти предметы лучше насъ". Затѣмъ въ знакъ одобренія онъ пожаловалъ его капраломъ гвардіи; Панинъ возражалъ противъ такой награды, убѣжденный, что она вскружитъ голову принцу, и дастъ ему поводъ думать, что онъ уже человѣкъ. Императоръ, не сообразивъ этого на первый разъ, согласился отмѣнить свое распоряженіе, но поспѣшилъ вознаградить наставника чиномъ генерала-отъ-инфантеріи.

Чтобы понять то впечатлѣніе, которое произвела на Панина эта царская милость, надо представить великую, блѣдно-болѣзненную фигуру, искавшую во всемъ удобства, жившую постоянно при дворѣ, чрезвычайно щепетильную въ своей одеждѣ, носившую роскошный парикъ съ тремя распудренными и позади смотавшимися узлами, короче—образцовую фигуру, напоминавшую стараго куртизана временъ Людовика XIV. Капральскій тонъ—составлявшій преобладающій характеръ Петра III, былъ болѣе всего ненавистенъ Панину. Поэтому, когда на слѣдующій день Мельгуновъ объявилъ ему эту почесть, Панинъ рѣшительно сказалъ, что если нѣтъ другихъ средствъ избѣжать этой слишкомъ высокой для него награды, онъ рѣшается немедленно бѣжать въ Швецію. Императоръ съ необычайнымъ удивленіемъ услышалъ о такомъ отказѣ. „Я всегда думалъ, сказалъ онъ, что Панинъ человѣкъ умный, но не говорите мнѣ больше о немъ". Впрочемъ государь уступилъ и на этотъ разъ своему неудачному выбору, помиривъ дѣло на томъ, что далъ Панину право на всѣ гражданскія отличія, соединенныя съ чиномъ генерала-отъ-инфантеріи.

Я должна упомянуть здѣсь о связи между княземъ Дашковымъ и Паниными. Двое изъ нихъ были двоюродными братьями моей свекрови, т. е. по законамъ русскаго родства, дядями моего мужа. Хотя у насъ это родство считается далекимъ, за всѣмъ тѣмъ его признаютъ въ ряду многихъ поколѣній; въ настоящемъ случаѣ оно скрѣплялось болѣе прочными узами любви и благодарности. Старшій братъ, когда я была еще ребенкомъ, служилъ при иностранныхъ миссіяхъ; мое знакомство съ нимъ не задолго до революціи отнюдь не было короткимъ; но потомъ возникла между нами дружба, которая послужила предлогомъ клеветы для моихъ враговъ, которую не могла обезоружить даже всѣмъ извѣстная, пламенная любовь къ моему мужу. Этотъ достойно уважаемый старый дядя прослылъ моимъ любовникомъ, а нѣкоторые называли его даже моимъ отцомъ; многіе, желая снять съ меня первый позоръ, бросали тѣнь на репутацію моей матери. Если бы Панинъ не оказалъ нѣкоторыхъ дѣйствительныхъ услугъ моему мужу и дѣтямъ, я думаю, что послѣ всѣхъ этихъ сплетней, мнѣ трудно было бы удержаться отъ ненависти къ нему, какъ къ виновнику, хотя и не заслуженному, этой черной клеветы. Говоря

*

откровенно, я находила гораздо больше удовольствія въ обществѣ младшаго брата Панина, генерала, котораго солдатская откровенность и мужество характера совершенно согласовались съ искренностью моей природы; и пока жила первая жена его, которую я душевно любила, я видѣла въ немъ гораздо больше, чѣмъ министра... Но довольно — о предметѣ, слишкомъ тягостномъ для меня даже по сю пору.

IV.

Въ январѣ 1762 года случилось очень непріятное обстоятельство, и очень важное для меня по своимъ послѣдствіямъ. Однимъ утромъ, во время гвардейскаго парада, какой-то полкъ проходилъ ко дворцу; императоръ, замѣтивъ его неправильный маршъ и вообразивъ, что имъ командуетъ князь Дашковъ, подбѣжалъ къ нему и, въ духѣ настоящаго грубаго сержанта, выругалъ его за этотъ проступокъ. Князь Дашковъ почтительно защищалъ себя, но когда императоръ снова сталъ обвинять его, онъ, естественно разгоряченный и встревоженный послѣднимъ выговоромъ, гдѣ замѣшивалась его честь, отвѣтилъ такъ энергично и жестко, что Петръ III немедленно далъ ему отставку, по крайней мѣрѣ такъ же поспѣшно, какъ возвысилъ его.

Я сильно перепугалась, узнавъ объ этомъ происшествіи. Во всякомъ случаѣ, оскорбленіе государя не могло пройти безъ наказанія, особенно когда Петръ III былъ окруженъ такими совѣтниками, которые позаботились бы придумать болѣе хладнокровный подрывъ служебнымъ интересамъ, а можетъ быть и жизни моего мужа. Поэтому дилемма была такого рода, что князю надо было выбирать одно изъ двухъ золъ: или остаться въ Петербургѣ и идти противъ царскаго гнѣва, и тѣмъ, разумѣется, еще больше возстановить его противъ себя, или обречь себя добровольному изгнанію, пока какая-нибудь политическая перемѣна не дастъ дѣлу другаго направленія, или пока его не забудетъ царь. Друзья совѣтовали рѣшиться на послѣднее; я, съ своей стороны, какъ ни велика была борьба съ сердцемъ, не противорѣчила ихъ мнѣнію. Мой умъ уже давно свыкся съ представленіемъ тѣхъ опасностей, которыми это царствованіе угрожало благу нашего отечества. Доказательствомъ этого безпокойства, между прочимъ, служило мое ночное посѣщеніе Екатерины; и хотя мои планы были чрезвычайно шатки, но одна мысль преслѣдовала мое воображеніе и одушевляла какой-то вдохновенной вѣрой, что революція недалека. Какъ бы ни было трудно и какъ бы ни вѣрна была опасность, я рѣшила идти впередъ; благоразуміе, любовь, интересъ — все

заставляло уступить сердцемъ разлукѣ съ мужемъ. Дашковъ, успокоенный совѣтами его друзей, изыскивалъ болѣе благовидный предлогъ для своего удаленія. Въ это время, какъ мнѣ было извѣстно, еще не всѣ послы были назначены къ иностраннымъ дворамъ, съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ Петра III — я попросила великаго канцлера похлопотать о назначеніи мужа въ одну изъ сосѣднихъ миссій. Просьба моя немедленно была исполнена, и Дашковъ, получивъ приказаніе ѣхать въ Константинополь, тотчасъ же оставилъ Петербургъ. Съ каждой почтой я получала отъ него письма. Князь, путешествуя мѣшкотно, остановился въ Москвѣ и проводилъ свою мать до Троицкаго, лежавшаго по дорогѣ въ Кіевъ, гдѣ онъ находился еще въ началѣ іюля.

Императоръ продолжалъ свою обычную жизнь и, казалось, гордился своею ненавистью въ народѣ. Когда былъ заключенъ миръ съ прусскимъ королемъ, къ которому его привязанность каждодневно выражалась какимъ-нибудь безумнымъ поступкомъ, или смѣшнымъ подражаніемъ, восторгъ императора былъ выше мѣры; и чтобы отпраздновать на славу это событіе, онъ далъ великолѣпный пиръ, на который были приглашены всѣ чины первыхъ трехъ разрядовъ и иностранные министры. Императрица сидѣла по серединѣ стола, на своемъ обычномъ мѣстѣ, а государь на другомъ концѣ, противъ прусскаго посланника. Послѣ обѣда Петръ III предложилъ тостъ при пушечной пальбѣ въ крѣпости. Первый тостъ—„за здоровье императорской фамиліи“; второй „за здоровье прусскаго короля“, и третій „за продолженіе счастливо заключеннаго мира“. Когда императрица выпила бокалъ за здоровье царскаго семейства, Петръ III приказалъ своему генералъ-адъютанту Гудовичу, стоявшему позади его стула, подойти и спросить Екатерину, почему она не встала, когда пила тостъ. Государыня отвѣчала, что, такъ какъ императорская семья состоитъ изъ ея супруга, сына и ея самой, то она не думала, чтобы это было необходимо. Гудовичъ, передавъ этотъ отвѣтъ, былъ снова посланъ сказать ей, что она „дура“, и должна бы знать, что двое дядей, принцы гольштинскіе, также члены вѣнценосной семьи. Опасаясь, впрочемъ, чтобъ посолъ не смягчилъ выраженія, онъ повторилъ его громко, такъ что большая часть общества слышала его. Екатерина, сконфуженная и обиженная этой оскорбительно-неприличной выходкой, залилась слезами; но, желая оправиться и разсѣять общее замѣшательство, она обратилась къ своему двоюродному брату, графу Строганову, стоявшему за ея стуломъ, и просила его развлечь ее какой-нибудь шуткой. Графъ, придворный юмористъ, всегда былъ готовъ удовлетворить желанію государыни; скрывъ свое собственное неудовольствіе, онъ весело сталъ разсказывать какой-то забавный

анекдотъ, не совсѣмъ, впрочемъ, забывая о своихъ врагахъ, окружавшихъ императора, въ числѣ которыхъ находились его жена, конечно, не пропустившая настоящаго случая представить поступокъ своего мужа въ дурномъ свѣтѣ. Какъ только конченъ былъ его разсказъ, Строганову приказано было удалиться въ загородный домъ, близъ Каменнаго острова, и не выходить изъ него впредь до особаго разрѣшенія.

Происшествія этого дня быстро разнеслись по городу; и по мѣрѣ того какъ Екатерина возбуждала къ себѣ сочувствіе и любовь, императоръ, по закону обратнаго дѣйствія, глубже и глубже падалъ въ народномъ мнѣніи.

Изъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, оправданныхъ несчастной судьбой этого монарха, можно извлечь поучительный примѣръ. Кажется, ничто не можетъ такъ сильно подрывать царской власти въ глазахъ народа, какъ самовольная тираннія; поэтому я всегда считала ограниченную монархію, гдѣ государь подчиняется законамъ и въ нѣкоторомъ отношеніи отвѣчаетъ передъ судомъ общественнаго мнѣнія, самымъ лучшимъ человѣческимъ правленіемъ.

По одному особенному случаю, императоръ, въ сопровожденіи двухъ гольштинскихъ принцевъ и обыкновенной своей свиты, навѣстилъ моего дядю, канцлера; будучи не совсѣмъ здорова, я рада была, что не могла участвовать въ этой чести, говоря правду, вовсе неутѣшительной, точно такъ, какъ и Екатерина никогда не вмѣшивалась въ эти удовольствія, за исключеніемъ своихъ прогулокъ на чистомъ воздухѣ. На другой день, я съ удивленіемъ услышала о трагикомической сценѣ, разыгранной Петромъ III и гольштинскимъ принцемъ Георгомъ. Среди какого-то спора, въ азартной защитѣ каждый своего мнѣнія, они обнажили мечи и бросились другъ на друга; старый баронъ Корфъ, родственникъ моей тетки, упалъ на колѣна между врагами и, закричавъ голосомъ старой бабы, божился, что онъ не допуститъ ни одного удара, не умертвивъ себя здѣсь же на мѣстѣ. Это удачное посредничество барона, любимаго обоими соперниками и человѣка въ самомъ дѣлѣ достойнаго, остановило драку, которая разрѣшилась однимъ дурнымъ послѣдствіемъ— безпокойствомъ моего больнаго дяди, извѣщеннаго теткой, въ самый моментъ начинавшейся схватки. Потомъ я слышала о многихъ потѣшныхъ перебранкахъ между дядей и племянникомъ, пока государь не уѣхалъ инспектировать кронштадтскій флотъ, готовый выступить противъ Даніи. Это воинственное предпріятіе подъ конецъ такъ завертѣло его мозгомъ, что онъ не могъ отмѣнить его даже въ силу краснорѣчивыхъ и настоятельныхъ просьбъ прусскаго короля.

Послѣ разлуки съ мужемъ, я не щадила никакихъ усилій, чтобы

одушевить, вдохновить и укрѣпить мнѣнія, благопріятныя осуществленію задуманной реформы. Самыми довѣренными и близкими ко мнѣ людьми были друзья и родственники князя Дашкова, Пассекъ, Бредихинъ—капитанъ Преображенскаго полка, маіоръ Рославлевъ и братъ его, гвардейскій измайловскій капитанъ. Двухъ послѣднихъ я не имѣла случая часто видѣть до самаго апрѣля, когда мнѣ нужно было увѣриться въ чувствахъ солдатъ. Впрочемъ, чтобъ отвести всякое подозрѣніе, я продолжала вести обычный образъ жизни, изрѣдка посѣщая своихъ родныхъ и знакомыхъ и съ виду занятая всѣми требованіями моего пола и возраста казалась далеко не тѣмъ, что происходило въ глубинѣ моей души—и горячо преданная государственнымъ интересамъ.

Какъ скоро опредѣлилась и окрѣпла моя идея о средствахъ хорошо организованнаго заговора, я начала думать о результатѣ, присоединяя къ моему плану нѣкоторыхъ изъ тѣхъ лицъ, которыя своимъ вліяніемъ и авторитетомъ могли дать вѣсъ нашему дѣлу. Между ними былъ маршалъ Разумовскій, начальникъ измайловской гвардіи, очень любимый своимъ войскомъ и, хотя жалуемый при дворѣ, но понимавшій всю неспособность царствующаго монарха и опасность его правленія. Правда, онъ любилъ Россію настолько, насколько природная его апатія позволяла ему что-нибудь любить; но богатый, осыпанный всевозможными почестями, лѣнивый, готовый отступиться отъ всякаго опаснаго и сомнительнаго предпріятія, на что онъ могъ быть употребленъ въ настоящемъ случаѣ? Какъ, однако жъ, ни былъ тернистъ путь, избранный мной, я не робѣла при встрѣчѣ съ трудностями. Однажды, навѣстивъ англійскаго посланника, я услышала отзывъ, что гвардейцы обнаруживаютъ расположеніе къ возстанію, въ особенности за датскую войну. Я спросила Кейта, не возбуждаютъ ли ихъ высшіе офицеры. Онъ сказалъ, что не думаетъ; генераламъ и старшимъ военнымъ чинамъ нѣтъ выгоды возражать противъ похода, въ которомъ ожидаютъ ихъ отличія. „Эти неосторожные слухи, замѣтилъ онъ, поведутъ за собой рядъ военныхъ наказаній, ссылки въ Сибирь, и тѣмъ дѣло кончится“.

Я воспользовалась этимъ обстоятельствомъ, и переговорила съ нѣкоторыми офицерами полка Разумовскаго, уже вѣрившими въ меня—съ двумя Рославлевыми и Ласунскимъ, коротко извѣстными маршалу; послѣдній изъ нихъ даже имѣлъ значительное вліяніе на него, если вѣрить молвѣ. Хотя они не обнадеживали меня положительнымъ содѣйствіемъ Разумовскаго, я, однако жъ, поручила имъ намекнуть, при обыкновенномъ разговорѣ съ маршаломъ на ропотъ полка и выразить подозрѣніе на счетъ близкой перемѣны—сначала, разумѣется, коснуться слегка, потомъ по мѣрѣ успѣха, сказать о готовомъ заговорѣ по-

яснѣй, а когда дѣло созрѣетъ вполнѣ, открыть себя совсѣмъ, такимъ образомъ, будучи вполнѣ посвященъ въ наши замыслы онъ, уже не обратится въ доносчика. Чтобы отрѣзать ему всякое отступленіе, я совѣтовала внушить ему, что знать наши намѣренія значитъ участвовать въ нихъ; и такъ какъ опасность придется дѣлить пополамъ, то для него столько же интересно, сколько и для насъ, въ случаѣ надобности, стать во главѣ этого полка. Все шло по моему желанію, и нашъ стратегическій планъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ.

Другое лицо, безконечно важное для успѣха нашего дѣла, былъ Панинъ, воспитатель великаго князя; въ рукахъ его была вся сила и вліяніе, соединенныя съ такимъ важнымъ постомъ. Въ продолженіе весны я видѣла его у себя, и онъ навѣщалъ меня такъ часто, какъ только позволяли ему его придворныя занятія. Я намекала ему на счетъ вѣроятности и послѣдствій революціи, которая могла бы дать намъ лучшаго правителя и мимоходомъ старалась выпытать отъ него его собственное мнѣніе. Онъ всегда охотно разсуждалъ объ этихъ предметахъ и иногда высказывалъ любимую мечту—посадить на тронъ своего юнаго питомца, установивъ форму правленія на основаніи законовъ шведской монархіи.

Молодой и слабый заговорщикъ не вдругъ могъ пріобрѣсть довѣренность осторожнаго и осмотрительнаго политика, подобнаго Панину; но наперекоръ моей юности и пола, уваженіе ко мнѣ со стороны другихъ давало нѣкоторое право на вниманіе и Панина. Князь Рѣпнинъ, любимый его племянникъ, котораго я часто встрѣчала въ домѣ княгини Куракиной, зналъ меня хорошо; онъ представилъ меня нашему общему дядѣ, какъ женщину строго нравственнаго характера, восторженнаго ума, какъ пламенную патріотку, чуждую личныхъ честолюбивыхъ разсчетовъ.

Благопріятное впечатлѣніе, которое могло зависѣть отъ такой рекомендаціи, было подкрѣплено, повидимому, ничтожнымъ обстоятельствомъ, но доказавшимъ мнѣ искренность моего панегириста; въ минуту одного безумнаго припадка императора, онъ довѣрчиво обратился ко мнѣ за совѣтомъ и помощью. Пиръ по случаю мира съ Пруссіей, о чемъ я уже сказала, сопровождался другимъ торжествомъ въ Лѣтнемъ дворцѣ, гдѣ государь безъ церемоніи, на свой ладъ, угощалъ своихъ задушевныхъ пріятелей, гольштинскихъ генераловъ, прусскаго посла, нѣкоторыхъ придворныхъ дамъ и въ томъ числѣ и Рѣпнина; государь далъ новую волю своему разгулу, пропировавъ здѣсь до четырехъ часовъ утра, когда его, пьянаго, безъ чувствъ, уложили въ карету. Съ этой пирушки Рѣпнинъ прямо прискакалъ ко мнѣ. Я была поднята отъ сна стукомъ въ дверь моей спальни и немедленно разбудила свою старую служанку, лежавшую близь меня.

На вопросъ ея, сдѣланный самымъ брюзгливымъ тономъ, „кто это осмѣлился нарушить мой покой?“ она доложила мнѣ, что князь Рѣпнинъ желаетъ видѣть меня. Я одѣлась и вышла спросить, что его привело ко мнѣ въ такое время. Онъ казался чрезвычайно взволнованнымъ и, безъ дальнихъ околичностей, глубоко отчаяннымъ голосомъ воскликнулъ: „Ну, моя милая кузина, все потеряно, нашъ планъ разрушенъ—сестра ваша, Елисавета, получила орденъ св. Екатерины, а я назначенъ министромъ-адъютантомъ, или министромъ-лакеемъ къ прусскому королю“. Это обстоятельство, которое служило прелюдіей низверженія императрицы, сильно поразило меня; орденъ св. Екатерины жаловался только принцессамъ королевской крови; поразмысливъ, однако жъ, я отвѣчала, что не надо слишкомъ серьезно принимать дѣйствія и намѣренія, выходящія изъ такой головы, какова у Петра III. Поэтому я совѣтовала князю ѣхать домой и отдохнуть, а между тѣмъ, какъ можно скорѣе, сообщить объ этомъ Панину.

Когда онъ ушелъ, я глубоко призадумалась надъ разными проектами, которые были то составляемы, то отвергаемы заговорщиками. Они казались мнѣ большею частью праздными мечтами, безъ твердыхъ началъ или убѣжденій. Въ одномъ пунктѣ всѣ единодушно сходились—это въ томъ, что отплытіе императора въ Данію будетъ сигналомъ поразительнаго удара.

Многое еще оставалось сдѣлать до вожделѣнной минуты, а предположенное время наступало; вслѣдствіе того, при слѣдующемъ свиданіи съ Панинымъ, я рѣшилась сбросить всякую маску и открыть ему начисто сущность и силу нашего заговора. При первомъ удобномъ случаѣ, я заговорила съ нимъ о серьезномъ намѣреніи поднять революцію. Онъ слушалъ внимательно и въ отвѣтъ началъ придираться къ формамъ, какъ надо приступить къ дѣлу и какъ ввести въ кругъ нашего дѣйствія Сенатъ. Что авторитетъ этого государственнаго учрежденія помогъ бы намъ—я этого не отвергала; но спросила, можно ли безъ величайшаго риска искать его участія? Я также согласилась съ нимъ, что императрица взойдетъ на престолъ не иначе, какъ съ правомъ регентства во время малолѣтства ея сына, но я не допускала его сомнѣній относительно второстепенныхъ вопросовъ реформы. „Дайте совершиться, сказала я, и никто не заподозритъ его въ иномъ стремленіи, какъ въ настоятельной необходимости свергнуть зло съ перемѣной настоящаго правленія“. Тогда я назвала ему главныхъ участниковъ моего замысла—двухъ Рославлевыхъ, Ласунскаго, Пассека, Бредихина, Баскакова, Гетрофа, князя Барятинскаго и Орловыхъ. Онъ удивился и струсилъ, увидѣвъ, какъ далеко я зашла въ своемъ предположеніи, и при томъ безъ всякаго предварительнаго переговора съ Екатериной. Я защищала свою скрыт-

ность въ этомъ случаѣ осторожностью относительно государыни; что было бы неумѣстно и даже опасно вводить ее въ наши планы еще незрѣлые и шаткіе.

Изъ всего, что сказалъ мой дядя въ это свиданіе, я замѣтила въ немъ и присутствіе мужества, и желаніе стать съ нами, но онъ колебался при мысли о результатѣ реформы. Разставаясь съ нимъ, я просила его захватить на нашу сторону Теплова, который только-что вышелъ изъ крѣпости, куда онъ былъ заключенъ Петромъ III. Его краснорѣчіе и умѣніе говорить народнымъ языкомъ были намъ полезны въ первыя минуты возстанія; а вліяніе его на Разумовскаго еще важнѣе было для нашей поддержки. Въ заключеніе я убѣждала Панина не говорить ему о провозглашеніи великаго князя, а предоставить мнѣ это дѣло; такъ какъ наставнику свойственно дружить съ своимъ воспитанникомъ, то это могло подать поводъ къ недоразумѣніямъ, что же касается до меня, какъ всѣмъ извѣстнаго преданнаго друга императрицы, я могла объясниться, не возбуждая ни подозрѣнія, ни недовѣрія. Согласно съ тѣмъ и впослѣдствіи сдѣлала это предложеніе; къ счастью, исполненіе его было остановлено рукой Провидѣнія, хранившаго судьбу государства.

Между иностранцами, искателями счастья въ Петербургѣ, былъ одинъ піемонтецъ, по имени Одартъ, который, по милости моего дяди, служилъ адвокатомъ въ коммерческой коллегіи. Онъ былъ среднихъ лѣтъ, человѣкъ болѣзненный, живой и острый, хорошо образованный и ловкій интриганъ, но по причинѣ незнанія русскаго языка, промышленности и внутреннихъ сообщеній, нашелъ себя безполезнымъ на этомъ мѣстѣ и желалъ занять какую-нибудь должность при императрицѣ. Съ этой цѣлью онъ просилъ моего ходатайства; я рекомендовала его государынѣ въ качествѣ секретаря; но такъ какъ переписка ея ограничивалась одними родственниками, то она не хотѣла принять его, тѣмъ болѣе, что считала опаснымъ поручить иностранцу эту обязанность. Впрочемъ, я выхлопотала ему при ней мѣсто смотрителя нѣкоторыхъ доходовъ, опредѣленныхъ Петромъ III.

Я заговорила объ этой личности потому, что между ложными фактами, распространенными о революціи, Одарта считали моимъ главнымъ руководителемъ и совѣтникомъ. Въ одномъ изъ писемъ императрицы будетъ видно, что я познакомила его съ ней; правда и то, что я ради его здоровья доставила ему случай находиться при графѣ Строгановѣ, когда онъ былъ загнанъ на свою дачу императоромъ; но Одартъ отнюдь не былъ моимъ повѣреннымъ, и я рѣдко его видѣла, ни одного раза за три недѣли до переворота... Я была очень рада помочь ему, но никогда не спрашивала его совѣта; и я думаю, что онъ зналъ меня на столько, чтобы не осмѣлиться сдѣлать мнѣ тѣхъ

предложеній со стороны Панина, которыя взвели на него нѣкоторые французскіе писатели въ своихъ безсмысленныхъ брошюрахъ.

Но я возвращаюсь къ своему главному разсказу. Новгородскій архіепископъ, извѣстный своей ученостью, любимый народомъ и обожаемый духовенствомъ, конечно, не сомнѣвался въ томъ, чего могла ожидать церковь отъ такого повелителя, какъ Петръ III. Его собственныя опасенія на этотъ счетъ, уже давно возбужденныя въ немъ и въ которыхъ онъ не скрывался, ставили его въ нашихъ рядахъ, если не какъ дѣятельнаго участника, то, по крайней мѣрѣ, какъ ревностнаго покровителя нашихъ замысловъ. Я съ удовольствіемъ услышала отъ князя Волконскаго, дяди моего мужа, по возвращеніи его изъ арміи, что духъ ропота обнаружился даже между солдатами; они были недовольны тѣмъ, что ихъ заставляли обратить оружіе противъ перваго ихъ союзника, Маріи-Терезіи, въ пользу прусскаго короля, съ войсками котораго они такъ давно бились. Я передала эту новость Панину, какъ доказательство, между прочимъ, и того обстоятельства, что князь Волконскій былъ не чужой намъ; впослѣдствіи онъ совершенно оправдалъ нашу надежду.

Нашъ кругъ съ каждымъ днемъ увеличивался численно; но планъ дѣйствія далеко не имѣлъ соотвѣтственнаго успѣха. При такомъ порядкѣ вещей, я половину времени проводила въ уединеніи въ своей дачѣ близъ Петербурга; и въ то время, какъ я скрывалась отъ всѣхъ своихъ друзей, подъ предлогомъ нездоровья, я старалась уяснить себѣ свои идеи и изыскать болѣе практичныя и вѣрныя средства для достиженія задуманной цѣли.

Дача, о которой я говорю, находилась не далеко отъ города, близъ Краснаго кабачка, и составляла часть обширной болотистой почвы, нѣкогда покрытой густымъ кустарникомъ; Петръ III приказалъ ее раздѣлить между нѣкоторыми помѣщиками. Посредствомъ осушенія и обработки этой безплодной земли, она была обращена богатыми владѣльцами въ плодоносную и прекрасную долину. Мой участокъ сначала былъ подаренъ одному гольштинскому генералу; не имѣя терпѣнія разработать его, онъ отказался отъ своего владѣнія, предоставивъ его опять въ распоряженіе правительства, а себѣ избравъ другое. Въ числѣ прочихъ эта земля была предложена мнѣ; но недостатокъ денежныхъ средствъ, для самыхъ необходимыхъ расходовъ, которыми я не хотѣла безпокоить моего мужа, заставилъ было меня отказаться отъ нея, подобно гольштинскому генералу. Впрочемъ, отецъ мой, желая, чтобъ я приняла ее, предложилъ построить здѣсь домъ на собственный свой счетъ, и такимъ образомъ уладилъ дѣло, въ которомъ я сомнѣвалась.

Около этого времени случилось быть въ Петербургѣ сотнѣ кресть-

янъ, принадлежащихъ моему мужу; имъ позволялось въ извѣстное время года работать на себя; изъ благодарности и любви къ ихъ великодушному помѣщику, эти добрые мужики вызвались поработать четыре дня сряду на этомъ новомъ владѣніи и потомъ каждый праздникъ по очереди продолжать свой трудъ. Съ помощью ихъ были прорѣзаны небольшіе каналы и поднята почва для постройки дома и его службъ. Но, несмотря на то, что я начинала любить это первое поземельное пріобрѣтеніе, которое составляло мою собственность, я не хотѣла дать ему названія до тѣхъ поръ, пока не освящу его именемъ того святаго, въ день котораго увѣнчается успѣхомъ наше политическое предпріятіе.

Однажды провожалъ меня сюда верхомъ мой братъ графъ Строгановъ; намѣреваясь показать ему нѣкоторыя улучшенія, я попыталась пройти, повидимому, по зеленому лугу; но, къ сожалѣнію, до самыхъ колѣнъ погрузилась въ болото. Жестокая простуда и лихорадка была слѣдствіемъ того; въ это время я получила очень дружеское письмо отъ императрицы, которая шутила надъ этимъ происшествіемъ, приписывая вину его невниманію моего прекраснаго кавалера—„обезьяны“, какъ она называла его: названіе вполнѣ выражало неуклюжесть Строганова, соединенную съ расположеніемъ его къ шутовству. Я постаралась отвѣтить на это письмо и писала его въ минуту сильнаго лихорадочнаго припадка: зато чего въ немъ не было! Вѣроятно я говорила о своихъ революціонныхъ надеждахъ, и въ такомъ безсвязномъ, темномъ видѣ, съ такой смѣсью прозы и стиховъ, французскаго и русскаго, что Екатерина, намекнувъ впослѣдствіи на это письмо, спросила, какъ долго я была одержима духомъ пророчества? Что касается до моихъ пламенныхъ выраженій дружбы, она поняла и оцѣнила ихъ; что же до моего намѣренія назвать мое имѣніе во имя вожделѣннаго дня, она рѣшительно не постигала моего желанія. Въ это время государыня часто писала мнѣ и, повидимому, съ болѣе покойнымъ духомъ, менѣе встревоженная грядущими обстоятельствами, чѣмъ ея друзья, которыхъ ожиданія относительно близкой перемѣны были гораздо серьезнѣе, чѣмъ ея собственныя.

Между тѣмъ, встрѣтилось событіе, уронившее царское достоинство Петра III гораздо больше, чѣмъ какая-нибудь изъ его собственныхъ глупостей.

Въ царствованіе его тетки, сербы, послѣдователи православной вѣры, подобно своимъ братьямъ по религіи, искавшимъ убѣжища въ Венгріи, въ австрійскихъ владѣніяхъ, прислали къ Елисаветѣ депутатовъ, просившихъ у нея защиты и земли въ ея имперіи, чтобы избавиться отъ преслѣдованій римско-католическаго духовенства, все-

сильнаго въ эпоху Маріи-Терезіи. Хотя императрица была другомъ нѣмецкой королевы, но она по религіозному чувству уступила просьбѣ ихъ; благосклонно принявъ депутатовъ, она отвела сербамъ нѣсколько превосходныхъ участковъ въ южной полосѣ Россіи. Кромѣ того, имъ дано было денежное вспоможеніе на переселеніе и для набора нѣсколькихъ гусарскихъ полковъ изъ среды своей. Но вотъ что случилось: одинъ изъ этихъ депутатовъ, по имени Хорватъ, тонкій интриганъ, вкрался въ довѣренность тѣхъ чиновниковъ, которымъ было поручено устройство новой колоніи, и захватилъ себѣ деньги, вмѣсто того, чтобы употребить ихъ на помощь многимъ тысячамъ своихъ одноземцевъ, уже пришедшихъ на отведенное имъ мѣсто; онъ присвоилъ ихъ себѣ и сталъ поступать съ переселенцами, какъ господинъ съ своими рабами.

Угнетенный народъ жаловался государынѣ, которая послала князя Мещерскаго разсудить ихъ; но вслѣдствіе болѣзни и скорой смерти Елисаветы, въ связи съ другими препятствіями, дѣло, перенесенное въ Сенатъ, осталось не рѣшеннымъ. Хорватъ же, услышавъ о кончинѣ императрицы, поспѣшилъ въ Петербургъ и подарилъ по двѣ тысячи дукатовъ каждому изъ трехъ сановниковъ, близкихъ къ престолу и особенно любимыхъ Петромъ III. Въ числѣ ихъ онъ поставилъ Льва Нарышкина, знаменитаго придворнаго шута, генерала Мельгунова и генералъ-прокурора Глѣбова. Двое послѣднихъ отважно сказали о своей взяткѣ императору и были превознесены его похвалами за откровенность ихъ поступка. „Вы честные ребята, сказалъ онъ, и если вы подѣлитесь своей добычей, я пойду самъ въ Сенатъ и рѣшу дѣло въ пользу Хорвата“. Государь сдержалъ слово; скрѣпилъ актъ, по которому Россія потеряла сто тысячъ жителей, ничего болѣе не требовавшихъ, чтобы идти вслѣдъ за своими соотечественниками, какъ исполненія обѣщаннаго покровительства. Когда Петръ III услышалъ о взяткѣ Нарышкина, не признавшагося въ ней, подобно своимъ товарищамъ, онъ отобралъ у него всю сумму сполна, присвоивъ ее себѣ, въ видѣ наказанія; довольный, онъ нѣсколько дней потомъ насмѣшливо спрашивалъ Нарышкина, что онъ сдѣлалъ съ полученной взяткой отъ Хорвата? Подобное воровство, грязное для всякаго честнаго человѣка, унизило императора въ общественномъ мнѣніи ниже шута и подвергло ихъ всѣхъ общему смѣху и презрѣнію.

Около того же времени, императоръ выкинулъ поразительный фарсъ, передъ лицомъ всего Измайловскаго гвардейскаго полка. Маршалъ Разумовскій однажды былъ позванъ маневрировать своимъ полкомъ въ присутствіи императора, вслѣдствіе общаго приказа, по которому каждый командиръ обязанъ былъ показать свое искусство.

Послѣ развода, при чемъ Разумовскій, вовсе человѣкъ не военныхъ способностей, заслужилъ высочайшее благоволеніе, государь, вполнѣ счастливый, отправился со своей свитой обѣдать. Мимоходомъ онъ замѣтилъ своего любимаго негра (если не ошибаюсь Нарциса), яростно сцѣпившагося съ другимъ служителемъ, и оборонявшагося и руками и ногами. Сначала Петръ III расхохотался, но когда увидѣлъ, что соперникомъ чернаго любимца былъ полковой фурлейтъ, лицо его тотчасъ измѣнилось и онъ съ досадой воскликнулъ: „Нарцисъ потерянъ для насъ навсегда". Что онъ разумѣлъ подъ этимъ— трудно было понять; Разумовскій спросилъ государя о причинѣ его неудовольствія: „Какъ, сказалъ императоръ, развѣ вы, военный человѣкъ, не понимаете, что я больше не могу допустить его къ себѣ, послѣ этой позорной и унизительной драки съ мусорщикомъ". Маршалъ, прикинувшись партизаномъ царскаго горя, очень важно предложилъ смыть пятно съ негра, покрывъ его знаменами полка.

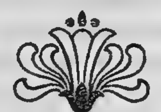
Эта идея, воскресившая Нарциса, съ восторгомъ была принята государемъ; поцѣловавъ Разумовскаго, онъ приказалъ привести негра. „Развѣ ты не знаешь, сказалъ онъ ему, что ты обезчещенъ и навсегда удаленъ отъ насъ за это подлое соприкосновеніе съ фурлейтомъ?" Бѣднякъ, пѣнившійся злостью и не понявъ значенія этихъ словъ, началъ оправдываться, говоря, что онъ честный человѣкъ, долженъ былъ наказать этого мерзавца, который бросился на него первый. Но когда, по приказанію Петра III, стали проводить его три раза подъ полковыми знаменами, негръ такъ стойко сопротивлялся, что четыре человѣка принуждены были держать его во время этой церемоніи.

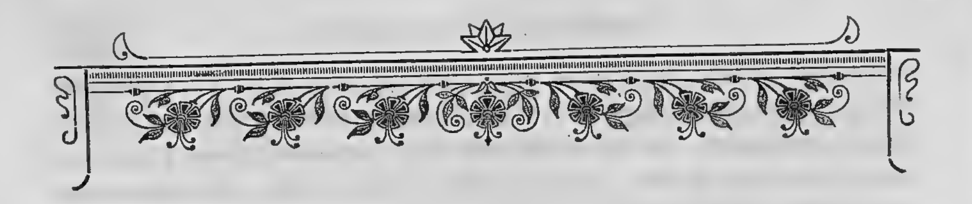
Впрочемъ, этого было мало. Императоръ требовалъ, чтобы изъ негра выпустили нѣсколько капель крови, для смытія пятна его безчестія, и былъ удовлетворенъ только тогда, когда прикоснулись концомъ знамени къ его головѣ. Крики и завыванія бѣднаго африканца противъ его господина и нелѣпость всей этой сцены была пыткой для офицеровъ, готовыхъ разразиться общимъ смѣхомъ; и дѣйствительно трудно было удержаться отъ хохота, смотря на торжественную осанку царя, который, казалось, въ одно время работалъ надъ искупленіемъ чести своего лакея и своей собственной императорской славы.

Отецъ мой всегда былъ не въ милости при настоящемъ дворѣ; и хотя государь оказывалъ нѣкоторое уваженіе моему дядѣ, канцлеру, но не слушался его политическихъ совѣтовъ. Являться каждое утро на парады, въ качествѣ капралъ-маіора, хорошо ѣсть, пить бургонское, проводить вечера между шутами и извѣстными женщинами, и

исполнять всякое приказаніе прусскаго короля—вотъ, что было славою и счастіемъ Петра III, и онъ процарствовалъ семь мѣсяцевъ. Самымъ великимъ его предпріятіемъ было желаніе отнять у датскаго короля клочекъ земли, который онъ считалъ своею собственностью; и съ такой поспѣшностью дѣйствовалъ въ этомъ дѣлѣ, что даже не хотѣлъ отложить его до окончанія своей коронаціи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ семейнаго архива графа Нессельроде.

II [1]).

Письма К. В. Нессельроде къ Сперанскому изъ Парижа. — Бракосочетаніе Наполеона I съ Маріею-Луизою австрійской. — Графъ Разумовскій. — Чичаговъ.—Дѣла въ Испаніи.—Удаленіе Фуше.—Наша война съ Турціей.—Успѣхи наши въ 1810 г.—Пріѣздъ курьера отъ Коленкура въ Парижъ. — Пребываніе Меттерниха въ Парижѣ.—Вѣроятность войны съ Россіей.—Бернадотъ и его избраніе на шведскій престолъ.—Тіаръ.—Нашъ тарифъ 1811 г. и его вліяніе на Наполеона; приготовленіе Наполеона къ войнѣ съ нами.—Затруднительное положеніе Нессельроде.—Іосифъ Понятовскій въ Парижѣ.—Возвращеніе Іосифа Бонапарта изъ Мадрида.—Пріѣздъ Коленкура.—Намѣреніе Наполеона ѣхать въ Мадридъ.—Побѣда Кутузова при Рущукѣ.—Разговоры Наполеона съ Куракинымъ.—Состояніе Наполеона.—Отъѣздъ его изъ Парижа.—Нессельроде возвращается въ Петербургъ.

К. В. Нессельроде, прибывъ въ Парижъ, въ началѣ 1808 года, встрѣтилъ тамъ нѣсколько старыхъ знакомыхъ отца его. Въ Парижъ въ то время безпрестанно пріѣзжали различные мелкіе германскіе владѣтельные принцы и ихъ посланники по разнымъ своимъ ходатайствамъ у Наполеона, но обыкновенно ничего не получали отъ него. Пробывъ въ Парижѣ нѣкоторое время, Нессельроде, уже въ іюлѣ 1809 г., былъ опять въ Петербургѣ и предался различнымъ свѣтскимъ увеселеніямъ лѣтняго времени; посѣщалъ на дачѣ кн. Долгорукову, Орловыхъ, бывалъ часто у Загряжской. Но въ мартѣ 1810 г. онъ снова отправился въ Парижъ и долженъ былъ вести секретную переписку, помимо канцлера, съ государемъ, при посредствѣ третьяго лица, именно М. М. Сперанскаго. При этомъ всѣ главныя лица, упоминаемыя въ письмахъ его, означались условными именами, какъ, напримѣръ: Наполеонъ, означался словомъ: „мой другъ", Терентій Петровичъ, милое сердце (joli coeur); Талейранъ—мой кузенъ Генрихъ, юрисконсультъ, прекрасный Леандръ, Анна Ивановна; Колен-

[1]) См. „Русскую Старину" февраль 1906 г.

куръ—владѣтель Холчинскій; Фушэ—президентъ, Наташъ, Берьенъ; Марэ—Дмитрій Петровичъ, Шампаньи—нашъ племянникъ Сергѣй, милѣйшій; императоръ австрійскій—Робертъ; князь Шварценбергъ [1])—Николай, черепъ (le crâne), Испанія—трусъ, сплетница; Порта—овца; императоръ россійскій—мудрецъ, Луиза, Молво; Сперанскій—путешественникъ, Каролина, веселый кузенъ; Чичаговъ—мой покровитель, мой дядя, маркизъ Тюлипанъ, добрякъ, очень чувствительная принцесса; Александръ Куракинъ—Андрюша и т. д. Нессельроде писалъ Сперанскому по нѣсколько разъ въ мѣсяцъ и получалъ также отъ него отвѣтныя письма, и нельзя не пожалѣть, что таковыя не напечатаны въ изданныхъ пока трехъ томахъ бумагъ графа Нессельроде, совмѣстно съ письмами послѣдняго; это представило бы читателямъ полную переписку обоихъ лицъ и придало бы ей еще болѣе значенія и занимательности. Надѣясь, что письма Сперанскаго къ К. Нессельроде будутъ напечатаны въ послѣдующихъ томахъ предпринятаго изданія, познакомимъ пока читателей съ главнѣйшимъ содержаніемъ писемъ самого Нессельроде къ Сперанскому.

Эта переписка двухъ замѣчательныхъ личностей открывается слѣдующимъ письмомъ Нессельроде изъ Парижа 13 (25) марта 1810 г. При моемъ отъѣздѣ изъ Петербурга, вы пожелали, чтобы я доставлялъ вамъ обо мнѣ свѣдѣнія. Спѣшу исполнить ваше желаніе. Въ прилагаемой запискѣ [2]) изложены всѣ подробности, какія я только въ состояніи былъ добыть о наиболѣе важномъ событіи, поглощающемъ все вниманіе императора Наполеона (т. е. о его бракѣ). Всѣ, близко его знающіе и посвященные въ тайны его замысловъ, желаютъ видѣть въ этомъ бракѣ стремленіе съ его стороны къ миру и спокойствію. Вскорѣ это все разъяснится, намѣренія его раскроются, и рѣшится важный, въ особенности для Россіи, вопросъ, не подвергнется ли теперь она, въ свою очередь, нападенію со стороны Наполеона...

Въ послѣдней войнѣ (1809 года) съ Австріею Наполеонъ былъ обязанъ своими успѣхами скорѣе ошибкамъ своего противника, нежели достоинствамъ своей арміи. Она не дралась уже такъ, какъ прежде; недостатокъ ея храбрости и самопожертвованія долженъ былъ быть замѣненъ во всѣхъ сраженіяхъ необычайнымъ военнымъ геніемъ

[1]) Шварценбергъ, Карлъ-Филиппъ, князь, герцогъ Крумау, род. въ 1771 г., находился въ военной службѣ Австріи, командовалъ дивизіей въ сраженіи при Гогенлинденѣ. Позднѣе, послѣ Вѣнскаго мира, велъ переговоры о бракѣ Наполеона съ дочерью австрійскаго императора Маріей-Луизой и былъ назначенъ посланникомъ Австріи въ Парижѣ. Въ 1813 г. онъ былъ генералиссимусомъ всѣхъ союзныхъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Наполеона I, а съ 1815 г. по день кончины своей въ 1820 г. былъ предсѣдателемъ верховнаго военнаго совѣта Австрійской имперіи.

[2]) Эта записка не приложена къ письму печатному.

Наполеона. Его армію составляли уже не старые солдаты, отличившіеся при Маренго, Ульмѣ, Іенѣ и т. д. Эти старые, закаленные воины находились или въ Испаніи или же въ могилѣ, большею частью. Армія его была почти вся изъ новобранцевъ, а офицеры, въ особенности старшіе, высказывались громко противъ проекта ихъ императора,—всемірнаго разрушенія. Въ томъ же духѣ высказывалось и общественное мнѣніе Франціи; всѣ убѣждались, что ведетъ войну вовсе не Франція, а только Наполеонъ, война всѣмъ надоѣла; всѣ были серьезно озабочены о дальнѣйшей судьбѣ государства, управляемаго лицомъ, которое всякій годъ подвергало опасности его существованіе. Миръ, заключенный въ Вѣнѣ, не прекращалъ войны съ Австріею; это сознавали хорошо обѣ стороны. Наполеонъ усмотрѣлъ, наконецъ, что, продолжая дѣйствовать по-прежнему, онъ достигнетъ постепенно упадка своего могущества. Тогда онъ задумалъ основать свое могущество на другихъ началахъ, на родственныхъ связяхъ съ европейскими державами. Съ этою цѣлью, онъ послалъ Коленкура въ Петербургъ, разузнать, нельзя ли вступить въ бракъ съ одною изъ русскихъ княженъ. Это было, какъ извѣстно, отклонено, подъ разными предлогами. Тогда онъ задумалъ породниться съ вѣнскимъ дворомъ, по мысли Марэ [1]), имѣвшаго въ этомъ дѣлѣ самое дѣятельное участіе. Зная тайное намѣреніе Наполеона, онъ первый намекнулъ объ этомъ графинѣ Меттернихъ, которая долгое время одна была посвящена въ эту тайну. Въ январѣ Наполеонъ говорилъ съ Талейраномъ о своемъ новомъ бракѣ и поручилъ ему начать формальные переговоры объ этомъ въ Вѣнѣ и просить руки австрійской эрцъ-герцогини. Во то же время Наполеонъ развѣдывалъ мнѣніе Франціи о его предстоявшемъ бракѣ. Одни высказывались за бракъ его съ русскою великою княжною, другіе съ австрійскою, а затѣмъ, 6-го февраля, Наполеонъ послалъ сына императрицы Жозефины, принца Евгенія Богарнэ, вице-короля итальянскаго, въ Вѣну, сообщить Шварценбергу формальное его предложеніе, и 8-го февраля былъ заключенъ брачный договоръ. Всего болѣе переполошилась во Франціи партія республиканская, видя свою гибель въ этомъ бракѣ. Чтобы ее успокоить, Наполеонъ назначилъ Алькье [2]) (подававшаго голосъ за казнь Людовика XVI) посланникомъ въ Швецію; наградилъ Фушэ орденомъ и пожаловалъ госпожу Ланъ (Lasnes) статсъ-дамою императрицы. Марэ, болѣе всего содѣйствовавшій заключенію брака,

---

[1]) Марэ—Гуго Бернардъ, позднѣе герцогъ Бассано.

[2]) Алькье (Alquier) род. 13-го октября 1752 г. въ Талмонѣ, былъ адвокатомъ, игралъ видную роль въ революцію 1789 г., былъ членомъ конвента, исполнялъ различныя его порученія при арміяхъ, а послѣ 18 брюмера примкнулъ къ Наполеону.

не получилъ никакой награды. Но этимъ бракомъ великую побѣду одержало семейство Бонапарта; оно совершенно уничтожило своихъ непримиримыхъ враговъ—Богарнэ; императрица Жозефина принуждена была жить въ полномъ забвеніи въ Наваррѣ; королева голландская, бывшая въ ссорѣ съ своимъ мужемъ, была принуждена ѣхать съ нимъ въ Голландію. Молодая императрица среди этихъ интригъ и волненій спокойно сохраняла свое достоинство, ни съ кѣмъ близко не сходилась и обращалась со всѣми съ одинаковымъ достоинствомъ...

Предвидѣть неблагопріятныя для насъ обстоятельства и избѣгать все, что можетъ ихъ породить, таково должно быть, по моему мнѣнію, начало, которымъ намъ должно руководствоваться въ нашей политикѣ. Всякое движеніе вокругъ насъ должно неизмѣннымъ образомъ вызвать таковое же и среди насъ.

Надо употребить всѣ средства, чтобы предотвратить что-либо неблагопріятное для Пруссіи со стороны Франціи, и не надо терять ни минуты въ этомъ отношеніи. Австрія изъявила свое согласіе на бракъ Наполеона съ дочерью своего императора, потому что это являлось единственнымъ для нея средствомъ спасенія; безъ этого она погибла бы. По мнѣнію французскаго кабинета, Австрія вполнѣ во власти Наполеона и будетъ, при разрывѣ Франціи съ нами, вполнѣ дѣйствовать заодно съ нимъ. Онъ начинаетъ предвидѣть это, но не желаетъ ускорить разрыва, пока продолжается война съ Испаніею, (и она еще долго не будетъ приведена къ окончанію), и заботится только о томъ, чтобы помѣшать намъ выйти изъ настоящаго положенія, вполнѣ соотвѣтствующаго видамъ французскаго правительства тѣмъ, что оно насъ незамѣтно ослабляетъ [1]) и дѣлаетъ для насъ невозможнымъ оказать Наполеону сопротивленіе, когда онъ вздумаетъ сбросить свою личину.

24 марта (5 апрѣля) 1810 г. Я нѣсколько разъ видѣлся съ моимъ кузеномъ (Талейраномъ). Посылаю вамъ съ первымъ курьеромъ посольства отчетъ подробный о моихъ съ нимъ бесѣдахъ; я хотѣлъ послать съ вѣрнымъ лицомъ такой важный отчетъ. Прошу васъ быть съ нимъ до крайности осторожнымъ. Если о немъ Коленкуръ что-либо узнаетъ, то, несомнѣнно, два лица будутъ разстрѣляны, и этотъ драгоцѣнный для меня источникъ свѣдѣній прекратится. Я истратилъ на это 3 т. франковъ. Если его величество признаетъ полезнымъ, чтобы я поддерживалъ мои сношенія и доставлялъ впредь подобныя свѣдѣнія, необходимо предоставить въ мое распоряженіе около 30—40 т. франковъ, независимо отъ суммъ, предоставленныхъ въ распоряженіе посольства...

[1]) Нессельроде разумѣетъ тутъ нашу войну съ Турціей, которая, благодаря внушеніямъ Франціи, все тянулась еще.

*

Этотъ пакетъ я послалъ на имя Кочубея, чтобы курьеръ не подозрѣвалъ, что я состою въ сношеніяхъ съ вашимъ превосходительствомъ.

26 марта (7 апрѣля) 1810 г. Мнѣ обѣщали доставить еще двѣ любопытныя записки за 4.000 франковъ; я ихъ заплачу изъ своихъ денегъ, но прошу васъ мнѣ ихъ возвратить въ возможно скорѣйшемъ времени.

31 марта (12 апрѣля) 1810 г. Чтобы отстранить отъ кн. Куракина всякое подозрѣніе, что я нахожусь съ вами въ перепискѣ, я доставлю ему по-прежнему, какъ при первомъ моемъ пріѣздѣ, нѣкоторыя свѣдѣнія, не требующія тайны. Посылаю вамъ при семъ записку Шампаньи объ Англіи, составленную имъ недавно для Наполеона. Онъ доказываетъ невозможность сближенія Англіи и Франціи, и касается сѣверныхъ державъ. Но о послѣднихъ болѣе подробно и обстоятельно составилъ записку герцогъ Кадоръ и вручилъ императору 14 марта. Я вамъ послалъ ее съ графомъ Строгановымъ, который уѣхалъ отсюда дней восемь. Я за обѣ записки истратилъ 7.000 франковъ; мнѣ необходимо имѣть въ распоряженіи особую сумму, какъ я уже сообщалъ вамъ... Дѣла французовъ въ Испаніи идутъ опять хуже, и окончаніе войны не предвидится; въ запискѣ къ графу Румянцеву я изложилъ подробно всѣ свѣдѣнія, какія только могъ собрать объ этомъ; не имѣю времени списать для васъ особую копію. Я послалъ подробную записку Гурьеву, по вопросу о займѣ, и почти увѣренъ, что онъ не состоится; на это не надо разсчитывать. Здѣсь во Франціи, финансы далеко не въ блестящемъ видѣ; тутъ приняли за правило не платить ничего свыше ассигнованныхъ каждому министерству суммъ по смѣтѣ; въ этомъ отношеніи французское правительство на дѣлѣ является великимъ банкротомъ; лучшіе финансовые люди удаляются отъ дѣлъ и уступаютъ мѣста свои другимъ.

2 (14) апрѣля 1810 г. Сомнѣваюсь, чтобы заемъ могъ удасться, и Талейранъ того же мнѣнія; насъ будутъ водить и окончатъ отказомъ въ нашей просьбѣ.

8 (30) апрѣля 1810 г. Посланный мною съ Строгановымъ тайный докладъ Шампаньи имѣетъ предметомъ своимъ сношенія варшавскихъ властей съ губерніями, прежде принадлежавшими Польшѣ. Я счелъ его настолько важнымъ, что не жалѣлъ ни денегъ, ни трудовъ, чтобы добыть его себѣ. Съ большою неохотою и съ большими опасеніями и колебаніями, наконецъ, рѣшились мнѣ дать копію съ опаго. Опасаются, что мы примемъ мѣры противъ эмиссаровъ, указанныхъ въ запискѣ, и это послужитъ къ разоблаченію лица, мнѣ сообщившаго копію.

И только послѣ того, какъ убѣдились въ томъ, что эти мѣры не

будутъ приняты теперь, а быть можетъ позднѣе, и то съ большою осторожностью, что ограничатся наблюденіями незамѣтными за агентами, не производя явнаго скандала, могущаго возбудить вниманіе правительства въ Варшавѣ и Парижѣ; что пока ограничатся воспрещеніемъ имъ выхода изъ провинціи, разъ они туда проникли, тогда только мнѣ дали желаемую копію.

2 (14) апрѣля 1810 г. На-дняхъ прибылъ въ Парижъ графъ Разумовскій, а Юсуповъ, пробывъ здѣсь два года, уѣзжаетъ послѣ празднествъ, въ маѣ мѣсяцѣ. Я нашелъ тутъ Чичагова; онъ очень хорошо принятъ Наполеономъ и пользуется расположеніемъ общества. Наполеонъ съ нимъ долго разговариваетъ наединѣ и принялъ привычку всегда на дипломатическихъ вечерахъ говорить съ нимъ. Послѣдній разъ Наполеонъ выразилъ ему свое изумленіе, что онъ не назначенъ членомъ образованнаго совѣта; послѣ этого отношенія Наполеона къ нему охладились. Чичаговъ располагаетъ пробыть лѣтомъ на югѣ Франціи, но лица, близко его знающія, увѣряли меня, что онъ намѣренъ уѣхать въ Америку, но я съ трудомъ этому вѣрю.

Впрочемъ, онъ все такой же; все очень много преувеличеннаго въ его словахъ, менѣе восторженности къ Франціи, немного негодованія и вражды (exasperation) противъ своей родины, которыя онъ и высказываетъ, не стѣсняясь ничѣмъ; довольно курьезно слышать, какъ человѣкъ, конечно не чуждый упрековъ за управленіе дѣлами, ему ввѣренными, безпрестанно говоритъ объ ошибкахъ другихъ вѣдомствъ и ратуетъ противъ всего, совершающагося у насъ, до того, что многія лица здѣсь полагаютъ, что онъ имѣетъ взгляды и мнѣнія, противоположные взглядамъ французскаго правительства, и поэтому высказываютъ ему свое довѣріе.

Впрочемъ, я полагаю, что пока онъ мало намъ повредилъ, несмотря на дружбу свою съ Савари. Я буду слѣдить за всѣми его дѣйствіями и выходками во все время его пребыванія здѣсь.

4 (16) апр. 1810 г. Вотъ уже около двухъ недѣль, какъ мнѣ удалось достать двѣ прилагаемыя записки [1]); очень сожалѣю, что не имѣлъ возможности ихъ прислать вамъ ранѣе. Хотя онѣ не заключаютъ новыхъ свѣдѣній и данныхъ, но правильно и ясно знакомятъ съ современнымъ положеніемъ Испаніи и указываютъ мѣры, которыя Наполеонъ могъ бы принять для скорѣйшаго ея подчиненія, а также тѣ, представляющіяся ему затрудненія и неудобства, которыя онъ при этомъ встрѣтитъ. Я не имѣлъ возможности пока достать продолженія этихъ записокъ, но мнѣ обѣщали оныя. Расходы поэтому простираются до 9.000 франковъ. Повидимому,

---

[1]) Означенныя записки не приложены къ напечатаннымъ письмамъ.

судя по этимъ запискамъ, главная цѣль стремленій, въ настоящее время, Наполеона—завоеваніе Португаліи; всѣ остальные вопросы остановлены до разрѣшенія этого. Онъ надѣется этимъ повліять на торговыя сношенія Англіи и подчинить себѣ Испанію, указавъ ей на возможность быть покинутою ея союзникомъ. Наполеонъ, какъ сообщаютъ изъ Голландіи, оказываетъ большое расположеніе къ миру и говорилъ съ королемъ Голландскимъ о посылкѣ въ Англію вновь Лабушера [1]) для переговоровъ; Наполеонъ желаетъ сблизиться съ Талейраномъ и дѣлаетъ къ этому попытки. На это, однако, мало надежды.

4 (16) апр. 1810 г. Если вы остались довольны послѣднимъ сообщеніемъ въ французскомъ журналѣ о новѣйшемъ нашемъ указѣ, 2-го мая, о финансахъ, то присылайте мнѣ свѣдѣнія о дальнѣйшихъ по этой части распоряженіямъ, а также и о внутреннемъ нашемъ положеніи; мнѣ не трудно помѣщать это въ здѣшнія газеты. Здѣсь благоразумные люди одобряютъ все, что у насъ дѣлается. Одинъ императоръ порицаетъ это, потому что усматриваетъ въ этомъ средства къ улучшенію внутренняго нашего управленія и зародышъ новой силы, между тѣмъ онъ желалъ бы, чтобы у насъ царилъ безпорядокъ и слабость. Отъ этого ему и не нравится нашъ заемъ также.

5 (17) мая. Здѣсь все говорятъ о безпокойствахъ, возбуждаемыхъ у насъ бракомъ Наполеона. Графъ Меттернихъ надѣется извлечь изъ этого брака 3 выгоды: 1) уменьшеніе недоимокъ къ контрибуціи; 2) заключеніе займа въ Европѣ, и во Франціи преимущественно, на сумму сто милліоновъ, и 3) заключеніе торговаго договора, который обезпечилъ бы какой-нибудь сбытъ произведеніямъ Венгріи. Но Наполенъ обыкновенно никогда не исполняетъ своихъ обѣщаній долѣе того времени, какъ къ этому вынуждаютъ его выгоды настоящаго и сила обстоятельствъ, а потому надежды Меттерниха разсѣются очень скоро. Я узналъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что Наполеонъ, вслѣдствіе смутъ въ Кроаціи, желаетъ возвратить Австріи эту область, а также Фіуме и часть Адріатическаго прибрежья; объ этомъ онъ пока толковалъ только съ однимъ Меттернихомъ; я буду особенно слѣдить за этимъ. Дѣла въ Испаніи идутъ все неудовлетворительно; возстаніе стало сильнѣе и упорнѣе; усмирить его можно, истребивъ половину населенія и обративъ Испанію въ пустыню, но и тогда миръ и тишина долго царствовать не будутъ. Крайне затруд-

---

[1]) Лабушеръ, Петръ-Цезарь—род. въ Голландіи въ 1772 г. и рано поступилъ на службу Франціи по дипломатической части, исполняя различныя порученія при иностранныхъ дворахъ. Онъ умеръ въ Англіи въ 1839 году, находясь уже въ отставкѣ.

нительно овладѣть Кадиксомъ; онъ обороняется очень храбро и упорно. Возможно, что Массена разобьетъ англичанъ и овладѣетъ Лиссабономъ, но это еще не значитъ, что онъ овладѣетъ Португаліею; ему трудно содержать армію въ 70 т. человѣкъ въ странѣ, въ которой даже англійскія войска, при всемъ содѣйствіи и участіи къ нимъ мѣстнаго населенія, существуютъ съ большимъ трудомъ. Наполеонъ даетъ множество разрѣшеній на торговлю (licences), и торговыя сношенія съ Англіею все увеличиваются; масса хлѣба вывозится въ Великобританію, а также изъ Бордо прямо въ Лиссабонъ и Корунью и служитъ для продовольствія англійскихъ войскъ.

27 мая. Съ удовольствіемъ получилъ ваше письмо; очень польщенъ, что вы довольны моими сообщеніями и посылкою книгъ. Чрезъ нѣсколько дней достану продолженіе журнала о земледѣліи и поспѣшу вамъ его отправить. Сегодня я сообщилъ Талейрану ваши мысли и взгляды объ улучшеніи финансовъ; онъ въ восторгѣ, и мы можемъ ожидать самыхъ счастливыхъ результатовъ. Онъ все того мнѣнія, что надо пользоваться минутами покоя, чтобы усиливать себя, и этому послѣднему у насъ ничто не можетъ такъ помочь, какъ вниманіе, обращенное у насъ на внутреннее управленіе, со времени учрежденія совѣта. Талейранъ полагаетъ, что Меттернихъ покинетъ Парижъ, не заключивъ обязательствъ, опасныхъ для Россіи.

Въ тѣсномъ союзѣ Россіи и Австріи онъ видитъ средство внушить Франціи мирныя стремленія и полагаетъ, что такой союзъ возможенъ, несмотря на бракъ Наполеона. Пока идетъ война въ Испаніи, намъ нечего опасаться Наполеона и мы можемъ принять свои мѣры. Что послѣдуетъ послѣ—предвидѣть не трудно. Расположеніе, проявленное Наполеономъ къ намъ, послѣ брака, слишкомъ ясно указываетъ, что онъ рѣшился не изъявлять болѣе своего согласія на что-либо, что намъ можетъ быть выгоднымъ. Судьба конвенціи съ Польшею служитъ не малымъ тому доказательствомъ; онъ отказался ее утвердить. Холодный пріемъ кн. Куракина тоже не малозначущъ. Можно заключить, что Наполеонъ въ отношеніи насъ держится системы выжидательной, посредствомъ которой онъ старается поддержать его сношенія съ нами въ томъ состояніи умѣренности (tiedeur), въ которомъ они теперь находятся до той минуты, когда онъ признаетъ удобнымъ рѣшительно снять маску и обнаружить свои намѣренія.

4 (16) іюня. Сообщаю вамъ при семъ подробности о паденіи Фушэ. Это событіе породило много шума и толковъ. Наполеонъ упрекаетъ его, между прочимъ, и въ томъ, что онъ два года тому назадъ распространилъ по всей Европѣ слухъ о его разводѣ, о которомъ онъ тогда не помышлялъ.

„Я не хочу имѣть министромъ, сказалъ Наполеонъ, лицо, которое роется въ моихъ бумагахъ и моихъ домашнихъ дѣлахъ. И при томъ зачѣмъ это покровительство лицамъ, которыми я не доволенъ; зачѣмъ это вниманіе къ герцогинѣ Шеврезъ [1]), подобное тому, какое было оказано при Людовикѣ XV павшему министру въ Шантелу (т. е. герцогу Шуазелю). Я хочу, чтобы она немедленно уѣхала и никогда бы не приближалась къ Парижу". Никто здѣсь не считаетъ Фуше виноватымъ и никто не полагаетъ, что онъ началъ переговоры съ Англіею, помимо и безъ вѣдома императора. Одна его вина та, что онъ слишкомъ горячо желалъ мира. Удаленіе его значительно уменьшило надежды имѣть прочный миръ.

Посылаю при семъ отчетъ о положеніи дѣлъ въ Испаніи; можно заключить, что маршалы Массена и Жюно не имѣли успѣха въ дѣлахъ противъ англичанъ. Надежды на миръ очень слабы. Наполеонъ, учреждая совѣтъ торговли, сказалъ: „Вижу хорошо, что не буду имѣть мира съ Англіею; мнѣ, слѣдовательно, надо подумать о средствахъ дать иное направленіе торговлѣ и привести торговлю въ то положеніе, которое она занимала ранѣе открытія Америки".

6 (18) іюня 1810 г. Мнѣ обѣщали нѣсколько сочиненій о земледѣліи въ Англіи, но еще не доставили. Мои расходы въ этомъ отношеніи доходятъ до 12.000 франковъ. Удаленіе Фушэ меня очень разстроило; у него, обыкновенно, Талейранъ почерпалъ всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя я вамъ сообщалъ для коммиссіи составленія законовъ. Вижу, что моя переписка отъ этого пострадаетъ, и прошу снисхожденія.

13 (25) іюня. Я съ восторгомъ узналъ о нашихъ блестящихъ успѣхахъ въ Турціи; они произвели впечатлѣніе на всѣхъ. Здѣсь они не нравятся. Австрія смотритъ на нихъ съ завистью. Наполеонъ опасается, что мы зайдемъ слишкомъ далеко. Вотъ причина его гнѣвныхъ выраженій кн. Куракину. Пока это только шумъ и гроза не разразится, пока продолжается война въ Испаніи. Она даетъ намъ время и всѣ удобства закончить прочно и блистательно нашу войну съ Турціею; мы будемъ имѣть все время, необходимое приготовиться на борьбу съ нимъ, и быть можетъ этимъ предотвратимъ ее совсѣмъ. Княжества не ускользнутъ отъ насъ при этомъ мирѣ. Талейранъ желаетъ, чтобы мы при этихъ переговорахъ оказали бы вниманіе и расположеніе къ Австріи, въ особенности по дѣламъ ея съ Сербіею.

---

[1]) Шеврезъ, герцогиня, рожденная Нарбоннъ-Фрицларъ, род. въ 1785 г., была назначена придворною дамой императрицы Маріи-Луизы, по оппозиціоннымъ направленіямъ своихъ взглядовъ скоро навлекла гнѣвъ Наполеона I, который приказалъ удалить ее изъ Парижа за 40 лье. Она удалилась въ Ліонъ, гдѣ умерла въ 1813 году.

Онъ очень радъ и доволенъ успѣхами нашего оружія; онъ желаетъ, чтобы мы были сильны, и видитъ съ удовольствіемъ, что мы вѣрнымъ путемъ стремимся къ достиженію этого. Онъ полагаетъ, что послѣдній припадокъ гнѣва противъ насъ, или скорѣе противъ графа Румянцева, не будетъ имѣть важныхъ послѣдствій. Причиною немилости къ нему со стороны Тюильрійскаго дворца являются несовременныя неудовольствія; они были только предлогомъ, которымъ воспользовались, чтобы изъявить злобу (rancune), которую къ нему имѣли за то, что онъ былъ противникомъ брака Наполеона I съ великою княжною Анною Павловною, сестрою императора Александра I.

Посылаю при семъ послѣдніе отчеты о занятіяхъ совѣта торговли; чего-либо особенно интереснаго не имѣется для сообщеній. Наполеонъ старается очень вліять на Швецію при выборѣ наслѣдника престола; ему очень содѣйствуетъ интриганъ Лагербьелке. Нельзя ли противодѣйствовать этимъ стремленіямъ, для насъ не безразличнымъ? Графъ Меттернихъ все еще здѣсь. Наполеонъ послѣ брака своего мало занимается дѣлами и все ухаживаетъ за своей супругой.

14 (26) іюня. Наполеонъ, повидимому, послѣ пріѣзда послѣдняго курьера отъ Коленкура, болѣе занятъ дѣлами съ Россіею, нежели прежде. Онъ прервалъ свое продолжительное, около трехъ мѣсяцевъ, молчаніе на всѣ заявленія нашего посла; кн. Куракинъ принимается лучше; тонъ журналовъ менѣе для насъ непріязненъ, и всѣ эти дни Наполеонъ не перестаетъ хвалить Россію, высказывая такія, напримѣръ, фразы: „Я очень доволенъ тѣмъ, какъ смотрятъ на мой бракъ въ Петербургѣ“... Императоръ Александръ I въ особенности смотритъ на него, какъ умный человѣкъ...

Послѣднія обѣщанія изъ Петербурга доставили мнѣ большое удовольствіе... Нѣтъ болѣе никакого зародыша войны въ Европѣ, и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что полученныя имъ очень неблагопріятныя извѣстія изъ Испаніи побудили его къ такой перемѣнѣ отношеній. Пока будетъ продолжаться война Испанская, онъ будетъ избѣгать ссоры съ нами и ограничится тѣмъ, что будетъ препятствовать намъ заключить миръ съ Турціею. Несмотря на добрыя къ намъ, повидимому, расположенія, Наполеонъ не могъ, однако, вчера, на собраніи, нѣсколько разъ не повторить: „Странное дѣло! русскіе никакъ не могутъ перейти Дунай, это въ ихъ родѣ“ (c'est bien dans leur genre).

Если нашъ дворъ можетъ принять измѣненія, предложенныя Франціею въ нашей конвенціи съ Польшею, я полагаю не дурно было бы немедленно согласиться на нихъ, подписать и ратификовать конвенцію. Иначе нельзя ручаться, что это дѣло никогда не кончится. Наполеонъ начинаетъ склоняться на сторону поляковъ и старается изгладить худое впечатлѣніе, произведенное въ Польшѣ его распо-

ряженiями; онъ пригласилъ и Александру Потоцкую обѣдать съ нимъ и императрицею,—честь, которой не удостоилась еще ни одна изъ иностранныхъ дамъ. Къ несчастiю она была на дачѣ и не могла воспользоваться приглашенiемъ.

14 (26) iюня. Послѣ прiѣзда послѣдняго курьера, благосклонное расположенiе Наполеона къ Румянцеву, повидимому, измѣнилось; онъ выражается о немъ безъ сожалѣнiя и осторожности, даже съ нѣкоторымъ презрѣнiемъ. Говоря о своемъ бракѣ, Наполеонъ выразилъ, что въ особенности императоръ Александръ считаетъ это событiе полезнымъ для общаго спокойствiя и тишины, но не графъ Румянцевъ, который полагаетъ, что рано или поздно онъ долженъ поссориться со своею супругою, что необходимо вызоветъ осложненiя между Францiею и Австрiею, и вотъ причина, по которой Румянцевъ былъ противъ брака Наполеона съ вел. кн. Анною Павловною, „какъ будто бы я, добавилъ Наполеонъ, могу когда-либо поссориться съ моею женою?“ Слова эти мнѣ передала особа, которой они были сказаны непосредственно императоромъ. Мнѣ очень мало сообщаетъ агентъ Эменаръ, отъѣздъ Фушэ повредилъ мнѣ много.

8 (20) августа. Письма изъ Петербурга сообщаютъ, что нашъ дворъ очень тревожится послѣдствiями отношенiй, установившихся между Францiею и Австрiею послѣ брака Наполеона. Поэтому считаю не лишнимъ сообщить вамъ нѣсколько словъ о взаимныхъ отношенiяхъ обѣихъ державъ. Императоръ австрiйскiй, соглашаясь на бракъ своей дочери съ Наполеономъ, не имѣлъ иной политической цѣли, какъ обезпечить существованiе своей монархiи. Меттернихъ былъ главнѣйшiй виновникъ этого брака и всячески старался его осуществить, узнавъ, что Наполеонъ, разведясь съ первою супругою своею, хочетъ вступить во второй бракъ. Меттернихъ надѣялся придать немного жизни австрiйской монархiи, ослабленной и находящейся между двумя могущественными державами. Вся нацiя не одобряла этого брака; чтобы сдѣлать его нѣсколько популярнымъ, Меттернихъ увидѣлъ необходимость связать съ нимъ выгоды, которыя доказывали бы, что дворъ принесъ также жертву не совсѣмъ даромъ.

Онъ поѣхалъ съ эрцъ-герцогинею въ Парижъ, чтобы вести переговоры о выгодахъ, желаемыхъ австрiйскимъ дворомъ, и чтобы удостовѣриться самому о положенiи принцессы и судить на этомъ основанiи о влiянiи этого брака на ходъ дѣлъ и политическiе виды Наполеона. Для Меттерниха лично эта поѣздка имѣла самыя счастливыя послѣдствiя. Онъ, съ которымъ ранѣе не хотѣли вести переговоровъ и котораго осмѣивали и бранили во всѣхъ журналахъ, сдѣлался предметомъ самыхъ великихъ почестей, когда-либо оказанныхъ иностранцу въ Парижѣ; онъ былъ принятъ вездѣ съ большимъ внима-

ніемъ. Онъ пріобрѣлъ довѣріе Наполеона самого и не разъ долго бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ, въ кабинетѣ. Ему, казалось, не трудно было бы добиться различныхъ уступокъ со стороны Франціи на пользу Австріи, но на самомъ дѣлѣ онъ добился очень малаго и то послѣ четырехъ-мѣсячныхъ объясненій. Едва-ли бы даже онъ добился и этого, еслибы не имѣлъ случая переговорить о нихъ непосредственно съ Наполеономъ; до того французское правительство было несговорчиво съ каждымъ государствомъ. Меттерхнихъ не хотѣлъ возвратиться въ Вѣну, не имѣя возможности представить народу какія-либо выгоды отъ брака Маріи-Луизы, и потому такъ долго и пребывалъ въ Парижѣ.

Это пребываніе породило множество толковъ и предположеній. Стали говорить объ оборонительномъ и наступательномъ союзѣ Австріи съ Франціею и опредѣляли даже, что онѣ обязались выставить по 150 т. солдатъ на помощь одна другой; что онѣ договорились о раздѣлѣ Турціи между собою и т. д. Но это все не имѣло основанія. Меттернихъ самъ заботился только о независимости своей родины, вовсе не добивался союза съ Франціею и желалъ воспользоваться заключеннымъ бракомъ для поддержанія всеобщаго спокойствія. Такимъ образомъ мы имѣемъ еще время для переустройства финансовъ и нашего внутренняго управленія. Положеніе Франціи станетъ угрожающимъ для насъ, когда Наполеонъ начнетъ выводить войска изъ Испаніи, а пока—онъ посылаетъ все туда подкрѣпленія.

8 (20) августа. Наполеонъ занятъ гораздо болѣе финансами, нежели политикою; онъ старается собрать поболѣе денегъ, но не прибѣгаетъ къ хорошимъ средствамъ. У него преобладаютъ конфискаціи, банкротства, незаконныя мѣры, а не кредитъ, единственно достойный великой державы. Люди, всего болѣе свѣдущіе въ политической экономіи, не одобряютъ этого. Наполенъ по-прежнему недоволенъ Коленкуромъ, находитъ, что мы его избаловали и испортили, что онъ является скорѣе царедворцемъ Александра I, а не посланникомъ Франціи; онъ скоро будетъ отозванъ. Сомнѣваюсь, однако, чтобы это послѣдовало. Прошу васъ, не распространяйте эту тайну, чтобы она отнюдь не дошла до посланника. Мнѣ говорили, что его замѣститъ генералъ Кафарелли [1]).

9 (21) августа. Выдано сто позволеній американцамъ на производство торговли; все дѣло въ томъ, что хотятъ сохранить торговлю для себя и ничего не дозволять другимъ.

---

[1]) Кафарелли-де-Фалью, Августъ—началъ военную службу съ 1792 г. рядовымъ, а въ 1800 г. былъ уже бригадный генералъ, отличился при Аустерлицѣ въ 1805 г., дѣйствовалъ позднѣе въ Испаніи, овладѣлъ Бильбао въ 1812 г. и, разсѣявъ гверилльясовъ, вернулся въ 1813 г. во Францію и, по удаленіи Наполеона I, поселился въ своемъ помѣстьи, гдѣ и умеръ.

5 (17) сентября. Благодарю за свѣдѣнія о проектахъ преобразованія внутренняго управленія имперіи; очень обяжете меня присылкою дальнѣйшихъ проектовъ. Не могу скрыть отъ васъ, что избраніе маршала Бернадотта, князя Понтекорво [1]), въ наслѣдники шведскаго престола, произвело здѣсь очень неблагопріятное впечатлѣніе. Наполеонъ, при этомъ случаѣ проявившій опять глубокое притворство, дошелъ до того, что не одобрялъ образъ дѣйствія при этомъ нашего кабинета. Непонятно, выразился онъ, что Россія не сговорилась со мною о томъ, чтобы выбрать на шведскій престолъ лицо, соотвѣтствующее ея интересамъ; я слишкомъ погрязъ въ дѣла Испаніи, чтобы имѣть возможность воспротивиться выбору. Онъ, впрочемъ, все твердитъ, что никогда не вмѣшивался въ эти выборы, и что этотъ выборъ ему непріятенъ очень, потому что породитъ много претензій среди его маршаловъ. Можно сомнѣваться въ искренности этого утвержденія. Публика видитъ въ этомъ указаніе на близость разрыва съ нами. Вѣроятность войны Россіи съ Франціею, съ нѣкотораго времени, сдѣлалась предметомъ всѣхъ разговоровъ въ Парижѣ; всѣ и каждый толкуютъ объ этомъ. Я не предвижу войны ранѣе весны 1812 года, такъ какъ французская армія вовсе не желаетъ совершать зимній походъ въ нашемъ климатѣ. Чтобы возвратить войска изъ Испаніи, надо по меньшей мѣрѣ годъ, при покореніи этой страны. При войнѣ Наполеона съ нами необходимо имѣть въ виду, что онъ явится со всѣми вооруженными силами Европы, не исключая Австріи и Пруссіи; намъ надо соотвѣтственно этому и приготовиться. Только собравъ внушительныя силы и давъ почувствовать, съ какими неизбѣжными послѣдствіями будетъ сопровождаться ослабленіе Россіи, можно вселить довѣріе обоимъ дворамъ (т. е. Австріи и Пруссіи) и воспрепятствовать имъ принять сторону Франціи. Скоро я вамъ сообщу о поѣздкѣ австрійскаго императора въ Парижъ; въ этомъ нѣтъ никакой политической цѣли; это только выраженіе отеческаго чувства къ дочери и дань тщеславію Наполеона. Маршалъ Бернадоттъ можетъ сдѣлать свое избраніе популярнымъ въ Швеціи, выказывая стремленіе къ полученію обратно Финляндіи; нѣтъ сомнѣнія, что На-

---

[1]) Бернадоттъ, Жанъ - Баптистъ - Жюль, род. въ По въ 1780 г., началъ военную службу простымъ солдатомъ и, быстро повышаясь въ чинахъ по отличію, получилъ въ 1805 г. титулъ кн. Понтекорво, командовалъ 1 арміей въ 1807 г., пріобрѣлъ популярность за гуманное обращеніе съ шведскими плѣнными и былъ избранъ въ 1810 г. въ наслѣдники шведскаго престола послѣ Карла XIII, усыновленъ имъ 5-го ноября и объявленъ регентомъ Швеціи, а послѣ смерти Карла XIII въ 1818 году вступилъ на шведскій престолъ и короновался подъ именемъ Карла XIV. Онъ царствовалъ до 1844 года, когда умеръ.

полеонъ извлечетъ изъ этого также большую для себя пользу при случаѣ. Надо намъ предотвратить это. Князь Беневентскій (Талейранъ) уѣхалъ на время въ деревню. Наполеонъ начинаетъ съ нимъ лучше обходиться, но примиреніе между ними никогда не состоится. Со времени войны въ Испаніи они слишкомъ расходятся въ политическихъ взглядахъ. Талейранъ стремится къ сохраненію пріобрѣтеннаго, а Наполеонъ преслѣдуетъ одну цѣль — все разрушать. Недавніе лестные отзывы англійскихъ газетъ о Фушэ и Талейранѣ только увеличили ненависть къ нимъ Наполеона.

Письма изъ Константинополя сообщаютъ объ усиленіи французскаго вліянія въ Стамбулѣ. Это достигнуто возбужденіемъ Порты противъ насъ и поддерживаніемъ ея намѣренія не уступать намъ дунайскихъ княжествъ.

Посылаю вамъ точныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Испаніи.

5 (17) октября. Графъ Меттернихъ послѣ долгихъ отсрочекъ и сборовъ уѣхалъ наконецъ изъ Парижа; этимъ будетъ положенъ конецъ всѣмъ тревожнымъ слухамъ объ отношеніяхъ и сношеніяхъ Франціи и Австріи. При прощальной его аудіенціи было рѣшено, что австрійскій императоръ прибудетъ въ Парижъ въ мартѣ мѣсяцѣ, къ ожидаемымъ родамъ его дочери. Сама австрійская императрица прибудетъ къ тому же сроку изъ Ниццы, гдѣ она проведетъ зиму для поправленія здоровья, а потомъ оба вмѣстѣ возвратятся въ Вѣну. Графъ Меттернихъ сдѣлалъ большую тайну объ этомъ путешествіи, никому не говорилъ о немъ ни слова. Но, повидимому, судя по его характеру, императоръ Франціи не внушаетъ достаточнаго довѣрія, чтобы имѣть надежду, что онъ не будетъ увлеченъ обстоятельствами, пагубными для Европы и, слѣдовательно, противными интересамъ Россіи. Но объ этомъ еще рано говорить, и я васъ прошу держать въ тайнѣ все выше мною сообщенное. Немного ранѣе Меттерниха уѣхалъ на новое поприще дѣятельности и наслѣдный принцъ шведскій Бернадоттъ съ большою свитою. Пока ему предписано соблюдать миръ съ сосѣдями и вести войну съ Англіею. На вопросъ, можетъ ли Швеція существовать безъ Финляндіи, онъ отвѣтилъ: „Швеція имѣетъ 4 милліона экю дохода и 18 милліоновъ долга, платежъ процентовъ по которому доходитъ до 800.000 экю ежегодно. Если Наполеонъ дозволитъ Швеціи уплачивать проценты его подданнымъ произведеніями страны, онъ можетъ выйти изъ затрудненія и обойтись безъ Финляндіи, но если представится случай возвратить ее Швеціи, онъ не упуститъ имъ воспользоваться. Съ другой стороны онъ ничего не сдѣлаетъ, чтобы вызвать такой случай, потому что правильно понятые интересы Швеціи требуютъ сохраненія мира“. Повидимому, это разсужденіе даетъ понятіе объ истинномъ положеніи Швеціи и о системѣ упра-

вленія и политики будущаго новаго монарха. Наполеонъ обошелся съ нимъ щедро, далъ ему милліонъ и оставилъ за нимъ всѣ частные доходы, получаемые во Франціи; онъ даже сохранилъ за нимъ получаемое имъ жалованье.

Наполеонъ съ нѣкоторыхъ поръ еще заботится о финансахъ, но управляетъ ими все по той же системѣ. Выдаваемыя часто дозволенія на торговлю мало облегчаютъ торговлю; они требуютъ соблюденія массы формальностей, и торговцы не усматриваютъ въ этомъ большой льготы.

Шампаньи (Кадоръ) недавно очень много разспрашивалъ Сикса [1]), прибывшаго изъ Петербурга о настроеніи русскихъ къ французамъ. Сиксъ завѣрялъ его, что настроеніе зависитъ единственно отъ образа дѣйствія Франціи по отношенію къ Россіи, что онъ не встрѣчалъ въ Россіи человѣка, имѣющаго намѣреніе совершить походъ во Францію, но если Наполеонъ начнетъ войну и вступитъ въ предѣлы Россіи, то встрѣтитъ самое упорнѣйшее сопротивленіе; будетъ опустошена страна на сто верстъ въ Польшѣ и обращена въ пустыню, чтобы создать преграду его движеніямъ.

Сиксъ увѣрялъ также герцога Кадора, что если Наполеонъ не будетъ тревожить Россію въ ея владѣніяхъ, — (бывшихъ польскихъ губерніяхъ), а также въ присоединенной Финляндіи и не будетъ препятствовать присоединенію Валахіи и Молдавіи къ Россіи, то всегда можетъ разсчитывать на союзъ съ императоромъ Александромъ I и на полную откровенность его кабинета. Повидимому, Сиксъ говорилъ правильно, и я не полагалъ, чтобы онъ рѣшился говорить такъ откровенно и смѣло.

Императрица Жозефина не возвратится, повидимому, въ Парижъ. Наполеонъ писалъ ей, что возвращеніе ея произведетъ слишкомъ неблагопріятное впечатлѣніе для нея самой, и предложилъ ей управлять Римомъ, гдѣ она не замедлитъ, конечно, расположить къ нему всѣхъ обывателей. Дѣла въ Испаніи все въ томъ же положеніи. О положеніи фрацузскихъ войскъ въ Испаніи очень хорошо выразился недавно маркизъ д'Альмонако, сказавъ: „они вездѣ побѣждаютъ и вездѣ окружены. (Partout victorieuse et partout bloquées).

11 (23) октября 1810 г. Наполеонъ показываетъ видъ, будто онъ въ наилучшихъ съ нами отношеніяхъ; онъ обращаетъ вниманіе и отличаетъ всѣхъ русскихъ въ Парижѣ, говоритъ все успокоительныя слова и старается въ настоящую минуту, насколько только возможно, насъ, русскихъ, ласкать. Это все должно приписать: 1) худому поло-

---

[1]) Сиксъ—былъ нѣкогда министромъ въ Голландіи, но оставилъ это мѣсто и частнымъ человѣкомъ посѣтилъ Петербургъ въ 1810 году.

женію дѣлъ въ Испаніи; 2) невозможности побудить Австрію заключить оборонительный съ Франціей союзъ; 3) желанію, чтобы мы приняли мѣры противъ торговли колоніальными товарами. Наполеонъ очень хвалитъ Веллингтона и выразился: „такихъ людей, какъ онъ, я желаю имѣть у себя; онъ добивается или славы или смерти". Наполеонъ истощилъ всѣ свои усилія, чтобы склонить Меттерниха закрѣпить семейныя отношенія съ Австріею заключеніемъ союза Австріи съ Франціею; на всѣ его доводы Меттернихъ отвѣчалъ, что событія настоящаго времени слишкомъ измѣнчивы, чтобы взять на себя подобное обязательство, и отказался даже передать подобное предложеніе своему императору.

Талейранъ совѣтуетъ въ вопросѣ континентальной системы много шумѣть и ничего не дѣлать, т. е. платить большею лживостью тѣмъ, которые къ ней всегда прибѣгаютъ сами. Я узналъ, что Бернадоттъ, отъѣзжая въ Швецію, сказалъ Наполеону при прощаньи: „что, переплывъ море, онъ въ своихъ дѣйствіяхъ будетъ руководиться единственно интересами Швеціи и благосостояніемъ страны, ввѣренной ему судьбою". Надо полагать, что въ скоромъ времени будемъ имѣть случай судить о томъ, на сколько эти слова осуществятся на дѣлѣ.

Я очень обрадовался, узнавъ, что у насъ начинаютъ приготовляться къ военнымъ дѣйствіямъ и принимаютъ мѣры къ оборонительной войнѣ...

Наполеонъ недавно заявилъ, что онъ не желалъ союза съ Австріею, что союзъ этотъ самъ по себѣ не имѣетъ цѣли, что онъ не любитъ коалиціи вообще и т. д.; все это говорится, чтобы поддерживать зачатки разногласій между нашимъ дворомъ и вѣнскимъ.

12 (24) октября 1810 г. Массена въ сраженіи при Бусако, 27 сентября, потерпѣлъ пораженіе, и понесъ большія потери; англичане удержали за собою поле сраженія, но, опасаясь быть обойденными, предпочли перейти на лѣвый берегъ р. Мондего [1]). Вопросъ теперь въ томъ, удержится ли Веллингтонъ на югѣ Португаліи или уѣдетъ изъ Лиссабона.

3 (15) декабря 1810 г. Можно полагать, что и въ наступающемъ 1811 году Наполеонъ оставитъ насъ въ покоѣ. Пошлю вамъ скоро проектъ о новой національной гвардіи; это вселяетъ самыя важныя безпокойства о намѣреніяхъ правительства, располагающаго такими средствами. Быть можетъ, имѣя 300 т. войскъ на нашей границѣ, мы предотвратимъ нашествіе, а пока наблюдайте за нѣкоторымъ г. Тіаромъ и постарайтесь воспрепятствовать ему проникнуть въ Рос-

---

[1]) Мондего—рѣка въ португальской провинціи Бейра, впадаетъ въ Атлантическій океанъ близъ мыса Фигеара де-Фоссъ.

сію. Это очень опасный человѣкъ и одинъ изъ самыхъ ловкихъ тайныхъ агентовъ въ распоряженіи французскаго правительства. Онъ обладаетъ выдающимся талантомъ для шпіонства и, безъ сомнѣнія, въ этихъ видахъ и направился къ намъ. Онъ былъ въ немилости у Наполеона съ 1808 г., но потомъ, при покровительствѣ Савари, снова всплылъ. Онъ былъ сперва второстепеннымъ шпіономъ у Савари, а затѣмъ получилъ повышеніе и высшее назначеніе. Несмотря на извѣстное русское гостепріимство, мы поступимъ хорошо, если вытолкаемъ его изъ дверей нашихъ, а еще лучше, если не впустимъ къ себѣ; это гораздо вѣрнѣе.

5 (17) декабря 1810 г. Посылаю съ курьеромъ любопытныя извѣстія, какъ-то: 1) о присоединеніи къ Франціи ганзейскихъ городовъ; 2) объ отступленіи Массены; 3) о новомъ наборѣ въ 120.000 человѣкъ. Присоедините къ этому новую національную гвардію въ 900.000 человѣкъ, и вотъ вамъ армія, несравненно бо̀льшая необходимой для завоеванія Испаніи. „Впрочемъ, сказалъ на-дняхъ Наполеонъ, я не обращаю на Испанію никакого вниманія; она не входитъ въ мою систему“. Эти слова были поняты въ томъ смыслѣ, что онъ обладаетъ слишкомъ значительными средствами, чтобы раздавить Испанію, не будучи при томъ остановленнымъ въ дальнѣйшемъ развитіи своихъ намѣреній, т. е. въ намѣреніи унизить Россію. Онъ подробно разспрашивалъ Лажара[1]) о системѣ рекрутства у насъ, о нашемъ военномъ управленіи вообще, о нашихъ военныхъ складахъ и запасахъ, о нашихъ войскахъ, о состояніи нашихъ крѣпостей, а полковника Путона[2])—о разныхъ топографическихъ свѣдѣніяхъ о Россіи, о теченіи ея рѣкъ, о военныхъ стратегическихъ позиціяхъ, о средствахъ и способахъ продовольствовать армію въ нашихъ пограничныхъ губерніяхъ и т. д.

2 (14) января 1811 г. Наполеонъ приказалъ Латуръ Мобуру въ Константинополѣ всячески препятствовать заключенію Турціею мира съ Россіею, но при этомъ ничѣмъ не компрометтировать Францію и ея правительство и не давать никогда Портѣ совѣтовъ или указаній письменно. Недавно, однако, получено извѣстіе изъ Константинополя, что эти предписанія остались безъ послѣдствій; турки готовы совсѣмъ заключить миръ съ нами, и Наполеонъ остался очень недоволенъ Латуръ Мобуромъ. По заключеніи мира съ Турціею, намъ было бы по-

---

[1]) Лажаръ (Lajard) Жанъ-Баптистъ, род. въ Ліонѣ въ 1783 г., занимался археологіею и былъ причисленъ къ посольству генерала Гарданна въ Персію въ 1807 году, гдѣ пробылъ три года, собравъ большую коллекцію вавилонскихъ древностей и много свѣдѣній о религіозныхъ ученіяхъ древняго востока. Онъ умеръ въ 1858 году.

[2]) Путонъ былъ полковникомъ топографовъ въ Парижѣ въ 1810 году.

лезно сговориться съ Австріею и заключить съ нею формальный союзъ; съ цѣлью возможно болѣе усилиться, намъ надо отказаться отъ всякихъ предпріятій, могущихъ насъ ослабить.

Наполеонъ занятъ теперь отправкою большихъ денежныхъ средствъ въ Испанію. Хотя положеніе французовъ въ этой странѣ до крайности тяжкое, но это не воздерживаетъ Наполеона отъ дальнѣйшихъ попытокъ завоеванія оныхъ. Въ Байоннѣ собранъ большой корпусъ войскъ подъ начальствомъ Бассьера, который направляется въ Испанію. Говорили, что самъ Наполеонъ туда поѣдетъ; но, повидимому, до разрѣшенія отъ бремени своей супруги, онъ не покинетъ Парижа, а затѣмъ поѣдетъ въ Италію.

Число поляковъ въ Парижѣ все увеличивается и дѣятельность ихъ усиливается, по мѣрѣ того, какъ охлажденіе между нами и Франціею представляется болѣе и болѣе вѣроятнымъ. Стараются успокоить поляковъ, но поддерживая надежды въ будущемъ. Великій ихъ покровитель—Марэ, который вмѣстѣ съ Дюрокомъ является посредникомъ ихъ сношеній съ императоромъ. Французскимъ резидентомъ въ Варшавѣ назначенъ Биньонъ, вполнѣ преданный Наполеону; онъ очень ловокъ, изворотливъ, вкрадчивъ и прекрасно дѣйствуетъ въ видахъ Франціи, а, слѣдовательно, онъ очень опасенъ для насъ. Не менѣе опасенъ для насъ пріѣздъ въ Парижъ г-жи Валевской, съ которой Наполеонъ жилъ въ Варшавѣ и Вѣнѣ; говорятъ, она пріѣхала по его приглашенію; достовѣрно то, что она была принята отлично, имѣла нѣсколько отдѣльныхъ частныхъ аудіенцій и тратитъ большія деньги, несмотря на скромность ея состоянія. Пребываніе Адама Чарторыйскаго въ герцогствѣ Варшавскомъ возбудило здѣсь безпокойство; опасаются, что онъ дѣйствуетъ въ нашу пользу. Такъ отозвался, по крайней мѣрѣ, самъ герцогъ Ровиго (Савари). Письма, получаемыя пребывающими здѣсь поляками отъ друзей и знакомыхъ въ Литвѣ, сообщаютъ имъ о собранной арміи 50 т. человѣкъ и значительныхъ складахъ всякаго рода.

Не сочтете ли вы полезнымъ прослѣдить за этою перепискою и сдѣлать распоряженіе о непропускѣ во Францію писемъ, въ которыхъ заключаются свѣдѣнія о положеніи и передвиженіи нашихъ войскъ? Такія свѣдѣнія производятъ большое впечатлѣніе па Наполеона, который по настоящее время все еще проявляетъ лучшее расположеніе къ Россіи; онъ даже распространяетъ среди окружающихъ его лицъ, что г. Чернышевъ доставилъ ему полнѣйшее согласіе нашего правительства на все, что онъ просилъ отъ насъ. Съ другой стороны, многимъ лицамъ, находящимся въ перепискѣ съ Коленкуромъ, онъ предлагалъ вопросы, свидѣтельствующіе, что не вполнѣ увѣренъ въ нашихъ дѣйствіяхъ и въ расположеніи къ нему. Посылаю вамъ

отчетъ [1]) о положенiи Францiи; вы найдете любопытныя подробности.

4 (16) января 1811 г. Изданный у насъ новый тарифъ произвелъ здѣсь сильное впечатлѣнiе на Наполеона и вызвалъ большое къ намъ сочувствiе въ лицахъ, не раздѣляющихъ его взглядовъ. Наполеонъ видитъ въ немъ первый шагъ къ сближенiю съ Англiею—мѣру, очевидно, враждебную Францiи; другiе же видятъ въ немъ мѣру, соотвѣтствующую интересамъ Россiи и вполнѣ достойную великой державы. Наполеонъ отвѣтилъ на этотъ тарифъ призывомъ новобранцевъ, желая показать, что онъ не хочетъ, чтобы мы были независимою державою. Война съ Францiею давно уже неизбѣжна; не тарифъ ее вызываетъ; онъ только ее ускоритъ. Она вспыхнетъ въ Польшѣ, гдѣ стремленiя Францiи для насъ всего болѣе опасны; возстановленiе Польскаго королевства будетъ послѣдствiемъ всякой успѣшной войны противъ насъ. Если это королевство должно возстановиться, то не лучше ли, чтобы это сдѣлалось въ нашу пользу? Нельзя ли вознаградить Польшею герцога Ольденбургскаго, лишеннаго своихъ владѣнiй завоеванiями Наполеона? Герцога же надо вознаградить, какъ мы это заявили французскому правительству. Это вознагражденiе всего лучше отвести ему въ Польшѣ. Можно было бы сперва назначить его генералъ-губернаторомъ присоединенныхъ къ Россiи губернiй, прежде принадлежавшихъ Польшѣ, и окружить его блестящимъ представительствомъ и всѣмъ, что можетъ влiять на восторженные умы поляковъ. Личныя качества герцога скоро могутъ снискать ему расположенiе поляковъ, а при войнѣ съ Францiею можно объявить его королемъ польскимъ. Если этотъ планъ заслуживаетъ вашего одобренiя и покажется осуществимымъ, надо, не теряя времени, приводить его во исполненiе. Графъ Потоцкiй уѣзжаетъ отсюда въ Польшу, чтобы ознакомить князя Понятовскаго съ планомъ войны противъ Россiи и сговориться, какъ лучше дѣйствовать. Множество ружей отправлено въ Польшу; французское правительство старалось доставить ей и денежныя средства и устроить заемъ въ 12 мил. франковъ, исключительно на содержанiе войскъ въ герцогствѣ Варшавскомъ. Наполеонъ даетъ полякамъ всякаго рода обѣщанiя и всячески ласкаетъ ихъ послѣ обнародованiя тарифа. Онъ часто говоритъ, что будетъ воевать съ Россiею, Швецiею, Австрiею, и утверждаетъ, что Европа будетъ наслаждаться миромъ только въ томъ случаѣ, если онъ достигнетъ всемiрной монархiи. При такихъ его намѣренiяхъ намъ необходимо: 1) заключить, какъ можно скорѣе, миръ съ Турцiею; 2) заключить союзъ съ Австрiею, отказавшись отъ дунайскихъ кня-

---

[1]) Этого отчета при напечатанныхъ письмахъ не имѣется.

жествъ, и сговориться съ нею о всемъ и въ томъ числѣ и о чертѣ, на которой должно остановиться господство Наполеона; 3) образовать королевство польско-русское и противопоставить его польско-французскому. Я не упоминаю уже о мирномъ договорѣ съ Англіею и Швеціею. Не дорого бы было купить союзъ Бернадотта, уступивъ ему Финляндію отъ Торнео до Кюмени.

10 (22) февраля 1811 г. Пограничная оборонительная линія должна начинаться отъ береговъ Балтійскаго моря и слѣдовать по границамъ Пруссіи, черезъ Саксонію въ Богемію и затѣмъ по границамъ Австріи. Три союзныхъ державы должны считать за объявленіе войны со стороны Франціи всякую посылку войскъ французскихъ или саксонскихъ за предѣлы этой линіи. Все это должно сообщить Франціи. Наполеонъ пока еще не хочетъ начинать войны и съ подобными завѣреніями послалъ Лористона; но все это нисколько не измѣняетъ его намѣреній.

11 (23) февраля 1811 г. Чрезъ восемь дней уѣзжаетъ Чернышевъ. Здѣсь какъ будто успокоиваются. Гроза, вѣроятно, не разразится въ этомъ году; но это не должно останавливать вашихъ мѣропріятій и приготовленій къ войнѣ.

16 (28) февраля 1811 г. Все подтверждаетъ намѣреніе Наполеона повременить войною; мы выиграемъ еще мѣсяцевъ шесть и этого достаточно, чтобы покончить съ Турціею; Лористонъ скоро уѣзжаетъ. Это прямой, откровенный человѣкъ, не имѣющій большаго ума, съ военными манерами; вотъ причина, что онъ не всегда обладаетъ тактомъ; это онъ доказалъ во время своего пребыванія въ Вѣнѣ. Невоздержанность его въ разговорѣ съ императрицею вызвала всеобщій смѣхъ, впрочемъ, онъ былъ хорошо принятъ въ Вѣнѣ. Хорошо было бы держать его у насъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Намъ нуженъ человѣкъ, который бы не раздувалъ огонь, и, кажется, Лористонъ этому требованію можетъ соотвѣтствовать. Во всякомъ случаѣ, не надо оказывать ему слишкомъ много довѣрія; онъ можетъ злоупотребить имъ.

17 февр. (1 марта). Наполеонъ вчера имѣлъ разговоръ съ Чернышевымъ, продолжавшійся три часа. Онъ выражалъ: 1) что не желаетъ войны въ настоящее время; 2) что желалъ бы, чтобы мы отмѣнили изданный тарифъ, всѣ распоряженія, сдѣланныя въ видахъ нашей обороны, и все, что могло бы сдѣлать насъ слишкомъ сильными; 3) что онъ старается поссорить насъ съ Австріею. Въ этомъ отношеніи онъ проявилъ всего болѣе вѣроломства (perfidie), онъ хвасталъ, что склонитъ на свою сторону Австрію во всякое время, предложивъ ей Иллирійскія провинціи. Надѣюсь, что все, высказанное имъ Чернышеву, нисколько ни измѣнитъ установленнаго нами образа дѣй-

*

ствія. Если Наполеонъ хочетъ, чтобы мы отступали, то пусть самъ отмѣняетъ мѣры, которыя рано или поздно могутъ насъ поссорить съ нимъ...

Талейранъ въ худшемъ положеніи, чѣмъ когда-либо. Наполеонъ не перестаетъ его всячески преслѣдовать и въ конецъ его раззоряетъ. Онъ лишенъ части дохода съ Валансэ; онъ просилъ Наполеона купить ему Беневентъ, но получилъ отказъ; это владѣніе предположено присоединить къ имперіи французской. Вѣроятно, и Неаполитанское королевство будетъ также присоединено въ скоромъ времени.

9 (21) марта 1811 г. Событія движутся съ быстротою, какой я никогда не предполагалъ. Я надѣялся, что этотъ годъ еще будемъ пользоваться миромъ, но все съ обѣихъ сторонъ принимаетъ такой враждебный видъ, что, по-моему, война неизбѣжна въ скорости. Франція дѣйствуетъ все по-прежнему. Десять лѣтъ уже Европа борется съ Наполеономъ на смерть, потому что та безграничная власть, которой онъ достигъ, не совмѣстна съ существованіемъ какой-либо иной независимой державы. Наполеонъ сдѣлаетъ все, чтобы принудить насъ принимать мѣры, необходимыя для нашего собственнаго охраненія; онъ самъ проявляетъ видъ какъ бы мирныхъ отношеній и миролюбивыхъ къ намъ намѣреній, и, исходя изъ этого, обвиняетъ насъ въ томъ, что мы вызываемъ войну, дѣлая у себя дома самыя простыя распоряженія къ оборонѣ. Онъ уже два года укрѣпляетъ Прагу, Замостье и другія мѣста въ герцогствѣ Варшавскомъ, принуждаетъ Саксонію строить новую крѣпость въ Торгау, увеличиваетъ крѣпости на Эльбѣ и Рейнѣ, отказывается передать Глагау Пруссіи и т. д., а самъ находитъ враждебнымъ съ нашей стороны дѣйствіемъ, что мы исправляемъ укрѣпленія въ Ригѣ и воздвигаемъ ретраншменты на Двинѣ! Впрочемъ, были и съ нашей стороны мѣры, вызывавшія, къ сожалѣнію, упреки и осужденія; это возвращеніе въ Россію части войскъ, бывшихъ въ Турціи! Наполеонъ усмотрѣлъ въ этомъ, что мы угадываемъ его намѣренія и хотимъ ихъ предупредить. На этомъ основаніи онъ обвиняетъ насъ въ желаніи вызвать, а самъ въ то же время формируетъ въ Иллирійскихъ провинціяхъ корпусъ мѣстныхъ войскъ, который будетъ посланъ на помощь Турціи, подъ начальствомъ маршала Мармона, формирующаго этотъ корпусъ. Намѣренія Наполеона подвергаются постояннымъ колебаніямъ и противорѣчіямъ; образъ дѣйствія его въ отношеніи насъ, съ ноября мѣсяца, представляетъ поразительный тому примѣръ. При такихъ условіяхъ очень опасно высказывать какое-либо мнѣніе. Всегда находишься въ жестокомъ положеніи: или волновать и тревожить общество преждевременно разными извѣстіями, неопредѣленными и мало достовѣрными, или же, напротивъ того, вселять въ обществѣ безпечность и

ложную безопасность, не сообщая всего того, что можетъ пролить свѣтъ на истинные виды и намѣренія французскаго правительства. Въ этомъ отношеніи мое положеніе съ каждымъ днемъ становится болѣе затруднительнымъ; оно значительно превышаетъ мои силы и средства, и я долженъ болѣе, чѣмъ когда-либо, просить вашего снисхожденія и заступничества.

19 (31) марта 1811 г. Рѣшительно не знаю, что дѣлать. Уѣхать немедленно—значило бы покинуть поле сраженія въ самый разгаръ битвы. Если у насъ будетъ война, необходимо мнѣ раздѣлаться съ честью; если же не будетъ—я постараюсь воспользоваться отпускомъ. Князь Куракинъ испросилъ разрѣшеніе ѣхать въ Барежъ и возложилъ на меня завѣдываніе дѣлами, на время его отсутствія, что мнѣ вовсе не доставляетъ удовольствія, потому что болѣе, чѣмъ когда-либо, я долженъ желать возвращенія въ Россію. Однимъ словомъ, Богъ знаетъ, чѣмъ это все кончится.

5 (17) апрѣля. Неожиданная развязка дѣлъ въ Португаліи имѣла наилучшія послѣдствія. Лористонъ получилъ приказаніе немедленно ѣхать въ Петербургъ. Наполеонъ болѣе прежняго выражалъ Чернышеву готовность сговориться миролюбиво обо всемъ. Все это доказываетъ, что онъ болѣе не желаетъ войны съ нами, и мы, я полагаю, выиграемъ еще одинъ годъ. Вопросъ, кто изъ насъ двухъ успѣетъ ранѣе приготовиться къ войнѣ? Наполеонъ эти дни много занимался съ Бертье; заставлялъ дѣлать планы перемѣщенія войскъ то въ ту, то въ другую сторону, такъ что нельзя слишкомъ рѣшительно утверждать, начнетъ ли онъ вторую кампанію для завоеванія Португаліи или нѣтъ. Теперь мы вполнѣ можемъ отдалить войну на одинъ годъ, въ продолженіе котораго окончимъ войну съ Турціею и будемъ находиться въ оборонительномъ положеніи, какъ совѣтуетъ Талейранъ, и будемъ стараться все усиливать себя. Надо теперь же договориться съ Англіею такъ, чтобы къ 1 апрѣля 1812 г. было бы вполнѣ опредѣлено все, касающееся содѣйствія и денежныхъ пособій Англіи. Меня радуютъ принятыя нами оборонительныя мѣры. Имѣя предъ собою свою армію въ триста тысячъ человѣкъ, мы будемъ по истинѣ независимы; это дѣйствительное обезпеченіе нашего существованія. Слишкомъ бѣдственно, что такія имперіи, какъ Россія, постоянно въ зависимости отъ испанскихъ дѣлъ.

9 (21) апрѣля. Наши 300 т. солдатъ, собранные въ бывшихъ польскихъ губерніяхъ, произвели впечатлѣніе на Наполеона. Онъ жалуется, что Шампаньи не съумѣлъ собрать достаточно вѣрныхъ объ этомъ свѣдѣній, и приказалъ герцогу Ровиго немедленно отправить нѣсколькихъ эмиссаровъ въ Польшу и Германію. Извѣстія о нашемъ вооруженіи вызвали нерѣшительность Наполеона въ отноше-

ніи того, что дѣлать въ Португаліи. Крѣпость Фигиресъ взята, кажется, обратно испанцами; ее сдалъ по измѣнѣ генералъ Неаполитанскій, комендантъ оной.

9 (21) апр. 1811 г. Я все надѣюсь, что мы избѣгнемъ войны съ Франціею. Но кончите, ради Бога, войну съ Турціею. Пока она продолжается, рѣшительно нельзя надѣяться на что-либо хорошее. Княжества не стоятъ ни людей, ни денегъ, потраченныхъ нами ради нихъ въ теченіе трехъ лѣтъ. Мнѣ совѣтуютъ предложить вамъ, чтобы Россія, по примѣру другихъ державъ, пріобрѣтала разрѣшеніе на торговлю. Здѣсь новый министръ для внѣшнихъ сношеній; но это нисколько не измѣняетъ положеніе дѣлъ. Марэ все покровительствуетъ полякамъ, со времени пребыванія его въ Варшавѣ, гдѣ поляки къ нему обратились, потому что Талейранъ не хотѣлъ вмѣшиваться въ ихъ дѣла. Возстановленіе Польскаго королевства никогда не входило въ его политическую систему. Массена въ Саламанкѣ; вотъ все, что я знаю о дѣлахъ въ Испаніи.

27 апрѣля (9 мая) 1811 г. Очень вамъ благодаренъ за письмо, присланное съ Бутягинымъ [1]). Здѣсь не очень вѣрятъ нашимъ мирнымъ наклонностямъ; намъ все ставятъ въ упрекъ наши вооруженія, также возвращеніе пяти дивизій изъ Турціи, перемѣщеніе войскъ въ Финляндіи и т. д. Понятовскій, по пріѣздѣ въ Парижъ, имѣлъ длинное объясненіе съ Наполеономъ; сегодня онъ съ нимъ на охотѣ; вообще его очень хорошо принимаютъ. Ему предложено быть очень предупредительнымъ въ отношеніи всѣхъ русскихъ, здѣсь пребывающихъ, и не проявлять къ нимъ враждебность, свойственную его народу. Ему въ особенности предложено быть осторожнымъ на словахъ и ничего не говорить такого, что могло бы открыть намѣренія Наполеона о войнѣ съ нами. Наполеонъ пожелалъ имѣть отъ него свѣдѣнія о военныхъ силахъ и средствахъ герцогства Варшавскаго. При этомъ оказалось, что герцогство обладаетъ арміею въ 60.000 человѣкъ, изъ коихъ 6.000 ч. въ Испаніи и одна дивизія расположена въ крѣпостяхъ по р. Одеру и въ Данцигѣ. Численность этой арміи можно увеличить, но не хватаетъ средствъ для ея полнаго снаряженія. Наполеонъ обѣщалъ снабдить поляковъ деньгами на этотъ предметъ и просилъ князя довести армію до наиболѣе возможнаго состава. Для полученія денежныхъ средствъ заключается заемъ въ Саксоніи. Во владѣніяхъ, входящихъ въ составъ Рейнскаго союза, а также Саксоніи, войска приводятся на военное положеніе. Такимъ образомъ, идутъ уже приготовленія со стороны французовъ къ войнѣ.

---

[1]) Бутягинъ служилъ при министрѣ иностранныхъ дѣлъ и посылался часто курьеромъ за границу къ нашимъ посольствамъ.

Талейранъ все совѣтуетъ намъ держаться оборонительной системы; отнюдь самимъ не начинать войны. Завтра пріѣзжаетъ изъ Испаніи король Іосифъ; его положеніе тамъ невозможное. Изъ этого пріѣзда одни заключаютъ, что Наполеонъ намѣренъ совсѣмъ покинуть Испанію, а другіе—что онъ присоединитъ ее вполнѣ къ своей имперіи; это послѣднее вѣроятнѣе. Слухи о предстоящей войнѣ съ нами вызвали толки о возстановленіи Польскаго королевства; королемъ онаго назначаютъ то короля неаполитанскаго, то вице-короля итальянскаго. Это все одни предположенія, и при томъ гадательныя. Трудно предположить, чтобы Наполеонъ сталъ вести войну съ нами для удовлетворенія желанія поляковъ; скорѣе надо допустить, что для бо́льшаго успѣха въ войнѣ съ нами онъ помышляетъ о возстановленіи Польши.

4 (16) мая 1811 г. Курьеръ французскаго посольства пріѣхалъ въ воскресенье изъ Петербурга. Въ тотъ же день Марэ пригласилъ па конференцію кн. Іосифа Понятовскаго, а чрезъ два дня саксонскій посланникъ отправилъ курьера. Понятовскій сообщилъ французскому министру о планѣ войны, составленномъ у насъ, по которому весною мы вторгнемся въ герцогство Варшавское, съ значительными силами двинемся до р. Вислы и на этой рѣкѣ займемъ сильное оборонительное положеніе. Послѣднія полученныя имъ письма изъ Варшавы содержали свѣдѣнія о числѣ нашихъ войскъ, а также о перемѣщеніи войскъ, собранныхъ въ бывшихъ польскихъ губерніяхъ; все это онъ сообщилъ Наполеону. Приготовленія къ войнѣ здѣсь не останавливаются нисколько, но приближенные Наполеона, и особенно Савари, увѣряютъ, что войны этотъ годъ не будетъ. Это утвержденіе основывается на сообщеніи герцога Виченскаго, что нашъ императоръ заявилъ, что не имѣетъ намѣреній воевать съ Франціею, если послѣдняя не начнетъ сама войну. За миръ всего болѣе ратуетъ король неаполитанскій. Онъ все отказывается отъ короны польской, высказывая, что не согласно съ его принципами проливать кровь французовъ за возстановленіе Польскаго королевства. Относительно Пруссіи здѣсь соблюдается величайшее молчаніе; съ нею еще не объяснились о томъ, какое она приметъ положеніе при разрывѣ. Быть можетъ, вопроса этого не послѣдуетъ вовсе или только въ самую послѣднюю минуту. Король Іосифъ [1]) пріѣзжаетъ завтра изъ Мадрида; дѣла испанскія едва-ли будутъ окончены согласно желаніямъ Наполеона.

---

[1]) Іосифъ Бонапартъ род. 7-го января 1768 г., былъ женатъ на дѣвицѣ Юліи Клэри въ Марсели и позднѣе былъ пожалованъ своимъ братомъ королемъ неаполитанскимъ, а затѣмъ испанскимъ. Когда же Испанія возстала и вооружилась, Іосифъ былъ совсѣмъ разбитъ при Витторіи и затѣмъ отозванъ. Наполеонъ приказалъ ему жить частнымъ лицомъ въ Морфонтенѣ. Позднѣе онъ съ семействомъ удалился въ Швейцарію и умеръ 24-го іюня 1844 года.

4 (16) іюня 1811 г. Герцогъ Виченскій (Коленкуръ) прибылъ сюда съ порученіемъ нашего императора объясниться съ Наполеономъ по поводу нашихъ вооруженій. Наполеонъ этими объясненіями нѣсколько успокоился, но не вполнѣ; онъ не совсѣмъ довѣряетъ взглядамъ и сообщеніямъ Коленкура, находя, что онъ слишкомъ расположенъ въ пользу Россіи. Къ тому же Наполеонъ недоволенъ и тѣмъ, что мы не высказались рѣшительно о способѣ вознагражденія герцога Ольденбургскаго. Это неопредѣленное въ отношеніи насъ положеніе стѣсняетъ его въ распоряженіяхъ по испанскимъ дѣламъ, требующимъ отъ него и большихъ средствъ и большаго вниманія. Впрочемъ приготовленія къ войнѣ съ нами, послѣ пріѣзда Коленкура, немного притихли и послѣдовала отмѣна даже движенія нѣкоторыхъ корпусовъ въ Германію. Войска, собранныя около Ліона, двинутся въ Испанію, какъ говорятъ. Это доказывало бы, что Наполеонъ въ данную минуту не желаетъ воевать съ нами. Герцогъ Бассано также заявлялъ, что все, доставленное герцогомъ Виченскимъ, и все, сообщенное Лористономъ, указываетъ на дружескія отношенія державъ (Франціи и Россіи), которыя и не будутъ нарушены; ничто поэтому не препятствуетъ болѣе возвращенію его на занимаемый постъ. Во время пребыванія г. де-Брэ [1]) въ Парижѣ, министръ внѣшнихъ сношеній часто его видѣлъ и много разспрашивалъ о насъ. Де-Брэ завѣрялъ, будто онъ высказывалъ министру, что мирныя настроенія императора Александра I вполнѣ искренни, что, по глубокому его убѣжденію, императоръ никогда не начнетъ войны съ Франціею, не будучи къ тому вынужденъ и что единственнымъ затрудненіемъ къ союзу Россіи съ Франціею является желаніе Россіи получить свободу торговли, безъ которой наша страна не можетъ существовать.

Съ княземъ Понятовскимъ стали обходиться холоднѣе, какъ говорятъ, по причинѣ связи его съ Паулиною [2]), сестрою Наполеона, а по моему мнѣнію, потому что менѣе въ немъ нуждаются, какъ вообще во всѣхъ полякахъ, которымъ сдѣлали выговоръ за то, что ложными

---

[1]) Де-Брэ (de-Bray) графъ Франсуа-Гавріилъ род. въ Руанѣ въ 1765 г., въ молодости находился въ военной службѣ, а потомъ перешелъ въ дипломатическій корпусъ и состоялъ при французской миссіи въ Регенсбургѣ. При французской революціи 1789 г. онъ лишился этого мѣста, поступилъ на службу Баваріи и являлся ея представителемъ въ Берлинѣ, Петербургѣ, Парижѣ и Вѣнѣ. Онъ умеръ въ 1832 году.

[2]) Паулина Бонапартъ род. 7-го января 1780 г., отличалась поразительною красотою, имѣла множество поклонниковъ и пріобрѣла громкую извѣстность своимъ образомъ жизни. Она была въ 1797 г. помолвлена за генерала Дюфо (Duphot), скоро убитаго и вступила въ бракъ за генерала Леклерка въ 1801 г., по смерти котораго вступала въ бракъ въ 1803 г. съ очень богатымъ принцемъ Боргезе, и получила во владѣніе Гвастану. Она умерла 9-го іюня 1835 г.

и преувеличенными разсказами о нашихъ военныхъ приготовленіяхъ они только подстрекаютъ къ войнѣ. Быть можетъ, начинаютъ замѣчать, что Понятовскій имѣетъ слишкомъ мало средствъ и мало честолюбія, чтобы съ пользою служить видамъ Франціи. Если войны этотъ годъ не будетъ, ему, вѣроятно, скажутъ то же, что ему выразили въ Варшавѣ, въ 1807 г., что не настало еще время, когда можно будетъ возстановить Польское королевство и что онъ долженъ пока продолжать усиливать военныя силы герцогства и сохранять дружескія сношенія съ нами (Россіею).

Нѣкто, возвратившись изъ Лондона, сообщалъ, что Англія, повидимому, готова заключить миръ съ Франціею на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) возстановленіе Фердинанда VII на престолъ Испаніи и полное очищеніе полуострова Пиренейскаго отъ французскихъ войскъ; 2) возвращеніе Ганновера и отмѣна указовъ о присоединеніи Ганзейскихъ городовъ и Голландіи къ Франціи, и образованіе изъ Голландіи независимаго государства съ штатгальтеромъ во главѣ. Англія, въ свою очередь, возвращаетъ всѣ французскія и голландскія колоніи, кромѣ Иль-де-Франса или Капской колоніи, столь для нея важныхъ, что она никогда ихъ не уступитъ. Она удержитъ за собою Мальту, но готова уступить колоніи въ Великой Индіи. Герцогъ Бассано нашелъ эти условія невозможными для Франціи.

5 (17) іюня. Дѣла въ томъ же самомъ положеніи, въ которомъ были 3—4 мѣсяца тому назадъ. Пріѣздъ герцога Виченскаго не измѣнилъ ничего; только дѣла въ Испаніи измѣнили направленіе политики и войскъ. Новыя войска и даже гвардія направляются въ Испанію; увеличиваются кавалерійскіе полки, укрѣпляются все болѣе и болѣе.

Князь Куракинъ жалуется на свое положеніе; онъ не пользуется милостію и довѣріемъ своего двора. Есть много предлоговъ, чтобы отозвать его и назначить на его мѣсто человѣка съ твердымъ характеромъ, который бы пользовался полнымъ довѣріемъ императора и министра и зналъ бы вполнѣ мысли и желанія того и другаго, чтобы ничто его не удерживало и онъ имѣлъ возможность вести переговоры самостоятельно, не ожидая разрѣшенія изъ Петербурга. Здѣсь все зависитъ отъ минуты. Всякій присланный сюда посланникъ будетъ теперь принятъ хорошо. Повидимому, противъ назначенія сюда Кочубея возраженій не будетъ. Надо только дать неограниченныя права тому, кто сюда будетъ назначенъ, чтобы онъ не встрѣчалъ никакихъ задержекъ въ переговорахъ, иначе ничего не будетъ рѣшено, ибо Наполеонъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ ѣдетъ въ Испанію и все останется по-прежнему въ неизвѣстности, а также возможность и предлогъ продолжать передвиженіе войскъ, не давая точныхъ объясненій. Но

необходимо заключить миръ съ Турціею, иначе общая война весною неизбѣжна. Только быстрое веденіе переговоровъ и окончаніе ихъ ранѣе возможныхъ успѣховъ Наполеона въ Испаніи можетъ доставить намъ: 1) очищеніе прусскихъ крѣпостей; 2) возстановленіе Данцига и 3) кое-какія другія уступки, указывающія на желаніе Наполеона имѣть миръ. Необходимо дѣйствовать очень быстро и дорожить временемъ.

Сейчасъ я узналъ, что Наполеонъ приказалъ двинуть въ Испанію еще 50 т. солдатъ.

5 (17) іюня 1811 г. [1]. Ожидаю съ нетерпѣніемъ курьера изъ Петербурга и съ нимъ денегъ, въ уплату сдѣланныхъ мною расходовъ; онѣ мнѣ необходимы, чтобы отправиться въ путь. Я не буду ждать отъѣзда Наполеона и воспользуюсь даннымъ мнѣ отпускомъ. Война съ нами отложена до весны будущаго года. Воспользуемся отсрочкою, чтобы заключить миръ съ Турціею и собрать всѣ наши силы. Увидимъ потомъ, какъ Наполеонъ вывернется изъ испанскихъ дѣлъ. Очень многіе полагаютъ, что прибытіе его въ Испанію не повлечетъ за собою успѣха въ дѣлахъ, развѣ что послѣдуютъ нѣсколько блестящихъ сраженій, но пользы для покоренія страны не будетъ.

Вотъ единственный успѣшный способъ веденія войны съ Наполеономъ и, если она для насъ сдѣлается неизбѣжною, будемъ обладать настойчивостью испанцевъ. Затягивая войну, будемъ увеличивать вѣроятіе нашего успѣха, особенно избѣгая вступать въ переговоры, ибо, даже проникнувъ въ центръ Имперіи, положеніе Наполеона не улучшится; оно будетъ для него, напротивъ того, опаснѣе, нежели проигранныя сраженія на границахъ. Его рѣчь въ законодательномъ собраніи доказываетъ, что онъ желаетъ войны въ настоящее время.

5 (17) іюля. Побѣды Мармона и Сюшэ въ Испаніи вновь измѣнили расположеніе Наполеона къ намъ; оно не то, что было мѣсяцъ тому назадъ; все указываетъ на менѣе миролюбивое его отношеніе. Армія въ Германіи увеличивается еще на 29 т. солдатъ; они двинутся въ сентябрѣ. Свободныя войска во Франціи сосредоточиваются въ Булоньи и Утрехтѣ: ихъ около 40 т. человѣкъ. Наполеонъ приказалъ къ августу мѣсяцу изготовить всѣ необходимыя топографическія карты для похода на сѣверъ. Онъ все болѣе и болѣе говоритъ съ приближенными о войнѣ. Понятовскій получилъ приказаніе отъ своего двора возвратиться, потому что его продолжительное пребываніе въ Парижѣ не нравится саксонскому двору. Герцогъ Бассано, выражая надежду на сохраненіе мира, высказалъ, что успѣхи фран-

[1]) Это второе письмо отъ того же числа.

цузовъ въ Испаніи должны значительно побудить Россію принять сдѣланныя ей Франціею предложенія. Бассано исходитъ изъ того, что мы желаемъ войны, а между тѣмъ ее желаетъ Наполеонъ, а потому успѣхи его въ Испаніи могутъ только ускорить разрывъ его съ нами. Болѣе, чѣмъ когда-либо, намъ надо заключить миръ съ Турціею. Наполеонъ, говорятъ, до того проникнутъ боязнью быть убитымъ въ Испаніи, что весьма вѣроятно начнетъ скорѣе новую войну, нежели поѣдетъ въ Испанію, гдѣ его присутствіе въ настоящее время болѣе необходимо, чѣмъ когда-либо. Раздоры и несогласія между французскими генералами дошли до крайности; здѣсь считаютъ необычнымъ счастіемъ, что Мармонъ рѣшился идти на помощь Сюшэ и дѣйствовать заодно съ нимъ. Всѣ убѣждены, что только присутствіе Наполеона можетъ положить конецъ анархіи и неповиновенію, которыя царятъ въ французскихъ войскахъ, а между тѣмъ поѣздка его становится все менѣе и менѣе вѣроятною; заговорили даже о его поѣздкѣ въ Голландію. Говорятъ, получивъ извѣстіе объ удачномъ дѣлѣ въ Испаніи, онъ былъ внѣ себя отъ радости и, въ эти минуты восторга, онъ распустилъ соборъ духовенства и двинулъ войска въ Германію. Онъ преслѣдуетъ духовенство чрезвычайно, старается исторгнуть у всякаго епископа отдѣльно все то, чего не могъ добиться отъ нихъ сообща. Савари собралъ ихъ всѣхъ и совѣтовалъ имъ подчиниться волѣ императора; иначе они могутъ подвергнуться заключенію въ тюрьму. Сейчасъ я узналъ, что Понятовскій получилъ приказаніе собрать въ герцогствѣ Варшавскомъ еще 10 т. пѣхоты и 8 т. кавалеріи и размѣстить ихъ по существующимъ полкамъ, не образуя новыхъ, чтобы это увеличеніе войска не было бы столь видимо.

6 (18) іюля. По словамъ многихъ, этотъ годъ не будетъ войны; желаютъ быть сильными, чтобы подкрѣплять переговоры.

Все, что говорилъ герцогъ Виченскій о нашей лояльности, не принимается во вниманіе. Желаютъ непремѣнно имѣть опорные пункты въ Германіи. Намъ надо очень усилиться. Здѣсь гвардія скоро одна будетъ имѣть 40 т. человѣкъ. Надо непремѣнно прислать сюда человѣка очень опытнаго въ дѣлахъ и обладающаго полнымъ довѣріемъ государя, чтобы ничто не задерживало переговоры, и, чтобы онъ могъ во всякое время принять рѣшеніе, соотвѣтствующее обстоятельствамъ.

4 (16) августа. Намѣреніе ѣхать въ Мадридъ совсѣмъ оставлено. Въ Германіи собраны войска, и Наполеонъ можетъ начать войну, имѣя армію въ 100 т. человѣкъ, не вызвавъ при этомъ ни одного солдата изъ Испаніи. Блестящая побѣда Кутузова при Рущукѣ очень обрадовала Наполеона; онъ полагаетъ, что она затянетъ миръ, но не ускоритъ его. Онъ радъ, что двѣ новыя дивизіи направлены къ

Дунаю изъ польской арміи. Князь Понятовскій уѣхалъ послѣ продолжительной аудіенціи; Наполеонъ убѣждалъ его, какъ можно болѣе, ускорить формированіе войскъ, отступать при нашемъ приближеніи и заманивать далѣе до тѣхъ поръ, какъ представится полное вѣроятіе одержать надъ нами побѣду. Польскіе эмиссары сообщаютъ сюда постоянно свѣдѣнія о количествѣ нашихъ войскъ и ихъ расположеніи, и при томъ самыя подробныя. Но Понятовскій, несмотря на все къ нему благоволеніе, съ трудомъ получилъ отъ Наполеона 300 т. франковъ на уплату долговъ своихъ и сестры своей Тышкевичъ, и то подъ залогъ его картинной галлереи. Онъ встрѣтилъ много затрудненій при этомъ, что̀ и удерживало его въ Парижѣ такъ долго. Говорятъ, онъ очень недоволенъ Наполеономъ. Саксонскій посланникъ (Эйнзидель) очень радъ его отъѣзду: онъ спрашивалъ, можетъ ли король ѣхать въ Варшаву, и получилъ согласіе на это. Можно заключить изъ этого, что война не начнется въ скоромъ времени. Наполеонъ самъ собирается ѣхать осматривать новые департаменты Франціи; его будетъ сопровождать императрица и многія придворныя дамы. Всѣ близкіе ко двору лица увѣряютъ, что война начнется весною. Намъ надо всѣми мѣрами ускорить наши приготовленія къ войнѣ.

5 (17) августа 1811 г. Письмо было совсѣмъ закончено и курьеръ долженъ былъ уѣхать утромъ, какъ вдругъ Наполеонъ пожелалъ имѣть конфиденціальный разговоръ съ кн. Куракинымъ, въ присутствіи всего дипломатическаго корпуса и многихъ придворныхъ лицъ. При этомъ обсуждались всѣ наши дѣла такъ, что они стали извѣстны всей Европѣ. Наполеонъ высказалъ между прочимъ Куракину: „Вамъ не посылаютъ ни полномочій, ни инструкцій; послѣдній курьеръ ничего вамъ не доставилъ и у васъ отнимаютъ секретаря, который могъ бы вамъ помочь въ переговорахъ. Васъ оставляютъ въ затруднительномъ положеніи и въ какое время!"... Послѣ этихъ переговоровъ съ посланникомъ, я отправился къ герцогу Бассано и сообщилъ ему: 1) что Наполеонъ ошибается, полагая, что меня отзываютъ, и что онъ имѣетъ превратныя свѣдѣнія о причинахъ моего отъѣзда; 2) что исключительно мои домашнія дѣла побуждаютъ меня воспользоваться даннымъ мнѣ отпускомъ и, что, если Наполеонъ считаетъ мое присутствіе здѣсь необходимымъ для успѣха дѣлъ и добраго согласія двухъ державъ, то я, не колеблясь ни минуты, останусь въ Парижѣ. Сообразно полученному отъ Бассано отвѣта я и буду поступать. Прошу васъ довести объ этомъ до свѣдѣнія государя императора—„я сочту себя не достойнымъ его милостей, если въ такія минуты не пожертвую личными своими дѣлами на пользу моего государя. Безспорно только въ такомъ вѣкѣ, какимъ является нашъ,

отъѣздъ секретаря въ деревню для раздѣла земель и обезпеченія себѣ скромнаго дохода можетъ явиться событіемъ, и при томъ имѣющимъ значеніе въ ссорѣ двухъ великихъ державъ!"...

Наполеонъ, какъ мнѣ сообщаютъ, часто погружается въ глубокую задумчивость и затѣмъ предается самымъ сильнымъ тѣлодвиженіямъ. Замѣчаютъ въ немъ то сосредоточенность, то разсѣянность и даже отсутствіе ума. Онъ два раза требовалъ себѣ обѣдъ и два раза отсылалъ обѣдъ, говоря, что онъ уже обѣдалъ; онъ продиктовалъ секретарю нѣсколько страницъ, не имѣвшихъ никакого смысла. Были минуты, когда окружавшіе его нисколько не сомнѣвались въ помѣшательствѣ его. Это очень тревожило придворныхъ лицъ, и среди нихъ возбуждался вопросъ, что дѣлать, если подобные припадки возобновятся.

Умоляю васъ не сообщать этого никому, кромѣ государя, ибо мнѣ это передали подъ условіемъ величайшей тайны. Если Наполеонъ когда-либо въ состояніи подозрѣвать, что мнѣ это извѣстно, ему нетрудно будетъ открыть, отъ кого я имѣю эти свѣдѣнія. Скоро откроется, дѣйствительно ли это помѣшательство или только припадокъ, въ родѣ уже бывшаго съ нимъ въ Шенбрунѣ, во время послѣдней войны съ Австріею. О семъ послѣднемъ случаѣ я вамъ еще разъ напишу.

Поѣздка въ Компіеннъ послѣдуетъ въ понедѣльникъ; возникаетъ опять сомнѣніе объ участіи Голландіи. Наполеонъ, прощаясь съ маршаломъ Удино, сказалъ: „до скораго свиданія; вы мнѣ организуйте прекрасную армію; надѣюсь, что это будетъ въ скоромъ времени, потому что я за вами скоро послѣдую".

Удино ѣдетъ командовать всѣмъ лагеремъ въ Утрехтѣ. Несмотря на всѣ эти приготовленія къ войнѣ, я полагаю, что она не разразится ранѣе весны. Съ нами повторяется то же самое, что было съ Австріею въ 1809 г., сперва разсердились осенью, а затѣмъ дрались уже весною.

Чтобы не подвергнуться той же участи, чрезвычайно необходимо заключить миръ съ Турціею, во что бы то ни стало. Ручаюсь вамъ, что тогда перемѣнятъ планъ. Не бойтесь проявить слишкомъ много энергіи; я знаю примѣры, что государства дѣлались жертвами ихъ слабости, но не знаю примѣра, чтобы какое-либо изъ нихъ погибло отъ слишкомъ большой твердости.

6 (18) августа. Разговоръ съ Куракинымъ произвелъ много шума въ городѣ; всѣ о немъ толкуютъ; герцогъ Ровиго подсылалъ ко мнѣ своихъ агентовъ, чтобы узнать мое мнѣніе объ этомъ разговорѣ. Я отвѣтилъ, что я принимаю разговоръ въ совершенно мирномъ смыслѣ, ибо знаю хорошо, что Наполеонъ не пускается въ объясненія нака-

нунѣ вступленія въ бой и что съ удовольствіемъ усмотрѣлъ, что Наполеонъ былъ умѣренъ въ выраженіяхъ, на сколько пылкій его характеръ ему это позволяетъ, въ такихъ случаяхъ.

Съ часу на часъ ожидаютъ извѣстія о кончинѣ англійскаго короля; это воскресило мысль о мирѣ, но, по-моему, это очень сомнительно. Гвардія будетъ состоять изъ 48 т. человѣкъ.

Поѣздка въ Компіеннъ отложена до 26 августа. О Голландіи ничего еще не рѣшено. Мнѣ подтвердили снова все то, что я сообщалъ уже вамъ о пребываніи въ Рамбульэ, и я не сомнѣваюсь въ достовѣрности мнѣ сообщеннаго. По прибытіи въ Парижъ онъ былъ еще въ томъ же настроеніи духа. Свѣдѣнія, доставленныя маршаломъ Бессьеромъ о дѣлахъ въ Испаніи, и о возстаніи вновь сѣверной ея части, еще болѣе усилили это настроеніе. Наполеонъ до того былъ избалованъ счастьемъ, что малѣйшая неудача или противодѣйствіе его желаніямъ приводятъ его къ самымъ великимъ крайностямъ (excés). Наполеонъ былъ до того раздраженъ этимъ извѣстіемъ, что опрокинулъ столъ съ прекраснымъ фарфоровымъ сервизомъ и разразился на герцога Виченскаго, по поводу госпожи Канизи (прошу васъ все это сохранить въ величайшей тайнѣ). Послѣ, говорятъ, онъ значительно успокоился. Все приводитъ къ заключенію, что онъ дойдетъ до бѣшенства, но такъ какъ это у него скорѣе правственное безуміе, послѣдствіе самаго необузданнаго воображенія, но не органическое безуміе, то подобное его состояніе можетъ продолжаться очень долго. Это, конечно, всего хуже, потому что породитъ неизбѣжно самые страшные перевороты и потрясенія.

Серьезно поговариваютъ о занятіи Гольштейна.

6 (18) августа. Наполеонъ уѣзжаетъ изъ Парижа, и не будетъ никакихъ теперь переговоровъ. Поэтому я воспользуюсь отпускомъ и около 8 (20) числа сего мѣсяца уѣзжаю въ Вѣну, гдѣ пробуду нѣсколько дней, чтобы устроить личныя дѣла съ Стакельбергомъ и ранѣе шести недѣль не буду въ Петербургѣ. Князь Гагаринъ очень просилъ меня возвратиться. Но буду ли я здѣсь или нѣтъ—это безразлично. Несмотря на всѣ ваши лестные отзывы о моей дѣятельности, я не полагаю, чтобы мое присутствіе въ Парижѣ могло быть сколько-нибудь полезно. Требованія французскаго правительства вамъ извѣстны достаточно; о нихъ я ничего не могу сообщить вамъ болѣе. Повидимому, тутъ рѣшено держаться совершенно противоположнаго тому, чему мы слѣдовали, дѣлая имъ противодѣйствіе.

Вы говорите, что умѣренность нравится всего болѣе; никто болѣе меня ее не любитъ, и я давно желаю, чтобы мы были умѣрены на Дунаѣ. Но умѣренность не исключаетъ твердости и, выказывая ее по отношенію къ Франціи, мы только и можемъ надѣяться избѣг-

нуть войны. Чѣмъ мы будемъ сильнѣе, тѣмъ менѣе рискуемъ мы имѣть войну; эта истина всегда будетъ правильною; ее не могутъ опровергнуть никакія блестящія разсужденія. Польскія и австрійскія сообщенія заявляютъ о прекрасномъ состояніи нашей арміи. Но это еще не все. Наполеонъ имѣетъ по меньшей мѣрѣ 200.000 солдатъ въ различныхъ депо, которые будутъ постоянно пополнять его дѣйствующую армію. Намъ необходимо сдѣлать новый наборъ, подъ предлогомъ войны съ Турціею. Чѣмъ далѣе Наполеонъ проникнетъ въ Россію, тѣмъ положеніе его будетъ опаснѣе и затруднительнѣе. Надо вести переговоры послѣ побѣды; таково было его правило, таково должно быть и наше.

Но это общія мѣста, о которыхъ я не буду распространяться. Призовите содѣйствіе Всевышняго, если имѣете вліяніе, къ тому, чтобы былъ заключенъ миръ съ Турціею. Эта несчастная война насъ ослабляетъ, ссоритъ съ Австріею и подрываетъ чрезвычайно общественное о насъ мнѣніе. Прусскій дворъ, уже очень наклонный въ сторону Франціи, вслѣдствіе письма Наполеона къ королю, о которомъ здѣсь извѣстно уже, рѣшился вполнѣ кинуться въ его объятія.

Я два раза ходилъ къ генералу Бассано, чтобы переговорить о моемъ отъѣздѣ, но не заставалъ его, а потому день моего отъѣзда еще не назначенъ.

Послѣ этого Нессельроде скоро оставилъ Парижъ и уже изъ Вѣны 10 (22) сентября 1811 года писалъ къ государственному канцлеру.

Въ Парижѣ я имѣлъ, наконецъ, продолжительный разговоръ съ герцогомъ Бассано, и онъ разрѣшилъ мнѣ уѣхать. Изъ его словъ я могъ заключить, что война не возгорится эту осень. Франція готовитъ новую экспедицію въ Португалію; Наполеонъ назначаетъ для этого значительныя силы, и есть полная надежда на ея успѣхъ.

Въ Испаніи французы опять потерпѣли нѣсколько неудачъ; возстаніе сильно увеличивается, испанскія арміи въ Астуріи и Галиціи усилились. Мина [1]) перехватилъ опять нѣсколько французскихъ транспортовъ, по причинѣ худыхъ распоряженій Бессьера, который и отозванъ поэтому. Наполеонъ выражаетъ свое неудовольствіе не только противъ насъ и противъ Австріи, но и противъ частныхъ, отдѣльныхъ лицъ, особенно противъ друзей госпожи Сталь. Такъ

---

[1]) Мина, сынъ фермера испанскаго въ Наваррѣ, род. въ 1784 г. и при возникшемъ народномъ возстаніи противъ владычества французовъ въ Испаніи, въ 1808 г., командовалъ отрядами герилльясовъ въ Аррагонѣ и Наваррѣ и наносилъ большія пораженія французамъ. Съ 1813 г. онъ былъ признанъ фельдмаршаломъ испанскихъ войскъ. При возстановленіи Фердинанда VII на престолъ Мина долго сражался противъ тиранніи и, наконецъ, умеръ въ 1835 году.

Монморанси [1]) получилъ приказаніе не возвращаться въ Парижъ и не выѣзжать изъ предѣловъ департамента Леманъ; госпожа Рекамье [2]), которая съ нимъ въ перепискѣ, выслана изъ Парижа въ Лангедокъ. Принцессу Беневентъ, которая имѣла неосторожность посѣтить герцога Санъ-Карлоса въ Луи-де-Сонье, постигла та же участь, ей было приказано жить въ Бельгіи, но Талейрану удалось, послѣ объясненій съ Наполеономъ, добиться отмѣны этого приказанія, и она теперь возвратилась въ Парижъ. Неудовольствія съ королемъ Неаполитанскимъ все увеличиваются, Наполеонъ приказалъ выслать изъ Парижа его секретаря, пользующагося большимъ его довѣріемъ, генерала Ла-Вогюонъ. При его задержаніи, когда онъ садился въ карету, при немъ нашли много писемъ, адресованныхъ Неаполитанскому королю и его супругѣ, которыя не въ состояніи расположить Наполеона въ ихъ пользу.

Король, въ свою очередь, выслалъ изъ Неаполя министра внутреннихъ дѣлъ, Лоза, и генерала Ланюссъ, которые отказались принять подданство неаполитанское. Однимъ словомъ, дѣла дошли до того, что переворотъ неизбѣженъ.

Пріѣхавъ въ Вѣну, Нессельроде писалъ также 10 (22) сентября и Сперанскому, и сообщалъ ему, что послѣ отъѣзда изъ Парижа, не имѣя шифра для переписки, долженъ былъ воспользоваться шифромъ, имѣющимся у Алопеуса для переписки съ канцлеромъ, и это побудило его отправить канцлеру подробное донесеніе, съ котораго посылаетъ ему копію.

Худое расположеніе духа Наполеона все увеличивается, но война не начнется эту осень; даже есть возможность избѣгнуть ее и въ будущемъ году, если будутъ слѣдовать указанному имъ образу дѣйствія, т. е. стараться быть сильными на сколько только возможно,

---

[1]) Монморанси, Матье Жанъ, герцогъ, род. въ Парижѣ въ 1767 г., участвовалъ въ войнѣ за независимость Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, былъ представителемъ дворянства въ генеральномъ собраніи 1789 г., явился защитникомъ политической свободы и предложилъ въ ночь 4-го августа отмѣну дворянскихъ правъ. При республикѣ и Наполеонѣ былъ не у дѣлъ, но при возстановленіи Бурбоновъ, измѣнивъ воззрѣнія своей молодости, былъ адъютантомъ герцога д'Артуа, пэромъ Франціи, министромъ иностранныхъ дѣлъ въ 1822 г., посланникомъ Франціи на конгрессѣ въ Веронѣ. Въ 1825 г. онъ сдѣланъ членомъ французской академіи. Онъ умеръ въ 1826 году.

[2]) Рекамье, Юлія Бернардъ, род. въ Ліонѣ въ 1777 году, вступила въ бракъ съ богатымъ банкиромъ Рекамье и открыла блестящій салонъ, въ которомъ собиралось самое избранное общество. Это навлекло на подозрѣніе со стороны полиціи Наполеона, и она скоро была удалена изъ Парижа за свое сношеніе съ г. Сталь. Рекамье славилась также своею красотою. Она умерла въ Парижѣ въ 1849 году.

избѣгая поводовъ къ войнѣ преждевременнымъ сосредоточіемъ войскъ, заключить миръ съ Турціею во что бы то ни стало, послать въ Парижъ надлежащее лицо съ неограниченными полномочіями и т. д. Это я буду повторять и твердить въ Петербургѣ, при моемъ возвращеніи, и пока этому не будутъ слѣдовать, нечего ожидать чего-либо хорошаго. Невозможно, чтобы наши дѣла могли улучшиться въ какомъ бы то ни было отношеніи.

Замедляю свой отъѣздъ отсюда, желая дождаться курьера къ Меттерниху, изъ Парижа, который, вѣроятно, доставитъ болѣе новѣйшія извѣстія; я не замедлю вамъ ихъ сообщить.

Однако, дальнѣйшаго письма Нессельроде къ Сперанскому изъ Вѣны не имѣется. Нессельроде, въ началѣ октября, прибылъ въ Петербургъ и уже представилъ императору Александру I записку или отчетъ о своемъ пребываніи въ Парижѣ съ 1810 года. Нессельроде былъ вскорѣ удостоенъ монаршей милости, награжденный орденомъ св. Владиміра 3 степени, 1 января 1811 года, онъ былъ удостоенъ званія статсъ-секретаря его величества 26 октября того же 1811 года.

Когда я представлялся его величеству за такую милость, пишетъ Нессельроде, императоръ Александръ I сказалъ мнѣ: „новая миролюбивая попытка съ моей стороны предъ Наполеономъ, еслибы я только на нее рѣшился, не могла бы привести къ мирному разрѣшенію дѣлъ. Я считаю, какъ и вы, войну неизбѣжною. Въ такомъ случаѣ я предполагаю встать во главѣ моихъ войскъ. Мнѣ необходимо будетъ имѣть при себѣ молодаго человѣка, въ состояніи слѣдовать за мною повсюду верхомъ на лошади и вести всю мою политическую переписку. Канцлеръ графъ Румянцевъ уже старъ, болѣзненъ и не въ состояніи выполнить этой задачи. Я обратилъ вниманіе на васъ и надѣюсь, что вы исполните преисполненную довѣрія обязанность съ надлежащею вѣрностію и скромностью“.

До послѣдовавшаго разрыва съ Франціею, я не имѣлъ какихъ-либо серьезныхъ занятій,—вся дипломатическая переписка велась попрежнему непосредственно канцлеромъ и государь только изрѣдка поручалъ мнѣ изложеніе нѣкоторыхъ бумагъ, когда не одобрялъ представленнаго графомъ Румянцевымъ. Одно время шла рѣчь объ отправкѣ меня вновь въ Парижъ, съ особымъ порученіемъ, но это не состоялось.

Въ январѣ 1812 г. я вступилъ въ бракъ съ дочерью Д. Л. Гурьева [1]) и обязанъ ей счастьемъ 37 лѣтняго супружества. Вскорѣ

[1]) Гурьевъ, Дмитрій Александровичъ, род. въ 1751 г., былъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Кочубеемъ, Новосильцевымъ, Чарторыйскимъ и т. д. и назначенъ въ 1802 г. товарищемъ министра финансовъ, затѣмъ въ 1806 г. министромъ

послѣ моего брака свершилось событіе, которое могло имѣть пагубное вліяніе и на мою судьбу. Я говорю объ опалѣ, постигшей Сперанскаго, моего искренняго друга, который, во время своего довольно продолжительнаго вліянія и значенія при государѣ, былъ моимъ главнымъ предстателемъ у его величества. Во вторникъ императоръ потребовалъ меня къ себѣ, со своею ангельскою добротою успокаивалъ меня за послѣдствія, которыхъ я одно время опасался, т. е. объ участи моей переписки, посланной Сперанскимъ въ запечатанномъ конвертѣ его величеству и находившейся въ кабинетѣ императора. Я нашелъ государя еще очень разстроеннымъ тою необходимостью, по которой,—основательно ли или нѣтъ, онъ счелъ себя принужденнымъ разстаться съ человѣкомъ, столь имъ любимымъ за его характеръ и уважаемымъ за его дарованія. Онъ (т. е. Сперанскій) очевидно сдѣлался жертвою интриги, и лица, подобныя Армфельду, Балашову, воспользовались общественнымъ настроеніемъ, неблагопріятнымъ тѣмъ преобразованіямъ, которыя государь желалъ осуществить, поручивъ Сперанскому ихъ выполненіе. Эти лица представляли его величеству, что наканунѣ войны, въ которой только одна любовь русскихъ къ отечеству могла спасти ихъ родину, было бы неосторожно оскорблять народное чувство, удерживая при себѣ человѣка, котораго обвиняли не только въ тайныхъ сношеніяхъ съ Франціею, но даже въ измѣнѣ. Эти сношенія Сперанскаго съ Франціею заключались въ перепискѣ его съ герцогомъ Бассано о томъ, чтобы при посредствѣ послѣдняго добыть изъ Франціи различныя подробности о тѣхъ учрежденіяхъ, созданныхъ Наполеономъ во Франціи, которыя намѣревались ввести и у насъ въ Россіи. Дѣйствительно, нашъ Государственный Совѣтъ былъ учрежденъ по образцу совѣта государственнаго во Франціи. Преобразованія Сперанскаго являлись болѣе обширными...

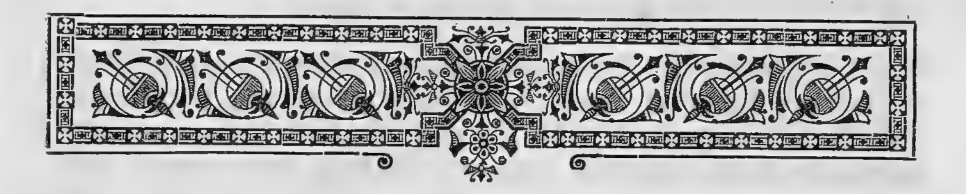
Но возвратимся къ 1812 году.

П. Майковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

удѣловъ, а въ 1810 г.—министромъ финансовъ. Въ 1823 г. онъ былъ уволенъ отъ званія министра финансовъ, оставаясь въ управленіи кабинетомъ и министромъ удѣловъ. Онъ умеръ 30-го сентября 1820 г.

О выборномъ началѣ въ церкви.

IV [1]).

При разсужденіяхъ о выборномъ началѣ, многіе органы печати требовали, какъ мы видѣли, участія въ выборахъ и съѣздахъ духовенства мірскаго элемента. Эти требованія были отголоскомъ и прямымъ слѣдствіемъ идеи, нѣсколько всплывавшей на поверхность церковно-общественной русской жизни и всегда встрѣчавшей большое сочувствіе во всѣхъ, кому дороги были интересы церкви,—это идея объ оживленіи церковной жизни, о большемъ вліяніи церкви на общество. Достигнуть такого оживленія весьма разумно думали привлеченіемъ прихожанъ къ заботамъ о своемъ храмѣ, приходѣ и духовенствѣ, чтобы прихожане интересы своего прихода считали своими кровными интересами и принимали живое и непосредственное участіе въ церковной жизни. Эта идея особенно заявила себя въ 60-хъ годахъ и потомъ обнаруживалась параллельно съ развитіемъ выборнаго начала среди духовенства; начало 80-хъ годовъ, когда велась особенно усиленная защита выборовъ среди духовенства, выдвинуло идею объ участіи прихожанъ въ церковной жизни съ новой силой.

Съ этой именно цѣлью живаго участія мірянъ въ интересахъ мѣстнаго прихода, храма и духовенства—образованы были въ 63 году церковно-приходскіе совѣты [2]). Тогда же было заявлено мнѣніе въ духовной печати [3]), что „первыми условіями для улучшенія матеріальнаго положенія церкви и ея служителей слѣдуетъ положить: признаніе каждаго прихода самостоятельнымъ юридическимъ лицомъ, способнымъ владѣть и пользоваться всякаго рода движимою и недвижи-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ февраль 1906 г.

[2]) Переименованные въ 1864 г. въ попечительства.

[3]) „Правосл. Обозр.“ 1863 г. октябрь. А. Хвостовъ. Одна изъ мѣръ къ улучшенію быта духовенства.

мою собственностью". Такого признанія не совершилось, но интересно то, что эта же самая мысль о признаніи прихода за юридическую единицу была повторена черезъ 17 лѣтъ, въ 1880 г. въ московскомъ земскомъ собраніи. Земства, которымъ поручено было развитіе матеріальнаго и въ извѣстной мѣрѣ нравственнаго благосостоянія родной страны, съ самаго начала существованія приняли нѣкоторое участіе въ церковныхъ дѣлахъ. Имъ было предложено позаботиться объ улучшеніи быта духовенства. Вмѣстѣ съ тѣмъ и самое духовенство призвано было къ участію въ земскомъ самоуправленіи. Такимъ образомъ, по идеѣ, земства должны бы быть учрежденіями, объединяющими духовенство съ другими сословіями государства во имя общаго служенія интересамъ русскаго народа. Но на первыхъ порахъ земскіе дѣятели отнеслись очень недружелюбно къ участію духовенства въ земскомъ управленіи и всячески старались отстранить его представителей отъ земскаго дѣла [1]). Само духовенство не вездѣ могло поддерживать свое достоинство, рѣшительно не знало, какъ вести себя, напр., на земскихъ выборахъ, бралось за дѣло неумѣло и робко [2]) и часто подвергалось очевидному третированію со стороны земскихъ гласныхъ. Что касается вопроса объ улучшеніи быта духовенства, то многія земства отнеслись къ нему также недоброжелательно и поспѣшили отклонить его или рѣшить въ отрицательномъ смыслѣ. Впрочемъ, такъ отнеслись къ этому не всѣ земства. Нѣкоторыя изъ нихъ, во главѣ со столичными, посмотрѣли на этотъ вопросъ безъ предубѣжденія, искренно старались помочь духовенству и уже въ 1866 г. назначили послѣднему жалованіе; нѣкоторыя рѣшились помочь ему другими способами [3]), при чемъ иныя земства (Пензенское, Казанское, Тульское, Калужское и др.), какъ на органы для улучшенія быта духовенства, указывали на церковно-приходскія попечительства. На многихъ земскихъ собраніяхъ при рѣшеніи вопроса объ улучшеніи матеріальнаго положенія духовенства поднимались разсужденія о нравственныхъ дефектахъ духовенства и предлагались мѣры къ ихъ уврачеванію.

Въ 1866 г. тверское губернское земское собраніе въ одномъ изъ своихъ постановленій требовало, „чтобы свѣдѣнія о лицахъ, назначаемыхъ въ приходскій церковный причтъ, были отбираемы консисторіею отъ прихожанъ чрезъ уѣздныя управы, и чтобы, въ случаѣ неисправности священно-церковнослужителей по службѣ или немиролюбивой жизни, прихожане заявляли этой управѣ, а управа уже со

[1]) Примѣры приводятся въ „Правосл. Обозр." 1867 г. февраль, „Совр. Обозр." „Что сдѣлало наше земство для правосл. духовенст. за истекшій 1866 г.".

[2]) „Правосл. Обозр." 1865 г. мартъ, замѣтки. Письмо изъ Пензы.

[3]) „Пр. Обозр." 1867 г. февраль. Замѣтки.

своей стороны будетъ просить епархіальное начальство о немедленномъ и точномъ исполненіи 202 ст. устава духовн. консисторій [1]). Очевидно, цѣль ходатайства тверскаго земства состояла въ томъ, чтобы міряне имѣли участіе въ избраніи себѣ священнослужителей и могли бы избавиться отъ дурныхъ пастырей. „Православное Обозрѣніе", упоминая объ этомъ постановленіи, читаетъ нотацію губернскому собранію, что оно вторглось въ чуждую ему область епархіальнаго управленія, а управѣ напоминаетъ 30 апост. правило объ избранныхъ мірскимъ начальствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ журналъ совершенно справедливо заявляетъ, что „непосредственное и единственное вліяніе на выборъ пастыря должны имѣть прихожане, а не управа". Участіе приходской общины въ выборахъ для себя пастыря, столько живое въ древневселенской и собственно въ нашей православной русской церкви, безъ сомнѣнія, весьма важно и даже весьма желательно. Но „Православное Обозрѣніе" говоритъ объ этомъ участіи, какъ дѣлѣ „нравственномъ", въ смыслѣ добровольнаго допущенія со стороны архіереевъ ходатайства прихожанъ о томъ или другомъ кандидатѣ священства [2]).

Очень понятно, что вопросъ объ участіи прихожанъ въ избраніи священниковъ не могъ остановиться на такой шаткой и ненадежной почвѣ. Въ этомъ случаѣ ему грозило то же, что происходило и съ выборнымъ началомъ въ духовенствѣ: не будучи легально установленнымъ правомъ, а только добровольнымъ допущеніемъ, оно во всякую минуту могло быть отнято; архіерей могъ принять ходатайство прихожанъ, но могъ и не принять.

Къ началу 70-хъ годовъ вопросъ объ участіи прихожанъ въ выборѣ излюбленныхъ священниковъ, какъ законномъ правѣ, настолько созрѣлъ, что дѣлается предметомъ горячихъ обсужденій въ печати и становится на каноническую почву. Въ 1870 г. священникъ Морошкинъ, какъ мы уже упоминали, издалъ брошюру: „Выборное начало въ духовенствѣ". Какъ показываетъ названіе книжки, она была написана собственно въ защиту выборнаго начала среди духовенства, но автору, разсматривавшему канонически-историческія основанія для выборнаго начала, пришлось говорить и объ участіи мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ настолько подробно, что его противникъ, „Православный Мірянинъ", идеаломъ церкви Морошкина считаетъ демократическую республику. По словамъ Морошкина, вопросъ о выборномъ началѣ становится уже самымъ жгучимъ и самымъ жизненнымъ, о которомъ разсуждаютъ и спорятъ не только въ средѣ духовенства, но

---

[1]) О назначеніи слѣдствія.

[2]) „Прав. Обозр." январь (1867 г.) замѣтки, стр. 11—13.

и въ свѣтскихъ кружкахъ. „Одни съ увлеченіемъ, съ самоотверженіемъ, вооружившись непререкаемыми фактами, доказываютъ всю неотложную необходимость введенія выборнаго начала; другіе съ неподвижнымъ и упорнымъ постоянствомъ отворачиваются отъ него, какъ отъ чего-то, грозящаго поколебать основы церковной іерархіи и перевернуть весь іерархическій строй". Послѣднихъ, впрочемъ, гораздо меньше [1]).

Своею цѣлью Морошкинъ поставилъ доказать, что: 1) выборное начало въ христіанской церкви есть необходимый и естественный результатъ устройства ея и прямо вытекаетъ изъ соборнаго начала церкви, а потому оно столько же древне, какъ и самое соборное начало, т. е. восходитъ ко временамъ апостольскимъ; 2) оно дѣйствовало въ церкви не только при постановленіи лицъ въ должности іерархическія, но и на іерархически-административныя, филантропическія, хозяйственныя и т. п.; 3) оно было въ русской церкви, и 4) къ нему прибѣгали въ послѣднихъ годахъ царствованія Александра I, какъ къ самому лучшему и дѣйствительному средству для возвышенія нравственности въ приходскомъ духовенствѣ. Многочисленныя историческія и каноническія свидѣтельства доказываютъ, что клиръ и міряне участвовали въ избраніи епископовъ и всѣхъ членовъ причта; въ дѣлахъ епархіальнаго управленія епископъ былъ ограниченъ епископскимъ совѣтомъ, члены котораго также подлежали избранію.

Въ древне-русской церкви выборное начало нашло поддержку въ самомъ общественномъ и государственномъ строѣ, формы котораго были проникнуты духомъ общественности и выбора. Русскіе историческіе и юридическіе акты даютъ много примѣровъ, доказывающихъ широкое приложеніе выборнаго начала ко всѣмъ членамъ іерархіи отъ дьячка до епископа не только въ Новгородѣ и Псковѣ, гдѣ господствовало вѣче, но и въ мѣстахъ съ единоличною княжескою властью: во Владимірѣ, Ростовѣ, Смоленскѣ и др. Для церковнаго управленія существовали выборные поповскіе старосты и десятскіе. Относительно суда еще „Стоглавъ" предписалъ: „весь священническій и иноческій чинъ во всѣхъ духовныхъ дѣлахъ самимъ святителемъ судити... соборнѣ по священнымъ правиламъ, да непороченъ будетъ святой судъ, опричь душегубства и разбоя (67 г.)", а послѣ предоставлено этому суду вѣдать и уголовныя дѣла. Есть свидѣтельства, что въ архіерейскихъ приказахъ сидѣли на судѣ старосты и цѣловальники по выбору отъ духовенства и земскихъ людей. Митрополитъ Евгеній не только рекомендовалъ выборъ благочинныхъ, но и кандидатовъ на вакансіи въ увѣщатели подсудимыхъ, въ депутаты и духовники, „а ежели

---

[1]) Выборное начало въ духов., стр. 1—2.

епархіальное начальство признаетъ нужнымъ, то и въ присутствующіе консисторіи и духовныхъ правленій". Такова суть брошюры Морошкина. Направленная въ защиту выборнаго начала собственно въ духовенствѣ, статья рѣшаетъ вопросъ принципіально и защищаетъ право на участіе въ церковныхъ выборахъ, какъ духовенства, такъ и мірянъ. Изслѣдованіе Морошкина вызвало оживленные толки въ печати, благопріятные для выборнаго начала. Это подвигло „Православнаго мірянина" (псевдонимъ г. Палимпсестова), противника выборнаго начала во всѣхъ его видахъ и формахъ, — на критику брошюры Морошкина. Въ 1871 г. „Мірянинъ" пустилъ въ свѣтъ свою „Правду о выборномъ началѣ въ духовенствѣ" (Спб.). Цѣль этой брошюры доказать, что сочиненіе Морошкина—компиляція, разсчитанная единственно на малое знакомство русскихъ читателей съ каноническимъ правомъ и исторіею церкви, — и компиляція, по направленію своему очень вредная, какъ посягающая на основы устройства православной церкви. Критикъ шагъ за шагомъ слѣдитъ за содержаніемъ книги Морошкина и стремится опровергнуть всѣ его положенія. Какъ авторъ, Морошкинъ дѣйствительно не силенъ,—онъ рабски слѣдуетъ своимъ источникамъ—каноническому праву румынскаго митрополита Шагуны и латинскому изслѣдованію Томассена, французскаго канониста второй половины 17-го вѣка, котораго Морошкинъ, по недоразумѣнію, называетъ древнимъ канонистомъ. Подавленный своими источниками, онъ часто ссылается на соборы и авторитеты западной церкви (приводитъ, напр., правила 4 и 5 Карѳ. собора, которыхъ не знаетъ православная церковь), иногда авторъ искажаетъ смыслъ источниковъ. Особенно Морошкинъ неоснователенъ при разсужденіяхъ о выборномъ началѣ примѣнительно къ должностямъ административнымъ, судебнымъ, филантропическимъ и т. д., потому что здѣсь приходится ему быть самостоятельнымъ; не имѣя ни каноническихъ, ни историческихъ данныхъ, онъ прибѣгаетъ къ однимъ предположеніямъ. Критикуя Морошкина, Полимпсестовъ удачно пользуется сочиненіемъ вѣнскаго проф. Цизмана: „Соборы и церковныя должности при епископскихъ каѳедрахъ въ восточной церкви (1867 г.)". Не имѣя возможности останавливаться на возраженіяхъ Палимпсестова противъ положенія Морошкина, что соборная форма рѣшенія всѣхъ вопросовъ есть единственно правильная и свойственная Христовой церкви, мы обращаемся къ вопросу о выборномъ началѣ, которое, по словамъ Морошкина, прямо вытекаетъ изъ соборнаго начала церкви. Палимпсестовъ, напротивъ, утверждаетъ, что выборное начало есть произведеніе демократіи, оно вытекаетъ изъ ученія о полновластіи народа въ общественныхъ дѣлахъ, и потому не могло и не можетъ имѣть мѣста въ церкви Христовой. Ссылаясь на сочиненіе Чичерина: „О

народномъ представительствѣ", „Мірянинъ" утверждаетъ, что выборное начало есть произведеніе новаго времени, древнимъ обществамъ оно было не извѣстно, слѣдовательно, не могло быть и въ древнихъ христіанскихъ обществахъ.

Критикъ разбираетъ приводимые Морошкинымъ примѣры избранія епископовъ клиромъ и народомъ и нѣкоторыя церковныя правила относительно избранія епископовъ и находитъ, что Морошкинъ, пользуясь кн. Шагуны, часто дѣлаетъ произвольныя прибавки для доказательства своихъ мыслей.

Но многіе примѣры въ доказательство выборнаго начала въ отношеніи къ избранію епископовъ (св. Кипріана, Корнелія и Сильвестра, еп. римскихъ, Златоуста, Евстафія Антіохійскаго) и соотвѣтствующія мѣста изъ постановл. апост. (кн. 8, гл. 4) Палимпсестовъ оставляетъ безъ разбора, ограничиваясь утвержденіемъ, будто эти примѣры уничтожаются заявленіемъ автора, что епископы избирались часто и безъ участія народа. Опроверженіе не сильное. Критикъ удачно ловитъ автора на словахъ, но силы многихъ приводимыхъ имъ примѣровъ нисколько не ослабляетъ. Съ побѣдоноснымъ видомъ Палимпсестовъ разбиваетъ и каноническія свидѣтельства, представляемыя авторомъ; правда—большинство ихъ приведено неудачно, и того, что авторъ думаетъ ими доказать, не доказываютъ, но не всѣ; напр., приводимое у Морошкина 61 правило Карѳ. собора ясно говоритъ объ избраніи епископа при участіи народа, къ которому избираемый имѣетъ быть поставленъ, при чемъ выслушивались мнѣнія какъ „за", такъ и „противъ" кандидата на епископство. И самъ Палимпсестовъ, вооружаясь противъ словъ „выборное начало" и противъ того, что оно существовало въ древней церкви, соглашается, что „обычай избирать епископовъ при участіи мѣстнаго духовенства и мірянъ имѣлъ силу только въ первые три вѣка[1]). Утверждаетъ это Палимпсестовъ на основаніи 13 правила собора Лаодикійскаго (во 2 пол. IV в.), которое воспрещаетъ „сборищу народа (ὄχλος) избирать" имѣющихъ быть произведенными во священство[2]). Но многіе канонисты" ὄχλος—turba переводятъ словами „безпорядочная толпа" и запрещенія здѣсь законному участію мірянъ въ выборахъ не видятъ. Вопреки весьма ясному свидѣтельству св. Кипріана объ участіи мірянъ въ выборахъ епископовъ, Палимпсестовъ утверждаетъ, что клиръ и народъ только присутствовали при выборахъ и не подавали голосовъ наравнѣ съ епископами.

Вторую половину своей брошюры Палимпсестовъ посвящаетъ разбору историческихъ и каноническихъ свидѣтельствъ Морошкина о

[1]) Стр. 35.

[2]) Лаод. 13 пр.

выборномъ началѣ примѣнительно къ священникамъ, діаконамъ и другимъ лицамъ клира. Общій характеръ его критики все тотъ же: онъ обнаруживаетъ только промахи Морошкина, существованіе же выборнаго начала все-таки остается несомнѣннымъ. Нѣкоторыя доказательства Морошкина и здѣсь, дѣйствительно, очень слабы: такова, напр., ссылка въ доказательство участія мірянъ въ избраніи священниковъ, на 1 посл. къ Тим. (III, 7) о добромъ свидѣтельствѣ отъ внѣшнихъ, которыя относятся не къ пресвитеру, а къ епископу и подъ „внѣшними", по толкованіямъ Златоуста и Ѳеофилакта, разумѣются язычники; не сильное доказательство и 7 пр. Ѳеофила Александрійскаго, которое говоритъ только о сосвидѣтельствѣ народа и епископа при посвященіи служителей церкви. Но много и здѣсь фактовъ, не уничтоженныхъ критикою Палимпсестова, каковы, напр., выборъ 7 діаконовъ множествомъ учениковъ (Дѣян. 6, 10), которому Палимпсестовъ противопоставляетъ только позднѣйшіе факты назначенія діаконовъ епископами; свидѣтельства св. Кипріана, Іоанна Златоуста въ соч. „О священствѣ". Противъ свидѣтельства Златоуста Палимпсестовъ утверждаетъ, что Златоустъ говоритъ объ участіи мірянъ, не зная 13 правила собора Лаодикійскаго (ссылка, не имѣющая значенія, если подъ ὄχλος разумѣть безпорядочныя сходки) и что самъ Златоустъ не высокаго мнѣнія о существующихъ порядкахъ. Но злоупотребленія возможны вездѣ, а важно то, что выборъ священныхъ лицъ при Златоустѣ существовалъ. Не лишено значенія и свидѣтельства (Лампридія) объ Александрѣ Северѣ, что онъ завелъ выборъ чиновниковъ на томъ основаніи, что „постыдно было бы не дѣлать того, что іудеи и христіане дѣлаютъ при поставленіи священниковъ".

Переходя къ русской церкви, Палимпсестовъ разсуждаетъ, что если выборные порядки не противны каноническимъ установленіямъ вселенской церкви и согласуются съ нынѣшнимъ строемъ государственной и земской жизни,—ихъ можно бы рекомендовать для нынѣшняго времени. Если они необходимо требуются церковными законами, ихъ нужно возобновить, хотя бы государственная и земская жизнь стояли въ противорѣчіи съ ними; государственные законы должны подчиниться церковнымъ. Совершенно справедливая мысль. За это-то и ратовали, это-то и доказывали всѣ защитники выборнаго начала. Но Палимпсестовъ находитъ, что выборное начало противорѣчитъ и церковнымъ и гражданскимъ законамъ. Въ древней Руси, по Палимпсестову, священниковъ избирали по нуждѣ, потому что мало было грамотныхъ людей (но тамъ, гдѣ не изъ кого выбирать, кажется бы, и мѣсто назначенію священниковъ?). Въ доказательство неприглядныхъ сторонъ выборнаго начала Палимпсестовъ приводитъ мѣста изъ Сто-

глава о взяткахъ съ избираемыхъ въ Новгородѣ и Псковѣ: „Кто больше принесетъ за себя мзды, съ тѣмъ и идутъ къ владыцѣ" (но и тогда, конечно, такія взятки не были явленіемъ всеобщимъ [1]), тѣмъ больше будутъ рѣдки теперь. Развитіе грамотности и строгій контроль вполнѣ могутъ уничтожить эти злоупотребленія). Разсказавъ, какъ выборное начало стало исчезать на Руси, Палимпсестовъ утверждаетъ, что жалѣть о паденіи его не приходится. Но такъ думало далеко не большинство; многіе жалѣли о немъ очень, видя въ немъ сильнѣйшее средство поднятія церковнообщественной жизни, и неумолчно говорили, что пора возстановить этотъ добрый и законный обычай. Въ такомъ духѣ мы находимъ прекрасную статью въ „Бесѣдѣ" Юрьева за 1872 г. (декабрь): „Вопросъ о церковныхъ попечительствахъ" Н. К—ва. Авторъ сочувственно относится къ попечительствамъ, но отмѣчаетъ, что дѣятельность ихъ очень мелочна и общество къ нимъ относится холодно. Причина этого—неправильная, узкая постановка дѣятельности попечительствъ, сильная зависимость отъ епархіальной власти, бюрократическое веденіе дѣла. Совершенно ненормально приходскія попечительства отдѣлены отъ прихода, церковной общины. Священники являются главными лицами и въ приходѣ завѣдуя церковнымъ хозяйствомъ, интересами церкви и духовнаго начальства, и въ попечительствахъ, гдѣ чаще всего бываютъ предсѣдателями. Для пользы и самаго духовенства и прихожанъ нужно положить конецъ разрозненности и даже взаимной враждебности элементовъ, составляющихъ приходъ, когда одна часть — прихожане — играютъ чисто пассивную роль: даютъ, жертвуютъ и не принимаютъ никакого активнаго участія въ церковно-приходскихъ дѣлахъ, а другая часть—духовенство—собираетъ, принимаетъ и заправляетъ всѣми церковно-приходскими дѣлами не только безъ контроля, но и безъ вѣдома прихода. Формою единенія должна быть—свободная, самостоятельная церковная община, которая для большаго удобства по возможности совпадала бы съ сельской. Такая община будетъ единственнымъ обществомъ людей безъ различія состояній и сословій. Идея прихода, какъ такой общины, и ея организація не будетъ нововведеніемъ, а только законнымъ возстановленіемъ порядка первенствующей церкви, который вносилъ въ нее движеніе и энергію, придавалъ членамъ ея неодолимую стойкость и возвышалъ до той нравственной высоты, которой удивлялись язычники. Общинная церковная жизнь съ жи-

[1]) Что при выборахъ не преслѣдовали одни матеріальные разсчеты, за это самое говоритъ рекомендація одного діакона, выбраннаго въ десятники въ Новгородѣ: „А тотъ діаконъ Иванъ добръ, не плутъ и не бражникъ и душею прямъ, и государевы патріарховы дѣла ему діакону Ивану за обычай"—(А. И. т. І. № 1, приводится въ книжкѣ Морошкина).

вымъ и близкимъ участіемъ въ ней всѣхъ членовъ—главная причина широкаго и быстраго развитія религіозной жизни въ протестантствѣ. Боязнь впаденія въ протестантство при введеніи общиннаго церковнаго устройства совершенно неосновательна, можно крайностей протестантства избѣгнуть. Изученіе исторіи православныхъ братствъ, гдѣ выборное начало имѣло полное приложеніе и которыя такъ мужественно отстояли свою вѣру и народность, служитъ блестящимъ примѣромъ значенія общаго устройства на почвѣ православія.

Преобразованіе прихода въ свободную, самоуправляющуюся общину съ непремѣннымъ участіемъ прихожанъ въ избраніи священнослужителей и прочное введеніе выборнаго начала въ епархіальномъ управленіи будутъ сопровождаться неисчислимыми благами послѣдствіями: разовьется приходская благотворительность, улучшится матеріальный бытъ избранныхъ священниковъ; установится между клиромъ и народомъ тѣсная и живая связь, послѣдуетъ оживленіе религіозныхъ интересовъ, уменьшится неблагопріятное вліяніе гражданской власти на церковь, исчезнетъ бюрократизмъ, что̀ такъ смущаетъ, напр., старокатоликовъ. Такая реформа прихода, говоритъ авторъ, „вызывается всѣмъ строемъ и направленіемъ теперешней общественной жизни“, характеристическая черта которой—развитіе самодѣятельности и самоуправленія.

Въ привлеченіи къ участію въ церковныхъ дѣлахъ мірянъ видѣлъ гарантію для развитія церковно-религіозной общественной жизни и извѣстный канонистъ Н. С. Суворовъ [1]). Православный христіанинъ, справедливо говоритъ Суворовъ, анализируя свое понятіе о церкви, не найдетъ соотношенія между этимъ понятіемъ и практикой церковной жизни; онъ встрѣчается скорѣе съ воззрѣніями католическими на отношенія между безгласными овцами и полновластной іерархіей, въ качествѣ духовнаго начальства замѣняющей истинное катехизическое понятіе о церкви. Потому-то у насъ, когда говорится о церкви, обыкновенно думаютъ, что дѣло идетъ о духовномъ сословіи; потому-то вопросы объ улучшеніи быта духовенства, о судебной духовной реформѣ и разсматриваются, какъ не представляющіе для мірянъ никакого интереса. Все это—результатъ отдаленія мірскаго элемента отъ участія въ церковной жизни, которое теперь проявляется настолько, насколько дѣло касается кармана прихожанъ по отношенію къ хозяйственнымъ дѣламъ церкви въ лицѣ церковнаго старосты да не вездѣ существующихъ попечительствъ. Между тѣмъ есть много дру-

---

[1]) Разумѣемъ его статью „Клиръ и міряне“ „Церк.-Общ. Вѣстникъ“, 1877 годъ.

гихъ путей, которыми можетъ проявляться участіе мірянъ въ дѣлахъ церкви. Это прежде всего выборъ прихожанами священно-церковнослужителей, каковое право можетъ быть расширено до избранія самихъ епископовъ съ организаціей извѣстной системы епархіальнаго представительства. Имѣя за себя массу историческихъ данныхъ, это право должно сопровождаться самыми благодѣтельными послѣдствіями для церкви, служа средствомъ къ сближенію не только между мірянами и низшимъ духовенствомъ, но и между ними и духовнымъ начальствомъ. Должно быть отведено мѣсто представительству мірянъ въ церковномъ судѣ (согласно свидѣтельствамъ Св. Писанія, писанія мужей апостольскихъ, отцевъ и учителей церкви, которыя Суворовъ и приводитъ). На возраженіе, что эта мысль несогласна съ началомъ православія, можно указать на то, что и при настоящей организаціи церковнаго суда элементъ не церковный, но и не мірской, а бюрократическій, въ лицѣ консисторскаго секретаря, имѣетъ не только важное, но и преобладающее, рѣшающее значеніе. Нормальныя отношенія между клиромъ и мірянами, выводимыя не изъ какой-нибудь туманной теоріи, а изъ свидѣтельствъ Св. Писанія, каноновъ и отцовъ церкви, прямо предполагаютъ участіе мірянъ въ указанныхъ актахъ. Только уже въ IV вѣкѣ византійскій императоръ заслонилъ собою мірской элементъ въ церковномъ обществѣ, служа единственнымъ и полновластнымъ представителемъ этого элемента по всѣмъ вопросамъ церковной жизни: соборы были созываемы, руководимы и управляемы императорами. Христіанская церковь стала государственной, клирики отдѣлились отъ мірянъ, какъ привилегированное сословіе.

Суворовъ указываетъ, какъ на образецъ церковнаго устройства съ широкимъ участіемъ мірянъ: 1) на церкви—румынскую и находящуюся въ австрійскихъ владѣніяхъ, гдѣ на-ряду съ церковно-іерархическими соборами являются существеннымъ элементомъ церковнаго строя соборы церковно-общественные, подъ предсѣдательствомъ митрополита, занимающіеся вопросами объ устройствѣ училищъ, образованіи новыхъ приходовъ, а также принимаютъ участіе въ избраніи митрополита. Представители на эти соборы избираются, соотвѣтственно количеству населенія епархіи. Въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ при митрополитѣ свѣтскіе члены имѣютъ даже перевѣсъ; 2) на устройство церковно-общественнаго управленія въ Пруссіи съ его двумя церковно-приходскими органами: „церковнымъ совѣтомъ“ и „общественнымъ представительствомъ“, уѣздными и провинціальными сѵнодами и, наконецъ, высшимъ евангелическимъ совѣтомъ. Симпатіи автора на сторонѣ послѣдняго церковнаго устройства, темныя стороны котораго условливаются не допущеніемъ мірянъ къ участію въ дѣлахъ церковнаго правительства, а ложною постановкою строя, въ виду

правъ королевскаго епископата, въ сильномъ вліяніи конституціонализма на церковь.

Для того, чтобы положить начало уничтоженію раздѣленія между клиромъ и міорянами, между приходомъ и епархіею, между епархіею и цѣлой помѣстной церковью, авторъ считаетъ необходимымъ: преобразованіе приходовъ, допущеніе мірскаго элемента на благочинническихъ и епархіальныхъ съѣздахъ, участіе въ которыхъ пріучитъ прихожанъ къ пониманію церковныхъ дѣлъ и религіозныхъ интересовъ, такъ что изъ нихъ выдѣлится процентъ лицъ и для участія на епархіальныхъ съѣздахъ. Епархія, получивши возможность стать дѣйствительнымъ епархіальнымъ обществомъ, дастъ возможность созванія собора русской помѣстной церкви, котораго не можетъ замѣнить сунодъ, не могущій быть выразителемъ желаній и потребностей всей русской церкви. При вопросѣ о преобразованіи духовно-судебной части ищутъ гарантій противъ единоличнаго произвола духовныхъ властей; авторъ для этого вмѣсто исключительнаго примѣненія судебнаго устава 1864 г. совѣтуетъ обратиться къ строю церковнаго суда съ участіемъ обоихъ составныхъ элементовъ церковнаго общества, какъ іерархическаго, такъ и мірскаго. Епархіальному съѣзду и теперь можно бы принимать участіе въ рѣшеніяхъ консисторій въ видѣ комитета, выдѣляющагося изъ съѣзда.

Къ 80-мъ годамъ вопросъ объ отношеніи духовенства къ мірянамъ и вообще о положеніи духовенства у насъ, какъ мы уже упоминали, былъ сильно выдвинутъ въ печати. Высшая церковная власть, въ виду отчасти всеобщаго недовольства противъ духовенства, въ 1879 г. прекратила свободный доступъ семинаристамъ въ университеты. Часть печати привѣтствовала это событіе, полагающее конецъ бѣгству лучшихъ силъ изъ духовнаго сословія. Другая часть, напротивъ, была имъ недовольна, справедливо полагая, что подневольное пастырство не дастъ хорошихъ дѣятелей, и что сильнымъ препятствіемъ къ поступленію образованныхъ лицъ въ священники служитъ недостатокъ жизненныхъ средствъ. Свѣтскіе органы печати безпощадно клеймили современное русское духовенство, налагающее на себя священный санъ безъ призванія, обратившее даже священныя таинства въ куплю-продажу [1]). Предлагались самые разнообразные способы разрѣшенія вопроса о духовенствѣ: такъ, совѣтовали помириться съ мыслію, что все равно мало-мальски сноснаго содержанія для духовенства не изобрѣтешь, но малое содержаніе 300—500 руб., которое недостаточно для ученаго священника, будетъ

[1]) Такого характера, напр., статья въ „Русск. рѣчи“, іюнь, 1880 г. „Наше духовенство“.

вполнѣ достаточно для священника-крестьянина съ низшимъ образованіемъ. Такіе священники будутъ имѣть и сильнѣйшее нравственное вліяніе на крестьянъ, какъ происходящіе изъ ихъ среды, какъ родные имъ по духу [1]).

„Отечественныя Записки" прямо рекомендовали: „Пусть государство уничтожитъ духовенство, какъ касту, пусть уничтожитъ духовныя школы и предоставитъ, какъ было въ древнее время, самому обществу пріисканіе священниковъ для себя, гдѣ и какъ оно знаетъ. Пусть оно же и приготовляетъ лицъ, пригодныхъ для священства, и само выбираетъ ихъ безъ всякаго вмѣшательства въ это дѣло высшаго духовенства". Устройство школъ для кандидатовъ священства и попеченіе надъ пастырями „Отечественныя Записки" возлагаютъ на земство, которое даетъ священнику содержаніе и безъ согласія земства онъ не можетъ быть ни перемѣщенъ, ни уволенъ, ни подвергнутъ взысканію, прежде чѣмъ вина будетъ разобрана епархіальнымъ начальствомъ, совокупно съ избранными членами отъ общества, гдѣ онъ служитъ, и земства [2]). Мѣра радикальная, но обнаруживающая незнакомство съ каноническимъ устройствомъ православной церкви: она устраняетъ власть епископа и ставитъ на ея мѣсто земство. Но органы печати, и болѣе спокойно и безпристрастно обсуждавшіе положеніе нашей церкви, все-таки находили ненормальность его и въ высшихъ и въ низшихъ сферахъ и согласно указывали одинъ выходъ изъ этого нормальнаго положенія. „Что же дѣлать, какъ быть?"—спрашиваетъ въ одной изъ своихъ прекрасныхъ передовыхъ статей въ 1880 г. И. С. Аксаковъ въ „Руси", въ сильныхъ чертахъ изобразивши казенщину и бюрократизмъ, царящіе въ церкви, точнѣе въ православномъ вѣдомствѣ Св. Сѵнода, до самыхъ низовъ и проявляющееся во всѣхъ мѣрахъ улучшенія быта духовенства,— „какъ быть? Необходимо вызвать къ жизни и признать самоуправленіе и самостоятельность приходской общины"... [3]). Этого же требовали и „Современныя Извѣстія". „Учреждены выборы среди духовенства, но само духовенство назначается. Преобразованіе должно бы начаться съ корня и прежде всего необходимо возстановить древле-существовавшіе выборы прихожанами себѣ священнослужителей",—говоритъ этотъ органъ [4]) (не сочувствовавшій дѣятельности оберъ-прокурора Д. Толстаго, который учрежденіемъ съѣздовъ далъ духовенству начала

[1]) „Страна", журналъ, изд. Л. Полонскимъ, ст. почти цѣликомъ приведены въ „М. Ц. Вѣдом.", 1880 г., № 35.

[2]) „Отечест. Записки", 1881 г., іюнь, внутреннее обозрѣніе.

[3]) „Русь", 1880 г. № 3 (передовая).

[4]) Передовая ст. въ одномъ изъ іюньскихъ №№ 1880 г., цитируемъ ее по „Обозрѣнію печати" въ „М. Ц. Вѣдом." (1880 г., № 24).

самоуправленія, не сочувствовавшій и „Церковно-Обществ. Вѣстнику", защищавшему выборное начало. „Совр. Извѣстія" называли взгляды об.-прокурора и „Церк.-Обществ. Вѣстника" „клерикало-бюрократизмомъ"). Вообще необходимость живаго участія прихожанъ въ церковной жизни настолько выяснилась и стала достояніемъ общественнаго сознанія, что на московскомъ земскомъ губернскомъ собраніи 18 декабря 1880 г. было высказано Д. Ф. Самаринымъ и единодушно поддержано предложеніе ходатайствовать о признаніи приходовъ, въ смыслѣ приходскихъ обществъ, за юридическія лица, могущія всякими закономъ дозволенными средствами пріобрѣтать и укрѣплять за собою движимыя и недвижимыя имущества, которыя, какъ собственное имущество, находились бы въ завѣдываніи мѣстнаго приходскаго общества; чтобы въ этомъ смыслѣ дарована была организація приходскимъ обществамъ, какъ городскимъ, такъ и сельскимъ безъ принудительнаго привлеченія къ нимъ раскольниковъ и чтобы возстановлено было древнее право приходовъ избирать людей честныхъ и достойныхъ въ должность священниковъ, настоятелей къ ихъ церквамъ и представлять о томъ заручныя прошенія мѣстному епископу. Примѣру московскаго земства, по извѣстіямъ печати, послѣдовали земства воронежское и харьковское, также ходатайствовавшія объ избраніи священниковъ.

Наша свѣтская печать встрѣтила постановленіе московскаго земства съ радостью и начала единодушно толковать о великомъ значеніи этого событія, о благихъ результатахъ его, если бы ходатайство было уважено, если бы мысль воплотилась въ дѣло. „Пусть праздничнымъ благовѣстомъ, возвѣщающимъ духовную радость, понесется по русской землѣ всеобщее земское ходатайство, способное обновить церковную жизнь и, черезъ приливъ народной религіозной стихіи, упразднить мерзость запустѣнія, гнѣздящуюся на мѣстѣ святѣ" [1]),— писалъ И. С. Аксаковъ. Онъ ожидаетъ, между прочимъ, возраженій противъ земскаго постановленія со стороны либераловъ, которые увидятъ въ этомъ торжество клерикализма, котораго и быть не можетъ въ Россіи; или станутъ бояться, чтобы приходская община не упразднила и не замѣнила собою крестьянской общины и самоуправленія, но постановленіе земства совсѣмъ не имѣетъ въ виду сливать эти двѣ функціи, простое же совпаденіе предѣловъ волостнаго общества съ приходомъ можетъ быть на пользу прихода и общества [2]). Прямой же оппозиціи Аксаковъ ждетъ только отъ части духовенства,

[1]) 1888 г. „Русь", № 7, передовая статья.

[2]) Благотворность подобнаго совпаденія предѣловъ единицъ церковно-приходскихъ общинъ—съ предѣлами единицъ хозяйственныхъ и административныхъ признаютъ и „Современныя Извѣстія".

заразившейся духомъ чиновничества. Вредный духъ корпораціи, безъ сомнѣнія, при новомъ порядкѣ долженъ ослабѣть: въ воскрешеніи церковной жизни въ приходахъ, въ избраніи благочинныхъ и въ устройствѣ духовно-учебныхъ заведеній будутъ заинтересованы и міряне; они примутъ участіе въ епархіальныхъ съѣздахъ. При возстановленіи церковныхъ общинъ, по убѣжденію Аксакова, послѣдуетъ и удовлетворительное разрѣшеніе вопроса объ обезпеченіи духовенства.

Церковная іерархія, противодѣйствуя такой реформѣ, доказала бы, что она забыла инструкцію благочиннымъ митр. Платона 1806 г., которая прямо говорила объ избраніи священниковъ прихожанами, что они упорно держатся точки зрѣнія устава дух. консисторій и на отношенія пастыря и паствы смотрятъ, какъ на отношенія начальниковъ къ подчиненнымъ. Но авторъ вѣритъ, что „духъ истиннаго православія осѣнитъ нашихъ церковныхъ сановниковъ, воздвигнувъ въ нихъ смиренныхъ пастырей Христова стада“.

Опасеніе Аксакова относительно оппозиціи со стороны либеральной печати оправдалось, но не вполнѣ. Правда, часть либеральной печати, напр., „Русскій Курьеръ“, дѣйствительно выразили опасеніе, какъ бы невѣжественное духовенство не обратило своего односторонняго, узкаго вліянія на грубую массу народа, да и на интеллигенцію прихода [1]). Другіе либеральные органы, вполнѣ признавая, что и у насъ могутъ возникнуть явленія, аналогичныя западному клерикализму, однако же сочувствовали самоуправленію какъ среди самого духовенства, такъ и въ сферѣ церковно-общественной, видя въ самоуправленіи, напротивъ, гарантію противъ клерикализма. „Главная опора клерикализма—дисциплина, повиновеніе, разсуждаетъ „Вѣстникъ Европы“ [2]), ему чужда и антипатична всякая мысль о церковномъ самоуправленіи, тѣмъ болѣе о предоставленіи въ немъ какой-либо роли свѣтскому, народному элементу“. Вообще же преобразованіе церковныхъ общинъ было единодушнымъ желаніемъ въ печати безъ различія направленій: и ультраконсервативный „Востокъ“ [3]), и либеральный „Порядокъ“, „Новое Время“ [4]) и „Новости“, „Современныя Извѣстія“ и „Недѣля“—всѣ отнеслись сочувственно къ голосу Московск. земства, признавая, что церковный приходъ составляетъ весьма удобную почву для благотворительныхъ и образовательныхъ цѣлей [5]), что право быть религіознымъ руководителемъ и исполнителемъ духовно-религіозныхъ требъ должно основываться единственно на из-

---

[1]) „Церковный Вѣстникъ“ № 8, 1881 г. „Мнѣнія печ. по церк. вопрос.“

[2]) „Вѣстникъ Европы“, 1881 г., іюнь, внутр. обозр.

[3]) 1881 г. № 84, передовая ст.

[4]) 1881 г. № 1971, передовая ст.

[5]) „Новости“ цитируемъ по „Церков. Вѣстн.“ 1881 г. № 4, „Мнѣнія печати“.

браніи прихода [1]), что совершенная независимость духовенства отъ мнѣнія прихожанъ усваиваетъ духовенству чиновническій характеръ и служитъ благопріятствующимъ условіемъ для поборовъ [2]). Нельзя сказать, чтобы свѣтская печать не сознавала трудности практическаго осуществленія мысли объ избраніи пастырей. „Задача не черезчуръ проста, и вопросъ не съ плеча рѣшается однимъ предоставленіемъ прихожанамъ выбирать себѣ кого угодно", писалъ „Порядокъ"... „Невѣжественные люди часто будутъ преслѣдовать одну дешевизну, выбирая какого-нибудь излюбленнаго, но малограмотнаго кандидата. Голосъ прихожанъ и высшая церковная попечительность (не консисторская только) должны быть согласованы" [3]). Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ взять прихожанамъ кандидатовъ для священства, если имъ будетъ дано право избранія себѣ пастырей? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ основательныя статьи Ив.-П., напечатанныя въ „Руси" за 1881 г. [4]). Авторъ признаетъ, что право выбора кандидатовъ есть законное право прихожанъ, но кандидаты должны быть достойные и надлежаще подготовленные,—провѣрка правоспособности должна принадлежать епархіальной власти. Чтобы возстановить этотъ законный порядокъ избранія священниковъ прихожанами изъ лицъ имъ близкихъ и вѣдомыхъ, необходимо устроить правильный порядокъ подготовленія кандидатовъ для церковнаго служенія изъ самой народной среды. Для привлеченія къ пастырству лицъ изъ крестьянъ, которые не имѣютъ возможности давать продолжительное духовное образованіе своимъ дѣтямъ, авторъ предлагаетъ отъ нынѣшнихъ семинарій отдѣлить высшіе богословскіе классы и образовать изъ нихъ въ собственномъ смыслѣ духовныя семинаріи, въ которыхъ бы прямо изучались предметы, непосредственно относящіеся къ церковному служенію. Въ эти заведенія долженъ быть открытъ доступъ лицамъ изъ всѣхъ званій и образовательныхъ заведеній, а всего болѣе изъ такихъ, которыя доступны и близки народу, каковы сельскія и городскія училища. Объ ихъ содержаніи будутъ заботиться епархіальное начальство и епарх. съѣзды, состоящіе вмѣстѣ съ духовенствомъ и изъ представителей приходовъ отъ мірянъ [5]). Если же уровень общаго образованія, пріобрѣтеннаго въ народныхъ школахъ, слишкомъ ни-

---

[1]) „Недѣля", 1881 г. № 3, также № 23.

[2]) „Порядокъ", № 37.

[3]) „Порядокъ" въ томъ же №.

[4]) „Русь", №№ 11 и 17, 1881 г. „О мѣрахъ къ возстановленію выборнаго духовенства въ Россіи". Подъ указанными иниціалами скрывался проф. Моск. университета, прот. Иванцовъ-Платоновъ.

[5]) Изъ общеобразовательныхъ классовъ семинарій авторъ проектируетъ сдѣлать гимназіи духовнаго вѣдомства для подготовки въ университеты и академіи.

зокъ для поступленія въ устроенныя такимъ образомъ семинаріи, то можно при самыхъ семинаріяхъ открыть приготовительные классы (годичные или двухгодичные) для пополненія знаній учениковъ народныхъ школъ по общеобразовательнымъ предметамъ безъ языковъ. Такая постановка дѣла и дастъ контингентъ кандидатовъ для священства, которые по своему образованію будутъ не ниже деревенскихъ интеллигентовъ, а по своему происхожденію будутъ близки народу.—Вотъ сущность проекта Ив. П.

Толки о необходимости преобразованія церковно-приходскихъ общинъ на правахъ самоуправленія были тѣмъ живѣе, что они были подогрѣты давно уже раздававшимися голосами о сильномъ бюрократизмѣ, царствующемъ въ нашей церкви; эта ненормальность господства чиновничества въ церковномъ управленіи, какъ мы видѣли, вызывала горячій протестъ И. С. Аксакова. Въ 1881 г. голоса противъ церковнаго бюрократизма раздались съ особенной силой. Въ этомъ году въ Лейпцигѣ вышла книга подъ названіемъ: „Письма о современномъ состояніи Россіи". Она въ яркихъ краскахъ описывала гнетъ мертвящаго бюрократизма, поселяющаго равнодушіе къ церкви, нигилизмъ, слѣдованіе за модными учителями (редстокисты и др.), а у простолюдиновъ—бѣгство въ расколъ и секты. Это владычество государства надъ церковью, созданное Петровскими преобразованіями, по словамъ автора, сознается лицами, стоящими у высшей власти, и передовыми людьми русской церкви. Въ духовныхъ школахъ читается съ каѳедры, что русская церковь въ Петра въ такомъ плѣну у государства, въ какомъ церковь ветхозавѣтная находилась въ Вавилонѣ", пишетъ авторъ. И въ самомъ дѣлѣ до Петра она не составляла замкнутаго въ себѣ круга пастырей, пасущихъ безсловесное стадо. Міряне служили церкви не одними вкладами, а мыслію и дѣломъ, участвовали въ ея совѣтахъ, проводили ея начинанія, какъ это и теперь происходитъ на Востокѣ, а церковь со своей стороны оставалась въ тѣсномъ единеніи съ обществомъ, принимала живое участіе во всѣхъ явленіяхъ народной жизни. Авторъ „Писемъ" совѣтуетъ русскому правительству покончить съ бюрократической опекой воспитательнаго періода и дать ходъ общественнымъ силамъ какъ въ государственной, такъ и церковной жизни, такъ какъ безличное состояніе церкви не можетъ быть выгоднымъ ни правительству, ни народу. Эта книга заставила о себѣ говорить. Печать признавалась, что въ ней содержится сущая правда. Предлагалось для уничтоженія бюрократизма замѣнить въ Сѵнодѣ чиновную іерархію лицами духовнаго сана [1]), говорили, что для устраненія вліянія чиновниковъ на ходъ сѵнодскихъ дѣлъ, дѣла должны изучаться и докладываться самими

[1]) „Новое Время".

членами Сѵнода, и послѣдніе должны быть несмѣняемыми, чтобы быть независимыми въ своихъ мнѣніяхъ [1]). Нѣкоторые брали вопросъ глубже и говорили о необходимости измѣненія всего установившагося строя русской церкви. По этому вопросу появилась замѣчательная по основательности положеній, по горячей убѣжденности тона статья въ „Руси" 1882 г. того же Ив.-П. [2]): „О русскомъ церковномъ управленіи". Краснорѣчиво, смѣло и правдиво Ив.-П. изображаетъ наше церковное управленіе, какъ царство чиновниковъ, подавившее духовный пастырскій элементъ и исказившее древнія каноническія основы соборнаго управленія, гдѣ въ консисторіяхъ царятъ секретари, въ Сѵнодѣ какой-нибудь оберъ-секретарь или директоръ отдѣленія имѣетъ большее значеніе, чѣмъ синодальные члены, а глава сѵнодальнаго чиновничества оберъ-прокуроръ имѣетъ такую власть, какой не можетъ имѣть никакой патріархъ, ибо отъ него зависитъ направленіе всей церковной жизни, онъ оказываетъ такое вліяніе на самое состояніе или выраженіе ученія церковнаго, на сферу духовной науки и литературы, на внѣшнія отношенія къ другимъ церквамъ и исповѣданіямъ, что эпохи церковной жизни въ Россіи можно называть по оберъ-прокурорамъ.

Авторъ предлагаетъ для возвращенія къ нормальному каноническому устройству церкви приложеніе соборнаго и выборнаго началъ съ широкимъ участіемъ мірянъ. Онъ желаетъ возстановленія патріаршества и раздѣленія русской церкви на архіепископіи, епархіи, уѣздныя протоіерейства, благочинничества и приходы. Выборное начало съ участіемъ мірянъ должно распространяться не только на священниковъ, но и на архіереевъ, такъ какъ ослабленіе живой связи между высшими пастырями и паствами весьма много зависитъ отъ назначенія епископовъ и перемѣщенія ихъ безъ вѣдома и участія самихъ паствъ; представители приходскихъ общинъ должны принимать участіе на епархіальныхъ съѣздахъ при разсужденіяхъ о дѣлахъ, касающихся интересовъ всего церковнаго общества, каковы вопросы о возвышеніи вѣры и нравственности, благотворительности, религіознаго образованія и церковнаго хозяйства, при выборѣ членовъ консисторій на этихъ съѣздахъ, а также и при выборѣ благочинныхъ, которые, по проекту автора, должны имѣть значеніе только нравственныхъ руководителей.

Соборное начало должно выражаться, начиная съ низшихъ и кончая высшими сторонами церковнаго управленія. Должно установить приходскія собранія подъ предсѣдательствомъ священника не только для удовлетворенія нуждъ причта и храма, но и для обсужденія

[1]) „Новости".
[2]) „Русь", 1882 г. №№ 1—16.

*

нравственныхъ потребностей прихода. Подъ руководствомъ благочиннаго, на основаніи особыхъ правилъ, приходское собраніе можетъ выбирать себѣ священника; благочинный будетъ имѣть свои собранія; протоіерей—свои; должны быть возстановлены окружные соборы, подъ предсѣдательствомъ архіепископа, и соборы цѣлой помѣстной церкви. Статья Ив.-П. нашла себѣ откликъ; въ той же „Руси" появилось еще двѣ статьи, изъ которыхъ первая [1]) представляетъ замѣтку на разсужденія Ив.-П., а вторая [2]) самостоятельное изслѣдованіе. Да, положеніе вещей въ нашемъ церковномъ управленіи неестественно, и требуется въ немъ преобразованіе: священники должны быть непремѣнно избираемы самими прихожанами—это признаютъ оба автора. Первый изъ нихъ только боится бюрократизма и въ планѣ преобразованія Ив.-П. и требуетъ одного: провозглашенія принципа совершенной независимости церкви отъ государственной опеки, признанія церкви, какъ таковой, и совершеннаго прекращенія ея, какъ вѣдомства; онъ увѣренъ, что правильнаго кровообращенія въ организмѣ церкви можно достигнуть только однимъ путемъ, путемъ предоставленія ей полнѣйшей свободы духовной жизни. Но необходимо нужно, чтобы и пасомыхъ и пастырей охватилъ новый духъ, живое стремленіе къ новой жизни; тогда только и наступитъ время вырабатывать новыя формы церковной организаціи. Второй авторъ на-ряду съ другими реформами (переводъ на русскій языкъ пѣснопѣній, общее участіе въ нихъ мірянъ и т. д.) прямо требуетъ свободнаго устроенія мірянами приходовъ и того, чтобы у мірянъ спросили, согласны ли они имѣть тѣхъ священниковъ, какихъ имѣютъ, если не согласны, то прямо этихъ священниковъ удалить.

Пусть только будетъ предоставлено церковной общинѣ право избранія и признанія своихъ пресвитеровъ—тогда не зачѣмъ будетъ прихожанамъ бѣжать и въ расколъ.

Такъ сочувственно отнеслась свѣтская печать къ постановленію Московскаго земскаго собранія. Не то мы находимъ въ духовной печати. Правда, и здѣсь зло бюрократизма въ русской церкви сознавалось, только, конечно, эта печать не могла такъ свободно выражаться насчетъ этого предмета, какъ выражалась печать свѣтская. „Церковно-Общественный Вѣстникъ" выражается, впрочемъ, въ этомъ отношеніи тоже правдиво и прямо. Онъ признаетъ [3]), что порабощеніе

---

[1]) „Русь" 1882 г. № 18, „По поводу статей о русск. цер. управ." Д. Х.

[2]) „Что въ настоящее время болѣе всего и прежде всего нужно правосл. всеросс. церкви при возвращеніи ей ..подобающей силы, жизни и значенія". „Русь" 1882 г. №№ 42, 47.

[3]) Разумѣемъ обстоятельную статью: „Церковное правительство", „Ц. О. Вѣстн." 1881 г. №№ 2—14.

церкви государствомъ, исторически сложившееся, ненормально, и что такого формализма, какъ въ нашей церковной жизни, нигдѣ нѣтъ,— ни въ церквахъ съ митрополичьимъ управленіемъ (церкви въ австрійскихъ владѣніяхъ и сербская), ни съ патріаршимъ, — главную пружину обоихъ управленій составляютъ соборы изъ представителей не только клира, но и мірянъ, ни съ сѵнодальнымъ, какъ въ Греціи, гдѣ нашего многописанія и формализма нѣтъ и слѣда; въ Сѵнодѣ мѣняются всѣ епархіальные архіереи, а не одни угодные кому-нибудь. Мѣры исправленія установившагося порядка вещей онъ предлагаетъ тѣ же, что и Ив.-П.: раздѣленіе церкви на 4 округа и введеніе соборовъ съ участіемъ мірянъ, а если этого нельзя, то, по крайней мѣрѣ, центръ тяжести управленія перенести изъ канцеляріи въ присутствіе Сѵнода, а неважныя дѣла передать въ вѣдѣніе благочиннических совѣтовъ или съѣздовъ духовенства. Такимъ образомъ, „Ц. О. Вѣстникъ" какъ будто не прочь былъ допустить и мірянъ къ участію въ церковныхъ дѣлахъ. Но когда вопросъ объ этомъ московскимъ земствомъ былъ поставленъ рѣшительно и опредѣленно, когда оказалось, по выраженію „Ц. О. Вѣстника", что „по странной ироніи судьбы тѣмъ правомъ, которое желали бы отнять у духовенства, намѣрены облагодѣтельствовать приходскую общину" [1]), тогда „Ц. О. Вѣстникъ", хотя и говорилъ, что предметъ ходатайства о правахъ прихода вещь желательная и духовенство должно радоваться этому, ибо перестанетъ для общества быть чужимъ, однако, нашелъ, что это ходатайство преждевременно, такъ какъ нужда въ сплоченіи общинъ не вошла въ общественное сознаніе. Журналъ ждетъ отъ исполненія постановленія прямаго вреда—развитія низкаго торга, пошлыхъ обязательствъ. Онъ гдѣ-то слышалъ, что въ нѣкоторыхъ епархіяхъ пытаются завести постановленіе священниковъ съ „заручными" отъ прихожанъ и будто лучшіе люди отъ этого порядка стали оставаться въ тѣни, такъ какъ стыдятся ходить по міру, сбирать голоса и преимущество получаютъ беззастѣнчивые и невзыскательные пастыри. „Ц. О. Вѣстникъ" открываетъ страницы для духовенства, — пусть оно выскажется по этому предмету [2]). Но мы не встрѣчаемъ на страницахъ этого органа голосовъ изъ духовенства. Горячо ратовавшее въ каждомъ номерѣ „Ц. О. Вѣстника" за жалованье, за второбрачіе духовенства, за собраніе выборныхъ благочинныхъ съѣздовъ, оно теперь нашло „удобнѣе молчаніе". Самъ „Ц. Об. Вѣстникъ" рекомендовалъ, между прочимъ, въ случаѣ введенія выбора пастырей, при епископахъ устроить нѣчто вродѣ справочнаго бюро: желающіе идти во священники должны за-

---

[1]) „Ц.-О. Вѣстникъ" 1881, № 64: „Толки о правахъ прихода".
[2]) Ibid. № 100: „Избраніе пастырей приходской общиной".

являть о томъ епископу (они должны имѣть аттестатъ высшаго учебнаго заведенія и никакъ не ниже средняго); нуждающіеся въ священникѣ и будутъ обращаться къ епископу. Журналъ требовалъ самаго строгаго контроля въ этомъ дѣлѣ со стороны епархіальной власти, замѣчая, что „ребенокъ не выбираетъ себѣ учителя".

За выборное начало среди духовенства, какъ мы видѣли, крѣпко стояли „Кіевскія епар. вѣдомости". Но этотъ органъ заявилъ себя рѣшительнымъ противникомъ избранія пастырей народомъ. Народъ при выборахъ, по разсужденію „Кіевск. епар. вѣд.", непремѣнно станетъ въ зависимость отъ кулаковъ и міроѣдовъ, отъ людей богатыхъ и власть имѣющихъ, которые будутъ пользоваться своимъ вліяніемъ не ко благу церкви. Зажиточные крестьяне и купечество имѣютъ вѣру только по внѣшности, а самомнѣніе громадное; духовенству придется терпѣть отъ чванства и охоты невѣжественныхъ богачей повеличаться и поломаться передъ образованными нищими; высшія нужды церкви выше ихъ разумѣнія. Въ доказательство непригодности выборнаго начала авторъ приводитъ случай злоупотребленія имъ въ исторіи и сваливаетъ недостатки русскаго духовенства былаго времени на это же выборное начало. „Церковный Вѣстникъ" деликатно устраняется отъ обсужденія „весьма труднаго и сложнаго вопроса объ участіи прихода, степени и формахъ этого участія въ выборѣ лицъ для священства и, сравнивая свое направленіе въ разрѣшеніи этого вопроса съ людьми, подвигающимися къ цѣли осторожно, тщательно осматривающими свой путь, совѣтуетъ не забывать, что въ этомъ отношеніи главенство должно принадлежать причту, и высказываетъ опасеніе, какъ бы при децентрализаціи церковнаго хозяйства приходовъ не забылись общецерковныя нужды. Прямымъ и рѣшительнымъ противникомъ выбора священниковъ прихожанами оказались „Моск. Церк. Вѣдомости". Здѣсь противъ избранія прихожанами священниковъ явились: статья Палимпсестова: „Приходская община и выборъ священнослужителей приходами" (читанная въ засѣданіи общества любителей духовнаго просвѣщенія 15 января 1881 г.) и рядъ статей проф. Заозерскаго.

Палимпсестовъ очень недоволенъ статьей Аксакова по поводу земскаго постановленія и особенно его мыслью, что при выборномъ началѣ черезъ приливъ народной религіозной стихіи упразднится мерзость запустѣнія, гнѣздящаяся на мѣстѣ святѣ. Онъ припоминаетъ въ этомъ случаѣ слова ап. Павла, который терпѣлъ „бѣды отъ сродникъ, бѣды отъ лжебратіи" и утверждаетъ, что духовная связь и теперь существуетъ между пастырями и пасомыми „на доброй русской пажити", что причту нужно — дать только матеріальное обезпеченіе, а ничего инаго не требуется. Палимпсестовъ отводитъ глаза земства

на другіе вопросы: на распространяющееся пьянство, на торговлю въ воскресные дни, а отъ выборовъ священниковъ ничего добраго не ждетъ. Ссылка на востокъ, на Болгарію, по его мнѣнію, не имѣетъ значенія: мало ли тамъ, подъ турецкимъ игомъ, завелось дурныхъ обычаевъ, намъ подражать имъ не приходится. А Платонъ, митрополитъ московскій, потому поощрялъ избраніе священниковъ, что грамотныхъ людей было мало, будь бы онъ живъ теперь, дѣлать этого, по прорицанію Палимпсестова, онъ не сталъ бы. Священно-церковно-служительскія мѣста продаются тамъ, гдѣ „красуется оная роковая для русскаго народа надпись: распивочно и на выносъ", священники — очутились бы послѣдними рабами прихожанъ, — между прихожанами и епархіальною властью были бы постоянные раздоры: ученики въ семинаріи не станутъ учиться, потому что архіерей имъ не можетъ дать хорошаго мѣста,—вотъ какія ужасныя картины рисуются въ воображеніи Палимпсестова и которыя, будто бы, непремѣнно воплотятся въ дѣйствительность, дай только этимъ мужикамъ право принимать участіе въ избраніи себѣ священниковъ.

Заозерскій [1]) ставитъ вопросъ на каноническую почву и находитъ, что ходатайство о самоуправляющейся приходской общинѣ несогласно съ канонами, по коимъ ячейкою, изъ которой развивается церковная жизнь, служитъ не приходъ, а цѣлая епархія, церковное имущество составляетъ собственность самаго храма, какъ отдѣльнаго учрежденія, и должно состоять подъ высшимъ управленіемъ епископа. Избранія пастырей прихожанами, съ одной стороны, отрицать нельзя, а съ другой—вопросъ объ участіи паствы, какъ о правѣ, отъ нарушенія или удовлетворенія котораго зависѣла бы законность и дѣйствительность самаго рукоположенія, существеннаго значенія не имѣетъ. Мысль объ отчужденіи пастырей отъ пасомыхъ Заозерскій считаетъ мнимою выдумкою „жалкой современной прессы". Признавая существованіе выборнаго начала въ древней церкви, Заозерскій причиною его исчезновенія считаетъ во Вселенской церкви увеличивавшійся постепенно недостатокъ въ способныхъ людяхъ, отчего такой порядокъ обратился въ тяжкую и неудобоисполняемую обязанность. Такимъ этотъ порядокъ является и для нашего времени. Зачѣмъ выбирать, когда есть прямые способные кандидаты на священство семинаристы [2])?

---

[1]) Разумѣемъ статью: „Церковь и ея прихожане". „Моск. Цер. Вѣд." 1881 г. №№ 7—13.

[2]) Причиною уничтоженія выборнаго начала въ древней церкви Заозерскій считаетъ недостатокъ въ достойныхъ людяхъ. Но этотъ же недостатокъ въ русской церкви служилъ, по Палимпсестову, да такъ говоритъ и самъ Заозерскій („М. Ц. В." № 14, стр. 199) причиною введенія выборнаго начала. Странно!

Въ другой статьѣ [1]) Заозерскій утверждаетъ, что архіерей компетентнѣе въ дѣлахъ избранія пастыря, чѣмъ прихожане. Для участія послѣднихъ въ церковной жизни нѣтъ даже и почвы. Какими бы правами ни надѣлены были прихожане, никакого оживленія въ церковной жизни не произойдетъ; эти права скоро наскучатъ, отяготятъ наше общество или, еще хуже, здѣсь найдетъ для себя пріютъ кулачество. Причины этого объясняетъ Заозерскій свойствами русской религіозности: ея субъективнымъ характеромъ, тянущимъ человѣка къ уединенію, преобладаніемъ чувства надъ разсудкомъ. Вотъ отъ чего и зависитъ отсутствіе внутренней связи прихожанъ между собою.

Сама редакція „М. Ц. Вѣдомостей" также заявляетъ, что для интересовъ самой церкви было бы въ настоящее время гибельнымъ предоставить право избранія мірскому обществу, которое совершенно не можетъ выдѣлить изъ себя избирателей, способныхъ избрать достойнаго пастыря церкви [2]). Но православное русское общество думало не такъ: въ 1884 г. московское земское собраніе еще разъ высказалось, что въ установленіи избранія пастырей чувствуется великая нужда и прямая необходимость, въ печати снова поднялись толки по этому вопросу. Палимпсестовъ опять выступилъ съ своей статьей противъ выборнаго начала въ духовенствѣ, на этотъ разъ въ „Православномъ Обозрѣніи" (1884 г. январь). Въ этой апологіи установившагося порядка назначенія пастырей Палимпсестовъ не нашелъ ничего лучше, какъ сравнить священниковъ съ военнымъ начальствомъ, которое надъ солдатами командуетъ по назначенію свыше. Кромѣ этого новаго пріема, общій характеръ статьи тотъ же, что и другихъ: пророчествуются полное господство зелена-вина, парализація епископской власти, вообще такія послѣдствія, „что и злѣйшій врагъ русскаго народа не могъ бы преподнести ему бо́льшаго зла".

Въ этомъ же году въ „Странникѣ" появились статьи Н. Маркова [3]), въ которыхъ снова пересмотрѣны историческія данныя по этому вопросу, ясно показывающія, что „во всемъ канонѣ древней церкви нѣтъ ни строчки, ни даже малѣйшаго намека на запрещеніе мірянамъ выбирать клириковъ, а напротивъ, довольно много свидѣтельствъ за это начало, — что оно въ древней церкви никогда не вымирало, перешло вмѣстѣ съ христіанствомъ къ намъ на Русь, гдѣ и просуществовало до Петра I въ полномъ значеніи; въ качествѣ образца при-

---

[1]) „М. Ц. В." 81, № 30, „На чемъ основывается право мірскихъ людей на участіе въ дѣлахъ церковнаго управленія".

[2]) „М. Церк. Вѣд." 1882 г. № 5.

[3]) „Къ вопросу о выборномъ началѣ въ примѣненіи къ духовенству" и „Православный приходъ во владѣніяхъ Австро-Венгріи, его истор. и устройств."

мѣненія выборнаго принципа, разсказано устройство приходскихъ общинъ въ Пруссіи и въ нѣкоторыхъ православныхъ церквахъ.

Но послѣ этого вопросъ о выборномъ началѣ затихъ... Противники его почувствовали себя побѣдителями, начальство было на ихъ сторонѣ и постановленія земствъ были оставляемы безъ послѣдствій. Правда, пріемы противники выборнаго начала употребляли иногда очень странные. Когда поднялся вопросъ о судебной реформѣ, — они явились жаркими поборниками церковныхъ каноновъ и утверждали, что церковные каноны для всѣхъ временъ и обстоятельствъ неизмѣнимы. Поднялся вопросъ о выборѣ священниковъ,—они стали говорить, что каноны за выборное начало, но по обстоятельствамъ полезнѣе ихъ не примѣнять. Затѣмъ, доказывая, что выборъ священниковъ поведетъ къ нравственному упадку духовенства, такъ какъ станутъ выбирать худшихъ, въ то же время пѣли диѳирамбы (напр., Палимпсестовъ) древне-русскому духовенству, — „оно-де вынесло на своихъ плечахъ русскій народъ изъ всѣхъ нравственныхъ и политическихъ неурядицъ". А вѣдь духовенство тогда было выборное.

Защитники выборнаго начала тоже замолчали, убѣдившись, что всѣ ихъ доказательства были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

И осталось въ концѣ концовъ все по-старому. Крестьянская пословица: „Кто ни попъ, тотъ и батька" и теперь въ полной силѣ; пѣніе въ третій разъ „ἄξιος" при посвященіи священника и „повелите", относящіяся къ прихожанамъ и долженствующія имѣть глубокое значеніе торжественнаго признанія прихожанами своего пастыря—не имѣютъ теперь никакого внутренняго значенія и служатъ только свидѣтелями лучшаго древняго порядка. По-прежнему, въ видѣ наказанія, буяна или пьяницу ссылаютъ въ бѣдный приходъ, не задаваясь вопросомъ, кого наказываютъ больше въ этомъ случаѣ — священника или ни въ чемъ неповинныхъ прихожанъ?

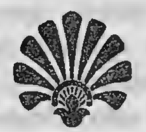
На долго ли? Мы видѣли, что вопросъ о выборномъ началѣ въ примѣненіи къ духовенству стоялъ въ тѣсной зависимости отъ общаго направленія русской жизни.

Эта зависимость обнаруживается и въ наши дни. Какъ только въ обществѣ опредѣленно обнаружилась борьба съ бюрократизмомъ и назрѣла идея общественной самодѣятельности, такъ, параллельно съ этимъ, снова всталъ вопросъ и объ обновленіи церковной жизни. Та же связь даннаго вопроса съ общимъ характеромъ русской общественной жизни даетъ надежду, что на этотъ разъ онъ не заглохнетъ.

Противники участія паствы въ выборѣ для себя священниковъ и въ другихъ сторонахъ церковно-приходской жизни вѣскимъ доказательствомъ выставляли то, что нужда такого участія не вошла въ

сознаніе общества. Но, во-первыхъ, противъ этого утвержденія говоритъ уже одно множество горячихъ голосовъ за выборное начало, а во-вторыхъ, если бы дожидаться, напримѣръ, чтобы въ сознаніе всего русскаго народа вошла мысль о необходимости освобожденія крестьянъ, то крестьяне еще долго-долго послѣ 1861 г. не были бы освобождены.

П. Щукинъ.

Заграничныя замѣтки.

Политическіе нравы Соединенныхъ Штатовъ [1]).

Быстрый ростъ капитализма и связанный съ этимъ пышный расцвѣтъ промышленности и торговли, наблюдавшіеся въ Соединенныхъ Штатахъ Америки въ истекшемъ столѣтіи, оказали самое пагубное вліяніе на политическіе нравы этой заатлантической республики.

Начавшаяся повсемѣстно бѣшеная погоня за наживой наложила на американское общество свою роковую печать и выразилась въ упадкѣ тѣхъ нравственныхъ принциповъ, которые одушевляли свободныхъ гражданъ Соединенныхъ Штатовъ, еще въ то время, когда извѣстный французскій писатель Токвиль, изучавшій демократическія учрежденія Америки, отозвался о нихъ съ такимъ восторгомъ въ извѣстномъ своемъ сочиненіи „La democratie en Amérique", которое появилось въ 1840 г. и произвело въ свое время огромную сенсацію въ Европѣ и въ Америкѣ.

Истинная демократія, осуществившая на практикѣ принципы свободы и равенства, вызвала самые восторженные отзывы знаменитаго писателя; но та честность, неподкупность, желѣзная сила воли, упорство въ достиженіи цѣли и стойкость въ убѣжденіяхъ, которыя онъ такъ горячо привѣтствовалъ, отошли теперь въ область преданій; ихъ мѣсто заступили продажность, взяточничество, всевозможные пороки и преступленія, которые по свидѣтельству лицъ, изучающихъ современные политическіе нравы Америки, прогрессируютъ съ изумительной быстротою.

Здоровый нѣкогда, жизненный государственный организмъ зараженъ язвою, которая грозитъ охватить всю страну; въ этомъ отношеніи Соединенные Штаты представляютъ весьма любопытную и поучительную картину, свидѣтельствующую о томъ, какое пагубное

---

[1]) Le Banditisme politique aux Etats-Unis. L. de Norvins. (La Revue. 1-er novembre 1905). La curruption Municipale aux Etats-Unis. Caude Anet. (La Nouvelle Revue, 1-er janvier 1906.)

вліяніе оказываютъ на политику деньги и какіе пути избираетъ промышленная демократія въ своей общественной дѣятельности.

Въ силу особенностей американской жизни, занятіе политикой является для гражданъ Соединенныхъ Штатовъ такимъ же промысломъ, какъ всякая иная доходная дѣятельность. Партійныя организаціи являются поэтому крайне своекорыстными, и это отражается на всемъ складѣ американской политической жизни.

На этой почвѣ развился особый типъ продажнаго, своекорыстнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ всесильнаго „дѣльца", такъ называемаго boss, отличительную черту котораго составляютъ величайшій цинизмъ и лицемѣріе, соединенные, разумѣется, съ умомъ; нужно удивляться таланту, ловкости, можно сказать, геніальности, съ какой эти политическіе дѣятели умѣютъ достигнуть власти, которая является для нихъ синонимомъ безконтрольной наживы и обогащенія. Это тѣмъ болѣе удивительно, что въ Америкѣ борьба трудна, ибо она происходитъ на виду у всѣхъ, а свободная, независимая и неподкупная пресса энергично нападаетъ на преступныхъ чиновъ администраціи и при малѣйшей оплошности ихъ арестуютъ, предаютъ суду и заключаютъ въ тюрьму. Тѣмъ не менѣе продажность даетъ себя чувствовать повсемѣстно; явленіе это не подлежитъ сомнѣнію, оно засвидѣтельствовано многочисленными авторитетными и заслуживающими полнаго довѣрія писателями, каковы: Линкольнъ, Стеффенсъ, авторъ сенсаціоннаго сочиненія „The Shame of Cities" (Позоръ городовъ), Рей Стандартъ, Бэкеръ и др.

По свидѣтельству этихъ компетентныхъ и безпристрастныхъ наблюдателей, „нравственная испорченность охватила всѣ классы американскаго общества, принципы не ставятся болѣе ни въ грошъ, частная и общественная собственность не уважаются, вся американская республика проникнута въ настоящее время до мозга костей хищнической погоней за наживой, которая грозитъ подорвать народное благосостояніе".

„Мы составляемъ въ денежномъ отношеніи центръ всего міра", пишетъ предсѣдатель суда штата Делавэръ, Чарльзъ Лоо (Lowe). „Это положеніе вызвало ненасытную жажду золота, со всѣми связанными съ этимъ послѣдствіями. Мы находимся во власти аферистовъ, которые привили гражданамъ этой нѣкогда осторожной и сдержанной страны страсть къ безумной спекуляціи. Мы видимъ, что предпріятія, стоющія на худой конецъ нѣсколько тысячъ долларовъ, пользуясь бѣшеной рекламой, доводятъ свой активъ до милліоновъ и милліардовъ долларовъ. Эти предпріятія основаны на колоссальномъ обманѣ довѣрчивой публики. Самые крупные наши финансисты изощряютъ свои умственныя способности на то, какъ обойти законъ

и обмануть людей; они наживаютъ огромныя состоянія, всячески стараясь избѣжать суда и тюрьмы. Такъ какъ подобныя дѣйствія проходятъ безнаказанно, то неудивительно, что вся страна соблазняется ихъ примѣромъ и что всѣ перестаютъ уважать законъ".

„Правительство обязано прежде всего", говоритъ другое, не менѣе авторитетное лицо, „защищать жизнь и имущество гражданъ. Но что можно ожидать отъ людей, которые добиваются избранія не для того, чтобы честно исполнять свой долгъ, а для того, чтобъ обирать своихъ избирателей? что можно ожидать отъ полиціи, которая сама большею частью виновна въ воровствѣ? Можетъ ли она защитить отъ преступленій, въ которыхъ она сама замѣшана сплошь и рядомъ? „Какое довѣріе можно питать къ людямъ, которые заботятся только о своихъ личныхъ выгодахъ и опустошаютъ казну для удовлетворенія своихъ ненасытныхъ аппетитовъ?" и далѣе: „управленіе почти всѣхъ безъ исключенія штатовъ находится въ рукахъ преступной олигархіи, которая захватила въ свои руки все, внося заразу и испорченность во всѣ отрасли общественной жизни".

Газеты и журналы переполнены эпизодами борьбы, происходящей между независимыми гражданами Соединенныхъ Штатовъ и шайкой тѣсно сплотившихся политиковъ, образующихъ такъ называемый ring.

Благодаря разоблаченіямъ и энергичнымъ дѣйствіямъ нѣкоторыхъ смѣлыхъ личностей, честность водворяется временно въ администрацію отдѣльныхъ штатовъ и въ ихъ муниципалитеты, но въ большинствѣ случаевъ торжествуютъ продажные, своекорыстные хищники, вліяніе которыхъ поддерживается тѣмъ, что на ихъ сторонѣ обыкновенно находится низшій классъ населенія, безсознательная чернь и разныя промышленныя общества, желѣзнодорожныя и трамвайныя компаніи, поставщики и т. п., которымъ удобнѣе имѣть дѣло съ человѣкомъ, коего можно подкупить, нежели съ честными людьми, энергично защищающими интересы города или штата.

Справедливость сказаннаго можетъ быть иллюстрирована нѣсколькими примѣрами. Особенно характерны въ этомъ отношеніи порядки, установившіеся въ муниципальныхъ управленіяхъ Питтсбурга и Филадельфіи въ штатѣ Пенсильванія, гдѣ организація казнокрадства доведена до высшей степени виртуозности и, несмотря на то, что случаи расхищенія городской казны всѣмъ извѣстны, и всѣ знаютъ куда идутъ общественныя деньги, граждане съ изумительнымъ индифферентизмомъ подаютъ при выборахъ голосъ за тѣхъ самыхъ людей, которые ихъ эксплоатируютъ.

Надобно замѣтить, что въ Америкѣ, какъ и въ Англіи, города получаютъ свое юридическое бытіе путемъ спеціальной хартіи... За-

коноположенія о городскихъ учрежденіяхъ измѣняются не только по отдѣльнымъ штатамъ, но и въ предѣлахъ штата; одинъ и тотъ же городъ имѣетъ нерѣдко нѣсколько хартій. Только за послѣднія десятилѣтія въ Сѣверной Америкѣ явилась потребность ввести большее единство въ городскомъ управленіи и хоть отчасти упорядочить городское хозяйство.

Какъ и въ парламентскихъ англійскихъ городахъ прежняго времени политика является главнымъ предметомъ заботъ городскихъ дѣятелей; дѣла собственно мѣстныя забрасываются и приходятъ въ разстройство, должности по городскому управленію достаются лишь партизанамъ господствующей въ странѣ партіи, а для того, чтобы держать этихъ лицъ въ рукахъ, городскіе дѣятели нуждаются постоянно въ деньгахъ и предаются самому беззастѣнчивому взяточничеству и расточительности.

Типичнымъ представителемъ этихъ современныхъ политическихъ дѣятелей былъ Мэджи (Magee), цѣлыхъ двадцать лѣтъ стоявшій во главѣ городскаго управленія гор. Питтсбурга и сумѣвшій не только сохранить въ теченіе столь долгаго періода безконтрольную власть надъ своими согражданами, но даже снискать любовь противниковъ, которые, составляя ему оппозицію изъ принципа, находили, что это человѣкъ очаровательный, котораго нельзя не любить.

Такимъ образомъ Мэджи благополучно разрѣшилъ трудную задачу: обогатиться на счетъ Питтсбурга и въ то же время быть обожаемымъ Питтсбургомъ.

Когда онъ умеръ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, его оплакивалъ весь городъ; скорбь по поводу его кончины выразилась не одними словами: немедленно была открыта подписка на сооруженіе памятника этому „благодѣтелю города" и въ короткое время было собрано 150 т. франковъ для увѣковѣченія его памяти.

Этотъ удивительный человѣкъ, обладавшій искусствомъ покорять сердца, былъ всегда готовъ оказать услугу, похлопотать за другихъ, лишь бы ему не мѣшали обдѣлывать свои дѣлишки.

Получивъ, благодаря протекціи своего дяди, скромное мѣсто въ городскомъ управленіи, когда ему было всего двадцать лѣтъ, Мэджи, какъ человѣкъ умный и энергичный, не удовольствовался ролью скромнаго служащаго и, убѣдившись въ своемъ умѣніи завоевывать симпатіи, что обнаружилось на первыхъ же выборахъ, когда онъ былъ избранъ большинствомъ голосовъ на отвѣтственную должность кассира, онъ рѣшилъ сдѣлаться дѣловикомъ, boss'омъ. Съ цѣлью основательно подготовиться къ этой роли, онъ отправился въ Филадельфію, гдѣ нѣкоторыя лица славились издавна умѣньемъ наживаться на счетъ общества; тамъ онъ подробно ознакомился съ ихъ дѣятельностью, а

затѣмъ отправился въ Нью-Іоркъ, гдѣ въ то время сидѣлъ въ тюрьмѣ, въ ожиданіи суда, извѣстный мѣстный „дѣлецъ" Гвидъ. Ознакомленіе со всѣми подробностями его дѣла принесло Мэджи огромную пользу. Возвратясь въ Питтсбургъ, онъ выработалъ, на основаніи собранныхъ фактовъ, цѣлую систему дѣйствій, при помощи которыхъ онъ грабилъ городъ такими же вѣрными и надежными средствами, какими управляется какой-нибудь банкъ или торговое предпріятіе.

Въ Питтсбургѣ, въ силу его муниципальной хартіи, власть сосредоточивалась въ рукахъ двухъ совѣтовъ. Мэджи занялся прежде всего организаціей по-районныхъ выборовъ; убѣдившись въ томъ, что легче подкупить совѣтниковъ, чѣмъ избирателей, онъ самъ выбралъ членовъ совѣтовъ, взявъ ихъ изъ низшаго класса населенія, чтобы они находились отъ него въ полной зависимости. Вообще, онъ старался жить съ демократами въ добромъ согласіи. Подмѣтивъ въ демократическихъ комитетахъ какого-нибудь квартала умнаго, способнаго главаря, онъ приглашалъ его къ себѣ, [предлагалъ ему мѣсто, покровительство, давалъ денегъ и тѣмъ привязывалъ его къ себѣ.

Наконецъ, рѣшивъ, что легче управлять городомъ вдвоемъ, нежели одному, онъ нашелъ себѣ помощника, въ лицѣ подрядчика Вилліама Флинна. Энергія, съ какою эти господа взялись за дѣло, достойна удивленія, но еще удивительнѣе то, какъ они сумѣли дѣйствовать безъ всякаго риска и подъ охраною закона. Флиннъ былъ, какъ мы уже сказали, подрядчикъ; онъ сталъ брать подряды на общественныя работы: мостилъ улицы, покрывалъ ихъ асфальтомъ, разбивалъ парки, поставлялъ рельсы для конокъ. У него же была каменоломня. Само собою разумѣется, въ контрактахъ, заключаемыхъ городомъ, появилась оговорка, что городскія постройки должны возводиться изъ извѣстной породы камня—и камень этотъ, тотъ самый, который добывается въ каменоломнѣ Флинна.

Самъ Мэджи занимался денежными операціями, велъ переговоры съ желѣзнодорожными и трамвайными компаніями, вносилъ общественныя деньги на храненіе въ банки, гдѣ у него были друзья, не требуя за нихъ процентовъ, за что банкиры, въ свою очередь, покровительствовали его предпріятіямъ.

Къ услугамъ Мэджи и Флинна явились синдикаты, играющіе въ американской жизни огромную роль.

Между прочимъ, былъ образованъ синдикатъ для наблюденія за домами терпимости. Синдикатъ нанималъ маленькій домикъ за 175 фр. въ мѣсяцъ и отдавалъ отъ себя въ наемъ какой-нибудь женщинѣ за 200—250 фр. въ недѣлю, при чемъ содержательница дома обязывалась покупать мебель, не иначе, какъ въ извѣстномъ магазинѣ;

точно также съѣстные припасы, одежда и т. п. могли пріобрѣтаться ею только у оффиціальныхъ представителей синдиката. Можно себѣ представить, какіе огромные барыши получалъ синдикатъ отъ этихъ несчастныхъ и остается только преклоняться передъ искусствомъ Мэджи, который получалъ отъ синдиката деньги изъ рукъ въ руки, такъ что его никакъ нельзя было изобличить въ томъ, что онъ дѣйствовалъ незаконно и обижалъ содержанокъ.

Въ концѣ концовъ, Мэджи страшно разбогатѣлъ и умеръ, уважаемый своими согражданами, хотя ни для кого не было тайною, какимъ путемъ было нажито его состояніе, и все это оказывается возможнымъ при полной свободѣ прессы. По истинѣ американская жизнь представляетъ не мало любопытнаго и не поддающагося объясненію, съ точки зрѣнія европейца.

Не менѣе любопытно то, что происходитъ въ Филадельфіи, одномъ изъ старѣйшихъ городовъ Америки, который былъ колыбелью американскаго патріотизма во время войны за освобожденіе.

„Это городъ чисто американскій“, пишетъ въ своемъ трудѣ „The Shame of Cities“ Линкольнъ Стеффенсъ, много занимавшійся послѣдніе годы разоблаченіемъ злоупотребленій, царствующихъ въ городскихъ управленіяхъ Соединенныхъ Штатовъ. „Говоря о причинахъ этого явленія, нельзя въ данномъ случаѣ ссылаться на ненормальный, слишкомъ быстрый ростъ города, на приливъ иностраннаго элемента; Филадельфія—городъ чисто американскій, а между тѣмъ лихоимство и казнокрадство издавна свили себѣ гнѣздо въ его муниципальномъ управленіи, и тогда какъ другимъ городамъ удалось стряхнуть съ себя иго „дѣловиковъ“, Филадельфія не сдѣлала къ этому ни малѣйшей попытки“.

„Явные и всѣмъ извѣстные воры и грабители остаются у власти, благодаря широко организованному мошенничеству при выборахъ, возведенному тутъ въ принципъ и сдѣлавшемуся орудіемъ управленія. Нигдѣ избирательное мошенничество не проводится столь искусно. Въ Филадельфіи участвуютъ въ выборахъ всѣ, кромѣ самихъ филадельфійскихъ гражданъ. Это не преувеличеніе. Всѣ честные граждане Филадельфіи давно уже помирились съ этимъ. Всѣ тѣ, кои простодушно идутъ на выборы, получаютъ одинъ отвѣтъ, что они уже подали свой голосъ и могутъ отправиться по домамъ. Къ избирательнымъ урнамъ допускаются лишь тѣ, кои поддерживаютъ мошенниковъ, сплоченныхъ въ хорошо организованную шайку или ring.

„Членъ муниципальнаго совѣта, составляющій списки избирателей, само собою разумѣется, состоитъ въ ring'ѣ; всѣ лица, дающія указанія при составленіи этихъ списковъ, суть представители той же шайки, ни мало не стѣсняясь, они составляютъ эти списки по своему

усмотрѣнію, поименовывая въ нихъ не только живыхъ и мертвыхъ, но и дѣтей, и лицъ, никогда не существовавшихъ" и т. п.

„Одинъ господинъ разослалъ предъ выборами заказныя письма всѣмъ выборщикамъ своего участка и что же? изъ ста писемъ 63 были ему возвращены съ надписью: „умеръ", „неизвѣстенъ", „выбылъ". Изъ одного дома, въ которомъ значилось 44 выборщика, онъ получилъ обратно 41 письмо". Это напоминаетъ „мертвыя души" Гоголя. Для того, чтобы никто не могъ оспаривать правильность записокъ, опускаемыхъ въ урны, этими „мертвыми душами", служащіе, обязанные наблюдать за избирателями, назначаются ring'омъ; полицейскіе, которые по закону не должны подходить къ урнамъ ближе, какъ на разстояніе 10 метровъ, стоятъ тутъ же, подлѣ урны, чтобы поддержать тѣхъ, кои опускаютъ въ нее по двѣ, по три записки. Для обозначенія такихъ господъ создалось даже особое названіе „repeaters" (повторители), и эти „повторители" переходятъ изъ одного отдѣленія въ другое, ради приличія мѣняясь иногда платьями и шляпами. Благодаря этой системѣ, шайка дѣльцовъ располагаетъ всегда подавляющимъ большинствомъ голосовъ. Честные граждане Филадельфіи не интересуются городскими дѣлами; пользуясь по закону избирательнымъ правомъ, они фактически лишены его и какъ бы приравнены въ этомъ отношеніи къ неграмъ, которые въ нѣкоторыхъ южныхъ штатахъ не допускаются къ избирательнымъ урнамъ".

„Можетъ ли демократія быть честна? вотъ вопросъ, который задаютъ себѣ американскіе граждане", говоритъ Стеффенсъ, сопоставляя рядъ подобныхъ фактовъ.

Въ послѣдніе годы, въ Соединенныхъ Штатахъ началась энергичная борьба противъ этой язвы, пустившей уже глубокіе корни въ американскіе нравы и противъ группы дѣльцовъ-мошенниковъ, живущихъ и богатѣющихъ на счетъ государственной и общественной казны, ведется энергическая кампанія журналистами и частными лицами.

Разоблаченія, которыми полна вышеупомянутая книга Стеффенса и сочиненія другихъ современныхъ американскихъ писателей,—ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что обнаружилось за послѣднее время въ Санъ-Франциско.

Столица Калифорніи существуетъ не много болѣе 50 лѣтъ. Еще въ 1846 г. это былъ незначительный портъ, принадлежавшій Гудзонской компаніи, но въ этомъ году американцы обратили вниманіе на чрезвычайно выгодное географическое положеніе бухты, при которой лежало поселеніе, и оно стало такъ быстро развиваться, что въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ число его жителей увеличилось въ шесть разъ; городъ сталъ рости еще быстрѣе, когда въ 1848 г.,

по сосѣдству съ портомъ были открыты въ Сіерра-Невадѣ богатыя золотыя розсыпи. Какъ только объ этомъ разнеслась вѣсть, изъ Европы хлынулъ въ новое американское Эльдорадо потокъ переселенцевъ и въ пять лѣтъ, съ 1849—1854 г., на мѣстѣ прежнихъ лачугъ возникъ монументальный городъ съ 60.000 жителей, у которыхъ была одна мысль: нажить деньги (make money). Поэтому въ члены городскаго управленія, въ главѣ котораго стояли мэръ и альдермены, выбирали всевозможныхъ искателей, которые либо щедрѣе другихъ угощали выборщиковъ спиртными напитками, либо паясничали передъ толпою, добиваясь популярности. Съ теченіемъ времени эти рыцари темной наживы распались на двѣ партіи, изъ коихъ одна хотѣла мирно работать и богатѣть, а другая продолжала грабить и убивать. Ожесточенная борьба, завязавшаяся между ними, ознаменовалась крупными волненіями, во время которыхъ едва не погибли въ пламени роскошные дворцы и отели милліонеровъ. Наконецъ, пять лѣтъ тому назадъ, подъ давленіемъ трудящихся классовъ, было рѣшено издать для Санъ-Франциско новую хартію, первымъ послѣдствіемъ которой должно было явиться оздоровленіе города въ соціальномъ отношеніи.

Напрасная надежда. Городское управленіе снова попало въ руки дѣльцовъ и политикановъ, которые открыто нарушаютъ законъ и покровительствуютъ воровству и грабежамъ.

Во главѣ этихъ лицъ стоитъ извѣстный „дѣлецъ“ (boss) Руефъ, величайшій циникъ, относящійся съ презрѣніемъ къ общественному мнѣнію; ему сильно повинуются мэръ и альдермены; отъ него находятся въ зависимости судъ, полиція и всѣ остальныя отрасли общественнаго управленія. Такимъ образомъ, онъ является безконтрольнымъ хозяиномъ Санъ-Франциско и, благодаря ему, муниципальное управленіе этого города представляетъ собою настоящее разбойничье гнѣздо. Никакое мѣсто, какъ бы ничтожно оно ни было, не дается безъ его согласія, никакая ассигновка, какъ бы незначительна она ни была, не выдается безъ его утвержденія, при чемъ онъ взимаетъ за все болѣе или менѣе значительную плату, такъ что городское управленіе гор. Санъ-Франциско уподобляется чудовищной піявкѣ, высасывающей кровь изъ горожанъ; выгодами отъ всѣхъ этихъ продѣлокъ пользуется, главнымъ образомъ, одинъ человѣкъ: „дѣлецъ“ Руефъ. Преданный ему душой и тѣломъ мэръ города, Шмитцъ, поддерживаетъ его грозной силой рабочихъ синдикатовъ; деспотизмъ этихъ синдикатовъ, дѣйствующихъ за-одно съ городскимъ управленіемъ, виситъ надъ городомъ, послѣднія пятнадцать лѣтъ, подобно дамоклову мечу. Предъявляя всевозможныя требованія, которыя поддерживаются забастовками, эти синдикаты наносятъ огромный ущербъ промышленности.

Исторія этихъ забастовокъ и стачекъ весьма поучительна; она доказываетъ, что, когда въ республикѣ рабочая партія является не защитницей соціальныхъ интересовъ и двигательницей соціальнаго прогресса, а служитъ оружіемъ въ рукахъ тѣхъ лицъ, кои только стремятся эксплоатировать силу, то она этимъ вредитъ себѣ не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ.

Первая большая забастовка въ Санъ-Франциско была забастовка литейщиковъ. Она продолжалась два года; фабриканты держались стойко такъ же, какъ рабочіе. Къ забастовкѣ примкнули ломовые извозчики, кондуктора, синдикаты рабочихъ торговаго флота и т. д. Вслѣдствіе закрытія заводовъ свыше 30.000 рабочихъ остались продолжительное время безъ работы и многіе изъ нихъ стали на работу на худшихъ, нежели прежде, условіяхъ. Забастовка сопровождалась убійствами, поджогами и всевозможными звѣрствами со стороны забастовщиковъ, противъ которыхъ полиція оказалась безсильна.

Во всѣхъ этихъ волненіяхъ чувствовалась рука мэра Шмитца, котораго подстрекалъ Руефъ.

Невольно рождается вопросъ, что побуждало этихъ лицъ вызывать столь обостренныя отношенія, доведшія фабрикантовъ до огромныхъ потерь, а рабочихъ до нищеты и голода? Отвѣтить на это нетрудно. Всякій „дѣлецъ“ и политиканъ заботится исключительно о поддержаніи своего вліянія, которое можетъ быть обезпечено только въ томъ случаѣ, когда онъ можетъ располагать на муниципальныхъ выборахъ абсолютнымъ большинствомъ голосовъ, чтобы проводить въ городское управленіе своихъ сторонниковъ.

Для достиженія этой цѣли онъ имѣетъ вражду между фабрикантами и рабочими, подстрекаетъ послѣднихъ къ забастовкамъ, поддерживаетъ забастовщиковъ на средства забастовочнаго фонда, подыскиваетъ адвокатовъ, которые берутся защищать ихъ, а въ нужный для него моментъ оплачиваетъ этихъ недовольныхъ и озлобленныхъ людей, которыхъ онъ самъ подстрекалъ къ борьбѣ, создаетъ изъ нихъ цѣлую армію, которая идетъ, какъ одинъ человѣкъ туда, куда онъ ей прикажетъ, и дѣйствуетъ по его указкѣ.

Дѣятельнымъ помощникомъ Руефа является мэръ г. Санъ-Франциско, Шмитцъ, который по новой хартіи имѣетъ огромную власть. Отъ него зависитъ назначеніе всѣхъ служащихъ въ городское управленіе.

Вотъ нѣсколько примѣровъ того, какимъ путемъ дѣйствуютъ эти и имъ подобныя лица и какъ они наживаютъ деньги.

Въ Санъ-Франциско, несмотря на строгое запрещеніе закона, процвѣтаютъ азартныя игры, тайные игорные притоны содержатся въ одномъ изъ кварталовъ города китайцами, которые платятъ Руефу

за укрывательство 2.000 долларовъ въ недѣлю, т. е. болѣе полмилліона въ годъ. Мэръ, дѣлая видъ, что ему объ этомъ ничего неизвѣстно, посылаетъ еженедѣльно производить обыскъ въ подозрительномъ кварталѣ. Полицейскіе появляются въ игорныхъ домахъ, но никогда не застаютъ тамъ ни игроковъ, ни картъ, ни даже традиціонныхъ зеленыхъ столовъ. Руефъ, предупрежденный мэромъ о томъ, въ которомъ часу будетъ произведенъ обыскъ, сообщаетъ это по телефону содержателю игорнаго дома, а разъ что никакихъ вещественныхъ уликъ не найдено, кто же осмѣлится привлечь его къ суду?

Такимъ образомъ, полмилліона франковъ остается въ карманѣ Руефа, который дѣлится съ мэромъ и другими сообщниками.

Страсть ко всякаго рода азартнымъ играмъ въ крови жителей Санъ-Франциско съ самаго основанія этого города. Пріѣзжему стоитъ только спросить у перваго встрѣчнаго (хотя бы у полицейскаго), гдѣ находится по близости игорный домъ, и ему тотчасъ укажутъ таковой. Мелкіе служащіе, получающіе грошовое жалованье, тратятъ добрую его половину на азартную игру и на разные пари, кончая нерѣдко жизнь самоубійствомъ.

Состязанія, устраиваемыя атлетическими клубами, пользуются огромными успѣхами только потому, что это даетъ возможность держать пари за того или другаго борца. Листки спортменскихъ обществъ расходятся въ тысячахъ экземпляровъ, и все это поощряется городскимъ управленіемъ, такъ какъ это доставляетъ доходъ мэру и Руефу и помогаетъ имъ набивать свой кошелекъ.

Они получаютъ, кромѣ того, до 50.000 долларовъ въ годъ отъ проституціи. Въ томъ же китайскомъ кварталѣ построенъ огромный, четырехъэтажный домъ съ 150 комнатами, на подобіе извѣстныхъ „чайныхъ домовъ“. Этотъ „дворецъ проституціи“, пользующійся особымъ покровительствомъ мэра, потому что онъ „централируетъ“, по его словамъ, „надзоръ за этимъ соціальнымъ бичемъ“, не могъ бы существовать, если бы судьи не были такъ же продажны, какъ и прочія должностныя лица. Всѣ жалобы, предъявляемыя къ владѣльцу этого дома, остаются неудовлетворенными, такъ какъ ни самъ владѣлецъ, ни его имущество не могутъ быть арестованы, по той причинѣ, что „онъ проживаетъ въ Мексикѣ“ и, слѣдовательно, „недосягаемъ“ для правосудія. Такимъ образомъ развратъ процвѣтаетъ подъ покровительствомъ самого муниципалитета.

Немалый доходъ доставляетъ „дѣльцамъ“ также продажа порнографическихъ открытыхъ писемъ. Разумѣется, эта торговля строго запрещена закономъ; противъ него энергично возстаютъ пресса, разныя духовныя конгрегаціи и проповѣдники, но городское управленіе, объявляя себя „защитникомъ общественной нравственности“, не при-

нимаетъ никакихъ мѣръ, чтобы воспретить выставку самыхъ безобразныхъ порнографическихъ картинокъ, которыя лежатъ въ витринахъ писчебумажныхъ и иныхъ магазиновъ, чуть не у дверей школы; существуютъ даже спеціальные, всѣмъ доступные магазины, торгующіе этимъ товаромъ.

Продажная администрація Санъ-Франциско имѣетъ еще одинъ источникъ дохода—это, такъ называемые, „подземные гроты" — мѣсто оргій и разврата, превосходящее все, что намъ извѣстно о знаменитомъ кварталѣ древняго Рима Suburana, который населяли: гладіаторы, мимы, цирюльники, воры, мошенники, вообще подонки общества. Эти „гроты" принадлежатъ къ такъ называемымъ „Concert-halls", концертнымъ заламъ, въ нижнемъ этажѣ коихъ они помѣщаются. Не далѣе, какъ въ началѣ истекшаго года въ Farwell Street'ѣ помѣщался такой притонъ, подъ названіемъ Бельведеръ, въ которомъ происходили столь гнусныя ночныя оргіи, что самъ Шмитцъ былъ вынужденъ закрыть его. Но другія, подобныя же заведенія процвѣтаютъ по-прежнему по сосѣдству.

Изъ этого бѣглаго очерка видно, что мошенничество и эксплоатація населенія организованы въ Соединенныхъ Штатахъ удивительно искусно, и это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока избирательныя урны будутъ находиться въ распоряженіи всесильныхъ „дѣльцовъ", которые проводятъ въ городское управленіе угодныхъ имъ кандидатовъ.

Время отъ времени имъ приходится жертвовать кѣмъ-нибудь изъ своихъ клевретовъ, чтобы опровергнуть распространенное мнѣніе, что „муниципальные выборы представляютъ изъ себя не что иное, какъ болѣе или менѣе ловкіе фокусы".

Такъ, напр., въ истекшемъ 1905 году, разыгралась слѣдующая исторія: адвокатъ Уилэнъ и его сынъ, заподозривъ Маестретти, правую руку мэра, въ томъ, что онъ допускалъ при выборахъ злоупотребленія, рѣшили наблюдать за урнами и вскорѣ убѣдились, что ихъ подозрѣнія правильны.

Двое довѣренныхъ лицъ Маестретти, Виманъ и Стеффенсъ, на глазахъ Уилэна положили въ урну каждый по два бюллетеня, одинъ за себя, а другой за подставное лицо. Пойманные съ поличнымъ, они должны были сознаться въ своей продѣлкѣ, и ихъ пришлось волей-неволей посадить въ тюрьму.

Другая креатура „дѣльцовъ", Эдвардъ Смитъ, похитившій изъ городской кассы 400.000 фр., помѣстилъ ихъ въ банкѣ, откуда онъ черпалъ ихъ деньги, не стѣсняясь. Онъ избѣгнулъ бы, вѣроятно, всякаго наказанія, если бы въ ту сессію во главѣ присяжныхъ не стоялъ человѣкъ высокой честности. Смитъ былъ приговоренъ на десять лѣтъ въ каторжныя работы.

Приведенные выше и многіе другіе факты всѣмъ извѣстны, о нихъ много писали въ калифорнійскихъ журналахъ, но многое остается необнаруженнымъ и безнаказаннымъ.

Въ послѣднее время произвело не мало шуму дѣло о похищеніи документовъ изъ статистическаго бюро министерства земледѣлія.

Въ это бюро доставляются свѣдѣнія о состояніи урожая. Свѣдѣнія эти считаются секретными. Сообщая ихъ спекуляторамъ, можно вліять на операцію торговой биржи, напр., на цѣны хлопка, и вызывать этимъ пагубную для рынка спекуляцію.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1905 года одинъ служащій въ бюро статистическаго отдѣла былъ уволенъ статсъ-секретаремъ Вильсономъ за кражу документовъ, которые были имъ сообщены маклерамъ. Произведенное, по требованію президента Рузевельта, строжайшее слѣдствіе обнаружило, что подобнаго рода сообщенія дѣлались за послѣдніе годы такъ часто, что они приняли характеръ вполнѣ организованныхъ правильныхъ сношеній между маклерами и служащимъ въ городскомъ управленіи.

Несмотря на все стараніе Рузевельта, дѣло было замято, но оно до того взволновало общество, что правительство поспѣшило заявить, что для устраненія подобныхъ злоупотребленій немедленно будетъ приступлено къ самымъ широкимъ реформамъ.

Скандалы, обнаруженные въ Сапъ-Франциско, не представляютъ, какъ мы уже говорили, ничего исключительнаго; подобныя же злоупотребленія встрѣчаются во всѣхъ штатахъ. Въ подтвержденіе этого можно было бы привести рядъ фактовъ, которые сообщаются въ изслѣдованіяхъ о современномъ политическомъ строѣ Соединенныхъ Штатовъ, но достаточно будетъ сказать, что изъ сорока пяти штатовъ язва эта не коснулась только восьми штатовъ, въ остальныхъ же тридцати семи она пустила глубокіе корни.

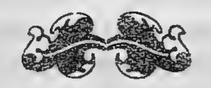
Вотъ краткій перечень фактовъ только за истекшій годъ, который можетъ подать поводъ къ столь печальному выводу:

Въ Арканзасѣ пять сенаторовъ преданы одновременно суду за то, что они торговали своими голосами, при чемъ президентъ сената уличенъ въ томъ, что онъ получилъ за это 30.000 франковъ. Въ Калифорніи четыре сенатора, состоявшіе въ слѣдственной коммиссіи по исполненію общественныхъ работъ, уличены въ томъ, что они брали взятки по 250 долларовъ. Они потеряли мѣста, и одинъ изъ нихъ приговоренъ въ іюлѣ мѣсяцѣ прошлаго года къ тюремному заключенію на пять лѣтъ. Въ Индіанѣ кассиръ коммерческаго банка пустилъ себѣ пулю въ лобъ, когда въ кассѣ былъ обнаруженъ недочетъ въ полмилліона долларовъ. Въ Канзасѣ, при ревизіи книгъ государственнаго казначейства, обнаружено, что казначей спекулировалъ на казен-

ныя деньги, помѣщая ихъ въ частные банки и пользуясь на нихъ процентами. Въ Новомъ Орлеанѣ обнаружено участіе полиціи въ содержаніи публичныхъ домовъ. Въ Миссури казначей одного пріюта бѣжалъ, похитивъ 200.000 франковъ. Въ Небраскѣ сенаторъ раздавалъ за извѣстное вознагражденіе мѣста въ почтовомъ вѣдомствѣ и т. д., и т. д.

Въ нѣкоторыхъ штатахъ взяточничество и продажность служащихъ представляютъ явленіе столь заурядное, что ихъ преслѣдуютъ только въ случаѣ какихъ-либо особенныхъ злоупотребленій. Не проходитъ мѣсяца, чтобы не былъ обнаруженъ какой-нибудь новый скандалъ, и граждане Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ невольно задаютъ себѣ вопросъ, могутъ ли эти Авгіевы конюшни быть когда-либо очищены такъ, чтобы это вопіющее зло было сведено до минимальныхъ размѣровъ.

Есть люди, которые твердо вѣрятъ, что это возможно, если только будутъ приняты энергичныя мѣры, но пока зло прогрессируетъ, и наиболѣе видные политическіе дѣятели Соединенныхъ Штатовъ, пользующіеся репутаціей безупречной честности, разбираясь въ причинахъ этого явленія, полагаютъ вмѣстѣ съ президентомъ Рузевельтомъ, что въ распространеніи этой пагубной язвы, разъѣдающей великую республику, виноваты Морганы, Роксфеллеры и тому подобные милліардеры, которые „привили американцамъ страсть къ наживѣ во что бы то ни стало и какими бы то ни было путями“. Эти люди совершили великое преступленіе передъ своей родиной, и по мнѣнію компетентныхъ лицъ, для Соединенныхъ Штатовъ наступитъ эра возрожденія только тогда, когда общество предастъ этихъ рыцарей легкой наживы суду и когда они должны будутъ дать отчетъ въ своей пагубной дѣятельности, которую они думаютъ прикрыть, жертвуя огромныя суммы на церкви, школы, музеи и библіотеки

Изъ Архивныхъ мелочей.

Прошеніе А. К. Брюллова кн. П. М. Волконскому. Государь императоръ благоволилъ осчастливить меня, крестивъ моихъ дѣтей.

25-го сего апрѣля родилась у меня дочь, почему смѣю просить вашу свѣтлость, если возможно и нынѣ испросить милость его величества быть пріемникомъ при крещеніи. Александръ Брюлловъ.

30-го апрѣля 1850 года.

Внизу рукой кн. Волконскаго: высочайшаго соизволенія не послѣдовало, потому что по отдѣлкѣ Константиновскаго дворца открываются весьма большія неисправности и что его величество изволитъ крайне удивляться небрежности г. Брюллова въ исполненіи сдѣланнаго ему порученія.

1-го мая 1550 года.

Всеподданнѣйшее прошеніе Л. Асенковой [1]. Ваше императорское величество!

Вамъ пишетъ дѣвушка, бѣдная, не имѣющая никакого права на высокое вниманіе государя, но движимая надеждою, что письмо ея достигнетъ цѣли, хотя бы потому только, что она сестра артистки Асенковой, которая при жизни своей была неоднократно осчастливлена милостями вашего величества.

Государь! У меня нѣтъ, какъ у покойной сестры моей, таланта, который бы далъ мнѣ возможность пріобрѣсть имя артистки, но у меня, какъ у всякой женщины, есть сердце, умѣющее любить. Между тѣмъ, женихъ мой, коллежскій секретарь Ленцъ (служащій въ горномъ департаментѣ министерства финансовъ) также человѣкъ безъ всякаго состоянія и безъ всякой возможности вести жизнь женатаго человѣка.

---

[1] На верхнемъ полѣ первой страницы рукою кн. П. М. Волконскаго: Высочайше повелѣно напередъ узнать о поведеніи просительницы и гдѣ воспитывалась. 5-го марта 1850 г. Ниже, карандашемъ: Выдано въ пособіе 150 р.

Положеніе мое грустно, безотрадно. Вся надежда моя на васъ, государь! Имя покойной сестры моей, которое ношу я, и чувство, которымъ полно мое сердце, подали мнѣ мысль прибѣгнуть къ вашему величеству. Дерзость моя велика, но велико и милосердіе монарха, на которое, послѣ Бога, единственно уповаю.

Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшая раба

Любовь Асенкова.

8-го марта 1850 года.

Жительство имѣю: въ Колокольной улицѣ, близъ Владимірской церкви, въ домѣ Зиминой, № 135/6.

Всеподданнѣйшее прошеніе императору Павлу I. Всеавгустѣйшій монархъ, всемилостивѣйшій государь!

Знаемъ вашего императорскаго величества великодушное и благотворящее сердце, человѣколюбіемъ, щедротами и милосердіемъ наполненное, (и) припадаемъ къ стопамъ вашего императорскаго величества.

Вѣдаемъ, что одно дерзновеніе наше трудить вашего величества можетъ приписано быть въ преступленіе, но и то знаемъ, что, гдѣ владычествуетъ милосердіе, тамъ вещи совсѣмъ другой видъ пріемлютъ на себя, поелику мы осмѣливаемся трудить вашего величества нижайшею нашею просьбою о вызволеніи насъ изъ рабства.

Мы—націи калмыцкой—находимся во ономъ титлѣ, которое для насъ несноснѣе смерти, отцы наши, давши на себя господамъ вѣчную кабалу, въ вѣчное владѣніе, чрезъ что мы, дѣти ихъ, страдаемъ въ рабствѣ. Нѣсколько сотъ человѣкъ въ Россіи таковыхъ, изъ коего числа нѣкоторые бъ могли несть воинскую службу, и есть рвеніе быть во оной, поелику и природа насъ симъ искусствомъ одарила.

Но мы себя тѣмъ паче несчастными считаемъ, что нѣтъ милостиваго вашего императорскаго величества указу на сіе, чтобъ свободнымъ быть отъ рабства и носить воинскую службу. Сіе бъ мы почли за верхъ своего счастія.

Вышній Датель всѣхъ благъ обратитъ око вашего императорскаго величества на сіе наше нижайшее прошеніе, да и обратитъ и великодушное вашего величества сердце, человѣколюбіемъ, милосердіемъ и великодушіемъ наполненное, къ ниспосланію на насъ вашего величества покровительства и защиты.

Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ.

Боюсь объявить о себѣ.

Москва. 1797 года, февраля 12-го дня.

Письмо Ѳ. А. Бурдина гр. В. Ѳ. Адлербергу [1]). Ваше сіятельство, милостивый государь Владиміръ Ѳеодоровичъ!

Зная вашу постоянную истинно-отеческую заботливость обо всѣхъ, кто имѣетъ счастіе служить подъ начальствомъ вашимъ, я принимаю смѣлость обратиться къ вашему сіятельству со всепокорнѣйшею просьбою.

Благодаря милостивому вниманію вашего сіятельства къ артистамъ вообще, я имѣлъ счастіе получить отъ васъ разрѣшеніе на шестимѣсячную поѣздку за границу, для обозрѣнія лучшихъ иностранныхъ сценъ и усовершенствованія себя въ искусствѣ, которому служу.

Имѣя небольшія средства, доставленныя мнѣ бенефисомъ, я не просилъ вспомоществованія, зная, что это могло затруднить дирекцію императорскихъ театровъ.

Въ продолженіе моего отпуска я обозрѣлъ лучшія сцены Германіи, Италіи и Франціи, пользовался совѣтами нѣкоторыхъ знаменитыхъ артистовъ и надѣюсь, что, обогащенный новыми свѣдѣніями въ искусствѣ, я буду полезнѣе прежняго императорскому театру, о постоянномъ же рвеніи моемъ къ дѣлу засвидѣтельствуетъ, въ томъ я не сомнѣваюсь, мое непосредственное начальство.

Но, желая серьезнѣе изучить свое дѣло, я на мою поѣздку истратилъ все, что имѣлъ, и нахожусь теперь въ крайне стѣсненномъ положеніи.

Я не прошу вспомоществованія, хотя другіе артисты, какъ напримѣръ, г. Самойловъ и г-жа Левкѣева, и получили его. Прошу только всепокорнѣйше ваше сіятельство разрѣшить мнѣ выдачу моего жалованья за время моего отпуска. Для дирекціи эта сумма ничтожна, потому что простирается только до 300 р. сер., для меня же она не только важна, но и необходима, потому что мои средства къ жизни весьма ограничены.

Смѣю надѣяться, что ваше сіятельство благосклонно примете мою всепокорнѣйшую просьбу, исполненіе которой составляетъ для меня вопросъ о существованіи, въ настоящее время крайне стѣсненномъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашего сіятельства
всепокорнѣйшій слуга Ѳ. Бурдинъ.

Декабря 23-го дня 1856 г.

Сообщилъ **В. А. Алексѣевъ**.

[1]) На верхнемъ полѣ первой страницы письма, рукою гр. Адлерберга: Онъ очень хорошій, талантливый актеръ, и просьба его скромна. Выдать ему изъ комнатныхъ суммъ 300 рублей негласнымъ образомъ. Выдачу же жалованныхъ за прежнее время, когда не было разрѣшенія на сохраненіе ему онаго, во время отпуска, нахожу неудобнымъ. 24-го декабря 1856 г. На той же страницѣ, рукою Бурдина: Триста руб. получилъ Ѳ. Бурдинъ. 26-го декабря 1856 г.

Редакторъ-Издатель **С. Зыковъ**.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1906 г.

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ.

Записки и Воспоминанія.

Портреты.

Изслѣдованія. — Историческіе и біографическіе очерки. — Переписка. — Разсказы. Матеріалы и замѣтки.

Библіографическій листокъ.

рыхъ,—въ немъ самомъ, потому что онъ дѣлалъ промахи въ назначеніяхъ вслѣдствіе недостатка глубокихъ опредѣленій дѣла. Когда, благодаря своимъ заслугамъ, онъ дошелъ до высшаго поста и популярность его достигла крайней степени, онъ сталъ чувствовать себя слишкомъ высокимъ, а всѣ дѣла казались ему слишкомъ легкими. Кромѣ того, онъ протежировалъ при назначеніяхъ тѣмъ военнымъ и гражданскимъ чинамъ, кто раньше дѣлилъ съ нимъ горе и опасности, и кто теперь долженъ былъ воспользоваться успѣхами своей работы. Давая отвѣтственныя должности, онъ не заставлялъ себя потрудиться узнать, насколько ихъ способности отвѣчаютъ назначеніямъ. Далѣе Лихунчжанъ успѣлъ сформировать и обучить новыя войска, но онъ не зналъ основныхъ началъ стратегіи; онъ умѣлъ отыскивать средства, но онъ не имѣлъ понятія о главныхъ источникахъ этихъ средствъ: все дѣлалось у него какъ-то отчасти, незаконченно и, въ концѣ концовъ, не привело къ положительнымъ результатамъ.

Война съ Японіей послужила началомъ эпохи обновленія Китая и паденіемъ необычайной популярности Лихунчжана. Китайско-японская война возникла изъ-за Кореи, которая была вассаломъ Китая. Въ февралѣ 1876 г. корейскимъ королемъ было заключено съ Японіей соглашеніе, въ первой статьѣ котораго говорилось: „Японія признаетъ Корею самостоятельнымъ, независимымъ государствомъ, имѣющимъ равныя права съ Японіей, самостоятельной и независимой“. Съ 1882 г. всѣ государства во всѣхъ сношеніяхъ относятся къ Кореѣ уже не какъ къ вассалу Китая. Въ 1885 г. Лихунчжанъ съ маркизомъ Ито Хиробуми заключили въ Тянцзинѣ соглашеніе, въ которомъ ясно опредѣлили, что, на случай какихъ-либо затрудненій въ Кореѣ,—обязуются не отправлять въ Корею своихъ войскъ безъ предварительнаго взаимнаго оповѣщенія объ этомъ. Этимъ самымъ Корея ставилась какъ бы подъ протекторатъ двухъ государствъ, что повело къ пререканіямъ, вызвавшимъ войну 1894 г.

Военныя дѣйствія зимой 1894 г. приняли такой оборотъ, что Китаю оставался одинъ исходъ: обратиться съ предложеніемъ о мирѣ. Для переговоровъ былъ назначенъ Лихунчжанъ. 24 февраля 1895 г. онъ прибылъ въ Симоносеки и началъ переговоры съ японскими уполномоченными. 28 февраля, въ то время, когда Лихунчжанъ возвращался съ 3-го засѣданія уполномоченныхъ, на него было сдѣлано въ пути неожиданное покушеніе, и револьвернымъ выстрѣломъ онъ былъ раненъ въ лѣвую щеку. Пуля глубоко проникла подъ лѣвый глазъ; нѣсколько времени Лихунчжанъ лежалъ безъ чувствъ. Японскія власти, при извѣстіи объ этомъ, одинъ за другимъ прибыли для выраженія соболѣзнованія. Консиліумъ докторовъ для благопріятнаго исхода лѣченія раны призналъ необходимымъ извлечь пулю и требовалъ, чтобы больному данъ былъ продолжительный отдыхъ и спокойствіе. Но Лихунчжанъ, услышавъ это, съ воодушевленіемъ сказалъ: „положеніе государства критическое; нельзя ни минуты медлить съ мирнымъ договоромъ. Какъ я смѣю затягивать время, упуская изъ виду интересы моего отечества? Лучше умереть, чѣмъ позволить извлекать пулю“. Тотчасъ послѣ покушенія Лихунчжаномъ было получено выраженіе высочайшей горести и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало назначеніе Лицзинфана уполномоченнымъ. Но Лихунчжанъ все-таки рѣшалъ всѣ вопросы самолично. Несмотря на то, что онъ раненый лежалъ въ постели, онъ диктовалъ свои рѣшенія и сильно смущалъ докторовъ. 7-го марта ему были присланы готовыя условія мирнаго договора; 10-го онъ изготовилъ отвѣтъ на нихъ, изложивъ важнѣйшіе пункты своихъ условій въ видѣ отвѣта на 4 положенія о самостоятельности Кореи, о территоріальныхъ уступкахъ, вознагражденіи и урегулированіи торговыхъ интересовъ.

Лихунчжана можно охарактеризовать кратко слѣдующими словами: слабая сторона его—это отсутствіе широкаго образованія и нерѣшительность на совершеніе поступковъ выше обычныхъ человѣческихъ понятій; положительная сторона его характера—небоязнь трудовъ и лишеній и безстрашіе передъ клеветой.

Лихунчжанъ безусловно достоинъ славы выдающагося человѣка, но онъ не былъ знакомъ съ государственнымъ механизмомъ, не уяснилъ себѣ идею государства, не зналъ соотношенія между государствомъ, какъ цѣлымъ, и правительствомъ, не зналъ объ отвѣтственности министровъ; былъ знатокомъ военнаго дѣла, но не зналъ, что значитъ управлять народомъ; былъ прекрасный дипломатъ, но не умѣлъ руководить внутренней политикой; онъ зналъ царствующій домъ, но не зналъ всей націи; постоянно упрекалъ людей въ незнакомствѣ съ сутью дѣла, а первый не понималъ ея.

Умеръ Лихунчжанъ 27 сентября 1902 г. въ Пекинѣ, на 78 году жизни. Въ обнародованномъ по случаю его смерти высочайшемъ актѣ, между прочимъ, значится: „и пусть будетъ тебѣ по смерти имя „Вэнчжунъ“ (безупречный и преданный). Пусть будетъ тебѣ вслѣдъ даровано званіе „Тайфу“ (великаго наставника) и титулъ маркиза первой степени. Имя же твое да внесется въ храмъ Сянлянсы“.

Н. К-ш-ъ.

Редакторъ-издатель **С. Зыковъ**.

